

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 4 (24)

2016

BULLETIN

OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER
OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 4 (24)

2016

Научный журнал
ВЕСТНИК БНЦ СО РАН

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Бурятский научный центр СО РАН»

Главный редактор
академик РАН Б. В. Базаров

Редакционный совет

акад. РАН Б. В. Базаров – председатель
к.и.н. А. В. Дамдинов
акад. РАН А. П. Деревянко
д.и.н., проф. Е. И. Зеленев
чл.-кор. РАН Н. Н. Крадин
чл.-кор. РАН В. А. Ламин
д.и.н., проф. Е. И. Лиштованный
акад. РАН В. И. Молодин

чл.-кор. РАН В. В. Наумкин
д.мед.н., проф. С. М. Николаев
д.и.н. И. Ф. Попова
д.т.н., проф. А. П. Семенов
д.хим.н., проф. В. В. Хахинов
акад. РАН А. К. Тулохонов
д.б.н., проф. Л. Л. Убугунов
акад. АНМ Т. Дорж

Редакционная коллегия

д.фарм.н., проф. Т. А. Асеева
к.ф.н., доц. Л. Д. Бадмаева
к.и.н. Г. Д. Базарова
д.и.н., проф. М. Н. Балдано
к.и.н. В. Ю. Башкуев – ученый секретарь
д.и.н., проф. Ц. П. Ванчикова
к.б.н. И. К. Дамбуева
д.ф.н. Л. С. Дампилова
д.э.н., проф. З. Б.-Д. Дондоков

д.ф.н. Г. А. Дырхеева
д.и.н., проф. Ю. А. Зуляр
д.и.н., проф. С. И. Кузнецов
д.и.н., проф. Л. В. Курас – отв. ред.
д.филос.н., проф. С. Ю. Лепехов
д.э.н. А. С. Михеева
д.и.н. А. М. Плеханова – зам. отв. ред.
к.и.н. С. Чулуун
д.филос.н., проф. Л. Е. Янгутов

Журнал включен в систему РИНЦ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-62112 от 17 июня 2015 г.

ISSN 2222-9175

www.bscnet.ru/vestnik/

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Бурятский научный центр СО РАН», 2016
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2016

Scientific journal
BULLETIN OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER OF SB RAS

Founder

Federal State Budgetary Institution of Science
“The Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”

Academician of the RAS B.V. Bazarov

Editorial board

Academician of the RAS B. V. Bazarov – chairman

Cand. Sc. in history A. V. Damdinov

Academician of the RAS A. P. Derevyanko

D. Sc. in history, Prof. E. I. Zelenev

Corresponding member of the RAS N. N. Kradin

Corresponding member of the RAS V. A. Lamin

D. Sc. in history, Prof. E. I. Lishtovanny

Academician of the RAS V. I. Molodin

Corresponding member of the RAS V. V. Naumkin

D. Sc. in medicine, Prof. S. M. Nikolaev

D. Sc. in history I. F. Popova

D. Sc. in technical sciences, Prof. A. P. Semenov

D. Sc. in chemistry, Prof. V. V. Khakhinov

Academician of the RAS A. K. Tulokhonov

D. Sc. in biology, Prof. L. L. Ubugunov

Academician of the Mongolian Academy of Sciences

T. Dorj

Editors

D. Sc. in pharmacology, Prof. T. A. Aseeva

Cand. Sc. in philology, Assoc. prof. L. D. Badmaeva

Cand. Sc. in history G. D. Bazarova

D. Sc. in history, Prof. M. N. Baldano

Cand. Sc. in history V. Yu. Bashkuev – scientific secretary

D. Sc. in history, Prof. Ts. P. Vanchikova

Cand. Sc. in biology I. K. Dambueva

D. Sc. in philology L. S. Dampilova

D. Sc. in economics, Prof. Z. B.-D. Dondokov

D. Sc. in philology G. A. Dyrkheeva

D. Sc. in history, Prof. Yu. A. Zulyar

D. Sc. in history, Prof. S. I. Kuznetsov

D. Sc. in history, Prof. L. V. Kuras – executive editor

D. Sc. in philosophy, Prof. S. Yu. Lepekhov

D. Sc. in economics A. S. Mikheeva

D. Sc. in history A. M. Plekhanova –

deputy executive editor

Cand. Sc. in history S. Chuluun

D. Sc. in philosophy, Prof. L. E. Yangutov

The journal is included into Russian Science Citation Index

*The edition is registered in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media*

Mass media registration certificate III № ФС77-62112 of 17 June 2015

www.bscnet.ru/vestnik/

ISSN 2222-9175

© Federal State Budgetary Institution of Science
“The Buryat Scientific Center of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences”, 2016
© Buryat Scientific Center of SB RAS Press, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная хроника

Информационное сообщение.....9

Археология. Этнография

<i>Коновалов П. Б.</i> Пятьдесят пять лет археологии Бурятского научного центра СОРАН (ч. 2).....	10
<i>Коновалов П. Б., Именохоев Н. В.</i> Об археологических исследованиях Э. Р. Рыгдылона.....	13
<i>Нанзатов Б. З.</i> Кударинские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение	20
<i>Цыденова Н. В.</i> Палеогенетический аспект формирования древнего населения Байкальского региона (к постановке проблемы).....	29

История

<i>Башкуев В. Ю.</i> Формирование российской государственной медицины и статус традиционных практик врачевания кочевых народов Центральной и Внутренней Азии (XVIII – начало XX в.).....	38
<i>Туужекова В. Н.</i> Социальные проблемы современного города (на материалах г. Абакана).....	49

Буддология

<i>Аюшеева Д. В.</i> Буддийская созерцательная традиция и современная наука.....	55
<i>Донец А. М.</i> Махаянская концепция буддийского Учения.....	61
<i>Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В.</i> «Сокровищница трех учений» – новый источник по истории Цугольского дацана.....	68
<i>Хун Сюпин.</i> Синтез сюаньсюэ и буддизма, шесть школ и семь направлений и вклад сочинения Сэн Чжао «Чжао лунь». Ч. 2. Шесть школ и семь направлений и вклад сочинения Сэн Чжао «Чжао лунь».....	78
<i>Нагуслаева Е. А.</i> Буддизм и религиозная политика КПК в период «реформ и открытости».....	90
<i>Жамсуева Д. С.</i> Буддийское духовенство в контексте истории культуры бурят	99

Китай

<i>Вуль Н. А.</i> Интеграция китайских военных кругов в политических процессах на рубеже XIX–XX вв.....	106
--	-----

Экономические исследования

<i>Воропай Н. И., Санеев Б. Г., Соколов А. Д., Музычук С. Ю., Корнеев А. Г.</i> Роль топливно-энергетического потенциала Байкальского региона в реализации стратегических приоритетов его социально-экономического развития.....	114
<i>Дондоков З. Б.-Д., Борисов Г. О.</i> О межрегиональном взаимодействии в использовании гидроэнергетических ресурсов бассейна оз. Байкал.....	121
<i>Иванов С. А., Батухтин А. Г., Кобылкин М. В.</i> Теплофикация в условиях существующих экономических отношений.....	125
<i>Борисов Г. О.</i> Этапы становления электроэнергетики Бурятии, проблемы и перспективы ее развития.....	129
<i>Дондоков З. Б.-Д.</i> О мониторинге реализации документов стратегического планирования Республики Бурятия.....	138

Социология

<i>Башкуева Е. Ю.</i> Оценка качества функционирования сельского здравоохранения Республики Бурятия (по материалам экспедиционного обследования Заиграевского района).....	143
--	-----

Формирование (био)фармкластера в Республике Бурятия

<i>Плеханов А. Н., Дамбаев А. Б.</i> Опыт применения препарата уропрофит в комплексном лечении инфекций мочевыводящих путей.....	149
--	-----

Физические исследования в БНЦ СО РАН

<i>Никифоров С. О., Мархадаев Б. Е., Никифоров Б. С., Шолохов Е. С.</i> Технология 2D- и 3D-печати, 3D-принтеры.....	156
--	-----

Критика и библиография

<i>Миткинов М. К.</i> Краткая библиография трудов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Период «Октябрьская революция, гражданская война и становление государственности Бурятской АССР».....	164
<i>Цыденова Н. В.</i> Центральная Азия в исторической ретроспективе.....	167
<i>Атанов Н. И.</i> Промышленная модернизация Забайкалья: исторические параллели.....	170
<i>Голенкова З. Т.</i> Социологический анализ трансграничных обществ Байкальского региона.....	174
<i>Дугаров В. Д., Кузьмин Ю. В.</i> Полвека консульской службы России в Монголии: 1861–1917 гг.....	177
<i>Лиштованный Е. И.</i> О капитализме с монгольской спецификой.....	182
<i>Лиштованный Е. И.</i> Монголия 1932 года: «народное восстание» или «заговор верхушки феодалов и лам».....	185
<i>Хабдаева А. К.</i> Актуальные вопросы современной буддологии.....	188

Научная жизнь

<i>Лыскокова В. Ц., Базарова Г. Д.</i> Хроника событий и фактов о Бурятском научном центре СО РАН. Ч. 2. Совершенствование научных учреждений центра. Наука в условиях кризиса (1981–2000 гг.).....	194
<i>Аюшеева М. В., Базаров А. А., Ванчикова Ц. П.</i> Международный научный семинар «Буддизм и социум» (г. Улан-Удэ, 20–22 августа 2016 г.).....	211
<i>Дарибазарон Д. Э.</i> 6-й Пекинский международный семинар по тибетологии.....	215
<i>Субанакова Т. О.</i> Всероссийская молодежная школа-конференция «Моделирование и прогнозирование социо-эколого-экономического развития региона».....	216

CONTENTS

Current events

Advisory.....9

Archeology. Ethnography

<i>Konovalov P. B.</i> The 55th Anniversary of Archaeological Studies at the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (part II).....	10
<i>Konovalov P. B., Imenokhoev N. V.</i> On the Archaeological Studies of E. R. Rygdylon.....	14
<i>Nanzatov B. Z.</i> The Qudara Buryats in the 19th Century: Ethnic Composition and Settlement Pattern.....	20
<i>Tsydenova N. V.</i> Paleogenetic Aspect of Genesis of Ancient Population of the Baikal region (Towards a Problem Statement).....	30

History

<i>Bashkuev V. Yu.</i> The Making of Russian State Medicine and a Status of Traditional Healing Practices of Central and Inner Asian Nomadic Peoples (18 th – early 20 th centuries).....	38
<i>Tuguzhekova V. N.</i> Social problems of a Modern Town (Based on Materials of Abakan).....	49

Buddhology

<i>Ayusheeva D. V.</i> Buddhist Contemplative Tradition and Modern Science.....	55
<i>Donets A. M.</i> The Conception of the Mahayana Buddhist Doctrine.....	61
<i>Vanchikova Ts. P., Ayusheeva M. V.</i> “Treasury of Three Doctrines” – a New Written Source on the History of the Tsugol Datsan.....	69
<i>Hun Xupin.</i> The Synthesis of Xuanxue and Buddhism, Six Schools and Seven Directions and a Contribution of Sen Zhao’s Oeuvre “Zhao lun”. Part II. Six Schools and Seven Directions and a Contribution of Sen Zhao’s Oeuvre “Zhao lun”.....	79
<i>Naguslaeva E. A.</i> Buddhism and the Religious Policy of the CCP in the Period of “reform and opening up”.....	91
<i>Zhamsueva D. S.</i> The Buddhist Clergy in the Context of History of the Buryat Culture.....	99

China

<i>Vul N. A.</i> The Integration of Chinese Military Circles in the Political Processes, 1890s–1910s.....	106
---	-----

Economic research

<i>Voropay N. I., Saneev B. G., Sokolov A. D., Muzychuk S. Yu., Korneev A. G.</i> The Role of the Fuel and Energy Potential of the Baikal Region in the Implementation of Strategic Priorities of Socio-Economic Development.....	114
<i>Dondokov Z. B.-D., Borisov G. O.</i> Concerning Interregional Cooperation in the Use of Hydropower Resources of Lake Baikal Basin.....	121
<i>Ivanov S. A., Batukhtin A. G., Kobylkin M. V.</i> Central Heating in the Existing Economic Relations.....	126
<i>Borisov G. O.</i> The Making of Power Generating Industry in Buryatia, Problems and Prospects of Development.....	129
<i>Dondokov Z. B.-D.</i> The Implementation Monitoring of the Strategic Planning Documents of the Republic of Buryatia.....	138

<i>Bashkueva E. Yu.</i> The Assessment of Quality of Functioning of Rural Health Care of the Republic of Buryatia (Based on a Survey of Zaigraevsky District).....	143
--	-----

The Making of a Biopharmaceutical Cluster in the Republic of Buryatia

<i>Plekhanov A. N., Dambaev A. B.</i> Experience of the Preparation “Uroprofit” in Complex Treatment of Urinary Tract Infection.....	149
--	-----

Physical study

<i>Nikiforov S. O., Markhadaev B. E., Nikiforov B. S., Sholokhov E. S.</i> 2D-, 3D-Printing Technology, 3D-Printers.....	156
--	-----

Criticism and Bibliography

<i>Mitkinov M. K.</i> Concise Bibliography of the Works of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS. “The October Revolution, Civil War and the Making of Statehood in the Buryat ASSR” Period.....	164
<i>Tsydenova N. V.</i> Central Asia in the Historical Retrospect.....	167
<i>Atanov N. I.</i> Industrial Modernization in Transbaikalia: Historical Parallels.....	170
<i>Golenkova Z. T.</i> Transboundary Societies of the Baikal Region: an Outward Glance.....	175
<i>Dugarov V. D., Kuz'min Yu. V.</i> Half a Century of Russian Consular Service in Mongolia: 1861–1917.....	178
<i>Lishtovannyi E. I.</i> Concerning Mongolia-Specific Capitalism.....	182
<i>Lishtovannyi E. I.</i> The 1932 Mongolia: “Popular Uprising” or “Plot of the Feudal and Lama Bigwigs”.....	186
<i>Khabdaeva A. K.</i> Topical Issues in the Contemporary Buddhist Studies.....	188

Scientific life

<i>Lyksokova V. Ts., Bazarova G. D.</i> The Chronicle of Events and Facts on the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Part ii. Enhancement of the Scientific Institutes. Science in the Times of Crisis (1981–2000).....	194
<i>Ayusheeva M. V., Bazarov A. A., Vanchikova Ts. P.</i> International Workshop “Buddhism and Society” (Ulan-Ude, August 20–22, 2016).....	211
<i>Daribazaron D. E.</i> 6th Beijing International Seminar on Tibetan Studies.....	215
<i>Subanakova T. O.</i> The All-Russian Youth Conference “Modeling and Forecasting of Social, Ecological and Economic Development of the Region”.....	217

Официальное сообщение

В соответствии с объявлением Российской академией наук от 22 апреля 2016 года о проведении выборов академиков РАН и членов-корреспондентов РАН научными организациями, образовательными организациями высшего образования, научными советами РАН и членами РАН были выдвинуты 481 кандидат в академики РАН и 1792 кандидата в члены-корреспонденты РАН.

Общим собранием членов РАН 27–28 октября 2016 года, согласно уставу РАН, академиками РАН были избраны следующие ученые:

АКАДЕМИКИ РАН

Фамилия, имя, отчество

По специальности

Отделение историко-филологических наук РАН

на вакансию для Сибирского отделения РАН

Базаров Борис Ванданович

–

история, востоковедение

Отделение наук о Земле РАН

Тулохонов Арнольд Кириллович

–

география, водные ресурсы

Редакционный совет и редакционная коллегия «Вестника Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук» поздравляют Бориса Вандановича Базарова и Арнольда Кирилловича Тулохонова с избранием их действительными членами Российской академии наук, желают добра, благополучия и творческих успехов им и возглавляемым ими коллективам.

Академик РАН Б. В. Базаров

Академик РАН А. К. Тулохонов

УДК 902 (571.54)
ББК 63.4(2Р54)

П. Б. Коновалов

ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ АРХЕОЛОГИИ БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА СО РАН (ч. 2)*

В статье представлен 55-летний путь развития археологического подразделения в Бурятском научном центре Сибирского отделения Российской академии наук со дня появления в штате Бурятского комплексного научно-исследовательского института первых специалистов-археологов. Дан персональный обзор деятельности сотрудников по мере прихода каждого из них в БКНИИ – БИОН – ИМБТ. Прослежена история становления и расширения научной проблематики археологии Бурятии от начала изучения «кочевых» культур железного века до охвата всех разделов археологической периодизации. Освещены связи и сотрудничество с зарубежными (монгольскими) коллегами, работы по прикладной науке.

Ключевые слова: археология, региональный научный центр, академическая наука, история становления, особенности развития.

P. B. Konovalov

THE 55TH ANNIVERSARY OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES AT THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (part II)

The article describes the 55-year development path of the archaeological division at the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, since the day first archaeologists were employed by the Buryat Complex Research Institute. The author provides personal surveys of professional activities of research fellows as they appeared at the Buryat Complex Research Institute, Buryat Institute of Social Sciences and Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies. The article traces the history of the making and expansion of archaeological scientific problems in Buryatia from the early studies of the Iron Age nomadic cultures to all sections of archaeological periodization. Connections and cooperation with foreign (Mongolian) colleagues and applied sciences research are described.

Keywords: archaeology, regional scientific center, academic science, history of the making, peculiarities of development.

Внешние связи и сотрудничество

Появление археологии в БНЦ явилось следствием послевоенного мирного развития нашей страны. Когда большая наука пришла в Сибирь, было создано Сибирское отделение Академии

наук СССР. В рамках СО АН СССР были образованы Уральский, Западносибирский, Восточносибирский, Якутский и Дальневосточный филиалы, в которых получило новый импульс развитие региональных археологических исследований. В Иркутске археология сосредоточилась в госуниверситете, в Чите – в пединститу-

КОНОВАЛОВ Прокопий Батюрович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: konpb@yandex.ru.

* Продолжение. Начало см.: Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. № 3. С. 9–20.

те, в Якутске и Улан-Удэ – в новых академических учреждениях – НИИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и БКНИИ СО АН СССР. Появилась возможность профессионально и планомерно вести «археологическое освоение» своих территорий. В рамках Восточной Сибири три соседние территории – Предбайкалье, Западное Забайкалье и Восточное Забайкалье образуют историко-этнографическое единство как историческая область формирования бурятского этноса, или этнической/этнографической Бурятии. Но работы по исследованию этой области традиционно проводятся раздельно по названным территориям иркутскими, улан-удэнскими и читинскими археологами соответственно, до совместных проектов дело не доходило. Тем не менее имеются экспедиционные «вторжения» на смежную территорию соседей, так как археология не признает современных границ областей и краев. Так, читинцы, исследуя памятники долины Хилка и Чикоя, «заходили» на территорию Бурятии; иркутяне «выбирались» на памятники верховьев Витима (Бурятия), а Байкальская экспедиция Б. Б. Дашибалова, исследуя культуру курыкан, немало поработала в Приольхонье и Приангарье.

Совершенно естественным и закономерным было сотрудничество с монгольскими археологами. Занимаясь археологией Забайкалья, невозможно не выйти на памятники Монголии, которые представляют те же древние культуры, но только в пространственных и количественных макромасштабах. В 70–80-х гг. XX в. на территории Монголии работала советско-монгольская историко-культурная экспедиция, состоящая из археологов и этнографов из Москвы, Ленинграда и Новосибирска. В то время автором статьи была подготовлена докладная записка в дирекцию БИОН о необходимости поработать с монгольскими памятниками, а также личная просьба в адрес А. П. Окладникова, чьим аспирантом я был в 60-е гг., посодействовать в этом. По рекомендации А. П. Окладникова с 1981 г. в экспедицию был включен сотрудник

из БИОН как учреждения, входящего в СО АН СССР. Мне посчастливилось десять полевых сезонов (1981–1990) участвовать в совместных с монгольскими коллегами раскопках памятников эпохи бронзы, хунну и средневековья.

В постсоветский период интенсивно развивались зарубежные связи института, прежде всего с Монголией и Китаем (Внутренней Монголией). Под руководством директора Б. В. Базарова активизировались связи Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН с Институтом истории АН Монголии и Институтом кочевых цивилизаций ЮНЕСКО. В этот период заработали автономные монгольско-бурятские проекты по изучению проблем истории и культуры, адаптации и культурной трансформации народов – наследников кочевой цивилизации Центральной Азии. Кроме того, в 2007–2008 гг. П. Б. Коновалов по приглашению монголо-американской экспедиции (руководители А. Очир и Б. Миллер) работал на раскопках хуннских некрополей на Алтае в Западной Монголии [6–8]. Совместные проекты были не только бурятско-монгольскими (по раскопкам хуннского городища Тэрэлжийн, тюркского кургана Шороон дов, по работе над картой древних поселений и городов кочевников Монголии), но и российско-монгольскими. Так, раскопки киданьских городищ и поселений осуществлялись под руководством Н. Н. Крадина и А. Очира (с российской и монгольской сторон соответственно), с участием С. В. Данилова, А. Л. Ивлиева (Владивосток), С. А. Васютина (Кемерово).

Деятельность в сфере прикладной археологии

Термины «прикладная археология» и «археологическая служба» – понятия идентичные друг к другу, возникшие на заре развития науки, когда начался переход от вещеведения к научной систематизации древностей и постановке краеведческих знаний на службу обществу. В наше время вещеведческий уровень

археологии давно пройден, а грань между краеведением и научными знаниями имеет тенденцию к стиранию. Тем не менее еще полвека назад в региональной археологии часто употреблялось выражение «археологическая служба» (больше среди не археологов). Возникшее в советский период Общество охраны памятников, вошедшее со временем в Министерство культуры, не давало археологам почивать на лаврах чистой науки и выступало инициатором совместной деятельности. Так, прикладным аспектом нашей деятельности в области археологии с начала 70-х гг. стала научная паспортизация памятников на территории республики с последующим составлением «Свода памятников археологии Бурятии». К началу работ в этой сфере на учет «Общества охраны памятников» состояло 300 памятников. Предварительная работа по дополнению этого списка проводилась сотрудниками общества совместно с сотрудниками БИОН, что привело к удвоению количества памятников. Результатом совместной работы стала подготовка «Списка памятников истории и культуры Бурятской АССР» (1972), который послужил основой для начала научной паспортизации памятников. Эта работа осуществлялась по договору между БИОН и Минкультуры БурАССР. Первый этап – паспортизация памятников, второй – составление Свода. Работа под руководством Е. А. Хамзиной была рассчитана на 3 года, но растянулась на 5 лет ввиду того, что обнаруживались все новые и новые объекты. Археологи института провели полевые работы по описанию современного состояния памятников, их обмеру, составлению планов, фотографированию. Кроме того, в цикл работ по паспортизации входил поиск по изданной литературе и отчетам исследователей в архивах, чтобы занести в паспорта сведения об открывателях и исследователях, о датировке и культурной принадлежности памятника. Паспортизация была завершена в 1978 г., а количество археологических паспортов выросло до 551. На основе составлен-

ных паспортов была издана книга Е. А. Хамзиной «Археологические памятники Бурятии», представляющая собой описание 232 памятников и презентованная автором как справочник-путеводитель и материал для «Свода памятников».

Следующим шагом на пути создания «Свода памятников» стало издание книги Л. В. Лбовой и Е. А. Хамзиной [4], замысел которой рождался в ходе работы по плану Министерства культуры республики по отводу охранных зон для археологических памятников в районах интенсивного хозяйственного освоения. Полученные данные не только уточнили материалы паспортизации, но и заставили задуматься над вопросами точности топографической фиксации памятников. Создание «Свода памятников археологии Бурятии» завершилось в 2011 г. изданием 2-го тома «Свода объектов культурного наследия Республики Бурятия» (Т. 2. Памятники археологии).

Еще одним важным делом прикладной археологии стала организация археологических заповедников. Именно наличие памятников с наземными конструкциями в виде каменных курганов, оград, стел и наскальных рисунков и вопиющие факты их разрушения в результате хозяйственной деятельности людей как раз и побудили к постановке вопроса перед Министерством культуры о практических мероприятиях (формах) охраны археологических памятников. На основании поданной мной в 1972 г. докладной записки министерство организовало специальную экспедицию по подготовке описательной, топографической и фотографической документации для проектируемых заповедников на территории республики. Эта экспедиция в составе инженера производственной группы охраны памятников П. Я. Эйдельмана, двух нанятых топографов из сельхозтехникума и научных сотрудников БИОН П. Б. Коновалова и Н. В. Именохоева работала 2,5 месяца на нескольких древних некрополях и петроглифических комплексах Джидинского района Бурятии [3, № 26, 27]. Топографическая документа-

ция осталась в недрах производственной группы «Охраны памятников», а проекты реализованы не были, ибо на бумаге можно провозгласить создание заповедника, но осуществить техническую службу и реальную охрану объектов на больших территориях затруднительно. Поэтому лишь в публикациях осталось теоретическое обоснование научной и экскурсионно-туристической значимости «Природно-археологических заповедников» [1; 2].

Примечание

I. Из материалов этой экспедиции Е. А. Хамзиной принадлежит авторская публикация неолитического погребения в местности Новая Шишковка [5, с. 127–130].

Источники и литература

1. Коновалов П. Б. Археологические памятники в долине реки Хилок // Этнографический сборник. Вып. 2. – Улан-Удэ, 1961. – С. 144–148.
2. Коновалов П. Б. Основные положения к организации природно-археологических заповедных зон // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: тез. докл. Вып. 1. – Новосибирск, 1988. – С. 61–64.
3. Коновалов П. Б. Полевые дневники № 4, 26, 27 // Личный архив.
4. Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии: Карта археологических памятников. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 241 с.
5. Хамзина Е. А. Неолитическое погребение с Новой Шишковки // Археологический сборник. Т. 1. – Улан-Удэ, 1959. – С. 127–130.
6. Elite Xiongnu Burials at the Periphery: Tombs Complexes at Takhiltyn khotgor, Mongolian Altai // Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on “Archaeological Research in Mongolia” held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd, 2007. – Vor-und Fruhgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität, Bonn, 2009. – P. 301–315 (Bryan K. Miller, Zhamsranzhav Baiarsaikhan, Tseveendorj Egiimaa, Prokopii B.Konovalev, Judith Logan).
7. Xiongnu Constituents of the High Mountains: Results of the Mongol-American Khovd Archaeology Project, 2008 // The Silk Road Foundation, Vol. 7 (Autumn 2009). – P. 8–20 (Brayan K. Miller, Jamsranjav Baiarsaikhan, Prokopy B. Konovalev, Tseveendorj Egiimaa, Judy Logan, Mishelle Machicek).
8. Шомбуузын бэлчээр дэх хуннугийн дурсгал // Нуудэлчдийн ов судлал. Tomus XI, Fasciculus 1-32. Монголын анхны торт улс байгуулагдсаны 2220 жилийн ойд зориулав. – Улаанбаатар, 2011. – С. 156–184 (Б. Миллер, Ж. Баярсайхан, Ц. Эгиймаа, П. Коновалов, Джохансен Эрик, Мишель Махичек, Джуди Логан, Клер Нейли).

УДК 930.26 (092)

ББК 63.4

П. Б. Коновалов, Н. В. Именохоев

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ Э. Р. РЫГДЫЛОНА

По материалам архива ученого-востоковеда Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона представлена информация об археологических исследованиях первого из бурятского народа специалиста-профессионала в этой науке.

Ключевые слова: ученик, соратник ранних советских археологов, достойный профессиональный уровень, судьба репрессированного ученого.

P. B. Konovalov, N. V. Imenokhiev

ON THE ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF E. R. RYGDYLON

Based on the personal archival collection of Orientalist Erdemto Rinchinovich Rygdylon the article presents information about the archaeological research of the first Buryat archaeologist.

Keywords: student, associate of early Soviet archaeologists, decent professional level, fortune of a repressed scientist.

Знакомство с архивом репрессированного сталинским режимом бурятского ученого-востоковеда Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона [1] стало для научной общественности открытием подлинной картины деятельности исследователя широкого диапазона. Прежде всего Э. Р. Рыгдылон позиционируется как востоковед, и его имя давно внесено в Словарь востоковедов [2, с. 487]. Что касается классификации его научной специализации, то он является историком-археологом и филологом-языковедом.

Насколько позволяют далеко не все сохранившиеся материалы архива, мы можем сделать достоянием общественности некоторые подробности научной биографии преждевременно ушедшего из жизни замечательного профессионала-археолога, разделившего судьбу той части советской интеллигенции, которая пережила политические репрессии 30-х гг. XX в. Э. Р. Рыгдылон по ложному обвинению прошел через тюремное заключение, защищал Родину на фронтах Великой Отечественной войны. Дальнейшие обстоятельства его жизни складывались так, что ему не суждено было в течение двенадцати послевоенных лет реализовать талант ученого в полной мере.

Изданные научные труды, которые он успел опубликовать при жизни, относятся к археологии и филологии. Сочета-

ние этих дисциплин в творчестве одного человека, знающего восточные языки (монгольские, тюркские, китайский), показывает Э. Р. Рыгдылона как высококлассного исследователя в ряду ученых его поколения. Основным научным трудом, маркирующим его научную квалификацию, – это диссертация на тему «Монгольские летописные источники по истории монголов второй половины XII века», за которую он в 1946 г. был удостоен степени кандидата филологических наук.

Материалы архива Эрдэмто Ринчиновича раскрывают археологическую деятельность ученого гораздо шире, чем изданные научные труды. Сохранившиеся документы отражают географию полевых исследований первого бурятского археолога, их источниковедческое и историографическое значение, профессиональную квалификацию, место и роль этого исследователя в становлении отечественной археологии. Они свидетельствуют, что он был одним из тех, кто «делал» отечественную науку советского периода до середины 50-х гг. XX в., был современником и соратником выдающихся советских археологов, среди которых были и его наставники Г. П. Сосновский, П. П. Ефименко, С. Н. Замятнин, а также сверстники и друзья М. П. Грязнов, С. И. Руденко, М. М. Герасимов, А. П. Окладников, А. Н. Бернштам, С. С. Черников

КОНОВАЛОВ Прокопий Батюрович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: konpb@yandex.ru.

ИМЕНОХОВ Николай Владимирович – старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: yni@mail.ru.

и др. Но если перечисленные ученые благополучно потрудились на «своих местах» и крупными буквами вписали свои имена в археологическую науку, то у Э. Р. Рыгдылона, исключенного из партии и подвергнувшегося репрессиям, научная карьера оказалась прерывистой и распыленной.

Ему пришлось работать со старшим поколением крупных советских археологов, непосредственно сотрудничать с ними, возглавляя полевые отряды в руководимых ими экспедициях, что способствовало становлению Э. Р. Рыгдылона как исследователя. Его полноценные профессиональные научные отчеты, выполненные по открытым листам, связанные с археологией Восточной, Южной и Западной Сибири, Средней Азии и Поволжья, еще станут достоянием археологов.

Список трудов Э. Р. Рыгдылона насчитывает 28 наименований, к которым следует добавить публично защищенную на ученом совете Института востоковедения диссертацию, а также редактирование (отв. ред.) монографии А. П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.)» и «Русско-монгольского словаря разговорного языка» (сост. А. В. Бурдуков). Изданные труды Э. Р. Рыгдылона по своей тематике распределяются следующим образом: археологические работы – 12 статей по разным разделам археологии и разным типам памятников; эпиграфические работы – 10 статей по расшифровке древних надписей и знаков (рунических тюркских, уйгурско-монгольских и китайских); по топонимике – 3 работы по Байкалу и Прибайкалью; филологические – 2 работы о говорах западных бурят и о монгольском термине «онгу-богол»; 1 рецензия. В архиве есть сведения о семи неопубликованных статьях по археологии и эпиграфике. Немаловажно и то, в каких издательствах и периодике публиковались его работы – это центральные научные журналы «Советская археология», «Советская этнография», «Краткие

сообщения Института истории материальной культуры» (КСИИМК), «Краткие сообщения Института этнографии» (КСИЭ), «Известия АН СССР», «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), а также региональные органы научной печати – Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры (БМНИИК), Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ).

В контексте основной мысли интересен географический расклад тем научных публикаций Э. Р. Рыгдылона. 11 работ посвящены археологии бассейна р. Енисей (от Красноярска до Абакана и Минусинска), 7 – по Прибайкалью, 2 – по Забайкалью, 2 – по Прииртышью (Восточный Казахстан, оз. Зайсан, Усть-Каменогорск). Но еще интереснее тематика и география экспедиционных работ, не отраженных в научных публикациях. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

Приобщение к археологии началось с участия студента Бурятского педагогического техникума Э. Р. Рыгдылона летом 1928–1929 гг. в работе Бурят-Монгольской археологической экспедиции ГАИМК под руководством Г. П. Сосновского [3].

В 1935–1936 гг., после окончания Ленинградского восточного института, став аспирантом ГАИМК, Э. Р. Рыгдылон участвовал в полевых работах в Забайкалье под руководством Г. П. Сергеева. В архиве музея истории Бурятии в Улан-Удэ хранится блокнот-дневник Г. П. Сергеева, на обложке которого написано: «Хоринская археологическая экспедиция 1935 г.». Дневник начинается записью: «Осенью 1935 г. под моим начальством, при участии аспиранта ГАИМК Э. Р. Рыгдылона была проведена археологическая экспедиция в Хоринский район на средства Института культуры БМАССР (ИЯЛИ)». В архиве самого Э. Р. Рыгдылона сохранился черновик его письма Г. П. Сосновскому, в котором он информирует последнего о своих раскопках в 1935 и

1936 г. 10 плиточных могил в Заиграевском районе, в местности Ацагат. «Отчет об исследованиях в Забайкалье в 1935–1936 гг.» (1,5 п.л.) значится в его списке научных работ, поданном позднее, при поступлении на очередную работу.

А вот документы о полевых исследованиях после войны:

– «Дневник археологической разведки» (в ученической тетради) – начат 10 мая 1945 г., последняя запись 7 июня того же года;

– «Дневник археологического обследования в окрестностях Красноярска» за 19 июня – 20 июля 1946 г. (13 машинописных страниц);

– «Краткий отчет об археологической разведке летом 1947 г.» (10 стр. машинописи). – Минусинск, 1947. Содержание: оз. Иткуль, оз. Биле, Бирюсинская стоянка, Ширинские могильники, петроглифы. Выводы и предложения;

– «Предварительный отчет об археологической разведке Минусинского музея летом 1947 г.» (13 стр. машинописи). – Абакан, 1947. Содержание: станция Шира, курорт Шира.

Этим же 1947 годом датирован «Отчет о работе Ангарского отряда Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и НИИКЭ БМАССР» (47 стр. машинописи). Содержание: Предисловие; 1) Балаганский район (долина Ангары); 2) Нукутский район (долина Унги); 3) Описание вещей; 4) Предварительные итоги; 5) Примечания.

На отдельном листе – «Список городищ, найденных в Балаганском, Осинском и Нукутском районах Иркутской области», состоящий из 23 названий. Позднее 15 городищ были опубликованы в статье «Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области» в журнале «Советская археология» (1955, № 22).

Также к 1947 г. относятся записи дневника Тянь-Шань-Алайской экспедиции, датированные 4–28 августа.

В 1948–1949 гг. снова Южная Си-

бирь: долина Енисея – Красноярск – Минусинск – Абакан. «Отчет об археологических работах, проведенных летом 1948 г. Часть 1». – Минусинск, 1949. Титульный лист отчета под грифом «Южно-Енисейская экспедиция СОПС АН СССР, Минусинский музей им. Н. М. Мартыанова» (29 стр. машинописи). Подпись: Археолог Минусинского музея Рыгдылон Э. Р. Содержание: Предисловие; 1) Вместо введения; 2) Древние плавильни; 3) Памятники периода камня; 4) Приложения; 5) Предварительный отчет археологической экспедиции Минусинского музея на Тубу летом 1948 г.; 6) Фотоприложения – 21 шт.

Вторая часть отчета – с тем же названием. На титуле – «Южно-Енисейская экспедиция СОПС АН СССР, Хакасский областной музей краеведения». – Абакан, 1949 (22 стр. машинописи). Подпись: Археолог Э. Р. Рыгдылон, кандидат наук, 30.11.49. Содержание: Введение; 1) Междуречье; 2) Минусинский район; 3) Правобережье Енисея; 4) Левобережье Енисея; 5) Курганные шлаки; 6) Краткие выводы; 7) Приложения. Кроме этого, в отчете имеется статья автора «Из истории скотоводства в Минусинской котловине».

После красноярско-минусинского периода жизни Э. Р. Рыгдылон оказался на перепутье. Несколько документов из архива свидетельствуют об этом: 1) рекомендация профессора Ленинградского госуниверситета М. И. Артамонова, от 14.05.49 г.: рекомендует Рыгдылона в Восточный институт при ЛГУ; 2) рекомендация А. П. Окладникова от 22.06.50 г.: рекомендует Рыгдылона в Иркутский госуниверситет как археолога и как специалиста в области монгольской филологии; 3) заявление Рыгдылона в ИИМК от 26.04.53 г. с просьбой принять на работу младшим научным сотрудником; 4) заявление Рыгдылона в отдел науки и искусства Бурят-Монгольского обкома партии с просьбой рассмотреть вопрос о переходе его на работу в Бурятию (датировано 12.04.54 г.). В результа-

те где-то в срок между последними заявлениями решался вопрос о принятии Э. Р. Рыгдылона в Иркутский университет, где он начал работать с 1954 учебного года. Видимо, сработала упомянутая рекомендация А. П. Окладникова.

На новом, наконец постоянном, месте работы потребовались данные о трудовом стаже. И вот справка дирекции ЛО ИИМК от 10.02.55 г., выданная на предмет восстановления трудового стажа. Как обычно, по стандарту, в ней пишется: «Дана Рыгдылону Эрдэмто Ринчиновичу в том, что он работал в качестве старшего лаборанта и исполняющего обязанности начальника отряда в экспедициях ИИМК АН СССР с 1949 по 1954 год включительно как в полевой, так и камеральный периоды их работ, а именно:

1949 г. в Киргизской экспедиции с 15.07 по 20.12.

1950 г. в Восточно-Казахстанской экспедиции с 10.06 по 1.01.51 г.

1951 г. в Западно-Двинской экспедиции с 15.06 по 1.10.

1952 г. в Сталинградской экспедиции с 25.04 по 15.07 и в Восточно-Казахстанской экспедиции с 20.07 по 1.01.53 г.

1953 г. в Восточно-Казахстанской экспедиции с 15.05 по 1.01.54 г.

1954 г. в Сталинградской экспедиции с 20.05 по 20.08.

Подписи: Заведующий ЛО ИИМК АН СССР Б. Б. Пиотровский.

Ученый секретарь Н. Н. Гурина».

Сохранились дневники работы Э. Р. Рыгдылона в двух из этих экспедиций за 1952 г.:

«Дневник палеолитического отряда Сталинградской экспедиции ИИМК» (под руководством С. Н. Замятнина). Записи с 30.IV по 5.VII 1952 г. Маршрут: 30.IV – выезд из Москвы; 01.V – г. Тула, ночевка в Ельце; 02.V – достигли р. Дон; далее перерыв записей, несколько оставленных чистых страниц блокнота; 09.V – запись начала раскопок: «Зачистка правого борта оврага... Погребенный слой...» и т. д.

«Дневник 1-го отряда (палеолитический) Восточно-Казахстанской экспедиции АН СССР 1952 г.». Записи с 24.VII по 15.X. Маршрут: 24.07 – выезд из Ленинграда; 25–26.07 – Москва, орг. дела; 27–30.07 – путь до Новосибирска; 30.07–02.08 – Новосибирск, Рубцовск; 03.07 – Усть-Каменогорск; 07.08 – прибыли в дер. Пещера, осмотр поселения Пещера; 08.08 – начало раскопок (записи раскопок пропускаем. – П. К.). Новый маршрут: 15.09 – выезд в Усть-Нарым; 17.09 – начало раскопок поселения Усть-Нарым (также пропускаем записи раскопок. – П. К.); 01.10 – окончание раскопок круглого жилища. Выводы по Усть-Нарыму: поселение раннебронзового века. В записях этого дневника Рыгдылон ссылается на свои записи в дневнике 1950 г. Завершающие дни экспедиции: 2–5 октября, упаковка снаряжения экспедиции, выезд в А.Ар. (? – П. К.); 6 октября – А.Ар.; 15 октября – прожил довольно бесполезно. Жду доклад Сергея Сергеевича (это С. С. Черников, нач. экспедиции. – П. К.) на ученом совете Института истории Казахстана. На днях выезд в родной Ленинград, после 6-ти месяцев полевого сезона 1952 года. А.Ар. – 15.10.52 г. Подпись».

Таковы сохранившиеся в архиве Э. Р. Рыгдылона документы, по которым мы можем проследить за деятельностью ученого в области археологии. Наверняка, это не все документы. Очевидно, нам предстоит изучение ведомственных архивов научных организаций и учреждений Санкт-Петербурга, Москвы, Красноярска, Минусинска, Абакана, Иркутска, где могли сохраниться интересующие нас материалы.

Все это лишь предварительная информация о деятельности первого бурятского археолога. Но уже этого вполне достаточно, чтобы судить о профессионализме и квалификации исследователя. Ведь успешно проведенные полевые исследования, затем камеральная обработка полученного материала и хорошо составленный отчет – это две трети полного исследовательского цикла археолога.

Археологические отчеты, если они не используются в дальнейшем самими авторами, становятся достоянием других исследователей, будь то современники автора или последующие поколения. В данном случае именно так и произошло. Археологи, чьи исследования связаны с Южной, Восточной и Западной Сибирью, Восточным Казахстаном, Киргизией, Поволжьем, конечно же, так или иначе использовали отчеты Э. Р. Рыгдылона. Вот почему мы вправе говорить, что герой нашего повествования – сверстник и соратник славного поколения ранних советских археологов, внесший немалый вклад в источниковый фонд отечественной археологии.

Десять лет назад, в 2006 г., в Улан-Удэ скромно, без достаточной подготовки отметили столетие ученого. В Иркутске, последнем трудовом пристанище

Эрдэмто Ринчиновича, уже сложилась традиция отмечать его память. Двадцать лет назад, в 1996 г., его 90-летие было отмечено встречей монголоведов за круглым столом в музее истории Иркутского госуниверситета, где кандидат исторических наук археолог В. В. Свинин сделал доклад и устроил выставку, посвященную памяти Э. Р. Рыгдылона. В 2006 г. В. В. Свинин опубликовал статью (краткий биографический очерк) о нем [1, с. 97–107]. В библиографическом списке этой статьи видим, что один из авторов охарактеризовал деятельность юбиляра метафоричным выражением, вынесенным в заголовок сообщения «На самом взлете». Метафора, безусловно, удачная. Но сегодня точнее было бы употребить для характеристики его жизни и деятельности иную метафору – «Прерванный полет».

Список трудов Э. Р. Рыгдылона

- Левашова В. П., Рыгдылон Э. Р. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее // КСИИМК. – 1952. – Вып. 42. – С. 132–137.
- Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) / отв. ред. Э. Р. Рыгдылон. – Л.: ОГИЗ, 1937. – 427 с.
- Панова Н. Н., Рыгдылон Э. Р. О так называемом иртышском человеке // КСИЭ. – 1956. – Вып. 25. – С. 64–70.
- Русско-монгольский словарь разговорного языка / сост. А. В. Бурдуков; отв. ред. Э. В. Рыгдылон; предисл. И. Грам; очерк Н. Н. Поппе. – Л.: Изд-во ЛВИ, 1935. – 319 с.
- Рыгдылон Э. Р. Монгольские надписи на Енисее // Эпиграфика Востока-IV: сб. ст. – М.; Л., 1951. – С. 94–101.
- Рыгдылон Э. Р. Новые рунические надписи Минусинского края // Эпиграфика Востока-IV: сб. ст. – М.; Л., 1951. – С. 87–93.
- Рыгдылон Э. Р. Писаницы близ озера Шира // Советская археология. – 1959. – Вып. 29–30. – С. 186–202.
- Рыгдылон Э. Р. «Новая пещера» на Среднем Енисее // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Вып. XLVII. – 1952. – С. 130–134.
- Рыгдылон Э. Р. Байгал (Байкал): стихи / пер. с монг. на бурят. Ц. А. Дугар-Нимаева // Хаһарай гэрэл: хореод-гушад онуудай шулэгууд. – Улан-Удэ, 1990. – С. 129–130.
- Рыгдылон Э. Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области // Советская археология. – 1955. – Вып. 22. – С. 177–189.
- Рыгдылон Э. Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска // КСИИМК. – 1955. – Вып. 60. – С. 129–134.
- Рыгдылон Э. Р. Заметки о наскальных изображениях у деревни Макетчика на Абакане // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. – 1955. – Т. 87. – Вып. 6. – С. 558–560.
- Рыгдылон Э. Р. К древнетюркским рунам Прибайкалья // Эпиграфика Востока. – 1953. – Вып. 8. – С. 86–90.

Рыгдылон Э. Р. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея // Эпиграфика Востока-V. – М.; Л., 1951. – С. 113–120.

Рыгдылон Э. Р. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Селенги // Зап. БМНИИК. – 1957. – Т. 23. – С. 136–143.

Рыгдылон Э. Р. Монгольские летописные источники по истории монголов второй половины XII в. (списки Алтан-Тобчи в различных редакциях): дис. ... канд. ист. наук / Институт востоковедения АН СССР; Красноярский ГПИ. – Л., 1946 (Ч. 1 – 78 л.; Ч. 2 – 97 л.; Ч. 3 – ? утеряна).

Рыгдылон Э. Р. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке // Советская археология. – 1950. – Вып. 12. – С. 287–288.

Рыгдылон Э. Р. Новые находки четвертичной фауны на Енисее // Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода. – 1952. – № 16. – С. 75–77.

Рыгдылон Э. Р. Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея // МИА. – 1953. – № 39: Палеолит и неолит СССР. – С. 276–285.

Рыгдылон Э. Р. О знаках на плитах с руническими надписями // Эпиграфика Востока. – 1954. – № 9. – С. 65–72.

Рыгдылон Э. Р. О монгольском термине «онгу-богол» // Филология и история монгольских народов: памяти акад. Б. В. Владимирцова. – М., 1958. – С. 166–172.

Рыгдылон Э. Р. О названиях Байкал и Ангара // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1953. – № 5. – С. 76–78.

Рыгдылон Э. Р. О некоторых особенностях говоров бурят Иркутской области (по мат-лам экспедиции 1955 г.) // Зап. БМНИИК. – 1957. – Т. 23. – С. 184–197.

Рыгдылон Э. Р. Остатки монгольской надписи у Бухтарминской пещеры // Эпиграфика Востока. – 1952. – Вып. 7. – С. 77–80.

Рыгдылон Э. Р. Подкуническая руническая надпись // Эпиграфика Востока. – 1956. – Вып. 11. – С. 59–62.

Рыгдылон Э. Р. Топонимические этюды (мат-лы по топонимике Прибайкалья). II // Зап. БМНИИК. – 1956. – Т. 22. – С. 87–96.

Рыгдылон Э. Р. Ценное исследование (по поводу статьи С. А. Семенова «О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа») // Советская этнография. – 1952. – № 4; Советская этнография. – 1953. – № 2. – С. 167–170.

Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П. Археологические находки у оз. Алят (Иркутская обл.) // Советская археология. – 1959. – № 3. – С. 209–213.

Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П. Коллекция бронзовых котлов Иркутского музея // Советская археология. – 1959. – № 1. – С. 253–258.

Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П. Новые рунические надписи и знаки Прибайкалья // Тр. / БКНИИ. – 1961. – Вып. 6. – С. 202–213.

Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П. Погребения в местности Идан (Вост. Сибирь) // Советская археология. – 1958. – № 3. – С. 184–185.

Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П., Свинин В. В. Старинные бурятские погребения на острове Ольхон // См.: Казанцев А. И., Хороших П. П. Старинные бурятские погребения на острове Ольхон // Тр. / БКНИИ. – 1962. – Вып. 10. Сер. ист.

Неопубликованные труды (по списку автора от 1/IV/1954 г.)

Рыгдылон Э. Р. Овражно-балочные обнажения окрестностей г. Красноярска // Бюл. комиссии по изуч. четв. периода СССР. – 1955. – Вып. 21.

Рыгдылон Э. Р. Палеолитические находки в Восточном Казахстане // Вестн. Каз. АН.

Рыгдылон Э. Р. Материалы к археологической карте окрестностей Сталинградской палеолитической стоянки // Тр. Сталинградской археологической экспедиции.

Рыгдылон Э. Р. (в соавт.) Неолитические поселения бассейна верх. теч. Западной Двины // Палеолит и неолит СССР. – Вып. 3.

Рыгдылон Э. Р. О новой попытке чтения монгольской надписи на Хирхиринской плите (заметка) // Эпиграфика Востока. – 1953. – Вып. 8.

Рыгдылон Э. Р. О специфике строя бурятской речи (в связи со статьей Г. Д. Санжеева) // Зап. БМНИИК.

Рыгдылон Э. Р. Вопросы происхождения речи в трудах классиков марксизма о языке, стенограмма лекции. – Иркутск: Знание, 1954.

Примечание

I. Архив хранится в Музее истории Бурятии, Улан-Удэ.

Литература

1. Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. История изучения Монголии в Иркутске. – Иркутск, 2006. – С. 97–107.
2. Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. – М., 1975.
3. Хороших П. П. Э. Р. Рыгдылон: некролог // Советская археология. – 1958. – № 4. – С. 307, с портр.

УДК 39 (571.54)+346.231

ББК 63.5

Б. З. Нанзатов

КУДАРИНСКИЕ БУРЯТЫ В XIX ВЕКЕ: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РАССЕЛЕНИЕ

Статья является продолжением цикла исследовательских работ, посвященных этническому составу бурятского населения на примере национальных административных образований Российской империи XIX в. – **степных дум. Данная работа посвящена исследованию этнического состава и расселению бурят в Кударинской степной думе.** На основе архивных материалов, опубликованных источников и полевых записей реконструированы этнический состав и территории расселения кударинских бурят в XIX в. Автором составлены карты Кударинской степной думы с указанием населенных пунктов и административных границ.

Ключевые слова: буряты, степная дума, этнический состав, картирование.

B. Z. Nanzatov

THE QUDARA BURYATS IN THE 19TH CENTURY: ETHNIC COMPOSITION AND SETTLEMENT PATTERN

This article continues a series of research works on ethnic composition of the Buryat population using the case-study of national administrative bodies of the 19th century Russian Empire

---

НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: nanzatov@yandex.ru.

– the Steppe Dumas. This paper examines the ethnic composition and settlement patterns in the Qudara Steppe Duma. Based on primary archival sources, published sources and field records the author reconstructs the ethnic composition and settlement territories of the Qudara Steppe Duma indicating settlements and administrative borders.

Keywords: Buryats, Steppe Duma, ethnic composition, mapping.

Введение

Этнотерриториальная группа кударинских (байкало-кударинских) бурят является одним из интереснейших подразделений бурятского народа. Расселенные на восточном побережье Байкала, кударинские буряты являются яркими представителями западно-бурятского субэтнуса. Авторские полевые исследования позволяют утверждать, что многие потомки кударинских бурят, покинувших низовья Селенги после Саганского провала 1862 г. и в последующие периоды, до наших дней поддерживают связи с родственниками, почитают родовые земли. В связи с этим очевидна актуальность исследования традиционного расселения и этнического состава кударинских бурят.

В настоящее время кударинские буряты расселены на территории Кабанского района и сконцентрированы в нескольких населенных пунктах: Корсаково, Энхэлук, Дулан, Кудара, Ранжурово, Загза. Однако еще до середины XX столетия, до укрупнения поселений буряты широко проживали по улусам Хандалинской, Дологонской (Корсаковской) и Барун-Кударинской (Твороговской) степей и на многочисленных островах устья Селенги, а также по побережью Байкала.

Основной задачей этой статьи является реконструкция расселения и этнического состава кударинских бурят в XIX в., т. е. времени закрепления современных этнотерриториальных групп бурят, одной из которых и являются кударинские буряты.

Территория

Особенности расселения кударин-

ских бурят затрудняют выделение границы административных родов Кударинской степной думы. Однако сохранились примерные описания расселения бурят по административным родам на 1838 г. Так, буряты абазаевского и 2-го чернорудского (шоно) родов пользовались землями «... начиная по местам от Степной думы вниз по течению реки Харауза до самого сору, от Шаральдинное озеро через исток Белого озеро, вытекающего в Байкал море» [1, л. 12–13]. Буряты 1-го чернорудского (шоно) рода пользовались землями «... начиная от называемая Собачья дыра вниз по реке Селенге до протока Михахаинки с островами Шустоем, Загрящинским, Часовенским, Изнеровским и верх по реке Харауз до степной думы» [Там же]. Расселение бурят сборного административного рода характеризовалось следующим образом: «Сей род имеет общую дачу в 3-х местах, первую по лесу прямо Степной думы промежу родами 2-м Чернорудским на Базаевском, 2-ю, отведенную особо на Хандалинской степи промежу деревнями Шергиной и Сидоровой, и 3-ю, на Твороговской степи выше Макаршинных юрт по течению реки Харауза по обе стороны до крестьянских дач коими всеми дачами пользуется весь Сборный род без всякого разделения по улусам» [Там же].

В описании земель на 1881 г. привлекает внимание следующий текст: «Инородцы ведомства думы населяли две степи – Хандалинскую и Дулогонскую, 5 островов, находящихся в устье Селенги, и улус Дуланский, находящийся около провала, образовавшегося от бывшего в конце 1861 и начале 1862 года сильного землетрясения... Острова Средне-Устьевский, Малый и Большой Ширетуй, Грязный и Березовский» [6, с. 87].

Как видно, позднее описание довольно поверхностно, в нем упущена Твороговская степь и несколько островов, упоминаемых в 1838 г. Однако присутствуют другие названия, чрезвычайно ценные для картографической реконструкции Кударинской степной думы. Важным является упоминание Провала. Как известно, залив Провал, или Цаганский провал, возник на месте Цаганской степи [5; 27].

Расселение

В XVII в. кударинские степи упоминаются неоднократно в русских документах. Так, в Чертежной росписи 1640–1641 гг. говорится: «... а на другой стороне Ламы живут братские ж люди, конные, а тунгусы оленные а от тех де братских людей в правую сторону по Байкалу к Енисейской вершине живут люди точали, скотные...» [21, с. 36]. Далее в тексте уточняется, что по правому берегу Селенги расселены монголы: «А по той реке Селенге, идучи от Ламы с правую сторону, живут мугалы кочевные люди» [Там же]. Очевидно, что часть эхиритов в XVII в. проживала в Кударинских степях. К западу от Селенги также упоминалось одно из подразделений монгольского племени – табангут, подданные Сэцэн-хана, вынужденно покинувшие эти земли после инцидента с посольством Ерофея Заболоцкого. К востоку от кударинских степей в долине р. Итанцы находились кочевья хоринцев, к XIX в. полностью покинувших эти территории.

К XIX в. кударинские буряты уступили значительные участки земли крестьянским волостям. Однако за многими русскими деревнями еще долго в памяти бурят сохранялись бурятские названия, так к примеру вновь образованная деревня Фофоново среди бурят известна как Шодой [2, с. 160].

Имеющаяся в нашем распоряжении таблица о распределении населения Кударинского ведомства по родам, селениям и улусам [6, с. 80–85] отражает сведения за 1876 г. В ней указаны 40 улусов с указанием количества душ обоего пола

с разделением на крещеных и некрещеных. Таблица весьма объемна, вследствие чего приводить ее материалы в статье считаем необязательным. Суммируя наиболее значимые результаты таблицы, следует отметить общую численность бурятского населения, находящегося на территории Кударинского ведомства, – 3886 человек. Кроме того, небольшая группа бурят Кударинского ведомства отмечалась в Верхнеудинском ведомстве по Читинскому тракту в улусе Еравна – 29 человек и в улусе Кижинга – 13 человек. Очевидно, здесь зафиксированы очередные переселенцы из Кударинских степей, после Цаганской катастрофы не успевшие перевестись в другое ведомство. Как известно, после Цаганской катастрофы жителям кударинских степей была предоставлена возможность к переселению на территории Баргузинской и Хоринской степных дум, где ими были заселены с. Троицкое (Курумкан), улусы Загустай и Чесан.

В настоящей работе при составлении карты расселения кударинских бурят в XIX в. нами использованы материалы переписи 1897 г., обработанные С. К. Паткановым [17]. Картографической основой является карта Забайкальской области, опубликованная с показанием земель по ведомствам при межевом отделении казачьих войск Иннокентием Лузиным примерно в 1850–1860-х гг. Названия бурятских улусов даны в современной бурятской орфографии в соответствии с собранным полевым материалом автора.

Представленная ниже таблица составлена на основе работы С. К. Патканова [Там же, с. 658–660]:

Буряты Кударинской степной думы в 1897 г. делились на 1-й и 2-й чернорудские (шоно), абазевский (абазай) и сборный административные роды.

Русские в бурятском ведомстве представлены 61 человеком. Из них наибольшее число проживало в селе Корсаково – 15 человек и в улусе Дулан – 8 человек. По двое русских отмечено в улусах Хэ-

Таблица

Кударинская степная дума (1897)

№	Населенный пункт	Хоз-в	Населения	Бурят	Административные роды			
					1-й шоно	2-й шоно	абазай	сборный
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Сакиновский	7	31	31				31
2	Верхняя Угда	4	22	22			22	
3	Нижний Хэнгэлдэр	21	99	99				99
4	Хайтал	14	77	77	63			14
5	Ядрун	28	108	107	97	7	3	
6	Утхалай	8	41	41	37		4	
7	Якуй	14	74	74	40	16	18	
8	Тэтой (Тэгэтэ)	14	65	65			65	
9	Черкуй	6	38	38	38			
10	Номной	11	54	54	49	5		
11	Адун	16	74	73	49	4	20	
12	Алмас	12	76	76	76			
13	Галутай	29	152	152	108		24	
14	Першин	16	107	106	93	13		
15	Хэрэлдэй	28	155	143	120	27	6	
16	Большой Березовский	18	83	83	18	40	14	11
17	Малый Березовский	25	136	136	93		43	
18	Казан	15	79	78	22		56	
19	Нижняя Угда	3	21	21			21	
20	Шабартуй (Грязнухинский)	13	68	68			56	12
21	Хамнай	8	43	43	43			
22	Бело-Озерский (Саган-хулахан)	13	69	69	14	25		30
23	Среднее Устье (Дунда-Арал)	26	137	137	124	11	2	
24	Санкина	13	61	61	40		11	
25	Корсаково, село	52	286	267	29	121	92	35
26	Усть-Харауз (Хара-ус аман)	19	94	92			92	
27	Нижняя Яртага	18	95	95		80		15
28	Хамнай	12	60	60	54	6		
29	Цэгэн	32	147	147		147		
30	Балай	17	92	92		92		
31	Бура	6	29	29		29		
32	Бартагай	25	112	112		51	60	
33	Ходой	4	37	35		35		
34	Яртага	16	87	87		83	4	
35	Ботой	28	143	143	143			
36	Хурумша	34	148	148		2	24	122
37	Хэнгэлдэр	19	77	77	10		5	62

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
38	Олзон	17	96	96				96
39	Балтай	35	159	159		9	3	147
40	Харауз, село (Хара-ус)	24	118	117	89		28	
41	Дулан	55	282	274		147	127	
42	Загза	11	38	38	4	6	25	3
43	Твороговский (Барун-Худара)	64	353	351	129			222
44	Донохой	19	85	85	39	8	24	14
45	Не указ.	8	34	7				
Итого		877	4442	4375	1621	964	870	913

рэлдэй, Усть-Харауз, Ходой, по одному – в улусах Ядрун, Номной, Першин, Казан, Харауз, Твороговский. Прочих – 5 человек, из них четверо – в селе Корсаково, один – в улусе Твороговский.

Этнический состав

Основу населения кударинских бурят составляют эхириты, а также осколки племен, постоянно соседствующих с эхиритами в верхоленских и кудинских степях. Наиболее полные сведения по этническому составу верхоленских бурят были собраны Б. П. Махатовым и С. П. Балдаевым. В состав этнотерриториальной группы кударинских бурят входили такие малые племена, как шоно, абазай, хэнгэлдэр, олзон, баяндай, бура, хурумша, алагуй, нагатай, галзут, сэгэнут, хайтал, торгоут, дурлай, ашибагат, абаганат, отонхой, икинат, хамниган и монгол [2; 8]. Племя шоно с его подразделениями тумэнтэй, борсой, согол, хамнай и хонхо составляли 1-й и 2-й чернорудские административные роды. Подразделение балтай-шоно вошло в состав сборного рода. Племя абазай составляло собственный административный род. Остальные малочисленные осколки племен составляли сборный административный род. Названия некоторых улусов, имеющие в основе этнонимы племен и их подразделений, позволяют определить расселение этих осколков. Так, к

примеру, в Кударинской думе отмечены улусы Хэнгэлдэр, Хурумша, Олзон, Яр-тага, Балтай.

Шоно. Крупнейшим из эхиритских племен среди кударинских бурят являются шоно, проживавшие в 36 улусах и селах ведомства. В низовьях Селенги были расселены ехэ-шоно, бага-шоно, тумэнтэй-шоно, борсой-шоно, согол-шоно, хамнай-шоно, хонхо-шоно [2, с. 154–157, 176; 19, с. 148], пришедшие из Верхоленья, где они населяли долины реки Лены и ее притоков Анги и Куленги. Балтай-шоно, проживавшие в Верхоленье особняком от основного массива шоно, здесь также оказались административно отделенными от Чернорудских административных родов, войдя в Сборный.

Этноним *шоно*, как полагает Д. Д. Нимаев, имеет отношение к сяньбийским *чину* [15, с. 151], о связи которых с многочисленными современными монгольскими чиновцами указывает Г. Сухбаатар. Как отмечал исследователь, определение сяньбийского этнонима 叱奴 *чину*, по сути представляющего фонетическую транслитерацию китайскими иероглифами, указывает на передачу этого этнонима через китайский иероглиф 狼 *лан*, значение которого «волк» [22, с. 50]. Носители этнонима *чину-а* → *чоно* ~ *шоно/чинус*, *чонод* широко распространены в монгольском мире. Среди тюрков этнонимы со значением «волк» – *biiri*, *kurt* также широко распространены.

В данном случае распространение этнонима среди бурят относится к сяньбийской традиции и имеет сяньбийские корни. К тому же шоно – это самый многочисленное и крупное племя бурят. Скорее всего, шоносцы стали катализатором монголоязычия эхиритов в целом.

Абазай. Вторым по численности среди кударинских бурят было племя абазай, представители которого были расселены в 26 населенных пунктах. Коренными землями племени абазай являются верховья Мурина и Манзурки (Баянзурхэн) [14, с. 116, 117]. Что касается этнонима, то, по нашему мнению, бурятские абазай сопоставимы с племенем абусы, известным нам по танским хроникам времен Уйгурского каганата. Происхождение названия, по-видимому, связано с профессиональным термином, что отражает происхождение его носителей от этноконфессиональной группы буддистов, сложившихся в древнейгуруское время [13].

Хэнгэлдэр. В Кударинской степной думе существовали улусы Хэнгэлдэр и Верхний Хэнгэлдэр (Дээдэ хэнгэлдэр), явно названные по основному населению. Кроме того, носители этого этнонима были расселены в улусах Песчанский и Хандала [2, с. 162, 163]. Маршрут движения на восток кударинских хэнгэлдэров проходил через побережье Байкала, где осела их часть. Действительно, основной массив хэнгэлдэров расселен в долине р. Баянзурхэн (Манзурка) [14, с. 111, 112], а также в улусе Унгэрэн (Онгурен). Этноним *хэнгэлдэр* расчленяется на две части – *хэнгэл* – корень и *-дэр* – окончание множественного числа тюркских языков. Как известно, праформой бурятского *-h* является монгольский *-s*. Праформой *хэнгэл*, очевидно, является древнетюркское слово *sinil*, имеющее следующие значения: 1) младшая сестра мужа; 2) младшие родственницы [4, с. 500]. Таким образом, перед нами представлена праформа *sinilder*, из которой развился поздний бурятский этноним *хэнгэлдэр*.

Олзон. О кударинских олзонах известно, что основная масса прибыла из улуса Ахурга в верховьях Куды [2, с. 158] Действительно, в XIX в. в верховьях Куды и Куленги были известны два улуса Магдан (2-й Баянгазуй) и 2-й Хертой, населенные олзонами. Что касается улуса Ахурга, то, вероятно, улус целиком переселился на восточную сторону Байкала, где его представители расселились по улусам Барун-Кударинский (Твороговский), Бура, Хандала [Там же]. Этноним *олзон//олзо//ользон*, а также близкий ему этноним одного из унгинских булагатских племен – *олзой*, по-видимому, имеет корни, уходящие вглубь истории до эпохи курыкан. Монгольское слово *olja//олзон* переводится как «добыча, трофей» [18, с. 446], в современном бурятском языке существуют парные слова – *олзо хубуун* – «побочный сын» и *олзо хун* – «пленник» [26, с. 353]. По-видимому, олзон – это группа населения, некогда захваченная курыканскими воинами и поселенная для обеспечения каких-то хозяйственных нужд в их среде. Пленными могли оказаться люди различного происхождения, как тюрки, так и монголы, тунгусы, самодийцы, кеты.

Баяндай. Немногочисленные представители этого племени были расселены в улусе Хандала [2, с. 160]. Этноним, вероятно, имеет связь с рядом древних этнонимов *баяут*, *баяндур*, *байарку/байырку*. Налицо смена окончания *-ud/-dur/-irqu* на *-dai* после основы *baya(n)*. Таким образом, древний этноним *bayan-* в пределах верховьев р. Муриг трансформировался в *bayandai*, откуда и распространился в ольхонские, кударинские, баргузинские и селенгинские степи.

Буура. Представители племени буура жили в населенных пунктах думы – Корсаково, Хандала, Дологон, Бура [Там же, с. 152–154]. С иркутской стороны буура расселены двумя анклавами в долине Анги и в верховьях Куды. Кудинская группа буура – баруун буураһууд расселены в окрестностях горы Байтаг – главного сакрального центра эхиритов

го слова *γaljaγu*/галзуу – «бешенный, яростный». Г. Н. Румянцев полагал, что «эпитетом *галзут* могли заменить наименование родового тотема – “коня”, “жеребца”, считавшегося родоначальником рода галзут» [20, с. 189, 190]. Ц. Б. Цыдендамбаев также предполагал тотемическое происхождение этнонима, но, по его мнению, тотемом была собака, т. е. *галзуу нохой* – «яростная (или бешеная) собака» [24, с. 194–196]. Этноним также широко распространен среди монголов, в основном среди баргутов, а также среди ойратов [11]. Среди кударинских галзутов зафиксированы подразделения *нохой*, *дархан* и *маншууна* [20, с. 189, 190].

Хурумши. Буряты племени хурумши были расселены в улусе Хурумша, Хандада и Барун-Кудара (Твороговский) [2, с. 164, 165]. Этноним *хурумши* употребляется также в виде *курумчи/хурамши/хурумша*. Выдвигались гипотезы о тюркском, ойратском, монгольском происхождении этой этнической единицы. На наш взгляд, этноним произошел от тюркского *qorut* – «каменные россыпи, обломки скал, валуны», при слиянии с суффиксом *-čī*, смысл *qorutčī* – «каменщик». То есть курумчинцы представляли собой социальную прослойку населения, специализирующуюся на узком направлении профессиональной деятельности в эпоху «трех станов». Возможна связь этнонима с поздним среднеазиатским родом с одноименным названием. В ССМ упоминаются сартагулы Масхут и Ялабачи из рода хурумша (*qurmaši*) [28, § 263]. Возможно, что среднеазиатский этноним обнаруживает типологическое свойство, т. е. «каменщики» и там при ряде условий могли создать социальную общность с этническими чертами.

По другой версии, этноним соотносится с именем одного из сыновей Гуши-хана Хурумши-батором и его потомством. По бурятской версии, Хурумши-батор являлся одним из сыновей Гуши-хана [3, с. 327], по версии Мэн-гую-му-цзи – седьмым сыном [9, с. 121]. Хурумши-батор, либо его сын, покинул

отца и ушел на север. В этом случае возможно прибытие в Прибайкалье Хурумши-батора со своими людьми (улусом), за потомками которых закрепился этноним хурумши.

Сэгэнут. По преданиям, сэгэнуты прибыли в Кударинские степи из двух мест – из долины Лены и из приольхонского улуса Умбур. Упоминаются разные маршруты: по зимнему Байкалу, через Ольхон, а также примечательный маршрут через Верхнюю Ангару и Баргузин, т. е. вокруг Байкала. В кударинских степях сэгэнуты расселились в улусах Хандада, Ехэ Дулан, Твороговский (Барун-Худара) [2, с. 165].

Этноним *сэгээн/сэгээнэд/цэгэнут* по-русски упоминался как «цыганов, цыногогарский». Иногда заменяется носителями на *өлөд*, по-русски – *олет* [23, с. 101], что свидетельствует об ойратской принадлежности его носителей. Значение этнонима *сэгээнүүд* можно прояснить от бурятского *сэгээн* – «голубой, светло-голубой». Возможно, здесь скрыт цвет знамени, т. е. у носителей этого этнонима, возможно, было знамя голубого цвета. По нашему мнению, этноним также можно связать с тюркским термином *сыгин*, означающим правителя. Характерными в таком случае являются легенды бурят о некогда могущественных и многочисленных сэгэнутах, постоянно нападавших и грабивших малочисленных в прошлом эхиритов и булагатов [3, с. 313]. Так что в этноним могло перерасти имя нарицательное по отношению к аристократическому клану сыгин, которое под влиянием фонетики бурятского языка обрело известную нам форму.

Из Верхоленья и Приангарья в Кударинские степи прибыли и другие многочисленные осколки племен, тесно связанных с сэгэнутами – хайтал, торгоут, дурлай, зунгар, икинат.

Хайтал. Были расселены в улусах Енхолог, Бага-Арал, Дунда-Арал, Буоров, Березовский [2, с. 167–169]. По преданиям, хайталы имеют кровные связи с урянхайцами. Вероятно, в преданиях

речь идет о предках якутов, оставивших в Верхоленье топоним – Урянхай тала, расположенный по другую сторону Байкальского хребта от улуса Унгэрэн (Он-гурен).

Дурлай. В Кударинских степях известны две ветви племени дурлай – усиндурлай и буян-дурлай. Первые прибыли из приольхонского улуса Улан-Бургас. Вторая часть прибыла из кудинского улуса Дурлай [2, с. 174, 175].

Торгоут. По преданиям, торгоуты являются выходцами из Монголии, осевшими среди верхоленских сэгэнутув. Среди кударинских бурят были расселены на острове Отрывок и в Хандале [Там же, с. 172–174].

Зунгар. Были расселены в улусах Хайтал, Березовский, Бага-Арал, Дунда-Арал, Бура. В Кудару прибыли из Приангарья после военных столкновений [Там же, с. 170, 171]. Вероятно, кударинские зунгары были одними из первых вынужденных мигрантов XVII в., так как первые столкновения в районе Братского острога связаны именно с икинатским союзом племен, в который входили и зунгары.

Булагаты Кударинской степной думы малочисленны. Крупнейшими из них являются два подразделения племени алагуи – хэрэй и саганаг [Там же, с. 163]. По нашему мнению, в образе одного из сыновей Алагуя – Хэрэя отражен средневековый центральноазиатский этноним *кереит/хэрэйд*. Алагуи являются давними насельниками побережья Байкала как с запада, так и с востока.

В Хандале также были отмечены немногочисленные ашибагаты и абаганаты, пришедшие из Кудинских степей [Там же, с. 177]. Кроме того, Б. П. Махатовым были зафиксированы буряты одного из бубаевских племен – отонхой [8, с. 4].

Особняком среди кударинских бурят стоят представители племен монгол и хамниган. Монголов в 1916–1917 гг. было 11 дворов, а хамниганов – 4 двора. Судя по опубликованным призываниям монголов и хамниган, тайлганы они проводили совместно, но отдельно от остальных бурят. Так же из призываний становится ясно время их прибытия – период войн Галдан-Бошогу-хана [2, с. 177].

Заключение

Изучение состава и расселения населения Кударинской степной думы представляется важным в контексте изучения этнической истории бурят. Территориально-административное устройство кударинских бурят в определенной степени является уникальным в силу того, что этнические границы бурятских племен отражают принцип вторичного расселения эхиритов в низовьях Селенги. На карте отражены давно исчезнувшие улусы Кударинской степной думы, что ценно для реконструкции расселения бурят в целом.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 275.
2. Балдаев С. П. Предания о расселении кударинских и кабанских бурят // Зап. БНИИК. – 1958. – № XXV. – С. 152–177.
3. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 364 с.
4. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
5. Ильина Н. Как кударинские буряты потеряли свои земли: Цаганскому землетрясению – 150 лет // Бурятия. – 2012. – № 2. – 18 января.
6. История Кударинской степной думы в документах национального архива Республики Бурятия (1825–1903 гг.): сб. док. / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова; науч. ред. Л. В. Курас. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2010. – 248 с.
7. Лувсандэндэв А. Монгольско-русский словарь. – М.: ГИИНС, 1957. – 716 с.

8. *Махатов Б. П.* Страницы из жизни бурят кударинской степи. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 60 с.
9. Мэн-гу-ю-му-цзи [Записки о монгольских кочевьях] / пер. П. С. Попова. – СПб.: Первая скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. – 316 с.
10. *Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.* Байтог: «Баруун буураһууд». Исследование локальной группы бурят // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития. Вып. 4. – Иркутск: Радиан, 2005. – С. 47–54.
11. *Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.* Изменения в расселении и этническом составе народов Монгольского Алтая и Прихубсугуля (XX – начало XXI в.) // Вестник БНЦ СО РАН. – 2013. – № 4 (12). – С. 21–34.
12. *Нанзатов Б. З.* Административные образования бурят в Российской империи в XIX в. Кудинская степная дума (расселение и этнический состав кудинских бурят) // Вестник БНЦ СО РАН. – 2015. – № 1 (17). – С. 41–56.
13. *Нанзатов Б. З.* Раннесредневековые (древнеуйгурские) этнические связи Прибайкалья с Центральной Азией (на примере этнонимов Буин и Абазай) // Вестник БГУ. – 2015. – № 10. – С. 169–172.
14. *Нанзатов Б. З.* Верхоленские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение // Изв. ИГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – Т. 16. – С. 103–124.
15. *Нимаев Д. Д.* Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2000. – 190 с.
16. *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. – М.; Л.: Наука, 1959. – 144 с., 52 табл.
17. *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. – СПб., 1912. – С. 434–999.
18. *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М.: Наука, 1982. – 199 с.
19. *Румянцев Г. Н.* Летопись рода согол селенгинских бурят-монголов // Сборник трудов по филологии. Вып. 2. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1949. – С. 133–175.
20. *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. – 268 с.
21. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1 / под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – 494 с.
22. *Сухбаатар Г.* Сяньби. – Улаанбаатар: ШУАХУХ, 1971. – 217 с.
23. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 551 с.
24. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 662 с.
25. *Цэвэл Я.* Монгол хэлний товч тайлбар толь [Этимологический словарь монгольского языка]. – Улаанбаатар: УХХЭХ, 1966. – 912 с.
26. *Черемисов К. М.* Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 804 с.
27. *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. – Иркутск: Изд. Вост.-Сиб. отдела Императорского РГО, 1883. – С. 603–606.
28. *Mongᠣl-un niγuša tobᠰiyan.* – Kōke-qota: Öbür mongᠣl-un yeke surᠭayuli-yin keblel-ün qoᠭiy-a, 1957.

УДК 902/904 (571.5)

ББК 63.4 (2P54)

Н. В. Цыденова

**ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ
ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА
(к постановке проблемы)**

Статья посвящена проблемам этно-культурогенеза и палеогенетики древних популяций Байкальского региона, их связи с современными этническими группами.

Ключевые слова: древние популяции, Байкальский регион, археология, антропология, полиморфизм, гаплогруппы.

N. V. Tsydenova

PALEOGENETIC ASPECT OF GENESIS
OF ANCIENT POPULATION OF THE BAIKAL REGION
(Towards a Problem Statement)

The paper is concerned with the problems of ethnocultural genesis and paleogenetics of ancient populations of the Baikal region and their relationships with modern ethnic groups.

Keywords: ancient populations, Baikal region, archaeology, anthropology, polymorphism, haplogroups.

Генетические исследования последних лет современных сибирских этносов [1; 30; 34–36] актуализировали необходимость изучения генетики древних популяций Байкальского региона. Секвенирование генома бурят показало высокую степень полиморфизма у разных локальных групп, несомненно, сложившегося в исторической ретроспективе.

Традиционные методы гуманитарной науки сталкиваются с порой трудноразрешимыми в рамках археолого-этнографической парадигмы вопросами этногенетической идентификации исследуемого материала. Вместе с тем все большее распространение и развитие получают естественнонаучные методы в археологии. Одним из перспективных направлений является палеогенетика. Исследование ДНК из кости палеолитических людей на Алтае и в Предбайкалье позволило выделить совершенно неизвестный ранее вид древних гоминидов – *Homo altaiensis* [10; 38], а также подтвердить западно-евразийские связи мальтинской верхнепалеолитической культуры [42].

Изучению митохондриальной ДНК (мтДНК) древнего и современного населения Центральной Азии посвящены

исследования как зарубежных [35–37; 39; 41], так и российских ученых [27; 29]. Палеогенетические исследования также активно проводятся специалистами из разных лабораторий мира на материалах сопредельной с Забайкальем территории Якутии [30; 34]. Подобные исследования на забайкальских материалах практически не проводились, за исключением нескольких образцов из хуннских могильников.

Первоначальное заселение Байкальского региона, согласно данным археологии, происходило в палеолите. По мнению некоторых исследователей, этот процесс связан с приходом человека в Забайкалье около 800–500 тыс. л. н., а человека современного вида – около 40 тыс. л. н. [12] Индустрии же финала палеолита и начального неолита Забайкалья обнаруживают аналогии на обширных территориях Северной и Восточной Азии (Якутия, Дальний Восток, Северный Китай, Корея, Япония) [9; 26; 33; 43]. Однако палеоантропологических находок этого времени в регионе пока не обнаружено. В этой связи интересно, что оценка степени дивергенции линий мтДНК и Y-хромосомы для региона варьирует в диапазоне 3800–56000 лет [1].

Ранними и достаточно представи-

тельными по количеству палеоантропологическими материалами являются материалы эпохи неолита и раннего бронзового века из западной части Байкальского региона, где археологические культуры сменяли друг друга или сосуществовали в отдельные отрезки времени. Это китайская, серовская, глазковская культуры, генезис которых все еще остается нерешенной проблемой. Генетическими исследованиями антропологических серий из могильников Локомотив, Усть-Ида, Сарминский Мыс, выполненными российско-канадским коллективом, определено, что китайское население обнаружило сходство с кетями и шорцами, а серовское и глазковское – родство с северными хунну (могильник Эгийн-Гол), а также с современными эвенками, тувинцами и бурятами [40; 41]. Другой группой исследователей проанализированы материалы, относящиеся к эпохам неолита и раннего бронзового века, но из другой выборки, включающей: китайское погребение – 1 индивид (могильник Борки-1); серовские – 8 индивидов (Хужир-Ольхон – 6 индивидов, Усть-Анга – 1 индивид, Манзурок – 1 индивид); глазковские – 8 (Обхой – 5 индивидов, Хоторук – 1 индивид, Эдуганка – 1 индивид, Макарово – 1 индивид). В результате выявлены варианты 5 гаплогрупп, относящихся к восточно-евразийскому кластеру мтДНК: D, G2a, C, Z (производные макрогаплогруппы M) и F1b (производная макрогаплогруппы R) [29]. Некоторые расхождения с результатами российско-американско-канадской исследовательской группы, как, например, отсутствие гаплогруппы U5, группа новосибирских генетиков объясняет тем, «что западно-евразийский компонент не был широко распространен в популяциях региона и встречался спорадически» [29].

В неолите и раннем бронзовом веке Забайкалья существовала ситуация большей однородности. Археологические и антропологические данные говорят в пользу гомогенности неолитического на-

селения, проживавшего к востоку от оз. Байкал [2; 12]. Погребальные комплексы раннего-позднего неолита Забайкалья свидетельствуют о монголоидности популяций и обнаруживают в погребальном обряде и инвентаре черты, присущие китайским захоронениям Предбайкалья [12].

Этнокультурная ситуация в Байкальском регионе меняется к раннему бронзовому веку. В Предбайкалье доминирующей популяцией являются глазковцы, в то время как состав населения Забайкалья был более разнородным и представлен носителями: глазковской культуры (не распространившейся далее восточного побережья оз. Байкал); северо-байкальской культуры (распространенной в основном по побережью оз. Байкал; хэнтэйской культуры [12; 32]. В то же время не совсем ясны вопросы генезиса северо-байкальской и хэнтэйской культур, так же как и не известны погребальные памятники и антропологическая принадлежность их носителей.

В сопредельных Байкальскому региону западных и юго-западных районах Монголии и в Туве в раннем бронзовом веке была распространена афанасьевская культура, представители которой были европеоидами, антропологически близкими афанасьевцам Южной Сибири [44]. Начало метисационных процессов на территории Внутренней Азии в эпоху бронзы, вероятно, связано с продвижением с запада на восток носителей афанасьевской культуры.

Последующий этап позднего бронзового века ознаменован началом новой эры, связанной с кочевыми культурами плиточных могил и курганов-керексуров. Номады стали этнической и культурной доминантой в степях, предопределив на многие века исторические события в Центральной Азии и сопредельных территориях.

Некоторыми исследователями с археологической культурой плиточных могил сопоставляются ранние дунхуские протомонгольские племена [21]. На

позднем этапе этническими наследниками дунхусцев выступают прото- и раннемонгольские племена сяньби, шивэй и др. Период развития культуры плиточных могил в данном регионе маркируется наслоением культуры керексуров [21; 31]. Культуру курганов-керексуров связывают с европеоидными динлинами древнекитайских летописей [21], а генезис ее видят в связях с европеоидным населением афанасьевской культуры Тувы и Монголии [32]. Продвижение носителей культуры керексуров с запада и их контакты с населением культуры плиточных могил, вероятно, сопровождались процессами метисации [2]. С другой стороны, курганы-керексуры относятся к карасукской культурной общности. В последние годы этнокультурная карта эпохи развитого бронзового века Монголии дополнена рядом новых археологических культур: чемурчекской, мунхайрханской, тэвш [15–17], а на востоке страны – культурой Улаан-Зуух [46]. Эти исследования еще раз подтвердили сложность этнокультурных процессов в древней Внутренней Азии.

В конце III в. до н. э. на смену населению культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья пришли хунну (II в. до н. э. – I в. н. э.). Во всяком случае, хуннский этнокультурный феномен, видимо, наложился на этнический субстрат плиточных могил и сменил его. Созданное хунну военно-политическое образование стало первым в истории Центральной Азии государством кочевников, контролировавшим северные направления Великого шелкового пути. Первоначально хуннское племенное объединение, вероятно, сложилось на основе жунско-дискских этносов на севере Китая [3; 20; 21; 25], а по мнению других, к сложению культуры хунну причастны скифские (сакские) культуры Саяно-Алтая [28]. Хунну, по мнению большинства исследователей, представляли собой конгломерат различных монголо- и тюркоязычных племен. Однако вопрос этнического их отождествления продолжает

быть дискуссионным. Многие авторы настаивают на однозначном толковании вопроса, одни говорят, что это тюрки, другие – что монголы. Но такое толкование, вероятно, может касаться лишь правящей династии, но не всего населения империи. Генетические исследования хуннского населения Монголии и Забайкалья подтверждают многокомпонентность и полиэтничность его состава [27; 37; 45]. Так, на материалах Эгийн-Гол на севере Монголии были получены данные о доминировании (89 %) азиатских гаплогрупп A, B4b, C, D4, D5 или D5a, F1b. Вместе с тем отмечается присутствие гаплотипов U2, U5a1a, J1, характерных для западно-евразийских популяций [37]. Обобщение всех данных по генетике хунну Монголии проводит палеоантрополог Д. Тумэн, выделяя три основные территориальные группы: Западная, Центральная и Восточная Монголия. Для Западной Монголии характерны западные гаплогруппы N (10 %) и R (40 %), а также восточно-азиатские и сибирские B (10 %), G (10 %), D4a (20 %), D (10 %). Для Центральной Монголии – A (7 %), N (9 %), G (9 %), D5 (2 %), D4a (16 %), D4 (20 %), D (4 %), C (7 %), M9 (2 %), M (16 %), R (4 %). У хунну восточной части страны зафиксировано лишь четыре гаплогруппы – G (25 %), D4 (29 %), D (14 %), C (28 %). Общими для всех групп признаются G и D, для западных хунну более характерными оказываются западно-евразийские и западно-азиатские N и R, а для восточномонгольских – восточноазиатские и сибирские G, D4, C [45]. Эти данные, по мнению ученого, подтверждают выводы, основанные на палеоантропологических материалах, о гетерогенности хуннского общества.

Исследования генетики хунну Забайкалья были проведены по 12 образцам мтДНК: 7 из могильника Ильмовая падь (выделены гаплогруппы U2a, U7, D, C, A4); 1 – Дырестуйский култук (B4); 3 – Енхор (C, A4, B5b); 1 – Иволгинский могильник (C5b1b). Гаплогруппы A, D, C характерны для генофондов народов

Южной Сибири и Центральной Азии и признаются авторами собственно хуннскими. Гаплогруппа C5b1b говорит о связях с более северными народами. В тоже время B4 и B5 являются восточно-азиатскими и, вероятно, говорят о связях хунну с китайцами. Гаплогруппы U2a и U7 характерны для популяций Передней Азии, Индии и Ближнего Востока, что указывает, по мнению исследователей, на наличие не только культурных, но и генетических связей с этими регионами в эпоху хунну [27]. Таким образом, мы видим, что при всей генетической гетерогенности хунну Монголии и Забайкалья образуют более или менее устойчивые, но в тоже время «перекрывающие» друг друга территориальные группы – западный, северный/центральный и восточный ареалы.

Многовековой период послехуннского раннего и развитого средневековья характеризуется сменой кочевых династий – сяньби и жужаней, тюрков и уйгуров, киданей и монголов [6; 13; 14; 22–24]. Эти периоды кочевых империй, миграции и завоевания должны быть признаны благоприятными с точки зрения условий возникновения полиморфизма генетического состава современных монгольских народов.

На территории Байкальской Сибири в этот период выявлены (определены) следующие археологические культуры и памятники: курумчинская, усть-талькинская (в Предбайкалье); хойцегорская, саянтуйская (в Западном Забайкалье); бурхотуйская, дарасунская, ундугунская (Восточное Забайкалье). Дискуссионными являются вопросы соотношения этих средневековых культур как между собой, так и каждой из них с известными этносами того времени, такими как курыкан-хори, байырку-баргут, теле-уйгур, токуз татар, отуз-татар, тобашивэй, шивэй-мохэ. В действительности при необходимом более строгом подходе к проблеме археологические культуры Предбайкалья и Забайкалья этнически трудно дифференцируемы между тюр-

коязычными и/или монгольскими и тунгусоязычными этносами средневековья. Не надо забывать и о самодийских компонентах, которые просматриваются в чертах некоторых памятников [12].

На фоне вышеприведенной сложной археологической ситуации своей специальной целенаправленной разработкой выделяется курумчинская культура, приписываемая курыканам, чье имя впервые появилось в древнетюркском руническом тексте на каменной стеле в форме уч курыкан, а также встречалось в истории династии Таншу в форме гулигань. Вначале датирована была эта культура в рамках VI–X вв. и этнически отнесена к предкам якутов. Б. Б. Дашибалов особое внимание уделил погребальным памятникам, раскопав могилы с разными вариантами похоронного обряда и разными типами (формами) погребального инвентаря, таким образом, расширил хронологические рамки курумчинской культуры до XIV в. и этнически связал с ранними хори-монголами, в конечном счете с бурятами хоринского племени [7; 8].

Население курумчинской археологической культуры – курыканы населяли территорию вокруг оз. Байкал [7]. Впервые Б. Э. Петри и Г. В. Ксенофонов, затем А. П. Окладников выдвинули гипотезу о южном, курыканском, происхождении саха-якутов, в дальнейшем развитую А. П. Окладниковым в миграционную теорию этногенеза якутского народа. С оставшейся в Прибайкалье частью монголизированных по языку курыкан А. П. Окладников связывал и происхождение части бурятского народа. По современным же представлениям, в истоках этногенеза якутов прослеживаются скифо-сибирские компоненты [4]. Исследования, основанные на изучении генетических маркеров системы HLA у якутов, указывают на присутствие в их генофонде высокого достоверного неравновесного сцепления, характерного для гаплотипа HLA-A1, B57, встречающегося среди других популяций мира, в первую очередь у жителей Индии. На

этой основе исследователи приходят к выводу о том, что якуты ведут свое происхождение от европеоидных индоариев, а нынешний облик приобретен ими в результате смешения с монголоидными племенами [30].

Лингвистические данные указывают на родство якутов с монгольскими народами: в якутском языке 25,5 % слов монгольского происхождения. Отмечается, что ближе всего к якутам прибайкальские буряты (эхириты, булагаты), диалекты которых обнаруживают сходство по своему фонетическому строю с якутским языком [4]. Кроме того, в крови у западных бурят так же, как и у якутов, хотя и в меньшей мере, были обнаружены «арийские» антигены [12]. Эти данные подтверждаются анализом смешанного генофонда, который показал, что в локальной популяции западных бурят-эхиритов представлены тюркский (45,2+19 %) и тунгусский (30,2+18,9 %) компоненты [5].

А геномный анализ мтДНК современных бурят выявил наиболее характерные гаплогруппы (G, D, R, H, M, C) и Y-хромосомы (C, R) [1].

Для средневекового монгольского времени генетических данных по региону пока не имеется, однако весьма интересные результаты получены по соседней Монголии. Исследование мтДНК 7 индивидов из элитного погребального комплекса Таван-Толгой (XII в.) на востоке Монголии показало, что по мужской линии (Y-гаплогруппе) двое отнесены к гаплогруппе R1b-M343, а один индивид к R1a1a, т. е. обнаружены связи с западно-евразийским ареалом (гаплогруппа R1b-M343).

А по материнской линии у четырех из семи погребенных обнаружилось связи с восточно-азиатским регионом (D4), у одного – с сибирскими народами (CZ), у двух – с Западной Азией (R и M9). В основном индивиды были связаны между собой родственными узлами (гаплогруппа D4), лишь один (CZ) не имел родства с остальными [39].

Краткий обзор показал сложную картину этнокультурной ситуации в историческом прошлом Байкальского региона. Многие проблемы все еще остаются дискуссионными. Имеющиеся на сегодня данные палеогенетики по древним популяциям Байкальского региона пока немногочисленны, не вполне еще изучен вклад этих популяций в генофонд коренного населения Байкальского региона. Тем не менее обзор показывает, что современное коренное население Байкальского региона (буряты) и монголы являются носителями генов и отдельных гаплогрупп, унаследованных от древних популяций Центральной Азии, антропологические и генетические типы которых, в свою очередь, формировались как на местной, так и пришлой основе. Дальнейшее расширение использования методов популяционной генетики применительно к изучению антропологических серий из могильников Забайкалья позволит на основе сравнительного анализа дополнить картину этнических и культурных контактов, дать ответы на некоторые вопросы. Вместе с тем важен комплексный подход, когда данные палеогенетических исследований будут сопоставляться с археологическими и антропологическими данными.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 15-01-00317 «Изучение исторической и генетической дифференциации коренных народов Южной Сибири».

Литература

1. Базаров Б. В., Дамбуева И. К., Нанзатов Б. З. Этногенез бурят в ракурсе новых генетических исследований (предварительные результаты) // Вестник БНЦ СО РАН. – 2015. – № 3 (19). – С. 11–18.

2. Бураев А. И. Антропология Прибайкалья и Забайкалья (древность и средневековье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 211 с.
3. Варенов А. В. Древнее население Алтая и происхождение стюну // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. докл. междунар. конф. – Новосибирск, 1995. – С. 12–15.
4. Гоголев А. И. История Якутии (Обзор исторических событий до начала XX в.). – Якутск: Изд-во Якутского государственного университета, 2000. – 201 с.
5. Дамбуева И. К., Базаров Б. В., Цыденова Н. В. Изучение микроэволюционной истории популяций Байкальского региона с привлечением генетических маркеров // Вестник БНЦ СО РАН. – 2016. – № 2 (22). – С. 78–85.
6. Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 201 с.
7. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 189 с.
8. Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье: Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 202 с.
9. Деревянко А. П., Волков П. В., Ли Хонджон. Селемджинская позднелеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.
10. Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. 1. Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. – 612 с.
11. Деренко М. В., Малайчук Б. А. Молекулярная филогеография населения Северной Азии по данным об изменчивости митохондриальной ДНК / отв. ред. И. А. Захаров-Гезехус. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2010. – С. 201–376.
12. История Бурятии: в 3 т. Т. 1. Древность и средневековье. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 328 с.: ил.
13. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.
14. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / РАН, Ин-т востоковедения, СПб. фил. – СПб.: Наука, 2006. – 591 с.: ил. (Восток: Общество, культура, религия).
15. Ковалев А. А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита, 2002. – С. 103–131.
16. Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Материалы междунар. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 89–103.
17. Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Материалы междунар. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 104–117.
18. Ковалев А. А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. – СПб.: СПбГБУК МИСР, 2012. – 160 с.
19. Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т. Открытие на юге Монголии памятников новой культуры периода развитой бронзы // Материалы междунар. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». Т. 1. – Улан-Батор, 2012. – С. 175–182.
20. Комиссаров С. А. Культура чауху – центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР) // Terra Scythica: мат-лы междунар. симп. «Terra Scythica». – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 121–129.
21. Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.
22. Коновалов П. Б. О хуннской ветви этногенеза в Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): мат-лы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2005. – С. 76–83.

23. Крадин Н. Н. Кочевничество и теория цивилизаций // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 14–23.
24. Крадин Н. Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 330–346.
25. Миняев С. С. Происхождение сюнну: современное состояние проблемы // Проблемы археологии степной Евразии: тез. докл. конф. Ч. 2. – Кемерово, 1987. – С. 142–145.
26. Мочанов Ю. А. Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии. – Якутск: Академия наук Республики Саха (Якутия); Центр арктической археологии и палеоэкологии человека, 2007. – 200 с.
27. Пилипенко А. С., Полосьмак Н. В., Коновалов П. Б., Журавлев А. А. Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 222–225.
28. Полосьмак Н. В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у д. Дао-дуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в древности и средневековье. – Новосибирск, 1990. – С. 101–107.
29. Трапезов Р. О., Пилипенко А. С., Молодин В. И. Разнообразие линий митохондриальной ДНК в генофонде населения Прибайкалья эпохи неолита и ранней бронзы // Вавилонский журнал генетики и селекции. – 2014. – Т. 18. – № 3. – С. 469–477.
30. Фефелова В. В. Значение исследования распределения генетических маркеров HLA для анализа этногенеза якутов // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха: мат-лы Всерос. интердисциплинарной науч. конф. с междунар. участием, посвященной 125-летию Г. В. Ксенофонтова и 100-летию Л. Н. Гумилева (г. Якутск, 24–26 октября 2012 г.). – Новосибирск: Наука, 2014. – 320 с.
31. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. – 288 с.
32. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – 1-я половина II тыс. до н. э.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. – 236 с.: ил.
33. Шевкомуд И. Я., Янишина О. В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. – СПб: МАЭ РАН, 2012. – 270 с.
34. Crubezy E., Amory S., Keyser C. et al. Human evolution in Siberia: from frozen bodies to ancient DNA // BMC Evol. Biol. – 2010. – Vol. 10. – P. 2–16.
35. Derenko M., Malyarchuk B. A., Denisova G., Perkova M., Rogalla U., Grzybowski T., Khushnutdinova E., Dambueva I., Zakharov I. Complete Mitochondrial DNA Analysis of Eastern Eurasian Haplogroups Rarely Found in Populations of Northern Asia and Eastern Europe // PLoS one. – 2012. – 7 (2). DOI: 10.1371/journal.pone.0032179.
36. Derenko M., Malyarchuk B., Denisova G., Perkova M., Litvinov A., Grzybowski T., Dambueva I., Skonieczna K., Rogalla U., Tsybovsky I., Zakharov I. Western Eurasian ancestry in modern Siberians based on mitogenomic data // BMC Evol. Biol. – 2014. – Oct. 10;14:217. DOI: 10.1186/s12862-014-0217-9.
37. Keyser-Tracqui C., Crubézy E., Ludes B. Nuclear and mitochondrial DNA analysis of a 2,000-year-old necropolis in the Egyin Gol Valley of Mongolia // American Journal Human Genetic. – 2003. – 73(2). – P. 247–260.
38. Krause J., Fu Q., Good M., Viola B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 464. – April. – P. 894–897.
39. Lkhagvasuren G., Shin H., Lee Se., Tumen D., Kim J.-H., Kim K.-Y. et al. Molecular genealogy of a Mongol Queen's Family and her possible kinship with Genghis Khan // PLoS ONE. – 2016. – 11(9). – P. 1–30. DOI: 10.1371/journal.pone.0161622.
40. Mooder K. P., Weber A. W., Bamforth F. J., Lieverse A. R., Schurr T. G., Bazaliiski V. I., Savel'ev N. A. Matrilinial affinities and prehistoric Siberian mortuary practices: a case study from Neolithic Lake Baikal // Journal of Archaeological Science. – 2005. – Vol. 32. – Is. 4. – P. 619–634.
41. Mooder K. P., Schurr T. G., Bamforth F. J., Bazaliiski V. I., Savel'ev N. A. Population affini-

ties of Neolithic Siberians: A snapshot from prehistoric Lake Baikal // American journal of physical anthropology. – 2006. – 129:349-361.

42. *Raghavan M., Pontus Skoglund, Kelly E. Graf et al.* Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans // Nature. – 2014. – Vol. 505. – P. 87–91.

43. *Sato H., Izuho M., Morisaki K.* Human cultures and environmental changes in the Pleistocene – Holocene transition in the Japanese Archipelago // Quaternary International. – 2011. – P. 93–102.

44. *Tumen D.* Paleoanthropology of archaeological populations from Inner Asia // Материалы междунар. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 316–325 (на англ. яз.).

45. *Tumen D.* Anthropology of Xiongnu // Материалы междунар. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Иркутск: ИрГТУ, 2011. – С. 366–377 (на англ. яз.).

46. *Түмэн Д., Эрдэнэ М., Хатанбаатар Д., Анхсанаа Г., Цыденова Н. В.* Дорнод Монгол 2011 хээрийн судалгаа // Mongolian Journal of Anthropology Archaeology and Ethnology. Official Journal of the National University of Mongolia. – 2012. – Vol. 7. – No. 1 (378). – P. 1–25 (на монг. яз.).

УДК 614:94(571.54)
ББК 63.3(2)51

В. Ю. Башкуев

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И СТАТУС ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИК ВРАЧЕВАНИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ (XVIII – начало XX в.)

В статье рассматривается процесс создания государственной медицины в России и характер ее последующего взаимодействия с традиционными лечебными практиками и медицинскими системами кочевников Центральной и Внутренней Азии. На примере медицинской политики России в Казахской степи (XIX в.) и дореволюционной Бурятии прослеживаются особенности формирования медико-санитарного знания о казахах и бурятах, выделяется и объясняется отношение русских врачей к местной традиционной медицине. В случае монгольских народов выделяется факт существования у них развитой медицинской системы, основанной на тибетских медицинских канонах и анализируется ее роль в формировании имперской медицинской политики в регионе.

Ключевые слова: государственная медицина, знахарство, шарлатанство, медицинская полиция, медицинская политика, инструмент империи, тибетская медицина, медицинская система.

V. Yu. Bashkuev

THE MAKING OF RUSSIAN STATE MEDICINE AND A STATUS OF TRADITIONAL HEALING PRACTICES OF CENTRAL AND INNER ASIAN NOMADIC PEOPLES (18th – early 20th centuries)

The article traces the making of state medicine in Russia and the character of its further interaction with traditional medical practices and medical systems of Central and Inner Asian nomads. Using the examples of Russia's medical policy in the Kazakh steppe and pre-revolutionary Buryatia, the author exposes peculiarities of medical-sanitary knowledge on Kazakhs and Buryats, highlights and explains attitudes of Russian physicians to local traditional medicine. In the case of the Mongols the existence of a developed Tibetan-based medical system is outlined and its role in the development of the imperial medical policy in the region analyzed.

Keywords: state medicine, quackery, charlatanry, medical police, medical policy, instrument of empire, Tibetan medicine, medical system.

Приблизительно до второй половины XVIII в. народные медицинские практики – знахарство, основанное на суеверии и магии, фитотерапия, деятельность различных костоправов и повитух, ведовство и т. д. – вполне мирно уживались с научной медициной по всей Европе. Одной из причин был тотальный

дефицит квалифицированных врачей, выпускников медицинских факультетов университетов. Их услуги были дороги даже для горожан среднего достатка; для сельских же жителей их стоимость была просто неподъемной. Поэтому в городах и особенно за их пределами множились ряды шарлатанов (от фр. *charlatan* – тор-

говец целебными средствами) – людей без специального медицинского образования, но имевших практические навыки медицинской помощи. За небольшую плату они оказывали нуждавшимся различные услуги, например, могли «пустить кровь», принять роды, произвести хирургическую операцию, изготовить лечебные отвары, настои, мази и т. д.

Государство и врачебные корпорации долгое время смотрели на шарлатанов сквозь пальцы. Врачебные корпорации не видели в них серьезных соперников, так как платежеспособные клиенты старались не рисковать и обращались за медицинской помощью к дорогим, но гарантированно компетентным специалистам. Более того, врачи сами прибегали к помощи костоправов и цирюльников, потому что «рукодеятельные практики» считались недостойными высокого звания *medici puri*. Государства же не вмешивались в сложившуюся ситуацию, так как в ту эпоху считалось, что поиск и получение медицинской помощи являлось личным делом каждого отдельного человека [14, с. 42].

Ситуация стала меняться к первой четверти XVIII в. **Произошедший в Европе демографический подъем** не сопровождался увеличением количества дипломированных врачей – выпускников европейских университетов, однако потребности общества и особенно увеличившихся регулярных армий в медицинской помощи постоянно росли. В связи с этим экспоненциально выросло и количество шарлатанов. Медицинские исследования, проведенные в рамках новой теории «эпидемических конституций» в первой половине XVIII столетия, показали, что ущерб от их деятельности был сопоставим с последствиями крупной эпидемии. Это послужило одной из причин, по которым европейские государства начали масштабную борьбу с шарлатанством. Другой причиной стали общие для ведущих европейских стран и России процессы огосударствления медицинской отрасли, начавшиеся во второй половине XVIII в.

Эволюция и внедрение концепции государственной медицины в Европе и России (вторая половина XVIII – середина XIX в.)

Начало государственной медицины в России относится к эпохе петровских реформ. В 1725 г. в результате преобразования Аптекарского приказа в России была создана Медицинская канцелярия. Ее роль в администрировании медицинской сферы была незначительной. Фактическое отсутствие руководства деятельностью врачей привело к реорганизации Медицинской канцелярии в Медицинскую коллегия указом императрицы Екатерины II от 12 ноября 1763 г. Медицинская коллегия стала первой в России высшей государственной врачебной инстанцией.

Концепция государственного управления медицинской отраслью имела европейское происхождение и была перенесена на территорию России практически одновременно с ее реализацией в ведущих державах континентальной Европы – Австрии (1753) и Франции (1776). Впервые профилактика заболеваний и забота о здоровье человека стали рассматриваться не как личное дело каждого индивида, а как одно из важнейших условий «внутренней безопасности государства». Произошло это по следующим причинам.

На рубеже XVII и XVIII вв. в Европе произошел окончательный перелом в понимании причин возникновения эпидемий. До тех пор, пока распространение эпидемических заболеваний объяснялось «божьей карой» и «тайнственными изменениями скрытых качеств воздуха», государство ограничивало свою роль в борьбе с эпидемиями организацией карантинных мер. Однако в эпоху Просвещения, под влиянием идей и трудов выдающегося английского клинициста и мыслителя Томаса Сиденгама (1624–1689), европейские медики пришли к концепции «эпидемических конституций» как основной причины эпидемий.

Под эпидемической конституцией Т. Сиденгам понимал совокупность факторов окружающей среды, возникавшую время от времени на определенной территории, которая посредством «порчи воздуха» вызывала у всех населяющих эту территорию людей предрасположенность к болезни. Уже первые исследования эпидемических конституций на рубеже XVII–XVIII вв. позволили выявить связи между возникновением эпидемий и местными условиями жизни. Они показали, что устранение негативных факторов физической и социальной среды обитания было способно привести к снижению заболеваемости.

В результате европейские врачи пришли к двум революционным по своей сути выводам, изменившим не только восприятие эпидемий, но и отношение государства к медицине как научно-практической сфере. Согласно первому, причины эпидемий уже не представлялись непостижимыми, а виделись вполне изучаемыми и, более того, предотвратимыми. Второй вывод подводил к тому, что исследования эпидемических конституций должны были обрести государственный масштаб. Разработанные в ходе них предупредительные меры должны были неукоснительно исполняться всем населением. Выполнение этого условия требовало активного вмешательства со стороны государства.

Идеи врачей быстро нашли поддержку у теоретиков и практиков меркантилизма и меркантилизма: политиков, правоведов и экономистов, считавших, что только государство способно обеспечить нравственное, физическое и экономическое благополучие общества и отдельно взятого человека. Новые концепции медицинской науки органично вплелись в контекст разрабатывавшихся в тот период проблем «искусства государственного управления», что послужило важной причиной принципиально нового отношения государства к медицине [13, с. 44, 45].

Возникшая на стыке интересов политиков, правоведов, экономистов и ме-

диков, новая отрасль государственного управления получила название «медицинской полиции». Впервые этот термин был использован немецкими и австрийскими правоведами и врачами в 1750–1760-х гг. В первой половине XIX в. врачи предлагали заменить этот термин на более благозвучный: «общественное здравоохранение», «социальную медицину», «муниципальную медицину» и «общественную гигиену» [Там же].

Патрик Э. Кэрролл отмечает, что в европейском контексте той эпохи концепция полиции отражала идею использования государственной власти для расследования, регулирования и судебного преследования во имя государственной безопасности. Концепция же безопасности была неразрывно связана со здоровьем через концепцию «населения». Объекты внимания медицинской полиции разделялись на семь категорий: 1) сообщества (в особенности криминализованные и деклассированные); 2) «вредные воздействия» (широкий термин, обозначающий факторы, угрожающие обществу); 3) физическая среда обитания; 4) пища и вода; 5) опасные материалы и их использование; 6) вредные производственные факторы; 7) люди, оказывающие медицинские услуги (врачи, аптекари, знахари и ведьмы) [17, p. 463].

В России начала XIX в. высшей государственной «врачебно-ученой, врачебно-полицейской и врачебно-судебной» инстанцией стал медицинский совет Министерства внутренних дел. В его состав входили высшие медицинские чиновники (главы медицинских департаментов) и наиболее авторитетные врачи Российской империи. Все меры в области гражданского и военного медицинского управления, требовавшие высочайшего утверждения, представлялись императору только после предварительного рассмотрения медицинским советом МВД [13, с. 47].

Основные задачи государственных структур управления медицинской отраслью во всех крупных европейских державах были схожи. Во-первых, они

организовывали сбор и изучение информации об особенностях физической и социальной среды обитания людей в масштабах всей страны для выявления связи этих факторов с заболеваемостью. Во-вторых, на основе полученных данных ими разрабатывались научно обоснованные лечебно-профилактические рекомендации, вводившиеся для неукоснительного соблюдения практикующими врачами на местах. После соответствующих процедур часть из них получала статус законодательных актов. Разработка специального врачебно-санитарного законодательства являлась одним из наиболее важных направлений деятельности государственных органов управления медицинской отраслью [13, с. 48].

Другой задачей являлось создание государственных систем подготовки медицинских кадров и борьба с шарлатанами, знахарями, травниками, ведьмами и повитухами. Выявление лиц, оказывающих медицинские услуги без соответствующей подготовки, вменялось полиции, а наказание за подобную деятельность становилось суровее.

Важнейшим достижением основоположников концепции медицинской полиции была масштабная реформа университетского медицинского образования, осуществлявшаяся с конца XVIII по первую половину XIX в. в крупных университетах Европы. В России переориентация медицинских факультетов на подготовку врачей с правом медицинской практики началась в 1803–1804 гг. На рубеже 1810–1820-х гг. при университетах в Москве, Вильно, Казани и Харькове начали работу медицинские институты, предназначенные для подготовки врачей «в службу». Законодательно новые цели работы медицинских факультетов российских университетов были окончательно оформлены первым общероссийским университетским уставом 1835 г. В 1838 г. в силу вступили новые «Правила испытания медицинских, ветеринарных и фармацевтических чиновников и вообще лиц, занимающихся врачебною практикою» [Там же, с. 44].

В этот период в России сложились два основных центра развития медицинской науки и подготовки кадров – Петербургская медико-хирургическая академия и медицинский факультет Московского университета. В 1802–1803 гг. в Российской империи было 1625 врачей на 1893 штатных места. Около половины врачей работало в военном и морском ведомствах. В 1812 г. количество врачей достигло уже 2776 человек. Гражданские медики были в основном сосредоточены в городах, где с 1775 г. существовали должности городских врачей [7].

Еще одним важным аспектом государственного контроля над медицинской сферой являлось формирование централизованной системы помощи нуждающимся и социально незащищенным группам населения (сиротам, инвалидам, престарелым, малообеспеченным и нищим). Во второй половине XVIII столетия по всей Европе забота о нищих, престарелых и инвалидах была юридически признана обязанностью государства [14, с. 45].

В России в конце XVIII – начале XIX в. усилиями Приказов общественного призрения во всех губернских городах были открыты больницы на 20–200 коек. В уездных городах больницы открывались по инициативе Медицинской коллегии силами ее территориальных органов – врачебных управ. Строительство и содержание больницы оплачивалось из городской казны. По Городовому положению 1785 г. городские управы были обязаны отводить больницам здания и снабжать их всем необходимым. Хозяйственной частью больниц ведали городские думы. Нормативные документы были разработаны МВД (например, «Наставления об устройстве больниц» 1823 г.) [12, с. 8].

В огромной империи ощущался острый дефицит врачебных кадров. В 1853 г. пансионерам Приказов общественного призрения было предложено получать высшее медицинское образование за счет приказов. При губернских приказных больницах стали создаваться

фельдшерские школы, а позднее и повивальные училища, в которые принимались воспитанники приказных сиротских домов. Средний медицинский персонал, подготовленный в этих учебных заведениях, распределялся по медицинским учреждениям тех приказов, за счет которых проводилось обучение. Однако количество приказных фельдшерских школ и их выпускников было недостаточным и не позволяло решить проблему обеспечения медперсоналом гражданских больниц [7].

Несмотря на проблемы, нужно признать, что во второй половине XVIII – первой половине XIX в., вслед за ведущими державами Европы, в России кардинально изменилось отношение государства к медицине и охране здоровья населения. Синтез достижений европейской научной медицины и политической мысли воплотился в концепции медицинской полиции. Несмотря на специфическую коннотацию, новая концепция в равной степени предусматривала как установление государственного надзора за здоровьем населения и системой оказания медицинской помощи, так и политизацию медицины как научно-практической сферы, ее превращение в инструмент внутренней политики государства и одновременно в значимый аспект внутренней безопасности. Эта радикальная трансформация государственного видения медицины предвляла ее дальнейшую эволюцию в «инструмент империи», а затем и в «мягкую силу» последующих эпох.

В результате реализации концепции медицинской полиции как в Европе, так и в России удалось добиться значительных результатов, предопределивших дальнейшее развитие европейской медицины как государственно регулируемой системы научно-медицинских знаний, практик и институтов. В результате реформ была создана стандартизированная и практически ориентированная система подготовки медицинских кадров в университетах, хирургических академиях и медицинских институтах.

Был разработан и принят целый корпус законодательных актов о медицинской деятельности. Юридическое регламентирование медицинской сферы и реформы в подготовке медицинских кадров подрывали авторитет и вытесняли в маргинальную область представителей народной медицины, традиционных конкурентов медицины государственной. И хотя борьба с ними в масштабах многонациональной и неравномерно развитой империи была сравнительно малоэффективна, принципы, заложенные на заре создания государственной медицины, сохранили свою суть даже в ходе радикальных социальных экспериментов советской эпохи.

«Инструмент империи» против «шайтанов и шарлатанов»: государственная медицина в процессе имперского освоения российского Востока

Исторический опыт России в области политики здравоохранения до сих пор не подвергся точной научной типологизации. Отсутствие устоявшейся историографической традиции изучения российской имперской медицины и наработанной методологической базы, применимой к российскому опыту имперского взаимодействия с континентальными колониями (Казахская степь, Сибирь, Дальний Восток, Маньчжурия), заставляет современных исследователей оперировать аналитическими категориями, разработанными на материале западных колониальных империй. Буквальное следование западным концепциям имперской медицины чревато слишком широкими обобщениями, которые во многом не отражают всей специфики взаимодействия российской власти с автохтонами внутренних регионов империи [1, с. 115–116].

Безусловно, медицина играла особую роль в отношениях власти и коренных народов обширного российского Востока. В своих наблюдениях и запис-

ках об отдаленных регионах (Сибирь, Центральная и Внутренняя Азия, Дальний Восток) русские медики конструировали специфический медико-этнографический дискурс о населявших их народах, их облике, обычаях и жизненном укладе. В нем постепенно выкристаллизовалось научное знание об этих землях и людях; оно, в свою очередь, во многом определяло форму и содержание медицинской политики государства по отношению к коренным народам российского Востока.

Российская медицина и традиционные практики в Казахской степи (XIX в.)

Интересен пример медицинской политики царского правительства, осуществлявшейся в Казахской степи в XIX в. А. Э. Афанасьева изучила особенности медицинского взаимодействия российской власти с казахами Младшего жуза и Букеевской орды, с середины XVIII в. находившимися под властью Оренбургской пограничной комиссии. По ее мнению, утверждение российских медицинских практик в северо-западном Казахстане следовало логике имперской экспансии – от русских форпостов на границах к внутренним районам Казахской степи. За столетие изменился и характер российской медицинской политики в этом регионе – от эпизодической помощи казахской верхушке и отдельным казахам до спланированных противозидемических кампаний [1, с. 119].

Внедрение русской медицины в Казахской степи началось с кропотливого военно-статистического и медико-топографического изучения региона в 1820–1850-х гг. Большое значение имели этнографические описания казахов, ведь одна из важнейших задач империи состояла в определении их культурного развития и предрасположенности к «оцивилизации». Врачи-наблюдатели концентрировали внимание на аспектах физической антропологии казахов и особенностях их жизненного уклада. Образы,

запечатленные в отчетах, контрастны, в них присутствуют как резко негативные описания, так и положительная оценка физического состояния и традиционного кочевого хозяйства казахов. Как правило, казахи характеризовались как физически крепкий, выносливый и здоровый народ, мало подверженный дегенерации, в отличие от остяков, камчадалов, юкагиров и других северных автохтонов [Там же, с. 123]. Критические отзывы о культурной отсталости, дикости нравов и примитивности кочевой жизни казахов формировали моральный фундамент для заявлений о необходимости укрепления российской власти и внедрения цивилизующей русской культуры в Казахской степи [Там же, с. 124].

В пореформенный период произошел существенный сдвиг в тональности характеристик, даваемых казахам наблюдателями-медиками и этнографами. Они стали восприниматься как несчастный полудиккий народ, чья отсталость проистекала из его полной заброшенности правительством. В тот период врачи опирались на корпус особого экспертного знания, основанного на «объективном» наблюдении и систематическом изучении фактов. Возросший в последней трети XIX в. институциональный статус медицинской науки придавал суждениям медиков дополнительный авторитет [Там же, с. 130–131]. К тому времени, побуждаемые необходимостью сбора точных цифр и достоверных фактов о заболеваемости казахов в степи, русские врачи стали прибегать к тактике поголовных обследований, характерной для западного колониального опыта.

Главные причины болезней выделялись в «традиционных» факторах: нечистоплотности, приверженности казахов негигиеничным обычаям – например, коллективному пользованию посудой – и большой распространенности среди них суеверий. Характеризуя целительские практики казахов, русские врачи отмечали рациональность некоторых приемов лечения: видов фитотерапии, использо-

вания лекарственных средств животного происхождения. Большое внимание уделялось кумысу, даже скептики признавали его терапевтический эффект. Положительные оценки вызывали и некоторые меры по профилактике инфекционных болезней. Критические комментарии раздавались в отношении экзотических приемов целительства, например прикладывания на пупок сорочьего мозга при грыже и т. д.

Самые негативные отзывы вызывала деятельность местных знахарей-«баксы». Ритуалы изгнания злых духов, провоцировавших болезни, симптоматику которых казахи не могли объяснить, вызывали порицание со стороны русских врачей, а шаманы в их глазах выступали обманщиками. Такие методы признавались не только бесполезными, но и опасными для здоровья больного. В категорию шарлатанов попали и муллы, читавшие над больным молитвы и заговаривавшие воду для питья. Приверженность таким «варварским практикам» становилась для российских наблюдателей свидетельством глубокого невежества народа. Так, русский врач И. Лосьев писал: «Много нужно труда и терпенья, чтобы вывести киргизов из их полудикого состояния, освободить их от шайтанов и шарлатанов» [1, с. 133].

Предметом постоянного внимания российских властей был эпидемический надзор. Эпидемии опустошали степь. Осознавая свою беспомощность перед ними, казахи охотно принимали помощь русских врачей. Панический страх перед оспой объясняет легкость, с которой казахи согласились на оспопрививание по методу Дженнера. Распространив оспопрививание в степи через русских и татарских медиков, российские власти затем начали обучать казахских оспопрививателей. В 1825 г. при Оренбургском военном госпитале был подготовлен первый казахский специалист, выходец из Внутренней орды С. Дженабеков [Там же, с. 140].

Впоследствии медики отмечали, что

по сравнению с русскими староверами казахи намного легче склонялись к оспопрививанию. Ордынцы сами присылали в Оренбург ходатайства о командировании оспопрививателей в аулы [Там же, с. 141]. Медики удивлялись, насколько прилежно казахи исполняли их предписания, в то время как крестьяне российских губерний, случалось, избивали врачей, обвиняя их в распространении инфекции [Там же, с. 146].

Российская медицина в Казахской степи являлась интегральным компонентом имперской политики. Несмотря на сложность своих отношений с государством, врачи выступали там как представители имперской администрации. Своей работой они создавали и укрепляли доверие кочевников к государственной медицине и через нее к имперскому управлению. В тот период закладывался краеугольный камень в основание медицинской организации западного типа. Основная же работа по созданию народного здравоохранения была осуществлена в советский период [16, р. 46–126].

В медико-санитарном дискурсе о кочевниках-казахах их традиционная медицина подвергалась критической оценке и в целом признавалась малоэффективной и даже небезопасной для здоровья. Особенности нарекания вызывали целительские практики, связанные с иррациональными феноменами, например деятельность «баксы» и мулл. Реакция русских врачей отражает не только сложившиеся в медико-санитарном и этнографическом дискурсе о казахах ориенталистские тропы, но и естественный ход эволюции государственной медицины, одной из задач которой являлась борьба с необразованными, но многочисленными конкурентами в лице представителей народной медицины.

Проблемы здравоохранения в Бурятии (XIX – первая треть XX в.)

В советское время аксиомой являлось утверждение о том, что до Октябрьской

революции бурятам и другим коренным народам Восточной Сибири не оказывалась государственная медицинская помощь. Показательна точка зрения первого наркома здравоохранения Бурят-Монгольской АССР А. Т. Трубачеева. В 1934 г. он писал: «Если правительство старого строя проявляло некоторую заботу в отношении охраны здоровья русского населения, то по отношению к коренному бурятскому и старообрядческому населению оно в этой области никакой заботы не проявляло. Поэтому «лечебное дело» в западных бурятских районах до последнего времени оставалось в руках шаманов, в восточных районах – в руках лам» [15, с. 350]. Мнение наркома отражает советскую идеологизированную точку зрения на политику здравоохранения в отношении бурят: царское правительство игнорировало проблемы здоровья инородцев; создание системы здравоохранения в регионе являлось исключительно заслугой большевиков.

Между тем современные исследования политики самодержавия в отношении инородцев Сибири показывают, что все социальные вопросы, включая образование, здравоохранение и общественное призрение, были отданы в ведение органов инородческого самоуправления. У бурят они полностью находились в юрисдикции степных дум. Для содержания медпунктов и медперсонала требовалось общественное финансирование, что часто было не по карману местным бурятским сообществам. Поэтому большинство бурят предпочитало обращаться к традиционным «поставщикам медицинских услуг» – шаманам и эмчи-ламам.

Тем не менее это не отменяло необходимости государственного контроля эпидемических заболеваний. Огромную проблему представляла оспа, от которой буряты предпочитали бежать, откочевывая из зараженной местности и оставляя больных на волю случая. Смертность от оспы была высока и среди русского населения. Врач Н. В. Кириллов отмечал

частые и опустошительные вспышки оспы среди старообрядческого населения Верхнеудинского округа [9, с. 8–9].

В 1772 г. по представлению иркутского генерал-губернатора А. И. Бриля был открыт Иркутский оспенный дом. В 1776 г. в нем были привиты 6450 бурятских детей, 28 из которых умерли. Привитие такого количества бурятских детей при небольшой смертности было значительным успехом: в то время далеко не все буряты позволяли прививать оспу своим детям. Однако уже к началу XIX в. многие буряты, включая тайшей, соглашались на оспенную прививку. В 1808 г. царское правительство приняло постановление о массовом оспопрививании бурятского населения. Как и в случае казахов, в 1808 г. среди бурят были набраны «оспопрививательные ученики», которые по окончании учебы освобождались от повинностей и казенных нарядов и направлялись на выполнение планового оспопрививания в Западном Забайкалье [2, с. 126–127].

Бурятские оспопрививатели добивались в своей работе значительных успехов и бывали отмечены государственными наградами. Так, в 1872 г. за успехи в прививании детей «оспенный ученик» Аюша Митиев был награжден администрацией Забайкальской области серебряной медалью. В 1883 г. в Восточном Забайкалье работали 5 «оспенных учеников»; часть оспопрививателей находилась на государственном обеспечении, другие – на общественном содержании [Там же, с. 129].

С 1870-х гг. в Верхнеудинском округе, включавшем в себя все Западное Забайкалье, работал Верхнеудинский окружной комитет общественного здоровья. По сути, это был первый официальный орган санитарно-эпидемического контроля. Одной из его главных задач было информирование территориальных органов самоуправления, в т. ч. и бурятских степных дум, о возникновении и локализации эпидемических вспышек. В период, когда слухи все еще были глав-

ным источником информации, своевременное информирование через государственные органы имело большое значение – бурятское самоуправление могло принять срочные меры для предотвращения заноса эпидемии на свои территории.

Еще одной причиной, объясняющей отсутствие определенной государственной политики здравоохранения в отношении бурят, на наш взгляд, являлось мощное присутствие в регионе тибетской медицины. В свидетельствах путешественников, посещавших Бурятию и Монголию в XVIII–XIX вв., даются характеристики ее терапевтических методов и лекарственных средств. Первым описал свою встречу с бурятским эмчи-ламой И. Г. Гмелин в книге «Путешествие через Сибирь» (1751–1752). Он высоко оценил знания и профессиональную подготовку лекаря, особенно отметив искусное приготовление лекарств из растительных и минеральных компонентов [6, с. 323]. М. А. Кастрен с уважением писал об учености бурятских лам, знавших тибетский язык, а иногда и санскрит, священные тексты, философию, историю. «К такой многосторонней учености, – писал Кастрен, – они присоединяют еще теоретические и практические сведения в медицине. Врачебную мудрость черпают они из тибетских источников, а лекарства выписывают из Пекина» [8, с. 290]. Финский путешественник писал, что бурятские врачи пользуются всеобщим доверием и к их помощи прибегают и русские, и буряты, вне зависимости от уровня образования [Там же].

Терапия и фармакопея тибетской медицины изучались и сибирскими учеными. Так, О. О. Реман описал и изучил тибетскую аптечку, а затем издал книгу «Описание тибетской аптечки» на немецком языке в Санкт-Петербурге. Важным источником экспертного знания о тибетской медицине для врачей стали книги архиепископа Иркутского Нила (Н. Ф. Исакович) «Врачебное искусство забайкальских бурят» и «О буддизме» [11, с. 164]. Таким образом, тибетская

медицина занимала особое место в этнографическом и научно-медицинском дискурсах о бурятах, позиционируя их как народ, обладавший развитой, эффективной и научно обоснованной медицинской системой, методы и практики которой российская медицина в целом считала рациональными.

В контексте политики государственного признания буддизма и кооптации буддийских иерархов в российскую элиту тибетская медицина рассматривалась как самостоятельная медицинская система, способная обеспечить потребности бурятского населения в медицинской помощи. Несомненно, этому способствовало и то, что буряты сами обращались за медицинской помощью, прежде всего к эмчи. Удивительно, но староверы-семейские, отрицавшие европейскую медицину как смертный грех, при этом доверяли «языческой» тибетской медицине и часто обращались к ламам, если их собственные знахари и начетчики были бессильны помочь [6, с. 325].

Институционализируемая тибетская медицина существовала и у других представителей монгольского суперэтнуса, попавших в геополитическую орбиту Российской империи, – монголов и урянхайцев. В русских описаниях их здравоохранительных практик тибетской медицине уделяется большое внимание. Несмотря на определенный критицизм, российские наблюдатели не могли отрицать того, что авторитет эмчи-лам в Монголии и Урянхае был высок, а тибетская медицина была единственной институционализированной медицинской системой с развитыми школами, значительными кадрами и стабильной практикой [4, с. 61–62]. Европейская же медицина вплоть до начала 1930-х гг. довольствовалась маргинальным положением: разделяя официальный статус с тибетской медициной, она уступала ей по количеству клиник и практикующих врачей, испытывала необходимость в постоянном укреплении своего авторитета в массах, нуждалась во влиятельном правительственном лобби и

в советской поддержке. Ситуация изменилась только в начале 1930-х гг., когда на буддийское духовенство обрушились репрессии по идеологическому признаку, практически уничтожившие его как класс [5].

Рамки данной статьи не позволяют обратиться к статусу и бытованию народной медицины монголов, имевшей большое распространение среди кочевых монголоязычных народов Юго-Восточной Сибири и Внутренней Азии. В контексте нашего исследования необходимо упомянуть, что ко времени распространения в регионе государственной европейской медицины монгольская народная медицина в значительной степени слилась с тибетской медицинской системой, что позволяет ряду современных исследователей рассматривать их в комплексе [3, с. 161–162]. Эволюция диагностики, терапии, фармакопеи народной монгольской медицины и ее положение в условиях доминирования государственной биомедицины составляют обширное исследовательское поле [10] и будут рассмотрены в дальнейших работах.

Заключение

Идея государственного контроля здоровья населения, форм, масштабов и качества оказания медицинской помощи оформилась в концепцию медицинской полиции и стала внедряться в Российской империи одновременно с ведущими европейскими державами. Этот процесс наглядно продемонстрировал связь между научным прогрессом и социальными изменениями. Но даже внутри европейской культурной парадигмы, с которой российская элита всегда ассоциировала себя, процесс приживления и распространения государственной медицины был сопряжен со значительным культурным конфликтом: привычные формы медицинской помощи в виде знахарства и народно-бытовой медицины сдавали свои позиции неохотно; их бытование во многом сохранилось и в советское время. В отдаленных же регионах на

востоке империи русские врачи, олицетворявшие собой не только европейскую медицину, но и в большей степени имперскую администрацию, столкнулись с колоссальным комплексом того, что они характеризовали как «дикость» и «суеверие», но что по сути представляло собой тысячелетний практический опыт борьбы с различного рода болезнями. Взаимодействие государственной медицины и традиционных лечебных практик не всегда представляло собой открытый конфликт, но практически всегда – культурное противостояние, отразившееся в специфическом медико-санитарном дискурсе, во многом определившем смысл и формы медицинской политики России в ее континентальных «доминионах». Этот дискурс определяющим образом повлиял и на ход создания народного здравоохранения в советский период.

Исторический опыт внедрения государственной медицины в населенной коренными народами российской периферии варьировался в зависимости от региона и особенностей развития автохтонного населения. Так, в Бурятии государственная медицина в основном распространялась на русское население, в то время как буряты пользовались услугами эмчи-лам. Это объяснялось особенностями системы бурятского самоуправления, в юрисдикции которой была вся социальная сфера, включая здравоохранение и социальное призрение. Кроме того, буряты находились под сильным влиянием тибетской медицины. В этнографическом и медико-санитарном дореволюционных дискурсах о бурятах она представлялась самостоятельной медицинской системой, способной удовлетворить потребности бурятского населения в медицинских услугах. Поэтому буряты выпали из имперской политики здравоохранения: к ним не отправлялись противозидемические отряды, у них не проводилось поголовных осмотров и дезинфекций, на материале бурят не изучались инфекционные заболевания. Зато в советское время этот дефицит внимания был восполнен: в годы становления автономии (1923–1934)

проблемы здоровья бурятского населения рассматривались на всероссийском и международном уровнях, а БМАССР стала «научно-исследовательским полигоном» для советских и международных медицинских экспедиций.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-01-00248 «Европейская медицина в контексте социалистической трансформации монгольских народов: конфликт и взаимодействие (1920–1970-е гг.)».

Литература

1. *Афанасьева А. Э.* «Освободить...от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX веке // *Ab Imperio*. – 2008. – № 4. – С. 113–150.
2. *Батоев С. Д.* Оспопрививание в Забайкалье (XVIII – начало XX в.) // *История медицины*. – 2016. – Т. 3. – № 2. – С. 125–132.
3. *Баторова С. М.* К истории традиционной монгольской медицины // *Вестник БНЦ СО РАН*. – 2011. – № 3. – С. 161–168.
4. *Башкуев В. Ю.* Советская медицина и большевистское культуртрегерство: медико-санитарная экспедиция Наркомздрава РСФСР в Тувинскую Народную Республику (1928 г.) // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. – 2015. – № 4 (22). – С. 59–67.
5. *Башкуев В. Ю.* Буддизм и тибетская медицина в контексте научно-медицинского изучения монгольских народов 1920–1930-е гг. // *Вестник БНЦ СО РАН*. – 2014. – № 4 (16). – С. 276–281.
6. *Гордеева О. Б.* Тибетская медицина у старообрядцев Байкальской Сибири в 30–50-е гг. XX в. // *Изв. Иркутск. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение*. – 2013. – № 2 (11). – Ч. 1. – С. 321–329.
7. *История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.)* / под ред. Р. У. Хабриева. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. Режим доступа: <http://istoriirossii.ru/19-vek/311-zdravoohranenie-rossii-v-pervoj-polovine-xix-veka.html>.
8. *Кастрен М. А.* Путешествие в Сибирь (1845–1849). – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.
9. *Кириллов Н. В.* Борьба с эпидемическими болезнями в Западном Забайкалье // *Восточное обозрение*. – 1893. – № 17. – С. 8–9.
10. *Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.* Природа заболеваний в традиционных представлениях монгольских народов и практики народно-бытовой медицины // *Вестник БНЦ СО РАН*. – 2014. – № 3 (15). – С. 116–126.
11. *Николаев С. М.* История изучения традиционной тибетской медицины в Восточной Сибири // *Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: матлы III междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 9–10 декабря 2014 г.)*. – Улан-Удэ, 2014. – С. 164–165.
12. *Смирнова Е. М.* Приказы общественного призрения и здравоохранение в России (конец XVIII – середина XIX в.) // *Новый исторический вестник*. – 2011. – № 30. – С. 6–17.
13. *Сточик А. М., Затравкин С. Н., Сточик А. А.* Становление государственной медицины (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). Сообщение 1. Возникновение концепции медицинской полиции, органов управления медико-санитарным делом, врачебно-санитарного законодательства // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. – 2013. – № 1. – С. 44–49.
14. *Сточик А. М., Затравкин С. Н., Сточик А. А.* Становление государственной медицины во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Сообщение 2. Создание государственных систем подготовки медицинских кадров и призрения социально незащищенных групп населения // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. – 2013. – № 2. – С. 41–45.
15. *Трубачев А. Т.* Состояние и перспективы здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР // *Проблемы Бурят-Монгольской АССР: труды первой конференции по изучению про-*

изводительных сил Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 448 с.

16. *Michaels, Paula A.* Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2003. – 239 p.

17. *Patrick E. Carroll.* Medical Police and the History of Public Health // *Medical History.* – 2002. – № 46. – P. 461–494.

УДК 316.334.56+60.546.21

ББК 60.546.218

В. Н. Тугужекова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (на материалах г. Абакана)

Интенсивный процесс урбанизации для Хакасии связан с формированием на территории Хакасии Саянского ТПК, однако радикальные реформы 1990-х гг., последовавший экономический кризис привели к ряду социальных проблем.

В статье делается попытка связать проблемы современного города с особенностями протекания советской модели урбанизации, возникшими современными социальными проблемами. Особая роль Саянского ТПК отводилась г. Абакану. Город Абакан и сегодня занимает особое место в республике. Это не только административный, образовательный и культурный центр, он по-прежнему занимает ведущее место в экономике Республики Хакасия.

Ключевые слова: Саянский ТПК, урбанизация, миграция, городское население, структура промышленного производства, социальные проблемы, бедность, бездомные.

V. N. Tuguzhekova

SOCIAL PROBLEMS OF A MODERN TOWN (Based on Materials of Abakan)

The intensive process of urbanization for Khakasia is related to the formation of the Sayan Territorial Production Complex in the territory of Khakasia, but radical reforms of the 1990s and forthcoming economic crisis led to a range of social problems.

In the article there is an attempt to relate problems of the modern town to peculiarities of the course of the Soviet model of urbanization, encountered modern social problems. A special role of the Sayan Territorial Production Complex was assigned to Abakan. Nowadays town Abakan takes a special place in the republic as well. It is not only an administrative, educational and cultural center but as before it still holds a specific place in economy of the Republic of Khakasia.

Keywords: the Sayan Territorial Production Complex, urbanization, migration, urban population, structure of industrial production, social problems, poverty, houseless persons.

В настоящее время в отечественной науке достаточно велико количество исследований, посвященных

анализу города как социального явления. Так, исследования Е. Н. Заборова и А. Ф. Исламова представляют город как

природное (экологическое) и социальное (материально-вещное и индустриально-культурное) пространство, в центре которого находится человек [5, с. 98]. Город – это прежде всего горожане, сообщество, которое формирует городскую среду. Важно отметить, что город создан людьми и для людей. Городская среда должна удовлетворять потребности человека. Известный психолог и философ Абрахам Маслоу предложил модель потребностей, которая широко используется современными учеными. По мнению А. Маслоу, у среднего гражданина удовлетворены 80 % физиологических потребностей, 70 – в безопасности, 50 – в любви, 40 – в уважении и 10 % – в самоактуализации [7, с. 75].

Каждая из перечисляемых А. Маслоу потребностей может быть расшифрована посредством конкретных характеристик, но одновременно имеет и некоторый общий, кумулятивный показатель. Так, физиологические потребности проявляются в потребности в пище, воздухе, сне, отдыхе, продолжении рода и пр. В рамках города такой показатель рассматривается как «социальное здоровье». Потребность в безопасности интегрально может быть сведена к фактору «социальное самочувствие». Потребности в любви и принадлежности комплексно проявляют себя через социальные сети – частоту, полноту (наполненность), прочность и глубину социальных отношений, в которые включен человек. Потребность в уважении интегрируется в «социальный статус», проявляя себя через социальные роли, место в социальной стратификации и мобильность. Потребность в самоактуализации – через «свободу» (самореализация, творчество, активность и пр.) [5, с. 99].

Как отмечают исследователи, удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью в городе во многом зависит от активности самих людей, занимаемой ими социальной позиции. Однако есть факторы, которые делают жизнь горожан менее комфортной, это прежде всего те проблемы, которые возникают в городах.

Здесь важную роль играет образ жизни горожан.

Однако не существует образа жизни, единого для всех обитателей российских городов. В соответствии с глубокой дифференциацией условий жизнедеятельности, выступающей одним из проявлений социально-классовой дифференциации, складывается и сама реальная жизнедеятельность, социальное поведение тех или иных классов и социально-классовых групп городского населения. Вместе с тем характер жизнедеятельности горожан имеет и достаточно много общих черт. Коренным противоречием образа жизни российского горожанина становится разрыв между теми возможностями для развития человека, которые аккумулирует город, и характером использования этих возможностей, говоря иными словами, результатами этого развития для человека. Типичный городской образ жизни людей уже давно и прочно преобладает в развитых капиталистических странах. Процесс перехода к нему неизбежен, объективно обусловлен и в целом позитивен. Однако использование новых возможностей в интересах удовлетворения потребностей и развития способностей происходит в соответствии с социальной групповой принадлежностью горожанина, а отнюдь не с его простой принадлежностью к городскому сообществу в целом. В результате качественно больший выбор сфер трудовой деятельности опосредован возможностью получения соответствующего образования и хозяйственной конъюнктурой, а сама трудовая деятельность может быть рассмотрена прежде всего как средство получения индивидуальных доходов. В этих условиях господствующей установкой типичного горожанина, его смыслом жизни становятся доход и потребление [15, с. 132].

Город, как в условиях социализма, так и современности не становится благом для человека. Проблемы современного российского города связаны с особенностями протекания советской модели урбанизации, характерной чертой которой были серьезные количественные

и недостаточно качественные изменения. Быстрый рост и концентрация городского населения, формирование широкой сети городских поселений заметно опережали процессы адаптации вчерашних сельских жителей к городскому образу жизни, усвоение ими городской культуры, новой системы ценностей. Городской рост не был достаточно подкреплен как экономическими возможностями, так и социальными приоритетами государства [1, с. 55]. Процесс интенсивной урбанизации для Хакасии связан с серединой 1970–1980-х гг., когда на территории юга Красноярского края и Хакасской автономной области формировался Саянский ТПК (территориально-производственный комплекс). Так, по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. численность городского населения Хакасии составляла 54 %, для сравнения – в Бурятии – 41,1, Горном Алтае – 19, Якутии – 49,1 % [6, с. 77]. К 1989 г. численность городского населения в Хакасии уже составила 72,3 % [Там же, с. 85], превысив среднесоюзный показатель (65,9 %). Рост населения Хакасии обеспечивала миграция, дававшая 75 % всего прироста [8, с. 42].

К середине 1980-х гг. доля промышленности в общем объеме производства индустрии и сельского хозяйства в области достигла 87,7 %. Как отмечает исследователь А. И. Дроздов, увеличение удельного веса промышленности в экономике Хакасии с 70 (1965) до 87,7 % является признаком установления в регионе структуры хозяйства, характерной для индустриального общества [3, с. 27]. Как уже отмечалось ранее, доминирующими факторами динамики численности горожан в эти годы являлись миграционный прирост и административные преобразования сельских поселений в городские. Тенденция смены места жительства сельских жителей, переезда их в города была обусловлена социально-экономическим развитием региона: концентрацией крупного производства в городах, увеличением спроса на рабочую силу, более

высоким уровнем социально-бытового обслуживания и культурной жизни, широким товарооборотом.

В 1970–1980-е гг. для юга Красноярского края было характерно значительное повышение роли внешней миграции, что было связано с развитием Саянского комплекса: область практически не располагала свободными людскими ресурсами, которыми можно было бы закрыть потребности строительства, поэтому была оказана помощь как со стороны государства, так и со стороны общественно-политических организаций рабочим кадрам из других регионов. В реализации миграционной политики использовались традиционные способы и формы – плановые и организованные, добровольные и принудительные, массовые и индивидуальные переселения из других районов страны. В подготовке переселений были использованы традиции и опыт предыдущих периодов истории заселения и освоения юга Красноярского края. Миграционное движение, в которое вовлекались огромные массы людей, эффективно не подкреплялось мерами социальной политики, что вызвало значительный отток населения. Главной причиной слабой приживаемости в регионе была неудовлетворенность жилищными условиями. Причем неразвитость инфраструктуры городов и поселков городского типа вела к интенсивному оттоку населения, в первую очередь той его части, которая предъявляла к условиям жизни повышенные требования, т. е. квалифицированных и образованных кадров. Например, если за 1971–1987 гг. в городские поселения Хакасии прибыло 584797 чел., то выбыло 493807 чел., т. е. примерно 84,4 % числа прибывших [6, с. 65]. По числу осевших в городах на первом месте был г. Абакан, затем шли города Саяногорск и Черногорск. Так, в среднем в год механический прирост составил: в Абакане – 2984 чел., Саяногорске – 1227 чел., Черногорске – 527 чел. [Там же, с. 64] Численность населения г. Абакана к 1990 г. составила 156,6 тыс.

чел., за 30 лет город вырос почти на 100 тыс. чел. (58,7 тыс. чел. в 1960 г.) [13, с. 201] В последующий период основным источником роста городского населения стали естественный прирост и в меньшей степени миграция, в т. ч. в результате завершения строительства наиболее крупных объектов Саянского ТПК. Итак, именно в 1970–1980-е гг. шел интенсивный процесс роста численности городского населения Хакасии. Именно в эти годы при формировании Саянского ТПК особая роль отводилась созданию промышленных узлов.

Город Абакан удобно расположен на пересечении автомобильных, железнодорожных и водных путей. Он и начал развиваться как крупный транспортный узел, перевалочная база грузов для южных районов Красноярского края и Тувы. Город Абакан – крупный административный центр. Эта его организационно-историческая особенность, центральное место в хозяйстве способствовали размещению в нем промышленных предприятий. Основными же факторами формирования здесь промышленного узла явились наличие свободных трудовых ресурсов, транспорта, водных ресурсов, близость к сельскохозяйственной продукции. Именно эти факторы повлияли на размещение в Абакане крупных предприятий легкой и пищевой промышленности. Несколько позже, в связи с накоплением экономического потенциала, появляется возможность размещения машиностроительных предприятий. В промышленных зонах г. Абакана в 1970–1980-е гг. было построено 2 экспериментально-механических завода, комбинат крупнопанельного домостроения, 2 завода железобетонных изделий, швейная фабрика, комбикормовый завод, пивзавод, введены мощности на вагоностроительном и контейнерном заводах. На многих предприятиях проведены работы по реконструкции и расширению. В результате среднегодовая стоимость основных промышленно-производственных фондов узла в 1980 г., по сравнению с 1970 г., увеличилась в 4,3

раза, численность промышленно-производственного персонала – в 1,4, объем промышленного производства – в 1,8 раза. Значительные изменения произошли за эти годы в отраслевой структуре промышленного производства. Существенно возросло производство продукции на предприятиях машиностроения и металлообработки. Удельный вес отрасли во всем промышленном производстве узла возрос с 6 % в 1970 г. до 21,6 % в 1980 г.

На долю машиностроения и металлообработки в 1980 г. стало приходиться около 25 % численности промышленно-производственного персонала. Несколько больший удельный вес по объему производства (24,2 %) и численности промышленно-производственного персонала (33,2 %) занимала легкая промышленность.

Самой крупной отраслью по объему производимой продукции (42,2 %) традиционно была промышленность [17, с. 84].

В 1990-е гг. производственная структура г. Абакана пришла в упадок, практически полностью рухнула легкая промышленность, свернули свое производство большинство предприятий машиностроения и металлообработки, что привело к безработице.

Исследования начала 1990-х гг. говорят о резком расслоении общества, проявлении социальной напряженности [4, с. 30]. Исследования более позднего периода (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) свидетельствуют о процессах адаптации населения Хакасии к изменившимся условиям [16, с. 131].

Социальные проблемы современного города и в целом населения России достаточно известны. Так, историк Н. П. Попов, опираясь на социалистические исследования, выделяет следующие главные социальные проблемы: бедность и нищета населения; алкоголизация населения и пьянство; распространение наркотиков и наркомания; ВИЧ/СПИД; эпидемия туберкулеза; социальное си-

ротство и т. д. [10, с. 54–61; 11, с. 56–69] Эти проблемы наблюдаются в городах Хакасии, в т. ч. в Абакане.

В результате исследований, проведенных в Красноярском крае в начале 2012 г., к категориям нищих было отнесено 9 %, бедных – 14, необеспеченных – 17, итого – 40 %, но в России этот показатель – 55 % [18, с. 23]. Показатели по Хакасии приближены к краевым. Учитывая экономический кризис последних лет, можно констатировать, что процесс обнищания населения не остановлен, он продолжается. Так, в 2002 г. в Абакане за чертой бедности находилось около 42,7 тыс. чел. (численность населения города – 168,5 тыс.). Учитывая экономическую ситуацию, сложившуюся в 2015–2016 гг., реальная заработная плата за 2015 г. снизилась на 7,5 % и отмечается рост зарегистрированных безработных. На конец июня 2016 г. в городском центре занятости состояли на учете 1850 чел., из них 1598 чел. имели статус безработного, в 2015 г. – 1480 чел., в т. ч. 1167 чел. получали пособие по безработице [12, с. 8]. Безработные граждане являются одним из источников пополнения категории бездомных. Для Хакасии, как и для г. Абакана, характерен динамичный рост числа бездомных граждан, отмечается их омоложение.

Появились категории бедных, дифференциация которых происходит по уровню жизни. Можно условно выделить 2 вида бедных: 1) имеющие какие-либо средства к существованию; 2) не имеющие их. Последние расширяют свой состав за счет бездомных, которые являются индикатором качественного состояния общества. Бездомность как социальная проблема способствует росту социально опасных заболеваний (педикулез, туберкулез, чесотка, СПИД, сифилис и проч.), повышению уровня преступности, развитию теневой экономики, увеличению объемов финансирования со стороны государства для решения ее последствий.

Так, в 2008 г. число официальных бездомных по обращению в социальные службы составило 107, в 2013 г. – 314 без-

домных, т. е. за 5 лет число обратившихся за помощью выросло почти в 3 раза [14, с. 247]. Причем надо понимать, что число официальных бездомных является только долей от их общей совокупности. Многие бездомные не обращаются в социальную службу в связи с сохранившимися связями с друзьями и родственниками, а также имеющимися возможностями прожить нечестным путем.

По данным исследования И. Н. Трошкиной следует, что 80 % из обращающихся в службу бездомных являются бывшими заключенными (срок заключения в среднем от 3 до 7 лет), около 5 % – бывшими детьми-сиротами [Там же, с. 248].

Общие характеристики беднейшей части населения города позволяют представить «портрет» бездомного – мужчина среднего возраста со средним образованием, ранее имеющий семью и работу в сфере строительства, отбывший срок в местах лишения свободы, страдающий алкоголизмом.

Высок риск пополнения группы бездомных у людей, склонных обременять себя кредитными обязательствами, алкоголиков, страдающих опасными, сложно излечимыми заболеваниями, психологически неустойчивых натур, мигрантов, беспризорных и безнадзорных детей, заключенных.

В течение круглого года социальная служба поддержки населения г. Абакана оказывает различную помощь: юридическую, связанную с восстановлением прав на собственность и документов; психологическую – для социальной адаптации бездомным и т. д. Кроме того, муниципальные органы, МЧС кратковременно оказывают помощь в виде предоставления помещения бань для мытья бездомных, питания, финансовой поддержки (30 тыс. руб. в год выделяет администрация г. Абакана всем бездомным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы, для восстановления документов и отправки в свои регионы по домам). Основная помощь приходится на зимний период, когда положение бездомных

усугубляется суровыми климатическими условиями. На это время им предоставляется баня, палатки для временного обогрева и питания, теплая одежда. Стоит отметить, что число лиц, проходящих через данные пункты, составляет в день от 60 до 100 чел.

Данное явление характерно в большей степени для города, нежели села. Большая часть бездомных из сельской местности перемещаются в города, где, как им кажется, легче выжить, особенно

зимой, тем самым пополняя в городах бедные слои населения.

Сегодня, говоря о социальных проблемах наших городов, следует отметить, что эти проблемы характерны в целом для нашего общества. К сожалению, многие из них остаются нерешенными, а некоторые обостряются. Социальные проблемы российского общества являются сегодня наиболее острыми, они требуют решения и финансовых затрат государства.

Литература

1. Балдано М. Н. Советская модель урбанизации // Вестник БГУ. – 2009. – № 7. – С. 53–56.
2. Булакин Н. Г. Стратегический план развития города Абакана: до 2009 г.: проект. – Абакан: Журналист, 2004. – 338 с.
3. Дроздов А. И. Развитие производственной сферы Хакасии в 1965–1985 гг. – Абакан: Изд-во ГОУ ДПО «ХРИПК и ПРО»; «Роса», 2009. – 118 с.
4. Жители Хакасии о своей жизни / науч. ред. Г. Г. Котожеков, Л. В. Анжиганова. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1994. – 72 с.
5. Заборова Е. Н., Исламова А. Ф. Город как социальное пространство // Социс. – 2013. – № 2. – С. 97–101.
6. Ивандаева Е. Е. Роль миграции в развитии городского населения юга Красноярского края в 1970–1980-е гг. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Вып. 12. – Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2011. – С. 62–69.
7. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
8. Клисторин В. И. Прогнозирование перестройки системы расселения формирования ТПК // Изв. СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социология. – 1986. – Вып. 1. – № 1.
9. Кышпанакоев В. А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1995. – 348 с.
10. Попов Н. П. Сколько мы пьем и почему // Мир измерений. – 2008. – № 8. – С. 54–61.
11. Попов Н. П. Главные социальные проблемы России последнего десятилетия // Мир измерений. – 2010. – № 3. – С. 56–69.
12. Социально-экономическое положение г. Абакана в январе-июне 2016 года // Абакан. – 2016. – № 30.
13. Торосов В. М. Абакан. 2-е изд. – М.: Цицеро, 1994. – 208 с.
14. Трошкина И. Н. Бездомные Хакасии: состояние, проблемы, пути решения вопроса // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ХакНИИЯЛИ (г. Абакан, 24–26 сентября 2014 г.). – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2014. – С. 246–249.
15. Туров И. С. Городской образ жизни: теоретический аспект // Социс. – 1995. – № 1. – С. 131–134.
16. Тузужекова В. Н. Процессы миграции и адаптации населения Хакасии в условиях российских реформ (конец XX – начало XIX в.) // Восточные регионы России: стратегия и тактика освоения. – Новосибирск: Наука-центр, 2006. – С. 131–141.
17. Шулбаев В. К. Размещение промышленности в Хакасии. – Абакан: Бригантина, 2015. – 160 с.
18. Якубовская К. Бедные, но свободные // Аргументы и факты. – 2012. – № 7. – С. 23.

УДК 294.3
ББК 87+86

Д. В. Аюшеева

БУДДИЙСКАЯ СОЗЕРЦАТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Статья посвящена междисциплинарному диалогу между западной наукой и буддийской созерцательной традицией. Автором рассматриваются и анализируются результаты исследований западных ученых по психофизиологическому и биохимическому воздействию медитации на психоэмоциональную и когнитивную природу человека. Предварительные итоги совместной работы показывают, что измененное под воздействием медитации состояние мозга человека может быть измерено при помощи современных средств западной науки и техники.

Ключевые слова: тибетский буддизм, западная наука, нейронаука, медитативные практики.

D. V. Ayusheeva

BUDDHIST CONTEMPLATIVE TRADITION AND MODERN SCIENCE

The article is devoted to the interdisciplinary dialogue between Western science and Buddhist contemplative tradition. The author examines and analyzes the results of the studies of Western scholars psycho-physiological and biochemical effects of meditation on the psycho-emotional and cognitive human nature. The preliminary results of collaboration show that the state of human brain changed under the influence of meditation can be measured by means of modern Western science and technology.

Keywords: Tibetan Buddhism, Western science, neuroscience, meditative practices.

Первые попытки по изучению западными физиологами практик индийских йогов в 20-е гг. прошлого столетия положили начало взаимодействию медитации, науки и медицины. После исследования мозговой активности монахов-практиков и индийских йогов в лабораториях Запада предпринимались неоднократно. Существует множество публикаций, которые освещают физиологическое и биохимическое воздействие медитации на организм человека. Поиски взаимосвязи между практическими методами работы с сознанием и техникой научного эксперимента показали, что легкодоступные для исследований параметры, например частота сердечных

сокращений и дыхания, не отображают тонких изменений в работе мозга.

Начиная с 70-х гг. XX в. в науке о мозге стали применять методы, позволяющие замерить его биоэлектрическую активность. Эти методы позволили выявить корреляцию между активностью мозга и измененными состояниями сознания, возникающими в процессе буддийской медитации. Комплексные исследования биологической активности мозга с помощью электроэнцефалографа, а также измерения электрического сопротивления кожи, температуры тела и напряжения мышц показали, что функции различных органов тела и режим деятельности мозга, которые считались

непроизвольными, оказываются подчиненными воле человека.

Исследования в данном направлении ведутся и в России в институте им. Бехтерева, где объектом стали энцефалограммы, полученные у представителей различных религий в процессе чтения молитв или медитации. Работы российских ученых в этом направлении продолжают. В Америке разрабатывалась тема влияния молитв на процессы выздоровления и реабилитации зависимых от наркотиков [1]. Результаты нашумевших исследований нейробиолога из Пенсильванского университета в Филадельфии Э. Ньюберга, который исследовал активность мозга с помощью компьютерного томографа, показали, что в периоды глубокого религиозного опыта деятельность мозга претерпевает специфические изменения: одни зоны головного мозга снижают активность, а другие, напротив, активизируются.

Подобные исследования начали набирать популярность в конце 1990-х гг., и это было связано с основанием института «Ум и жизнь» в 1987 г. чилийским биологом и исследователем в области нейронауки Франциско Варелой, адвокатом Адамом Энглом и Далай-ламой. Этот институт объединил ученых-исследователей в области нейронауки, ученых-атомщиков и физиков с адептами духовных традиций и мыслителями для исследования точек соприкосновения буддийского, духовного и научного взглядов на мир.

Один из инициаторов проекта Адам Энгл так определяет его результаты: «Нет другой организации, которая так много сделала для легитимации научного изучения медитации» [7]. В результате западное научное сообщество признало не только право на существование, но и перспективность так называемых созерцательных нейронаук (contemplative neuroscience) и созерцательных клинических наук (contemplative clinical science). Созерцательная нейронаука изучает воздействие созерцания на мозг человека,

клинические же науки – на поведение человека и роль созерцания в профилактике и лечении разного рода отклонений и заболеваний. В 2009 г., подводя итоги 20-летней деятельности института «Ум и жизнь», Адам Энгл говорит о качественных сдвигах, произошедших в западной когнитивной науке под влиянием буддизма. Еще в 2002 г. идея создания поля вокруг научного изучения медитации казалась невозможной и неперспективной, буквально горстка ученых была вовлечена в исследования. В 2009 г. их количество увеличилось до сотен [Там же]. В сравнении с началом к концу первого десятилетия XXI в. количество публикаций в сфере созерцательных наук увеличилось на 300 % [8].

В настоящее время благодаря институту «Ум и Жизнь» и активной деятельности Далай-ламы изучение мозга в состоянии медитации приобрело регулярный и планомерный характер. Многочисленные эксперименты проводятся в лабораториях Франциско Варелы во Франции, Ричарда Дэвидсона, Антуана Луца в Мэдисоне (Висконсин), Пола Экмана и Роберта Левенсона в Сан-Франциско и Беркли, Джонатана Коэна и Brenta Филда в Принстоне, Стефана Косслина в Гарварде, Тани Зингер в Цюрихе и других университетах.

За последние 25 лет больше сотни практиков медитации – монахи и миряне, мужчины и женщины, представители западной и восточной культур, все с опытом от 10 до 50 тысяч часов медитации, а также множество новичков приняли участие в научных экспериментах. Эти исследования стали значимым символом того, что древняя традиция буддизма вступила в прямой диалог с исследовательскими техниками современной науки. Методы медитации, которые веками развивались и совершенствовались на Востоке, подверглись тщательной проверке в лабораторных условиях и было показано, что они оказывают серьезное влияние на умственное и физическое здоровье людей в современном мире.

Достижения в области нейровизуальных технологий позволили ученым получить сведения о том, что происходит с мозгом во время практики трех основных форм буддийской медитации – медитации концентрации, практики внимательности и практики любящей доброты. Испытуемые проходили ряд неврологических тестов, в которых применялся функциональный ядерно-магнитно-резонансный томограф (ЯМР-томограф), позволяющий получать видеоизображение и непрерывно записывать динамические изменения уровня активности зон мозга. Электроэнцефалографическое оборудование (ЭЭГ), снабженное 129-ю и даже 256-ю датчиками (в обычной практике используют 16 датчиков), позволило проводить триангуляцию и точно выявлять место происхождения нервного сигнала (ЭЭГ из 126 электродов, размещенных на голове и замеряющих изменения в электрической активности, протекающей в глубоких слоях мозга).

В ходе экспериментов обнаружилось, что опытные практики буддийской медитации были способны по своему желанию удерживать определенные паттерны мозговой активности, особенно высокую амплитуду колебаний гамма-ритма с частотой 25–42 Гц. Во время ментальной практики у опытных практикующих возникают синхронные колебания большой амплитуды в диапазоне гамма-волн. «Такая координация электрической активности может играть критическую роль в построении временных мозговых сетей, которые помогают интегрировать когнитивные и эмоциональные функции в процессе обучения и осознанного восприятия (речь идет о процессе, который может вносить долговременные изменения в нейронные цепи)», – пишет американский журнал «Scientific American» [5]. Если говорить кратко, исследователи пришли к выводу, что длительная практика медитации может менять структуру мозга, закрепляя в нем разные положительные воздействия и тенденции: к примеру, повышается степень сосредоточен-

ности, возрастает чувство удовлетворенности и благополучия.

Результаты экспериментов показали, что медитация не только глубоко изменяет когнитивные и эмоциональные процессы, но также влияет на размер областей мозга, которые за них отвечают, что говорит об изменении количества связей между нервными клетками. Предварительное исследование ученых из Гарвардского университета показало, что у опытных медитирующих увеличен объем серого вещества в областях, которые активируются в процессе различных форм медитации. Эти различия были наиболее явно выражены у старших по возрасту участников исследования, что говорит о том, что медитация влияет на толщину мозговой ткани, которая обычно истончается с годами, и эти изменения могут обладать антивозрастным эффектом. Кора мозга обладает наибольшей толщиной примерно с 20 до 25 лет, а затем постепенно с возрастом истончается. Однако толщина коры в этой небольшой зоне мозга у 40- и 50-летних людей, практикующих медитацию, была такой же, что и у 20-летних испытуемых [2, с. 156]. Например, у людей, страдающих болезнью Альцгеймера, процесс истончения происходит очень быстро. Поэтому медитация, возможно, является одним из способов сохранить бдительность ума, а также способствовать молодости мозга [Там же, с. 89].

Было также обнаружено, что практика внимательности уменьшает объем миндалины – областей, связанных с чувством страха и тревоги, а медитативная практика любящей доброты способна активизировать зоны мозга, связанные с проявлением эмпатии [5].

Эти данные совпадают с недавними результатами нейронаучных исследований, которые доказывают, что мозг взрослого человека претерпевает глубокие изменения в результате любой повторяющейся практики. Ранее было общепринятым мнение, что структура головного мозга остается неизменной

после того, как формируется в детстве. В действительности, когда мозг побуждается к активности определенным, часто повторяющимся опытом и реагирует на этот опыт, он может сохранять подвижность в течение всей жизни и обладает способностью использовать и переназначать большее количество мозговой ткани для определенных функций. Это свойство мозга получило название нейропластичности.

Буддийская традиция может расширить эту область научных исследований, предложив иные виды тренировки ума, формирующие и увеличивающие пластичность мозга. Буддисты утверждают, что способность человеческого мозга к трансформации заложена в самом понятии «медитация». В традиционном буддийском контексте термины, обозначающие «медитацию», – это *бхавана* (санскр.) или *гом* (тиб.). Санскритский термин несет в себе идею развития, например развития определенной привычки или образа жизни. Тибетский же термин «гом» имеет значение постепенного приучения себя к чему бы то ни было, т. е. буквально означает «привычность», «знакомство». Таким образом, медитация в традиционном буддийском контексте означает осознанную ментальную активность, которая направлена на постепенное приучение себя к избранному объекту, привычке, мировоззрению или образу жизни [6].

Буддийской традицией была разработана подробнейшая классификация ментальных состояний и техник созерцания для совершенствования определенных качеств ума. В основе этих медитативных практик лежат два основных приема: сосредоточение на достижении спокойного состояния ума; на когнитивных процессах, ведущих к пониманию. Их называют соответственно: стабилизирующая медитация (шаматха) и аналитическая медитация (випашьяна). Эти методы созерцания направлены прежде всего на две принципиальные цели: культивирование сострадательного сердца и

глубокое проникновение в природу реальности. Они рассматриваются как единение сострадания и мудрости. В основе этих медитативных практик лежат два ключевых приема: совершенствование внимания, его продолжительное удержание, а также управление эмоциями и их трансформация.

Исследования клинических психологов из Кембриджского университета и университета Торонто показали, что практика внимательности в сочетании с когнитивной терапией на протяжении 6 месяцев помогли почти на 50 % снизить риск рецидива тяжелой депрессии в течение года. Было доказано, что такая поддержка более эффективна, чем традиционная медикаментозная терапия. Заметим, что традиционная тибетская медицина при подобных душевных расстройствах признает медитативную практику необходимым для выздоровления средством. Душевные расстройства объединены в большую группу болезней, вызываемых «злыми духами» – *гдон*. Тибетское слово *гдон* обычно переводится как «злые духи». Этот символический термин американский психиатр Т. Клифорд обозначила как «широкий спектр сил и эмоций, которые обычно находятся за пределами сознательного контроля» [3, с. 159]. Буддисты считают, что проявленные негативные эмоции хранятся в виде некоего отпечатка в сознании и впоследствии, при определенных условиях, активизируются, выливаясь в психические расстройства. Если тибетским врачом установлен факт влияния «злого духа», то вначале он отсекает его путем религиозных ритуалов, своеобразной психотерапией, и только потом начинает медикаментозное лечение. Многим пациентам, которые еще не полностью из-за болезни лишились контроля над сознанием, рекомендуются духовные практики, которые, конечно же, включают в себя различные медитативные приемы.

Буддисты объясняют причины всех психических расстройств с позиций высшей йога-тантры. В ней сознание и тело

человека разделяют на три уровня: грубый, тонкий и тончайший. Грубый уровень ума – это наш обычный ум – связан с грубым телом, состоящим из плоти, крови, костей, органов и т. п. Тонкое тело включает в себя каналы и пребывающие в этих каналах энергии ветра и капли (бинду). По всему телу проходят тысячи таких каналов. Согласно учению йогатантры, эта сеть каналов формируется от трех главных: центрального канала, который проходит вдоль позвоночника, и двух боковых каналов. В нескольких местах центральный канал ветвится: от него в разные стороны отходят боковые каналы, образуя чакры [4, с. 150–151]. Энергия ветра, движимая по каналам при психических расстройствах, находится в возбужденном состоянии. Медитация способствует успокоению движения энергии ветра по каналам, что благотворно влияет на тело.

В рамках проводимых исследований удалось доказать, что медитация влияет не только на работу мозга, но и на другие биологические процессы, важные для физического здоровья человека. Есть некоторые доказательства того, что медитация может уменьшать биологические воздействия стресса, возникающие на молекулярном уровне. Ученые из Института биомедицинских исследований в Барселоне показали, что у опытных медитирующих всего один день интенсивной медитативной практики уменьшает активность генов, связанных с воспалением, и изменяет функционирование энзимов, отвечающих за «включение» и «выключение» этих генов.

Исследователи из Калифорнийского университета в Дэвисе изучали воздействие медитации на молекулы, участвующие в регуляции продолжительности жизни на клеточном уровне [1]. По сравнению с контрольной группой, медитирующие демонстрировали высокую активность энзимов, тормозящих процесс старения (теломеразы), к концу медитативного затворничества. Эти результаты позволяют предположить, что практика

внимательности может замедлить процессы старения человека на клеточном уровне [5]. Кроме того, подобные эксперименты показали, что уровни теломеразы были связаны с индивидуальным характером психологических изменений, произошедших за время медитации, что указывает на глубокую связь между биологическими изменениями и функционированием психики [2, с. 110].

Другие исследования показывают, что ежедневная 30-минутная медитация в течение 8 недель заметно усиливает иммунную систему, способствует снижению уровня высокого артериального давления, высокого уровня холестерина в крови, излечению ревматизма, уменьшению симптомов некоторых видов расстройств пищеварения, ускорению излечения псориаза. Так, например, в ходе исследования псориаза люди из медитирующей группы исцелились быстрее и им для очищения кожи потребовалось меньшее медицинское вмешательство. Исследователи стали называть этот подход «интерактивной медициной» (*participatory medicine*) [Там же, с. 209].

Согласно буддийской космологии, основу материального мира, в т. ч. и тело человека, составляют пять первоэлементов – это пространство, ветер, огонь, вода и земля, которые посредством тонких каналов конкретизируются в организме человека, образуя грубое тело. Энергии ветра, двигаясь по каналам, обеспечивают связь пяти элементов, которые формируют три «виновника» болезней («ветер», «желчь», «слизь») с так называемыми «тремя ядами» сознания: вожделием, ненавистью и заблуждением.

Когда возникает желание, оно возбуждает энергию «ветра». Ненависть тревожит «желчь», она порождает избыток элемента огня. Неведение, или заблуждение, рождает излишек «слизи», которая представляет собой сочетание элементов воды и земли. Таким образом, деструктивные эмоции воздействуют на тонкую структуру каналов, усиливают соответствующий первоэлемент, внося

дисбаланс в жизненные функции организма. Медитация способствует успокоению движения энергии ветра по каналам, что благотворно влияет на тело.

Безусловно, данный подход требует дальнейших рандомизированных исследований. Тем не менее сегодня все больше ученых соглашаются с тем, что буддийский метод тренировки ума обладает большим потенциалом для укрепления физического и психического здоровья человека. Предварительные итоги совместной работы показывают, что измененное под воздействием медитации состояние мозга человека может быть измерено

при помощи современных средств западной науки и техники. При этом не только фиксируются позитивные изменения в тех или иных областях мозга человека, но и доказывается его способность посредством ежедневной ментальной тренировки вызывать и контролировать эти изменения. Буддийские практики в этой ситуации – не только объекты для эмпирических опытов, они их инициаторы, способные с точки зрения буддийской философии объяснить причины и суть происходящих в человеке и с человеком процессов.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

Примечание

1. Молекулы, о которых идет речь, – это ферменты под названием «теломераза», которые удлиняют ДНК-сегменты – теломеры – на концах хромосом. Теломеры гарантируют стабильность генетического материала в процессе деления клеток. Они укорачиваются каждый раз, когда клетка делится, а когда их длина уменьшается до критического значения, клетки перестают делиться – и тогда постепенно начинается процесс старения.

Литература

1. Активность мозга во время религиозных глубоких переживаний. Режим доступа: <http://www.leary.ru/misc/bersnev/?n=08>.
2. Исцеляющая сила медитации: ведущие эксперты в области буддизма, медицины и психологии исследуют пользу созерцательной практики для здоровья / под ред. Энди Фрэзера; пер. с англ. А. Никулиной, Е. Никишихиной. – М.: Ганга, 2016. – 360 с.
3. Клиффорд Т. Демоны нашего ума: Алмаз исцеления. – СПб.: Санкт-Петербургская общественная организация развития тибетской медицины, 2003. – 248 с.
4. Лама Тубтен Еше. Блаженство внутреннего огня. Сокровенная практика Шести йог Наропы. – М.: Номос, 2010. – 347 с.
5. Мозг медитирующего. Режим доступа: <http://vnimatelnost.com/2015/03/11/mind-of-the-mediator/>.
6. Наука на перепутье. Доклад Его Святейшества Далай-ламы на ежегодной конференции Общества нейробиологов 12 ноября 2005 г. в Вашингтоне. Режим доступа: http://savetibet.ru/2005/12/13/science_crossroads.html.
7. Engle, A. The evolution of Mind and Life dialogues. Режим доступа: www.buddhistgeeks.com/2009/05/bg-122-the-evolution-of-the-mind-and-life-dialogues.
8. Summit in the Field. Four scholars reflect on the state of contemplative studies. Режим доступа: <http://www.mindandlife.org/research-and-initiatives/summit-field>.

УДК 10(09) 1: 291.1

ББК 86.3

А. М. Донец

МАХАЯНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ БУДДИЙСКОГО УЧЕНИЯ

На основе анализа большого комплекса тибетоязычной литературы в работе эксплицирована классификация видов буддийского махаянского Учения (chos) как особого духовного образования. Выделяются два основных подхода к анализу Учения, которые определяются как комментаторский ('grel ba) и герменевтический (drang nges don gyi rnam 'byed). Первый из них обнаруживается главным образом в комментариях разных типов и опирается преимущественно на выделение пяти видов смысла: непосредственного, указываемого прямо, косвенно, скрыто и символически. При втором, герменевтическом подходе, используются два главных направления исследования. Одно рассматривает отношение смысла к его воплощению в мысли (dgongs pa) с целью установления совпадения или несовпадения непосредственной мысли высказывания с мыслью высказывающего. Другое рассматривает смысл как таковой и исходит из того, что непосредственный смысл высказывания может совпадать или не совпадать с подлинным смыслом высказывания. В случае совпадения смысл высказывания называют «установленным» (nges don), а при несовпадении – «подлежащим установлению» (drang don).

Ключевые слова: буддизм, Дхарма, герменевтика, текст, Махаяна, буддийское учение, буддийская литература, источниковедение, схоластика, религия, Гелуг.

A. M. Donets

THE CONCEPTION OF THE MAHAYANA BUDDHIST DOCTRINE

Based on the analysis of a large complex of the Tibetan literature a classification of the Mahayana Buddhist teachings (chos), as a special spiritual formation is explained. There are two basic approaches to the analysis of the Teaching, which are defined as that of a commentator ('grel ba) and a hermeneutic one (drang nges don gyi rnam' byed). The first of these is found mainly in the comments of different types and relies mainly on the allocation of the five kinds of sense: direct, point directly, indirectly, covertly and symbolically. In the second, the hermeneutic approach, two main lines of research are used. One considers the ratio of sense to translate it in thought (dgongs pa) with the aim of establishing compatibility or incompatibility with the statements just thought thoughts were expressed. Other treats meaning as such, and is based on the fact that the immediate meaning of the utterance may or may not coincide with the true meaning of the utterance. In the case of a match the statements are referred to the meaning of "established" (nges don), and a mismatch – "to be established" (drang don).

Keywords: Buddhism, Dharma, hermeneutics, text, Mahayana Buddhism, Buddhist literature, scholasticism, religion, Geluk.

Возрождение буддизма в нашей стране [7; 8] и его широкое распространение во всем мире [1] вызвали возрастание интереса к буддийской литературе, особенно к сочинениям на тибетском языке – этой «латыни» Центральной Азии, – на котором писали свои труды не только знаменитые ученые Тибета, но и выдающиеся мыслители Монголии, Бурятии, Тывы и Калмыкии.

ДОНЕЦ Андрей Михайлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и культурологии СО РАН. E-mail: sn3716@gmail.com.

Своим главным предметом эта литература имеет буддийское Учение. Однако в буддийской и буддологической литературе отсутствует объяснение целостной концепции самого Учения как такового, без понимания которой не найдут своего должного истолкования многие особенности буддизма, в частности понимание процесса духовного освобождения личности, осуществляемого в процессе освоения ею содержания Учения [4; 5; 9]. В связи с этим возникает проблема выявления и осмысления данной концепции хотя бы только в рамках традиции Махаяны, которая представлена в буддийской литературе в значительной степени фрагментарно и имплицитно.

Анализ большого комплекса тибетоязычной литературы, а также религиозной жизни и ритуальной практики буддистов Центральной Азии позволил установить следующее.

Буддийское учение (**chos**) как такое представляет собой особое духовное образование, которое Будда Шакьямуни сотворил и наделил определенной силой – силой благословения (**byin rlabs**), придав ей специфическую направленность – ориентированность на спасение всех живых существ по программам, соответствующим особенностям различных категорий лиц и разрядам достигаемых целей. Подобное образование, согласно буддийской традиции, будет существовать вплоть до конца мира. Оно открыто в глубину, сливаясь с планом Абсолютного (**don dam pa**) – **Дхармового пространства** (**chos kyi dbyings**). Именно это полагают конечным условием того, что Учение способно дать постигающим его полное освобождение от круговорота феноменального существования (сансары).

Такое духовное образование не является чем-то единичным, простым и однородным. Оно представляет собой целостную совокупность множества различных учений, отношения между которыми определяются буддийской философской категорией тождества по сущности (**ngo bo gcig**). Одни учения конкретного Будды

полностью тождественны учениям иных Будд, другие совпадают с ними только частично, третьи являются его оригинальными творениями. Однако поскольку глубинным ядром учений всех Будд служит Абсолютное, то они тождественны по сущности. Это позволяет говорить об Учении Будды вообще.

Понимаемое подобным образом Учение Будды полагается Учением-Драгоценностью (**chos rin po che**) – одной из Трех Драгоценностей буддизма (Будда, Учение, Община), наивысшим и подлинным Прибежищем (**skyabs 'gnas**). В этом своем качестве оно открыто сфере живых существ, благодаря чему они могут прибегать (**skyabs 'gro**) к **Учению-Драгоценности**, вступая с ним в контакт и подвергаясь благодетельному воздействию его спасительной силы. При этом целостное Учение-Прибежище может восприниматься индивидами, наделенными тонкой чувствительностью, как некое светополе, обладающее специфическим качеством. Контакт осуществляется посредством двустороннего процесса: светополе входит в индивида, а тот – в него, оказываясь в духовном пространстве буддизма. Данное качество целостного Учения сохраняется в виде фона при вступлении в контакт с отдельными учениями, каждое из которых имеет свои собственные характеристики светополя и обладает присущим только ему специфическим воздействием на физическую, эмоциональную, интеллектуальную, духовную и внешнюю составляющие реципиента. Признаками установления контакта служат изменение валентности элементов поведенческого пространства, интенсивное проявление феномена резонансной синхронности внутреннего и внешнего, восприятие некоторых явлений в качестве знаков – указателей верности или ошибочности избираемых путей деятельности и т. д.

Контакт индивида с Учением является двусторонним, между ними устанавливается прямая и обратная связь, активное взаимодействие. При этом Уче-

ние в соответствии со своей программой определяет и структурирует путь, которым должен следовать контактирующий, по возможности устраняет помехи и способствует продвижению по нему. Но идти по указываемому таким образом пути должен сам желающий спасения, его позиция не пассивна, а активна и подчас требует проявления большой инициативы.

Итак, на пути совершенствования Учение и его реализатор выступают полноправными партнерами. Реализуемое подобным образом Учение, пребывающее в индивиде, выделяется в качестве особого вида и называется Учением Постижения (rtogs chos).

Разнообразие программ отдельных учений обуславливает наличие разных путей совершенствования, которые, однако, находятся в границах единого материального русла, констатируемого целью – обретением освобождения и положения Будды. Позиция активной веры обеспечивает чистоту контакта с Учением и непрерывность его поддерживания, а также правильность избираемого пути и наибольшую эффективность продвижения к намеченной цели. Без искренней веры невозможно установление контакта, а без активности, соответствующей программе, будет отсутствовать непрерывность его сохранения. Поэтому ослабление хотя бы одного из этих факторов будет иметь своим результатом прекращение реализации подлинного Учения Постижения, блуждание по окольным путям и следование ложному.

Описанный контакт с Учением является непосредственным и опирается на веру, прибежание, соответствующую программе деятельность. Однако кроме него есть и контакт опосредованный, когда Учение выступает в форме «проповеди» – обычной или специфической. Термин «проповедь» употребляется здесь для обозначения средства, благодаря применению которого происходит активизация и проявление силы Учения. При специфической «проповеди», согласно текстам

сутр и тантр, в качестве таких средств могут выступать, например, некая конкретная еда или запах определенных деревьев, контакт с которыми автоматически вызывает переход реализатора на более высокий уровень в совершенствовании. Установление контакта и его поддержание здесь не требует от индивида позиции активной веры.

При обычной «проповеди» Учение предстает в форме высказываний, поучений и наставлений, произносимых самим Буддой либо кем-то другим благодаря действию его благословения или волшебной силы. Непосредственное восприятие поучений от этих лиц тоже может вызвать переход слушателей на более высокий уровень даже при относительно пассивной позиции. Этот эффект значительно снижается при передаче наставлений через посредство каких-либо третьих лиц, письменной фиксации и переводе на другой язык, требуя от воспринимающего более активной позиции, которая, в частности, реализуется в обдумывании содержания поучений, созерцании понятого при размышлении, приведении своего поведения в соответствие с проповеданным и прочее.

Подобное Учение называется Учением Проповеди (lung chos). Оно связано со словом (tshig) и смыслом (don) таким образом, что проявление силы его благословения происходит при контакте со словом даже без понимания смысла или при размышлении над смыслом с использованием слов другого языка.

В особый вид следует, вероятно, выделить тантрийское Учение, которое имеет черты описанных выше видов Учения. В качестве отдельного раздела оно входит в то созданное Буддой духовное образование, которое сливается с планом Абсолютного и само заключает в себе учения различных тантрийских систем. Установление контакта с подобным Учением-Драгоценностью оказывается возможным только в результате получения посвящения (абхишеки) в одну из этих систем. Во время совершения

ритуала посвящения реципиент наделяется неким «дубликатом» духовного образования, которое передается по традиции, идущей от самого Будды, обладает определенным набором программ и выступает в качестве тантрийского Учения Постижения.

Для актуализации и культивирования контакта здесь прибегают к применению особых визуализаций и мантр, описываемых в соответствующих руководствах и методиках (*sgrub thabs, mngon rtogs*). С одной стороны, использование этих визуализаций и мантр вызывает проявление силы Учения, не требуя веры и активности, что роднит их со специфической «проповедью». Однако, с другой стороны, для эффективной и успешной реализации данного Учения необходимо интенсивное задействование постижения визуализируемых символов на основе предшествующего ознакомления с теорией тантры по соответствующей литературе, что роднит эти методы с Учением Проповеди.

Ядро буддийской литературы составляют тексты, которые признаются содержащими Слово Будды (*bka'*), т. е. Учение в форме обычной «проповеди», зафиксированной в письменном виде. Эти тексты традиционно подразделяются на сутры, тантры, дхарани, пратьянгиры и др. Каждый из них на мистическом уровне представляет одно Учение, или раздел Учения, с соответствующей ему программой, определяющей направленность и интенсивность действия силы благословения. Считается, что многие тексты-учения имеют также персонифицированные воплощения в виде *видий* (тиб. *rig ma*) – божеств, сотворенных из мудрости Будды.

К этому ядру примыкают произведения святых, великих знатоков (пандитов) и обычных ученых высокого уровня. Являясь по самой своей сути комментариями, они в той или иной форме истолковывают и разъясняют Слово Будды, вследствие чего содержат в известной степени и Учение как таковое, его благо-

детельную силу. Поэтому их тоже относят к Учению Проповеди.

Из сказанного следует, что с религиозно-мистической точки зрения, Учение не тождественно неким идеям или высказываниям. Поскольку связь буддийского Учения с проповеданными Буддой и его последователями идеями, методами и прочим является в известной мере условной, то она может быть разорвана. В силу этого перечисленные элементы могут быть «выведены» из сферы буддийской религии и включены в качестве компонентов в поле другой религии, философской системы или конкретной культуры. Так, например, в своем «проекте этики третьего тысячелетия» [3] Далай-лама XIV вычленяет из буддизма и представляет в виде отдельной нерелигиозной системы духовного развития комплекс базовых махаянских методик. Подобный подход открывает известные перспективы в деле обогащения культур разных традиций ценностями культуры буддийской.

С точки зрения формы изложения и категорий лиц, для которых оно предназначено, Учение в виде обычной проповеди подразделяется на вероучение (*bstan pa*) и философию (*grub mtha'*). Первое имеет обычную форму изложения и предназначено для простых индивидов (*so skye*), или «профанов» (*byis pa*), для философии же характерно обоснование верности выдвигаемых идей на основе строгих логических доказательств (*rigs*) и ссылок на высказывания пользующихся авторитетом людей (*lung*) – Будд, святых, мудрецов, и предназначена она для философов (*grub mtha' smra ba*) – сведущих в различных религиозных и философских системах и принимающих либо отвергающих те или иные идеи исключительно на основе доказательств.

Наличие разных языков, на которых могут излагаться идеи, привело к необходимости подразделения Учения в виде обычной проповеди на слово (*tshig*) и смысл (*don*): **хотя словесные формы** излагаемого Учения на разных языках и отли-

чаются друг от друга, но содержащийся в них смысл остается неизменным, в силу чего проповедуемое Учение признается одним и тем же. Термин «слово» нередко используется в качестве синонима (ming gi nam grangs) термина «имя» (ming), обозначающего то, восприятие чего в той или иной форме (акустической, графической и т. д.) вызывает понимание (go ba) соответствующего ему смысла или предмета (don). Имена обычно подразделяют на подлинные (dngos ming) и условные (btags ming). Первые характеризуют как те, которые были даны обозначаемым им предметам в самом начале, а их восприятие сразу вызывает понимание именно этих предметов. Вторые определяют как такие, которые даются потом тем либо иным предметам, уже имеющим свои собственные подлинные имена, на основе сходства ('dra ba) или связи ('brel ba) с теми предметами, для которых эти условные имена являются именами подлинными. Например, «лев» – подлинное имя зверя конкретного вида и условное имя, даваемое некоему человеку на основе сходства его храбрости и силы с храбростью и силой льва. Или когда солнечные лучи растопили снег, говорят: «Растопило солнце». Здесь на основе причинно-следственной связи именем причины («солнце») условно называют ее плод («солнечные лучи»). В тибето-язычной литературе приводятся и другие классификации имен (слов), которые используются при анализе и комментировании текстов.

С точки зрения того, кто именно излагает Учение, слово подразделяют на Слово Будды (bka') и шастры (bstan bcos) – трактаты его святых последователей ('phags pa) и мудрецов (mkhas pa). Подробные классификации этих видов слова приводятся в «Истории буддизма» Будона Ринчендуба [2] и «Основах буддийской тантры» Кэдруба Дже [6; 10]. Анализ же буддийской литературы позволяет выделить следующие виды текстов: сутры (mdo), тантры (rgyud), дхари (gzungs), пратьянгиры (phyir bzlog), молитвы (gsol 'debs), поклонения (phyag

'tshal), восхваления (bstod pa), благопожелания (smon lam), пожелания счастья (shis brjod) и многие другие. Большой популярностью у буддийских философов пользуются комментарии ('grel ba), которые подразделяются на комментарии слов (tshig 'grel) и комментарии смысла (don 'grel), автокомментарии (rang 'grel), собственно комментарии ('grel ba, bshad pa) и комментарии комментариев ('grel bshad). При этом комментируемый текст может вставляться в комментарий отдельными блоками, предложениями или же вплетаться в объяснения в виде одиночных слов и словосочетаний. В тибетской традиции имеются и три особых вида текстов: 1) сиддханты (grub mtha'), излагающие воззрения различных философских школ и религиозных систем; 2) summary ('dus pa), в которых приводятся в систематизированном виде идеи по конкретному предмету (например, по логике или философии мадхьямики); 3) исследовательские работы типа общих (spyi don) и подробных исследований (mtha' dryod), в которых различные предметы, темы и вопросы рассматриваются с применением в той либо иной степени особого стиля изложения в форме диспута. Многие из этих сочинений вошли в золотой фонд центральноазиатской буддийской схоластики, отличающейся большой оригинальностью и тем, что вплоть до настоящего времени она остается живой и востребованной.

При рассмотрении смысла Учения в виде обычной проповеди буддийские философы используют два основных подхода – комментаторский ('grel ba) и герменевтический (drang nges don gyi nam 'byed). Первый из них обнаруживается главным образом в комментариях разных типов и опирается преимущественно на выделение пяти видов смысла: непосредственного, указываемого прямо, косвенно, скрыто и символически. Непосредственным (dngos zin), или буквальным (sgra zin), полагают смысл, который может быть понят прямо из контекста. Специфической особенностью комментаторского подхода является то,

что этот непосредственный смысл рассматривается как обладающий функцией указания (**bstan pa**) на **некоторый** другой смысл. При этом указываемый прямо смысл (**dnegos bstan gyi don**) – тот, который может быть установлен самостоятельно путем умозаключения на основе связи с непосредственным смыслом сразу и без прибегания к другим текстам, расспросам сведущих людей или специальным исследованиям. Указываемый же косвенно (**don gyis bstan**), или непрямо (**shugs bstan**), смысл – тот, который может быть понят только путем изучения других текстов, расспросов знатоков или проведения специального исследования, устанавливающего связи двух первых видов смысла с теми или иными концепциями. Скрытый смысл (**sbas don**), или **указываемый** скрыто, – это полагаемый связанным с непосредственным смыслом, который может быть установлен только великим святым, ставящим в соответствие с конкретным словом, словосочетанием и т. д. конкретный элемент религиозной практики. Полагают, что скрытый смысл содержат тантры и некоторые сутры (например, «Праджняпарамита хридая»). Следует отметить некоторую размытость границ между первым и вторым, вторым и третьим, третьим и четвертым видами смысла. Символизируемый смысл (**mtshon don**), или **указываемый** символически, – тот, который, как полагают, содержат встречающиеся в текстах священные слоги, слова мантр и описания внешнего облика и атрибутов Будд, святых, божеств. Этот смысл выявляют путем установления связи и соответствия с представленным или описанным в тексте с точки зрения имени, цвета, формы, материала, числа, расположения, функции и т. п., причем все это может истолковываться с позиций разных магистральных течений (Хинаяна, Махаяна), отдельных тантрийских систем, а также увязываться с различными путями совершенствования, их стадиями, концепциями и т. д. Таким образом, комментаторский подход предполагает возможность существования поля полного смысла высказывания,

содержащего, как правило, три сектора – непосредственного, указываемого прямо и косвенно смыслов, к которым в определенных случаях присоединяются еще два сектора – скрытого и символизируемого смыслов.

При герменевтическом подходе используются в основном два главных направления исследования. Первое из них опирается на некоторые идеи, изложенные Майтреей в «Сутраланкаре», и рассматривает не смысл как таковой, а смысл, воплощенный в мысли (**dgongs pa**). Целью здесь является установление совпадения или несовпадения непосредственной мысли высказывания с мыслью высказывающего. В случае совпадения мысль высказывания определяют как «соответствующую звуку» (**zgra ji bzhin pa**), а при несовпадении – как «не соответствующую звуку» (**zgra ji bzhin min**). Обычной целью высказывания мысли является восприятие и понимание слушателем информации, содержащейся в ней. Если эта цель служит лишь средством достижения некоторой другой цели, то говорят о несовпадении мысли высказывания с мыслью высказывающего с точки зрения цели. Такие высказывания называют «подразумевающими непрямо» (**Idem roq dgongs pa**) некоторую цель и определяют как имеющие своим главным предметом «необходимость» (**dnegos**), т. е. они необходимы для чего-то. Выделяют четыре вида данного типа высказываний:

1) подразумевающие «введение» (**gzhug**) – сделанные для введения кого-либо в конкретное Учение;

2) подразумевающие признак (**mtshan nyid**) – **объясняющие нечто** в качестве подготовки к правильному восприятию последующего разъяснения истинного признака рассматриваемого предмета;

3) подразумевающие противоядие (**gnyen ro**) – сделанные для того, чтобы избавить слушателя от тех или иных пороков (гордости, лени и т. п.);

4) подразумевающие превращение (**bsgyur ba**) – те, которые делаются для активации умов слушателей, поскольку

с виду противоречат множеству других высказываний, но их правильное понимание способствует переходу ума на качественно новый уровень постижения действительности.

Мысли некоторых высказываний Будды и святых нельзя признать истинными, если не исходить из того, что при их произнесении подразумевалось нечто иное, не нашедшее своего отражения в содержании этих высказываний. Подобные высказывания называют «обладающими подразумеваемой» (*dgongs pa can*) мыслью и определяют как имеющие своим главным предметом некоторую «подразумеваемую основу» (*dgongs gzhi*), т. е. мысль. Здесь тоже выделяют четыре вида высказываний:

1) подразумевающие равенство (*mpyam pa nyid*), в которых говорится о различии в облике, варне (касте) и продолжительности жизни Будд в Явленном Теле (Нирманакае), но подразумевается их равенство во всех других отношениях;

2) подразумевающие иной смысл (*don gzhan*) – **те, для правильного понимания которых надо одни слова заменить другими** (например, «Убей отца и мать» означает «Уничтожь жажду и привязанность»);

3) подразумевающие другое время (*dus gzhan*) – **тип высказываний, в которых** говорится, к примеру, о рождении в блаженной области мира Сукхавати (стране Будды Амиабхи) благодаря произнесению соответствующего пожелания (*smon lam*), но подразумевается, что это рождение произойдет не сразу, а в некоторое иное время;

4) подразумевающие помыслы индивида (*gang zag gi bsam pa*) – наставления, сделанные Буддой в соответствии с постигнутыми им мыслями или особенностями слушателя, которые и подразумевались при произнесении высказывания.

Следует отметить, что иногда это подразделение высказываний на «соответствующие звуку» и «не соответствующие звуку» рассматривается при классификации не смысла, а слова Учения.

Второе направление исследования при герменевтическом подходе рассматривает смысл как таковой и исходит из того, что непосредственный смысл высказывания может совпадать или не совпадать с подлинным смыслом высказывания. В случае совпадения смысл высказывания называют «установленным» (*nges don*), а при несовпадении – «подлежащим установлению» (*drang don*). Поскольку условное высказывание (аналог условного имени) с неизбежностью должно содержать смысл, подлежащий установлению, то при оценивании смысла высказываний в плане совпадения или несовпадения непосредственного и подлинного смыслов буддийские философы используют следующие три критерия признания конкретного высказывания условным:

1) наличие «подразумеваемой основы» (*dgongs gzhi*) – **обнаружение обоснованной логически идеи, которая трактует данный вопрос иначе и противоречит содержащейся в высказывании непосредственно**;

2) наличие «необходимости» (*dgos*) – обнаружение того, что данное высказывание было сделано с конкретной целью, каковой является оказание поддержки определенной категории лиц;

3) наличие «возражения на непосредственное» (*dnagos la gnod pa*) – **обнаружение того, что высказанная непосредственно идея может быть опровергнута на основе непосредственного восприятия, логического доказательства или других высказываний авторитетных лиц.**

Если при анализе смысла высказывания устанавливается его соответствие этим трем критериям, то непосредственный смысл высказывания признают несовпадающим с его подлинным смыслом и смысл высказывания квалифицируют как «подлежащий установлению». «Соответствующие звуку» высказывания обычно полагают содержащими «установленный смысл», а «не соответствующие звуку» – «смысл, подлежащий установлению».

Описанную герменевтическую трактовку смысла высказываний Учения философы школы мадхьямика-прасангика традиции Гелуг, получившей большое распространение в Центральной Азии, характеризуют как обычную, или общую с другими (**thun mong**), **выдвигая наряду с ней свою особую – специфическую (thun mong ming)**. При этом они исходят из своей концепции двух истин (**bden pa**), согласно которой подлинной истиной является истина абсолютная (**don dam**), а относительная истина (**kun rdzob**) полагается истиной условно. Поскольку Будда ведаёт все истины в полном объёме и отличается исключительной правдивостью, то может изрекать только истину. Если он объясняет относительную истину, то всегда при этом подразумевает

истину подлинную – абсолютную, а при разъяснении истины абсолютной ему нет никакой необходимости подразумевать другое – истину относительную, полагаемую с известной точки зрения ложной. В соответствии с этим мадхьямики-прасангики считают все высказывания, в которых прямо объясняется абсолютная истина, содержащими «установленный смысл», а высказывания, излагающие относительную истину, – содержащими «смысл, подлежащий установлению».

Таким образом, в эксплицированной нами махаянской концепции буддийского Учения буддийская религиозно-философская литература предстает, с одной стороны, как имеющая своим главным предметом это Учение, а с другой – является одним из его видов.

Литература

1. Аюшеева Д. В. Основные особенности и тенденции распространения тибетского буддизма на Западе // Религиоведение. – 2011. – № 4. – С. 74–80.
2. Будон Ринчендуб. История буддизма / пер. с англ. А. М. Донца. – СПб.: Евразия, 1999.
3. Далай Лама XIV. Этика для нового тысячелетия / Центр тибетской культуры и информации. – СПб., 2001. – 237 с.
4. Донец А. М., Нестеркин С. П. Онтология личности в тибетском буддизме // Вестник БНЦ СО РАН. – 2014. – № 3 (15). – С. 173–183.
5. Донец А. М., Нестеркин С. П. Учение о личности в тибетской схоластике // Вестник БНЦ СО РАН. – 2011. – № 1. – С. 71–80.
6. Кедруб Чже. Основы буддийской тантры / пер. с тиб. и англ. Ф. Маликова. – Шечен, 2000.
7. Нестеркин С. П. Основные тенденции развития буддизма в социокультурном пространстве России // Вестник БГУ. – 2009. – Вып. 6а. – С. 16–20.
8. Нестеркин С. П. Буддизм в российской культурной среде: некоторые тенденции развития // Вестник РГНФ. – 2006. – № 1. – С. 98–105.
9. Нестеркин С. П., Донец А. М. Персонологические доктрины религиозно-философских школ индийского буддизма (по материалам тибетской доксографии) // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–3. – С. 184.
10. mKhas grub rje. Dge legs dpal bzang. Rgyud sde spyi'i mam par bzhag pa rgyas par bshad pa. Ксил., б/м; б/г.

УДК 348.01
ББК 86.35

Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева

«СОКРОВИЩНИЦА ТРЕХ УЧЕНИЙ» – НОВЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ЦУГОЛЬСКОГО ДАЦАНА

В статье впервые рассмотрены монголоязычный устав Цугольского дацана, отпечатанный ксилографическим способом в 1870 г., и биография его автора Галсан-Жинбы Дылгирова, второго настоятеля монастыря. На материалах устава рассмотрены история функционирования Цугольского дацана, его внутренняя структура, административное устройство, иерархия лам и проводимые в нем богослужения-хуралы.

Ключевые слова: Цугольский дацан, устав, буддизм, Г.-Ж. Дылгиров.

Ts. P. Vanchikova, M. V. Ayusheeva

“TREASURY OF THREE DOCTRINES” – A NEW WRITTEN SOURCE ON THE HISTORY OF THE TSUGOL DATSAN

For the first time in historiography this article considers the Charter of the Tsugol datsan written in the Mongolian language and printed in 1870 and the biography of its author Galsan-Zhinba Dylgirov, the second prior of this monastery. Based on this Charter the history of the Tsugol datsan, its internal administrative structure, hierarchy of lamas and church services are analyzed.

Keywords: Tsugol datsan, charter, Buddhism, G.-Zh. Dylgirov.

«Сокровищница трех учений» представляет собой устав Цугольского дацана, основанного в 1801 г. в Восточном Забайкалье. История Цугольского дацана, его храмов, биографии именитых буддийских деятелей, выходцев из данного монастыря, и их деятельность, роль дацана в истории и культуре бурят были предметом исследования ряда ученых [3; 6; 7]. Цугольский дацан был одним из крупнейших бурятских буддийских монастырей, прославившимся своими учебными факультетами, учеными-богословами. К моменту своего наивысшего расцвета он стал центром книгопечатания и буддийского образования, о чем свидетельствуют сохранившиеся печатные каталоги книг, изданных ламами Цугольского дацана в своей книгопечатне на тибетском и монгольском языках.

Согласно двум ксилографическим каталогам-гарчакам [I], в печатне Цугольского дацана на старописьменном монгольском языке с 1866 по 1872 г. было издано 50 сочинений на 780 листах [II]. В т. ч. и рассматриваемый «Устав монастыря Преисполненного добродетель-

яниями, преумножающего благодетельное учение, именуемый “Сокровищница трех драгоценных учений” [Tegüs buyantu öljei qutuу-un nom-i arbidqayçi keyid-ün jarçimlaysan biçig erdeni yurban surtal-un küü sang kemegedekü orusiba. Xyl., 11v f.]. Следует отметить, что не только в Цугольском, но и в других бурятских дацанах количество печатных книг на тибетском языке намного превышало количество изданных на монгольском [13]. Согласно приходно-расходной книге движимого и недвижимого имущества Цугольского дацана за 1888 г., в дацанской печатне хранилось 5348 ксилографических досок с тибетскими текстами и 601 доска с текстами на монгольском языке общей стоимостью 6508 руб. 50 коп. [Там же, л. 6v] Работа по выявлению и составлению общего списка книг на тибетском и монгольском языках, напечатанных как в Цугольском, так и в других бурятских дацанах, а также каталога трудов, написанных бурятскими ламами, представляет собой значительную и актуальную задачу, позволит определить вклад бурятских ученых лам в становление буддийской культуры и просвещения.

ВАНЧИКОВА Цымжит Пурбуевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: vanchikova_ts@mail.ru.

АЮШЕЕВА Марина Васильевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: ayagma@yandex.ru.

С момента официального признания Российским государством «ламайского вероисповедания» среди инородцев Восточной Сибири (1741 г.) было предпринято несколько попыток регламентации деятельности буддийской церкви. Изначально отношения общества и церкви регулировались нормами обычного права, в частности в «Положении 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству» были прописаны штрафные санкции, налагаемые на духовных лиц в случае совершения ими проступков, и виды наказаний за преступления против духовных лиц [10, с. 25–26]. Широко известна попытка императрицы Екатерины составить религиозное уложение Российской империи, для участия в работе над которым от буддистов Забайкалья депутатом был направлен первый хамбо-лама Д. Д. Заяев (1711–1777). Как известно, деятельность данной комиссии не была оформлена в заключительном документе.

Царское правительство для более строгого контроля за делами буддийской церкви неоднократно посылало инспекции в забайкальские степи. Командируемые из Санкт-Петербурга проверяющие в разной степени вникали в суть вопроса, оценивали экономическую нагрузку на верующих. Проекты Шиллинга фон Канштадта и других позволяют сделать вывод о том, что первоначально планировалось более детальное наблюдение за делами церкви [5, с. 29–40]. Лишь в мае 1853 г. император Николай I подписал «Уложение о ламайском духовенстве Восточной Сибири» с припиской не вносить в свод законов. В данном уложении нет четкой регламентации духовных званий и внутренней деятельности. Царской администрацией ограничивались: численность, общая структура буддийского сообщества, его обязанности, привилегии и права.

Одним из ранних монголоязычных документов, регламентирующих жизнь бурятских дацанов, является составленный в 1831 г. Кудунский устав, назван-

ный так по месту создания. Полное его наименование – «Религиозный устав монголо-бурятского духовенства Забайкалья». Он был составлен по запросу Шиллинга фон Канштадта собранием светских и духовных лиц [Там же, с. 6; 11, с. 240–277].

Среди бурятских дацанов были распространены системы богослужений и монастырской организации, привнесенные из разных буддийских центров Тибета и Монголии. Автор фундаментальной работы «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» А. М. Позднеев в описании монастырских правил в ряде случаев ссылается на «принимаемые к руководству в Халхе правила монастырской жизни, составленные ламою Цаган-даянчи» [9, с. 169]. Далее автор пишет: «Управление монастырем, равно как и всем причисленным к нему духовенством, ведется старейшими ламами, по-видимому, главным образом, на основании их личных соображений; но нельзя не сказать, что в некоторых случаях, хотя весьма и редко, они руководствуются еще постановлениями пекинского правительства, а равно и указаниями собственно буддийских канонов относительно образа жизни и поведения духовенства. На основании последних и еще более на основании выработавшихся жизнью и переходящих по преданию обычаев в некоторых монастырях составились свои особые правила, обязательные к исполнению для всех начальствующих в монастыре. Так что по этим правилам они уже неотступно и судят нарушителей монастырских постановлений» [Там же, с. 182]. А. М. Позднеев приводит переводы двух уставов, это: 1) монастырские правила, приобретенные от гекбуя монастыря Эрдэни-дзу. Предположительно данный устав, принятый к руководству в большинстве монастырей Джебдзундамба-хутукты, был отредактирован 4-м перерожденцем Джебдзундамба-хутукты; 2) второй вариант, приобретенный в монастыре чахарского Дабан-цалана; по утверждениям лам,

был составлен Донхор Манджушри и распространен в разных редакциях в чахарских монастырях [9, с. 182–191].

Известны уставы внутренне-монгольских монастырей Мэргэн и Улдзей Бадарагсан, составленные уратским ламой Мэргэн-гэгэном Лубсандамбижалсаном (1717–1766) и изданные в 1781–1783 гг. в Пекине в составе его сумбума – собрания сочинений [1].

Известен также устав монастыря Души «Erdeni dusi-yin süm-e-yin köke sudur», написанный внутренне-монгольским буддийским деятелем Чахар-гэбши Лубсанчултэмом (1740–1810). Чахар-гэбши, автор 10-томного сумбума, включающего 222 сочинения на тибетском языке, писал также и на монгольском. В печатне монастыря Цаган-уула были изданы крупные сочинения, переведенные и отредактированные Чахар-гэбши, такие как «Биография Цзонхавы», «Субхашита» Гунга-Жалцана, «Капля рашияна, питающая людей» и др.

Автором рассматриваемого нами устава является Галсан-Жинба Дылгиров (1816–1872) – богослов, буддийский монах, второй настоятель Цугольского дацана. В колофоне сочинения сообщается: «Составленный Арья-пандита-гэгэном Устав, называемый “Сокровищница трех учений”, для применения во время служб данного монастыря перевел с тибетского на монгольский язык и вырезал [на досках] в год железной лошади 3-го числа среднего осеннего месяца в благоприятный день лама по имени Вагиндра Сумати Калпа Бхадра Дана, ранее занимавший должности по просьбе лам гебкюя, дзасака, лацаба» (Ari-a Pandita gegen-ü jokiyaysan jarčim-un bičig erdeni yurban surtal-un kuu sang kemegdekü egün-i, ene keyid-ün qural-du blam-a-yin jarliy-iyar gesküi jasay lačab kemen neriyidčü yabuγad edüge blam-a-yin oγu sayuγsan vagindr-a sumadi kalpa bhadra da-a na neretü-ber temür morin jil-ün namuγ-un dumdatu sar-a-yin sine-yin yurban-u sayin edür-e töbed-eče mongγol-dur orčiyuluγad keb-tür seyilegülbei) [14, л. 11v]. Из данного ко-

лофона следует, что это сочинение было переведено на монгольский язык ламой по имени Вагиндра Сумати Калпа Бхадра Дана, являющемся одним из псевдонимов Г.-Ж. Дылгирова. Как видим, в колофоне приведены также и краткие биографические данные о нем: «ныне являющийся ламой» и «исполнявший ранее обязанности гебкюя [III], дзасака [IV] и лацаба [V] данного монастыря».

Подробные сведения о жизни и деятельности Г.-Ж. Дылгирова содержатся в его автобиографии [VI], составленной им на тибетском языке [VII] в 1864–1872 гг. Согласно ей, он происходил из рода харгана, его отец, дед и прадеды занимали должности зайсанов [VIII] харганатского рода. При рождении ему было дано мирское имя Эрдэни. В возрасте двух лет вместе со своими старшими братьями Залаа и Намсараем остался без отца на попечении матери Нанзандулмы.

В 6-летнем возрасте (1821 г.) был обучен старшим братом Залаа монгольскому письму и выучил ряд молитв на монгольском языке. В следующем году состоялась его встреча с будущим учителем и наставником – ширетугем Цугольского дацана Лубсаном Дандаровым [IX] (1781–1859). Тогда же Г.-Ж. Дылгиров принял начальные буддийские обеты, получив при постриге духовное имя – Лубсан-Жимба.

В 7 лет, став послушником в Цугольском дацане, начал обучаться тибетской грамоте и постигать буддийское учение. В 17 лет Г.-Ж. Дылгиров был уже назначен гебкюем Цогчен-дугана во время хурала Чонпрул Монлам [X] [6, с. 17]. В возрасте 31 года (1846 г.) Дылгиров по желанию своего ламы-учителя был назначен на должность лацаба – помощника ширетуя [Там же, с. 27].

Согласно данным автобиографии, Галсан-Жимба принял много буддийских посвящений. В автобиографии перечисляются важные моменты его жизни, встречи с людьми, оказавшими большое влияние на его становление, принятые им обеты, приводятся подробные све-

дения о прочитанных книгах, дацанах и монастырях, посещенных им, и другие ценные сведения, представляющие интерес для изучения истории становления буддийской традиции бурят.

Г.-Ж. Дылгиров является автором многих сочинений на тибетском и монгольском языках. В автобиографии неоднократно сообщается о выполненных им переводах с тибетского на монгольский язык. Так, в 1833 г. эмчи-лама Ванчуг обратился с просьбой к Л. Дандарову выполнить полный перевод на монгольский язык сочинения «Ubadis-un üdüsün-ü nökübügi üge-yin tayilburü» [XI], что было выполнено Г.-Ж. Дылгировым. Находясь в доме у хоринского тайши Жигмэда, перевел с тибетского языка на монгольский главу о гадании *шоо* (шоогоор шэнжэлхэ булэг) из сочинения «Хаш хайрцаг» – «Халцедононая шкатулка». В возрасте 18 лет в 1833 г. также по просьбе своего учителя перевел с тибетского языка медицинский трактат «Лхантаб» [6, с. 18].

В 1835 г. записал от хоринского ламы Тойдола руководство по совершению хурала *яр хайлан* [Там же, с. 19], проведение которого было распространено среди лам агинских дацанов.

В 1870 г. Дылгировым были переведены с тибетского на монгольский язык намтары (жизнеописания) Атиши. В том же году им были переведены и отксилографированы «Свод законов» (Цаазын бичиг жаяг), «Сборник предписаний» (Хуулийн бичиг хуу сан) и др.

Судя по названиям, последние два сочинения имеют отношение к так называемым «уставным» сочинениям, регламентирующим дацанскую жизнь. Можно предположить, что под одним из них автор имел в виду рассматриваемый нами «Устав монастыря Преисполненного добродетелями, преумножающего благодетельное учение, именуемый “Сокровищница трех драгоценных учений”» (Tegüs buyan-tu öljei qutuγ-un nom-i arbidqayçi keyid-ün jarčimlaysan bičig erdeni yurban surtal-un küü sang kemeg-dekü ogusiba), который в своем полном

названии имеет словосочетания *хуу сан* и *зарчимлагсан бичиг*, или по каким-то причинам Г.-Ж. Дылгиров не стал упоминать в своей автобиографии перевод и издание данного сочинения.

Рассматриваемый нами устав Цугольского дацана – единственный из уставов бурятских дацанов, который издан ксилографическим способом на монгольском письме.

В монгольском фонде ЦВРК хранится 4 экземпляра устава Цугольского дацана – ВМ-29, МП-47, МП-933, МП-1251. Данное сочинение на 11v листах среднего формата: размер листа 44,5x9, размер рамки – 38x6, по 29 строк на листе. Краткое название слева на полях: *jarčim-un bičig* – Устав. Пагинация монгольская, буквенная, слева от текста, на полях.

Композиционно данное сочинение делится на три части: вводную, основную и заключительную. В свою очередь, основная часть делится на две части, указанные самим автором.

Вводная часть начинается с традиционных молитв поклонения Будде, Майтрее, Манджушри и Дзонхаве, благопожеланий славы и благоденствия Цугольскому дацану, успехов в распространении буддийского учения, разъяснений необходимости и пользы следования законам религии [14, л. 1v–3v]. В ней указывается, что цель написания сочинения заключается в том, чтобы дать «правила о том, чего следует придерживаться и чего избегать хувакакам во время служб» [Там же, л. 3v–4r].

В первой части основного блока сочинения [Там же, л. 4r–10r] приводятся наставления о необходимости следования учению Будды, о важности обретения счастливого человеческого рождения и стремлении к совершенствованию.

Во второй части сочинения перечисляются названия ежегодных и ежедневных хуралов, порядок их проведения, упоминаются читаемые богослужебные книги, затем приводятся правила подготовки к хуралам и правила поведения монахов во время проведения служб.

Кратко содержание данной части устава было охарактеризовано автором следующим образом: «Это закон о том, как вести себя добродетельно и как проводить разные хуралы» [14, л. 4г].

В сочинении традиционная формула почитания Трех драгоценностей («поклоняюсь Будде, Дхарме, Сангхе») дополняется четвертой «драгоценностью» – поклонением Ламе. Более того, данный постулат автор-составитель подтверждает цитатой из проповеди Дзонхавы: «Благодетельный святой лама является основой всех знаний и благодеяний ушедших и пребывающих Будд» и конкретизирует: «следует почитать ламу телом, умом и словами» [Там же].

Подчеркивается необходимость учения, стремления к знаниям как источнику высшей святости, постоянного самосовершенствования путем «написания книг, перевода молитв и передачи смысла. Также надлежит старательно заучивать молитвы и изучать правильное исполнение их мелодий, чтения молитв и движений, соблюдать правила духовного поведения» [Там же, л. 4v]. Поощряемое поведение духовных лиц включает собрание великих добродетелей, т. е. 10 духовных деяний: писать, делать подношения, давать подаяния, слушать, читать, заучивать, проповедовать, читать молитвы, постоянно размышляя созерцать, совершать благодеяния. В сочинении отмечается, что святость всех знаний – это обеты или соблюдение нравственности, соответственно, каждый должен усердствовать в принятии обетов и следовании им [Там же, л. 5г].

В уставе Цугольского дацана духовным лицам наряду с воздержанием от совершения 4 основных греховных падений (4 *ündüsün unal*; убийство, ложь, прелюбодеяние, воровство) [9, с. 349] запрещается употребление спиртного и табака.

В обязанности наставников и гебкуев вменялась проверка правильности обучения и исполнения.

В первой части сочинения описыва-

ются общие требования, предъявляемые к монахам (соблюдение ими правил и обетов, стремление к знаниям и развитию). Во второй части сочинения (начиная с л. 6г) рассматривается порядок проведения служб в монастыре.

Согласно уставу, религиозные службы подразделялись на ежедневные (постоянные) и большие, ежегодные, проводимые по определенным дням. Что касается постоянных, каждодневных хуралов, то в тексте перечисляются основные утренние службы, такие как *Ламын такил*, *Юроолы*, *молитвы*, и вечерние – *Саган шижурту*, *Билиг Барамид*, *Дара Экэ*, *Арслан теригуту*.

Упомянутый в сочинении цикл ежегодных больших монастырских служб проводится с 1-го по 15-е число первого монгольского месяца. Это обязательные богослужения, связанные с наступлением нового года по лунному календарю. В этот период, совпадающий со временем совершения чудес Буддой, читают большой Юроол хурал. Во время проведения 4 частей данного большого хурала предписано 4 раза приносить чай и 1 раз раздавать пищу. Утром 1-го числа на рассвете должны преподнести новогодние башины и подношения хозяевам этого мира.

Далее, «согласно сочинению VII-го Далай-ламы в 4-й монгольский месяц [XII], совпадающий со счастливым временем обретения Учителем состояния Будды, гелонги должны придерживаться 8 начальных обетов» [14, л. 5v–6г], «2-го числа 4-го месяца должны совершать службы *tabun qayan-u takily-a včir-tu egešig dayutu*, сочиненные V Далай-ламой. А каждое 8-е число 4-го месяца проводить службу, посвященную 16 архатам, и полный цикл богослужений (чога) Оточи, которые читают поочередно» [Там же].

Согласно уставу, самым насыщенным в плане исполнения больших служб является 6-й месяц. Так, во время Юроол хурала, проходящего с 4-го числа 6-го монгольского месяца, совпадающего с днем поворота колеса Учения, следует

поочередно читать Ганджур и Данджур. Следует отметить, что ежегодно во время Ганджур хурала в бурятских монастырях читали Ганджур. Но так как весь Ганджур, состоящий из 108 томов (113 – в зависимости от редакции и места печати), прочитать в течение трех дней, отведенных на проведение хурала, невозможно, то ежегодно начинали читать с того места, на котором остановились в прошлом году, таким образом, чтение всех томов Ганджура растягивалось на несколько лет.

Также в уставе предписано проводить хурал Благопожеланий (Юроол) в течение трех дней, а в один из дней проводить обряд поклонения (Хангал) всем защитникам и подносить им 60 балинов.

Затем, 15-го числа следует проводить Майдари хурал. В этот день все гелоны и гецулы должны одеть свои хуральные одеяния. В уставе говорится, что «в знак будущего рождения и главенствования учеников, ради пожалования счастья на земле образ святого Майтреи сопровождают вокруг монастыря, совершают обряд омовения в четыре стороны, подносят балины, читают молитву (юроол) о процветании религии (šasin badarayuluŋči)».

Далее, 15-го же числа, нужно проводить обряд очищения *соджонг*, а ранним утром 16-го числа – хурал *Ярнай*. Все эти службы надлежит совершать в течение 13 дней 6-го месяца.

В уставе предписано пространно читать юроолы во время двух следующих больших хуралов: 22-го числа 9-го монгольского месяца, совпадающего со временем схождения Будды с небес [Тушиты], и 25-го числа 10-го месяца, в день, когда святой Дзонхава посетил небеса Тушиты.

Год должен завершаться большими службами, посвященными Махакале, Эрлиг-хану, Охин-тэнгри, Бисман-тэнгри: «С 24-го числа 12-го месяца следует усердно читать и проводить хуралы Хангалы... 29-го числа совершать хангал и подносить 60 балинов Тангарикту Но-

мун-хану, главному защитнику учения святого Дзонхавы. С совершением обряда *Сор* на протяжении 6 дней читают службы... В канун нового года, в день *бутуу*, совершают служения – хангал Охин-тэнгри» [14, л. 7r–7v].

Отдельно стоит остановиться на хурале круговращения Майдари – общеизвестно, что в большинстве бурятских дацанов в колесницу, везущую изображение Майдари, запрягают зеленого скакуна. В Цугольском дацане вместо коня используют белого слона. Эта традиция, вероятно, сложилась уже после написания устава, иначе, как нам кажется, об этом было бы обязательно упомянуто. Согласно описям движимого и недвижимого имущества Цугольского дацана (в ЦВРК хранятся ведомости за 1887–1909 гг.), стоимость повозки и слона, используемого при хурале круговращения Майдари, составляла 160 рублей. Также дана оценка каменного амбара для хранения повозки и другого инвентаря. Согласно легенде, белый слон участвовал в постройке большого каменного Цогчендугана, строительство которого было завершено в 1868 г.

Как мы видим, уставом Цугольского дацана предписывалось проведение основных хуралов, распространенных в тибето-монгольской традиции гелугпа.

После перечисления основных хуралов и служб, которые должны исполняться в данном дацане, следуют предписания монахам о правилах поведения во время хуралов. Монахи должны неспешно приходиться на хуралы по зову раковины без опозданий и занимать места для проведения служб в соответствии с их должностями и степенями. Чтение молитв начинается *умзад* – зачинщик. Далее расписаны обязанности служителей, ответственных за подготовку помещения для проведения богослужения: перед началом хурала ответственные лица – дуганчи и тахилчи должны прибрать помещение, расставить должным образом подношения, балины и прочие принадлежности.

Во время хуралов монахам предписывается вести себя согласно проповеданному в Винае правилам, строго соблюдать порядок проведения хуралов, говорится, что должное поведение «станет причиной увеличения веры и накопления богатства добродетелей, что правильное соблюдение обрядов ведет к умножению благодетели в миллионы раз» [14, л. 9v].

В сочинении неоднократно говорится о необходимости соблюдения обетов и стремления к улучшению дисциплины в монастыре, что, согласно проповеди Дзонхавы, следует копить благодетели, чтобы остаться среди приверженцев учения. Учение Будды сравнивается с течением *рашияна*, с камнем *чинтамани*, с деревом *калтавракша*.

В целом сочинение помимо пропаганды религиозных постулатов о необходимости следования по пути духовного совершенствования содержит морально-этические и назидательные сентенции: «Не следует проводить человеческую жизнь бесцельно, следует усердствовать в обретении совершенства» [Там же, л. 3r], «знания и их польза безграничны», «святое для всех знаний – это соблюдение нравственных законов всех знаний» [Там же, л. 5r].

В уставе Цугольского дацана не приводится иерархия лам и административное устройство дацана, из должностных лиц в сочинении упомянуты только дуганчи (дуган сахигчи), тахилчи, умзад, гескуй, ширетуй, цорджи, шандзодба. В то время как в других уставах, например в уставе Цаган-даянчи [9, с. 169], приведены более расширенные списки должностных лам, в уставе монастыря Мэргэн даны разъяснения по срокам службы должностных лиц, о мерах наказания лам за проступки.

Сочинение изобилует цитатами и отсылками к каноническим сочинениям, трудам буддийских авторитетов, в числе которых упоминаются далай-ламы, Наргарджуна, Дзонхава.

Для всех буддийских священнослужителей монастырские правила и нормы поведения были едины и регулировались

кодексом Виная. Среди бурятских дацанов были распространены системы богослужений и монастырской организации разных духовных центров Тибета и Монголии, но со временем правила проведения богослужений, функционирования монастырей и учебных заведений среди бурятского буддийского духовенства, сложившиеся в процессе становления бурятской буддийской общины, приобрели региональную специфику, обусловленную взаимоотношениями Российской империи и буддийской церкви.

О преемственности буддийской традиции и широких исторических взаимосвязях между тибетскими, монгольскими и бурятскими духовными центрами неоднократно отмечается в уставе. Так, на листе 3v сказано о том, что Всеведущий Панчен Эрдэни Лубсан Балдан Дамби-Нима Чоглай Намжил (Панчен-лама VII) пожаловал монастырю имя Улзий хутагун ном арбидхагчи («Преумножающий благодетельное учение») и составил в соответствии с учением высших святых «Устав о поведении хуvaraков во время служб» [XIII]. К сожалению, не указаны ни дата составления данного сочинения, ни дата пожалования монастырю этого имени. Как известно, Панчен-лама Лубсан Балдан Дамби-Нима Чоглай Намжил (тиб. blo bzang dpal ldan bstan pa'i nyi ma phyogs las rnam rgyal) жил с 1782 по 1853 г. Согласно официальному списку «Ламайских дацанов Восточной Сибири», Цугольский дацан был основан в 1801 г. Первые годы он существовал как войлочный дуган. В автобиографии Г.-Ж. Дылгирова указано, что 24 января 1827 г. было получено разрешение от Нерчинской канцелярии на проведение первых хуралов в войлочном дугане. В тот год ширетуй Лубсан-Лхундуб, гебкуй Чойван, умзад Вампэл, Дэлэг, Хаймчог, Молод Од и др., всего 23 человека, провели «чонпрул уреэл». Тогда же был привезен драгоценный красный Ганджур [6, с. 12]. К 1834 г. закончилось строительство трехэтажного деревянного Цогчен-дугана. В бурятской летописи «Прошлая история хоринских и агинских бурят»

Т. Тобоева говорит, что на освящение построенного дугана собралось свыше 200 лам и более 3 тысяч человек. На протяжении нескольких суток проходило радостное торжество [2, с. 25]. Дацан получил имя Даши Чойнпэллинг (тиб. *bkra shis chos 'phel gling*). **Главным хранителем** дацана – сахиусаном был определен Чойжал (*chos rgyal*). По-видимому, к этому времени и относится обращение агинских бурят к Панчен-эрдэни с просьбой о пожаловании имени новому буддийскому храму. Следует отметить, что бурятские летописцы (Т. Тобоев, В. Юмсунов) приводят сведения о том, что VII Панчен-лама Чоглай Намжил предсказал ученому гелонгу Сультиму (*tshul khrims*), что в будущем буряты воздвигнут в местности Цугол монастырь [Там же, с. 25, 42].

В колофоне устава Цугольского дацана среди инициаторов составления данного сочинения перечислены духовные лица: ширетуй, настоятель монастыря Улдзей хутуг-ун ном арбидхагчи Лубсан Лхундуб, цорджи Лубсан Джимба, шандзодба Лубсан Ванчен, гескуй Лубсан Джалба, а также светские лица: зайсан Гомбоджав, Галдан, Джамсран. По их просьбе Арья пандита [XIV] по имени Вагиндра Сумати Шасана Дувадза Шри Бадра составил сочинение в 25-й день 10-го месяца года железного быка (1841 г.) в монастыре Буян бухуни хуригчи.

Как следует из колофона, данное сочинение изначально было написано на тибетском языке. И лишь спустя 50 лет составленный Арья-пандита-гэгэном устав, называемый «Сокровищницей трех учений», был переведен на монгольский язык и вырезан на досках ламой Цугольского дацана Вагиндра Сумати Калпа Бхадра Дана 3-го числа среднего осеннего месяца года железной лошади (1870 г.). Согласно гарчаку сочинения Г.-Ж. Дылгирова «Төмөр морин жилээс хэв сийл-

сэн төвд номын дэд гарчаг», опубликованному в книге Р. Отгонбаатара «Монгол модон барын номын эх гарчаг» (Токио, 1998), данный устав был также отпечатан на тибетском языке под названием «*dGe ldan bkra shis chos 'phel lging gi bca' yig bslab gsum rin po che'i gan mdzod*» (9 л.) [8, с. 130]. К сожалению, нам пока не удалось обнаружить тибетский текст.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что существуют разные монастырские уставы – пространные, с подробным ежедневным описанием годового цикла богослужбных мероприятий, административного устройства и монашеской иерархии, детальными предписаниями относительно обязанностей духовенства, и краткие, к которым относится Цугольский устав. В данном уставе приводится только типовая список буддийских богослужений, делящихся на главные, праздничные хуралы, и повседневные, перечисляются общие правила по проведению богослужений. Цугольский устав по содержанию можно разделить на две части: богослужбную и дисциплинарную, т. е. о должном поведении и образе жизни монахов, которая изложена не так обстоятельно, как в других уставах или положениях. Данный устав, по сути, ориентирован в основном только на монастырскую богослужбную практику, т. е. его можно рассматривать как основной духовный закон буддийского монастыря, определяющий тщательное исполнение буддийских устоев и упорядочивающий его внутреннюю жизнь.

Устав, составленный по просьбе цугольских лам и милостынедателей данного дацана, демонстрирует общую картину жизни буддийских монахов и монастырей Забайкалья, бывших не только религиозными центрами, но и центрами культуры, просвещения и образования, оказывавших в определенные периоды истории некоторое влияние на политическую и экономическую жизнь региона.

Примечания

I. *Gal baras jil-еёе ekilen keb-tür seyilgegsen mongyol nom-ud-un garšay* [Гарчак монгольских книг, изданных начиная с года огня-тигра, М-2-261]; *temür morin jil-еёе ekilen keb-tür seyilgegsen mongyol nom-ud-un qoyarduyar garšay* [Второй гарчак монгольских книг, выпущенных с года железа-лошади, М-2-264].

II. Монгольский ученый Р. Отгонбаатар относит все эти сочинения к творчеству второго настоятеля Цугольского дацана – Г.-Ж. Дылгирова [8, с. 111–120].

III. Гебкуй (или гескуй) – тиб. *dge bskos*, монг. *buyan-i jakiruyči* – должность распорядителя служб, ответственного за соблюдение монашеской дисциплины и правильности исполнения служб [9, с. 157].

IV. Дзасак – досл. правитель, ламская должность; в обязанности входит общее наблюдение за монастырским имуществом. Иногда может называться дэмчи [Там же, с. 166].

V. Лацаб – почетный помощник ширетуя – настоятеля монастыря; избирается из числа старейших и почтеннейших лам [Там же, с. 156].

VI. В 1998 г. монгольский ученый Л. Тэрбиш перевел ее с тибетского языка на современный монгольский и издал под названием «Бичгийн их хун дуун хөрвүүлэгч Д. Галсанжимбын намтар» («Биография Д. Галсанжимбы, автора и переводчика») (Улан-Батор), в 2001 г. была издана на бурятском языке Д. Д. Дарижаповой, 2-е, исправленное издание было опубликовано в 2015 г. в журнале «Байгал» (№ 1, 2, 3).

VII. Каждая из 6 глав автобиографии имеет собственное название, общим является начало заглавия *rang sphyod rang gsal rang gi themс yig* – «Достоверное личное изложение моих деяний», которое можно принять за общее название сочинения.

VIII. Зайсан – предводитель рода, нескольких объединений, должность в системе бурятской администрации.

IX. Полное духовное имя – Джебдзун-Агван-Лубсан-Данзан-Одсэр-Лхундуб-Балсамбуу. До назначения на должность ширетуя Цугольского дацана исполнял обязанности шанзодбы Кодунского дацана, а ранее был унзадом и гебкуем в Амгалантуйском дацане Дашилхунпо.

X. Чонпрул Монлам – название буддийского богослужения-хурала, проводимого в начале года.

XI. Атрибутировать сочинение не удалось. Вероятно, это комментарий к 3 главе «*Ubad-is-un ündüsün*» (тантра Наставлений) медицинского трактата «Чжуд-ши».

XII. Санскр. *Veśākhā* (Весак), тиб. *sa ga zla ba*.

XIII. В сумбуе VII Панчен-ламы представлены следующие тексты по монастырским уставам: 1) *dgon sde khag gi bca' yig bslab bya'i skor nams phyogs gcig tu bsdebs pa* (*bca' yig*); 2) *dgon sde khag gi bca' yig bslab bya'i skor* (*bca' yig*).

XIV. Арья-пандита Агван-лобсан-чжалцан-балсанбо (1770–1845) – настоятель крупного монастыря во Внутренней Монголии (хошун Абага Шилингольского сейма).

Литература

1. Аюшеева М. В. Сочинение Мэргэн-гэгэна «Устав монастыря Мэргэн» // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 337. – С. 78–82.

2. Бурятские летописи / сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. – Улан-Удэ, 2011. – 224 с.

3. Ванчикова Ц. П. Тибетские и монгольские источники о деятельности первых настоятелей Цугольского дацана // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 4. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 85–101.

4. Ванчикова Ц. П., Гомбоева М. И. Философские школы буддийских монастырей Восточного Забайкалья как историко-культурная предпосылка эпохи бурятского Просвещения // Гуманитарный вектор. Вып. 4. Сер. Педагогика, психология. – 2010. – С. 40–44.

5. Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX века. – Улан-Удэ: б.и., 1957. – 160 с.

6. Дарижапова Д. Суугэлэй Дашичойнпэллинг дасанай хоердугаар шэрээтэ Галсан-Жимба Дэлгэрэй намтар. – Улан-Удэ, 2001. – 65 с.

7. Дневник вольнослушателя Санкт-Петербургского университета Базара Барадина по бурятским дацанам (1903–1904 гг.) / подготовка к публ., предисл., коммент., указ. Д. С. Жамсуевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 237 с.
8. *Отгонбаатар Р.* Монгол модон барын номын эх гарчиг. – Токио, 1998. – 143 с.
9. *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Изд. репринтное. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 512 с.
10. *Цыбиков Б. Д.* Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. – Новосибирск: Наука, 1992. – 312 с.
11. *Цыремпилов Н. В.* Буддизм и империя. Бурятская община в России (XVIII – нач. XX в.). – Улан-Удэ, 2013. – 338 с.
12. Catalogue of printing blocks of Buddhist monasteries in Transbaikalia // Four Mongolian historical records / Sata Pitaka. Vol. 11. – New Delhi, 1959. – P. 97–103.
13. Cügel-ün dacang-un ködülkü ba ülü ködülkü eldeb sang-un orusi yarusi-yi 1887 on dotur-a bicikü dansu. Mns., 9 v. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. MI-138.
14. Tegüs buyan-tu öljei qutuγ-un nom-i arbidqayçi keyid-ün jarçimlaysan biçig erdeni γurban surtal-un küü sang kemegekü orusiba. Xyl., 11v // ЦВРК ИМБТ СО РАН. БМ-29.

УДК 294.3

ББК 86.39

Хун Сюпин

СИНТЕЗ СЮАНЬСЮЭ И БУДДИЗМА, ШЕСТЬ ШКОЛ И СЕМЬ НАПРАВЛЕНИЙ И ВКЛАД СОЧИНЕНИЯ СЭН ЧЖАО «ЧЖАО ЛУНЬ». Ч. 2. ШЕСТЬ ШКОЛ И СЕМЬ НАПРАВЛЕНИЙ И ВКЛАД СОЧИНЕНИЯ СЭН ЧЖАО «ЧЖАО ЛУНЬ»*

Проникший в Китай буддизм прошел длительный процесс китаизации, став в конечном итоге важнейшим компонентом его традиционной духовной культуры. Распространение и развитие буддизма в Китае, синтез сюаньсюэ и буддизма в периоды Вэй и Цзинь, а также появление «шести школ и семи направлений» имели важнейшее значение для истории китайского буддизма и истории китайской мысли в целом. Они указывают на официальное восхождение буддизма на арену китайской идеологии, а также на начало формирования теоретической системы китаизированного буддизма. Данная статья посвящена исследованию метода перевода «гэ-и» в периоды Хань и Вэй, формированию синтеза сюаньсюэ и буддизма в периоды Вэй и Цзинь, возникновению праджняпарамитского учения «шести школ и семи направлений» (люцзяцицзун) в период Восточной Цзинь, а также критике люцзяцицзун в «Чжао лунь» и итогам синтеза буддизма и сюаньсюэ. Это даст возможность формирования целостной картины процесса развития буддизма в Китае, а также понимания роли и значимости сочинения «Чжао лунь».

Ключевые слова: буддизм «гэ-и», синтез сюаньсюэ и буддизма, «шесть школ и семь направлений» (люцзяцицзун), «Чжао лунь».

Хун Сюпин – доктор философских наук, приглашенный профессор по программе Министерства образования КНР «Ученые Янцзы», директор Центра изучения философии и религиозной культуры Востока при Нанкинском университете, профессор философского факультета Нанкинского университета, научный руководитель докторантов.

*Продолжение. Начало см.: Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2016. – № 2 (22). – С. 68–77.

Hun Xupin

THE SYNTHESIS OF XUANXUE AND BUDDHISM, SIX SCHOOLS AND SEVEN DIRECTIONS AND A CONTRIBUTION OF SEN ZHAO'S OEUVRE "ZHAO LUN". PART II. SIX SCHOOLS AND SEVEN DIRECTIONS AND CONTRIBUTION OF SEN ZHAO'S OEUVRE "ZHAO LUN"

Following its penetration to China Buddhism underwent a long process of Sinification. In the final analysis it became the main component of Chinese traditional spiritual culture. Spread and development of Buddhism in China, synthesis of Xuanxue and Buddhism during the Wei and Jin epochs and the emergence of the "six schools and seven directions" had important meaning for the history of Chinese Buddhism and history of Chinese thought in general. They point at the official rise of Buddhism to the arena of Chinese ideology and at the beginning of formation of a theoretical system of Sinified Buddhism. This paper explores a method of translation of "ge-i" in the Han and Wei periods and formation of the Xuanxue and Buddhism synthesis, emergence of Prajnaparamita teaching of the "six schools and seven directions" in the East Jin epoch and its critique in "Zhao lun" and results of Buddhism and Xuanxue synthesis. This gives a possibility to form an aggregate picture of Buddhism formation process in China and understanding of the role and significance of "Zhao lun".

Keywords: "Ge-I" Buddhism, Xuanxue and Buddhism synthesis, "six schools and seven directions", "Zhao lun".

Школа отсутствия корня *бэнь у цзун*. Представитель школы – Даоань. В сочинении Цзи Цзана под названием «Чжунгуанлунь шу» («Комментарии к "Мадхьямака-шастре"») о школе Даоаня говорится следующее: «Отсутствие (у) было до всей тьмы превращений, пустота – это начало всего множества форм. Ведь то, за что цепляются люди, не что иное, как наличие, подобное малозначимым ветвям дерева. Если же сосредоточиться на изначальном коренном отсутствии (бэнь у), то ложные мысли исчезнут... Разъяснив эту мысль, Даоань показал изначальное коренное отсутствие, все существующие дхармы в своем корне пустотны и безмолвны, поэтому школа и получила название изначального коренного отсутствия» [2, с. 29].

В «Записях об именитых монахах» [«Жизнеописание Тань Цзи»] говорится: «Школа отсутствия корня утверждала, что Татхагата, придя в мир, будет возвеличивать учение через идеи коренного отсутствия. Поэтому в «Вайпультре-сутре»

ясно написано, что все пять скандх изначально отсутствуют. Учение об изначальном отсутствии, так ведется испокон веков. Почему это так? Ведь перед сокровенным сотворением мира был огромный простор, и только. Что же касается трансформаций изначальной ци, то вся масса образов получает формы. Хотя формы являются основой превращений-переходов, корень превращений исходит из естественности. Естественность исходит из самой себя, разве может быть какой-то создатель? Можно сказать, что отсутствие было перед первым превращением, а пустота была началом всего множества форм. Поэтому школа и стала школой коренного отсутствия. При этом здесь не говорится о том, что в пустоте зарождается все множество наличий. Ведь то, за что цепляются люди, не что иное, как наличие, подобное малозначимым ветвям дерева. Если же сосредоточиться на коренном отсутствии, то все ложные мысли будут отсечены. Ведь почитанием корня можно добиться успокоения ветвей. Отсюда и пошло такое название»

[1, с. 354]. Здесь Даоань использовал традиционное китайское учение об изначальных ци (юаньци лунь) для объяснения того, что отсутствие – это совсем не пустота, не отсутствие, возникшее из отсутствия, а состояние отсутствия форм и изменений, которое «было до начального превращения», «было началом всего множества форм». Коренное отсутствие совсем не означает, что «в пустоте может зародиться все множество наличий», а то, что «все дхармы по своей природе пустотны и безмолвны». Хотя и можно сказать, что учение Даоаня о коренном отсутствии наложило отпечаток на традиционную мысль, подверглось влиянию учения сюаньсюэ, а также учений Лаоцзы и Чжуан-цзы, идей Го Сяна, тем не менее, оно в общих чертах соответствовало изначальной буддийской идее праджняпарамиты о пустотности. По этой причине учение Даоаня о коренном отсутствии в то время считалось ортодоксальной школой праджняпарамиты и ее называли «школой пустотности природы». Тем не менее выдвинутое Даоанем «сосредоточение сознания на коренном отсутствии», которое предполагает отношение ко всем вещам как к пустоте и к сознанию как к не пустоте, все-таки отличается от праджняпарамитской идеи пустотности.

Бэнь у и цзун (школа различения отсутствия корня). Представителями данной школы являются Чжу Фашэнь, Чжу Фатай и др. Их взгляды, согласно данным Цзи Цзана в сочинении «Чжунгуаньлунь шу», заключаются в том, что «когда еще не было дхарм формы (явлений), “наличие” прежде пребывало в “отсутствии”, поэтому из “отсутствия” возникает “наличие”. Иными словами, “отсутствие” было раньше “наличия”, “наличие” было позже “отсутствия”, потому данная школа и получила название отсутствие корня» [3, с. 29]. В сочинении Ань Чэна «Чжунлунь шуцзи» написано: «ведь что такое “отсутствие”? Это пустота и отсутствие форм, а все множество вещей возникло из него. Хотя наличие и может

быть порождено, но “отсутствие” может породить все множество вещей» [6, с. 93]. При таком подходе разрываются понятия «наличие» и «отсутствие», кроме того, понятие «пустота» объясняется через термин «отсутствие» из понятийной пары «наличие – отсутствие», считается, что из «отсутствия» рождается «наличие», все множество вещей рождается из «отсутствия». Такой подход еще больше отдаляется от идеи буддийской Праджняпарамиты о «пустоте», которая не является ни наличием, ни отсутствием. В нем видна явная космологическая окраска.

Цзи сэ цзун. Представитель школы – Чжи Даолинь. Главный тезис: Природа «формы/явления» (сэ) не обладает собственной формой. «Форма/явление» (сэ) не обладает собственным существованием, она пустотна. Поэтому и говорится: «Форма – это пустота, форма отличается от пустоты» [1]. Здесь имеется в виду то, что форма проявляет свое наличие не опираясь на собственную природу. Поэтому она пустота.

Сэн Чжао в «Бу чжэнькун лунь» отмечает, что в данной точке зрения «прямо указывается, что форма/явление не проявляет собственную форму, но не осознается то, что форма не является формой/явлением». Данная точка зрения объясняет, что все дхармы (ваньфа) не могут обладать собственным независимым существованием, тем самым отрицалось существование формы/явления. Представители школы не понимали, что сущность не является основой формы, поэтому был выдвинут взгляд о том, что «форма отличается от пустоты», противопоставляющий форму и пустоту.

Ши хань цзун. Представитель школы – Юй Факай. Его взгляды, согласно записям Цзи Цзана в «Чжунгуань лунь шу» («Комментарии к “Мадхьямакашастре”»), заключаются в следующем: «Три мира – это вместилище Длинной ночи, а сердце-сознание – это хозяин Великого сна. Все множество наличий, которые можно видеть сейчас, все это увидено

во сне. Сразу после осознания того, что все это Великий сон, Великая ночь тут же рассеется. И тогда исчезнут все омрачения, все три мира пустотны. В это время вещам неоткуда будет рождаться, нет места, где бы что-либо не рождалось» [3, с. 29]. Он считал, что все наличествующие явления мира пусты и нереальны подобно сну. То, за что люди держатся как за истинно наличествующее, происходит из заблуждений сердца-сознания. Иными словами, все иллюзорные вещи и явления существуют только в омраченном сознании. [Все это] содержится в сознании и потому пустотно. Если говорить, что эта школа считала все дхармы подобными снам и иллюзорными, то это соответствует праджняпарамитской идее пустотности, но то, что эта школа признавала наличие самого «сердца-сознания», уже не совпадало с тезисом «все без исключения пустотно». Эта школа считает, что все сущее относится к миру грез вне мира грез, все это сущее уже не существует, поэтому оно пустотно. Этот пункт не совпадает с требованием сутр Праджняпарамиты о том, что надо рассматривать кажущееся бытие как пустотное.

Хуань хуа цзун. Представитель школы – Дао И. Цзи Цзан в «Чжунгуан лунь шу» («Комментарии к “Мадхьямака-шастре”») изложил следующее понимание проблемы «пустоты» в данной школе: «Закон условной мирской истины, все явления подобны иллюзорным превращениям» [Там же]. Ань Чэн в «Чжунлунь шуцзи» («Записи к “Мадхьямака-шастре”») писал: «Все дхармы подобны иллюзорным превращениям (хуань хуа). А поскольку они подобны иллюзорным превращениям, постольку составляют условную истину. Дух сознания (духовная субстанция сознания) подобен истинному существованию, непустотен. Это абсолютная истина. Если же дух (духовная субстанция) будет тождественным пустоте, то каким образом можно осуществлять учение? Кто будет совершенствовать Дао? Каждый может

стать святым (достичь состояния Будды), поэтому знаем, что дух (духовная субстанция) не является пустотой» [6, с. 95].

Тезис «[Все явления] подобны иллюзорным превращениям, и поэтому [они] пустотны», собственно говоря, соответствует праджняпарамитской идее пустотности. Но понимание школы иллюзорных превращений недостаточно полно отражает суть Праджняпарамиты. Праджняпарамитская пустотность предполагает, что «все существующие дхармы» пустотны, а именно и условная истина, и мирская истина подобны иллюзорным превращениям. А школа хуаньхуа цзун утверждает только то, что мирская истина подобна иллюзии, при этом говорится, что «Дух сознания (духовная субстанция сознания) подобен истинному существованию и не является пустотой». Очевидно, что такая теория пустоты не до конца последовательна.

Синь у цзун (учение о сознании отсутствия). Представители школы – Чжиминьду, Чжу Фаюнь (есть также вариант Чжу Фавэнь), Даохэн и др. Эта школа понимает праджняпарамитскую идею пустотности следующим образом: «Форма отсутствует, но внутри прекращается сознание человека, эта школа не считает внешние цветоформы пустыми» [Там же, с. 94]. Форма (сэ) не существует, однако [поскольку] внутри прекращается сознание, то внешние формы (вай сэ) не пустотны. Отрицание буддийского отношения к объективному миру как к реальности привело к субъективному отказу от цепляния за сознание. Представители данной школы считали, что «если сознание не направлено на все множество вещей, то вряд ли от этого все множество вещей станет отсутствующим» [12]. Эти взгляды, очевидно, далеки от базового тезиса «Цветоформа не что иное, как пустота». По этой причине школа рассматривалась как «еретическое учение» и подвергалась нападкам со стороны других школ Праджняпарамиты [5, с. 354]. Критика этой школы у Сэн Чжао в сочинении «Бу чжэнь кун лунь» заклю-

чалась в следующем: «Преимущество этой школы в том, что душа успокоена, а недостаток в том, что не осознана пустотность вещей». Иными словами, они осознали, что сознание не должно реагировать на внешние объекты, но не осознали, что внешние объекты пустотны и нереальны по своей природе и за них нельзя держаться.

Юаньхуэй цзун (учение возникновение через причинность). Представитель школы – Юй Даосуй. Цзи Цзан в сочинении «Чжунгуань лунь шу» («Комментарии к “Мадхьямака-шастре”») дает следующее понимание проблемы «пустоты» в данной школе: «Когда причины сходятся, возникает наличие, это называется условная истина; когда причины рассеиваются, возникает отсутствие, это называется первой истиной» [3, с. 29]. У Ань Чэна в «Чжунлунь шу цзи» («Записях к “Мадхьямака-шастре”») дается более подробное пояснение: «Юй Даосуй в своем сочинении “О двух истинах возникновения через причинность” писал: “поскольку возникло через причинность, постольку существует (ю) – это условная истина. Поскольку [причина] разрушается, постольку отсутствует (у) – это абсолютная истина. Это подобно тому, что, соединив камни и дерево, строим дом. Но дом не имеет изначальной сущности. Поэтому существование (ю) – это только имя (мин), а отсутствие (у) – это реальность”» [6, с. 95]. Тезис «Поскольку все возникло через причинность, постольку пустотно» изначально является праджняпарамитским, но в нем делается акцент на пустотности самого закона причинности, а не на том, что этот закон не существует. Эта школа признавала, что все множество дхарм существует – это условная житейская истина; все множество дхарм по природе пустотны – это высшая истина. Все множество дхарм пустотны не потому, что «причины, их создавшие, рассеялись». Однако пустота в понимании школы юаньхуэйцзун – это «не-наличие» всего множества дхарм после рассеивания причин-юань, эта школа

не могла постигнуть пустотность из «неотсутствия» буддийского закона причинности.

Если смотреть с точки зрения идей люэцзянцицзун, то вопрос о влиянии сюаньсюэ на различные школы Праджняпарамиты сравнительно сложен. Очень трудно сказать, какая из школ Праджняпарамиты точно соответствует какой-то школе сокровенного учения. Взяв за пример идею Даоаня об отсутствии корня, его тезис «почитать корень и оставить ветви», можно сказать, что эта школа подверглась влиянию школы почитания отсутствия (гуй у лунь), но тем не менее различия между этими двумя школами очень велики. Школа почитания отсутствия, признавая окружающий мир реальным, выдвигает категорию «отсутствие» как основу для существования всего множества вещей, тогда как «отсутствие», о котором говорил Даоань, было отрицанием реальности всего множества вещей. Даоань, используя космологическую теорию изначальных ци, подчеркнул то, что трансформация изначальных ци, обретение плоти всем множеством образов является естественным природным процессом, у него нет создателя. Этого также нет в школе почитания отсутствия, но в учении Го Сяня об «обособленных превращениях» есть много схожих положений. Что же касается Даоаня и его поздних идей («наличие и отсутствие одинаково чисты», «корень и ветви тождественны») [11, с. 48], то он склонялся к отрицанию и наличия, и отсутствия. Это обстоятельство еще больше отдаляло сюаньсюэ и буддийскую Праджняпарамиту друг от друга. Если же взять школу цзи сэ цзун (Чжи Даолинь), то хотя она и подверглась определенному влиянию теории «обособленных превращений» из арсенала сокровенного учения, все же различия между этими двумя школами довольно заметны. Если же говорить об особенностях хода рассуждений, то можно даже сказать, что они диаметрально противоположны. Одна из базовых идей теории «обособленных превращений» заключа-

ется в том, что все множество вещей «самозарождаются» и «обособленно совершают превращения». Теория отрицала всеобщую связь между всем множеством вещей и явлений, а также необходимость внешних условий для зарождения вещей и явлений. При этом тезис школы цзи сэ цзун «цветоформы-сэ не существуют сами по себе», напротив, при рассмотрении пустотности всех вещей и явлений исходит из того, что они не могут «самозарождаться» и «обособленно совершать превращения», что они должны ждать совпадения причин и только после этого зарождаются, тем самым эта школа доказывала тезис о пустотности всего множества вещей. Если же рассматривать внешние основания для существования вещей в школе цзи сэ цзун, то здесь можно найти идеи сходные с тезисом сюаньсюэ (школа почитания отсутствия) «То, благодаря чему наличие становится наличием, заключается в опоре на отсутствие» [II]. Различие заключается лишь в том, что в цзи сэ цзун считается, что все «[вещи] возникают только при наличии причин-юань», а в «школе почитания отсутствия» считалось, что все вещи «возникают с опорой на отсутствие». Что же касается школы синь у цзун, а именно тезиса «не бывало, чтобы все множество вещей становились отсутствием», то здесь точно можно сказать, что эта школа подверглась влиянию одной из школ сюаньсюэ под названием «школа почитания наличия». Но вполне возможно сказать, что ее тезисы «не обращать сознание на все множество вещей» и «не знание того, что природа вещей пустотна» [21, с. 177] подверглись влиянию идей учения об обособленных превращениях («отсутствие сознания и опора на обособленные превращения» [9], «у каждой вещи есть своя природа-синь» [10] и др.). А их тезис «внутри остановить сознание и не считать внешние явления пустыми» не отличается от тезисов Ван Би, который не отрицал существование всего множества вещей и считал, что надо «принимать вещи, но не обременяться ими» [III]. Го-

воря о влиянии сюаньсюэ периодов Вэй и Цзинь на буддийскую Праджняпарамиту, также можно сказать и о влиянии буддийской Праджняпарамиты на различные школы сюаньсюэ. В то же время в сюаньсюэ нет таких буддийских особенностей, как уход из мирской жизни и отношение ко всем дхармам как к несуществующим иллюзиям. Поэтому любые упрощенные сравнения сюаньсюэ и буддизма некорректны.

Но как тогда надо рассматривать явление синтеза сюаньсюэ и буддизма? Прежде всего необходимо пояснить, что термин «синтез сюаньсюэ и буддизма», который используется только в контексте взаимного влияния и взаимопроникновения учения сюаньсюэ периодов Вэй и Цзинь и буддийского учения Праджняпарамиты, совсем не предполагает, что каждая из сторон утратила свою самобытность и обе они слились в некое единое целое. Этот термин также не предполагает, что учение сюаньсюэ в одностороннем порядке повлияло на буддизм. Реальное положение выглядит следующим образом: разногласия в тезисах учения сюаньсюэ того периода отразились на идеях буддийской Праджняпарамиты, но идеи буддийской Праджняпарамиты также повлияли на развитие учения сюаньсюэ. Идеи Чжан Чжана и других мыслителей сюаньсюэ явно несут на себе отпечаток буддийского учения о Праджняпарамите. Во-вторых, мы считаем, что взаимное влияние учения сюаньсюэ и буддизма проявилось как в области формы и теории, так и в области идей и в образе мышления. Например, на основе метода «забыть слова, постигнув смысл» обе традиции выражали свои идеи, анализируя категории «наличия» и «отсутствия». В-третьих, идеи учения сюаньсюэ периодов Вэй и Цзинь и идеи буддизма при всех сходных чертах различаются, в то же время они при всех различиях имеют общие черты. Наличие сходства при всех различиях отражает взаимное влияние двух традиций, наличие же различий при всех сходных чертах

говорит о том, что эти две традиции все же не одно и то же. Эти обстоятельства дали возможность буддизму в будущем отделиться от сюаньсюэ. Если не видеть взаимное влияние обеих сторон, то невозможно будет понять развитие китайской философской мысли периодов Вэй и Цзинь. Если же не замечать различия двух сторон, то не будет возможности понять специфику буддизма и процесс его китаизации, невозможно будет вникнуть в закономерности распространения и развития буддизма в Китае.

Появление шести школ и семи направлений буддийского учения Праджняпарамиты в период двух династий Цзинь явилось продуктом влияния идей сюаньсюэ и других традиций, а также отразило попытки китайских монахов понять суть буддийского учения Праджняпарамиты и выйти из-под зависимости от сюаньсюэ, а также построить свою теоретическую систему. Хотя ни одна из школ так и не смогла точно и всесторонне уяснить смысл буддийского учения Праджняпарамиты о пустотности, тем не менее они все приблизились к учению Праджняпарамиты о пустотности с разных точек зрения. Сэн Чжао развил и поднял буддийскую теорию на новый уровень именно посредством критики шести школ и семи направлений.

Синтез сюаньсюэ и буддизма, а также критика Сэн Чжао, направленная на шесть школ и семь направлений Праджняпарамиты, сыграли важную роль в развитии китайского буддизма и китайской культуры мысли в целом. Как уже говорилось выше, сюаньсюэ в своей сущности является синтезом конфуцианства и даосизма, осуществленном на основе учения Лао-цзы и Чжуан-цзы. Поэтому сплав буддийского учения о Праджняпарамите и учения сюаньсюэ позволил буддизму сблизиться с даосским сокровенным учением и конфуцианским учением о сердце и натуре человека. При этом тезис Сэн Чжао «прежде всего разъяснить пустотность» поднял уровень праджняпарамитских идей и

тем самым способствовал переходу китайской буддийской мысли от проблемы праджняпарамитской пустотности (периоды династий Цзинь и Сун) к проблеме нирваны и истинной природы Будды. Сходство популярной в период Южных и Северных династий доктрины природы Будды и традиционной китайской проблемы сознания и души («синь шэнь» 心神) позволило буддизму использовать потенциал конфуцианской теории человеческой природы и традиционных религиозных представлений (так как «синь шэнь» в определенном смысле является сочетанием неуничтожимой души и изначально благой человеческой природы). Все это предвещало грядущее появление концепций различных школ китайского буддизма.

Критика шести школ и семи направлений Праджняпарамиты в сочинении «Чжао лунь»

«Чжао лунь» – это сборник сочинений Сэн Чжао, известного теоретика буддизма периода Восточной Цзинь. Сохранившееся ныне сочинение «Чжао лунь» составлено в период южных династий Лян и Чэнь. Кроме вошедших в состав сборника важных трактатов «Бу чжэнь кун лунь» («Рассуждения о пустотности нереального»), «У бу цян лунь» («Рассуждения об отсутствии изменения вещей»), «Божэ у [чжи] лунь» («Рассуждения о непознаваемости праджня»), «Непань у мин лунь» («Рассуждения о безымянности нирваны»), есть также «Да Лю Иминь шу» («Книга ответов Лю И-миню»). Введение сочинения называлось «Цзун бэнь и» («Основание учения»), оно сходно с тезисами всей книги. Есть мнение, что эта часть была написана уже после Сэн Чжао.

В целом необходимо сказать, что «Чжао лунь» – это завершенная система буддийских идей. В нем автор, давая ответы на важные теоретические вопросы, поставленные учением сюаньсюэ, а также ответы на ключевые проблемы буд-

дийской мысли, на высочайшем теоретическом уровне системно изложил идею пустотности буддийского учения о Праджняпарамите. Появление этого памятника означало то, что китайский буддизм вышел на новый уровень развития собственной теоретической системы. Кроме сочинения «Чжао лунь», Сэн Чжао написал «Вэймоцзин чжу» («Комментарий к “Вималакирти-сутре”»), а также несколько предисловий к буддийским сочинениям, в которых он дополнил и развил идеи «Чжао лунь». Кроме того, эти сочинения являются важным источником сведений для исследования идей Сэн Чжао.

Все буддийские идеи и сочинения Сэн Чжао выстроены вокруг главной темы буддийского учения Праджняпарамиты – проблемы «пустотности». До Сэн Чжао мыслители под влиянием сокровенного учения Лао-цзы и Чжуан-цзы рассматривали идею пустотности через противопоставление категорий «наличие» и «отсутствие». Поэтому «наличие» и «отсутствие» рассматривались обособленно, и это вносило беспорядок в обсуждение [13].

Так, под влиянием сокровенного учения Лао-цзы и Чжуан-цзы, сформировались «шесть школ и семь направлений» и другие школы буддийской Праджняпарамиты. Через критику идей трех самых представительных школ (бэнь у, цзи сэ и синь у) он осуществил всестороннюю критику распространенных искажений, которые выражались в рассуждениях о пустоте, основанных на отрыве наличия от отсутствия. Он считал, что «в [школе] отсутствия корня, чувств(ощущений)-цин больше, чем самого отсутствия», вплоть до того, что отсутствие упорно выдавалось за истинное наличие; школа цзи сэ цзун утверждала, что «цветоформа не имеет самобытия, но не осознала, то, что цветоформа не является таковой»; у школы синь у цзун «достоинство в том, что душа-шэнь достигла покоя, но упущение было в том, что вещи считались пустыми». Заостряя внимание на этих утверждениях, Сэн Чжао написал трак-

тат «Бу чжэнь кун лунь». Он указал на то, что так называемая «пустотность»-кун «не является отсутствием вещей, вещи-объекты не истинны», они нереальны и потому пустотны. «К примеру, воображаемый человек, я не утверждаю, что его нет, но он просто нереален» [7]. Сэн Чжао разъяснил понятие «все множество наличий» с помощью понятия «нереальность», заменил понятие «пустотность-отсутствие» понятием «ложность-условность». Таким образом, он направил спор между сюаньсюэ и буддизмом о наличии и отсутствии в русло спора об истинности и ложности. Так, он преодолел ограниченность дискуссии вокруг праджняпарамитской пустотности периода шести школ и семи направлений. Таким образом, он содействовал прогрессу синобуддийской и собственно китайской мысли.

«Пустотность нереального» (Emptiness of the Unreal) – это базовый тезис, который проходит красной нитью через все построения Сэн Чжао. На основе данного тезиса он раскрыл понятия наличия и отсутствия, а именно, «неналичие и не-отсутствие», наличие и отсутствие, все они пустотны; на основе данного тезиса он раскрыл понятия движение и покой, а именно, «не-движение и не-покой», движение и покой, все они пустотны; на основе данного тезиса он раскрыл сущность человеческого познания, а именно, субъект и объект мирского (светского) познания одинаково пустотны; на основе данного тезиса он раскрыл пределы понятия нирвана, нирвана – это, конечно же, «не-наличие и опять же не-отсутствие, язык отказывается выразить глубину мысли, разум и поступки». Сэн Чжао преодолел «грань между наличием и отсутствием, ложную границу» [8]. Именно благодаря тому, что Сэн Чжао корректно применил праджняпарамитский метод аргументации «не ..., и не ...», взятый от Кумарадживы, последовательно выразил тезис об отрицании истинности всех мирских вещей и явлений, более точно уяснил суть праджняпарамитского тезиса о пустотности, этот мыслитель заслужил от Кумарадживы

почетное звание «первого китайца, который уяснил сущность пустотности» [16].

Касательно критики шести школ и семи направлений в сочинении «Чжао лунь», в нашей статье будут рассмотрены два вопроса. Первый вопрос – почему в «Чжао лунь» из всех шести школ и семи направлений критике подвергнуты только три школы (бэнь у, цзи сэ и синь у)? Объяснение Цзи Цзана (династии Суй и Тан) в «Чжунгуань луньшу» таково: «Изначально в городе Чанъань было три школы», т. е. он считал, что в Чанъане тогда были популярными эти три школы. Однако Тан Юнтун считает, что по главным критериям шесть школ и семь направлений можно разделить на три группы: «Первая группа – две школы отсутствия корня, т. е. пустотности сущности всех объектов. Вторая группа – школы цзи сэ, ши хань, хуаньхуа и юаньхуэй, которые считали форму (сэ) отсутствующей. Среди них самым известным был Чжи Даолин. Третья группа – это Чжиминьду, который основал школу синь у цзун». Критика трех школ, рассмотренных в «Чжао лунь», как раз и была направлена на все шесть школ и семь направлений [14, с. 193, 194]. Научные буддологические круги в основном придерживаются версии Тан Юнтун [19, с. 426]. Мы поддерживаем то, что критика трех школ была направлена на все шесть школ и семь направлений, но мы не согласны с тем, что все шесть школ и семь направлений можно свести к трем школам. В результате наших исследований мы пришли к выводу, что у каждой из трех школ – юаньхуэй, ши хань и хуаньхуа – имеются свои концептуальные особенности и сводить все их к школе цзи сэ совсем некорректно. По нашему мнению, то, что в «Чжао лунь» для критики выбраны только три школы, связано с тем, что эти три школы в области ухода от кажущегося наличия и обсуждения пустотности сущности были наиболее представительными, а разрыв наличия и отсутствия был тогда самым главным вопросом шести школ и семи

направлений в уяснении смысла пустотности Праджняпарамиты.

Второй вопрос – кто был представителем школы бэнь у цзун, которая подверглась критике в «Чжао лунь»? Из истории известно, что есть несколько версий по этому вопросу – Даоань [21], Чжу Фатай [17; 18] и Чэнь Фаши [IV]. Суть этого вопроса сводится, по большому счету, к следующему: какая школа была объектом критики в «Чжао лунь» – бэнь у цзун из сочинения Тань Цзи «Лю цзя ци цзун» или это была школа бэнь у цзун, о которой говорил Сэн Жуй (т. е. школа бэнь у и цзун из люцзяцицзун)? С точки зрения концептуального содержания, мы склонны считать правильным второй вариант. К тому же из соответствующих источников видно, что учение Даоаня не подпадает под число шести школ, упомянутых Сэн Жием. Хотя Сэн Жуй и утверждал, что шесть школ «однобоки и не достигают сути», но в то же время он говорил, что «школа пустотности природы проверила свои тезисы современностью и получила наибольшие результаты». Если добавить к этому похвалу Даоаня в сочинении Сэн Жуя «Дапиньцзин сюй» («он выразил суть сюаньсюэ в идее пустотности природы»), лестное мнение Юань Кана в «Чжао лунь шу» («Наставник Ань выдвинул идею о том, что главное – это пустотность сущности и создал трактат “О пустотности сущности”» [4, с. 162]), а также то, что Лянский У-ди в «Чжу цзе дапинь сюй» и Хуэйда в «Чжао лунь сюй» поставили Даоаня на равных с Кумарадживой, а Цзи Цзан пошел еще дальше и заявил в «Чжунгуань лунь шу», что сочинения Даоаня стоят наравне с «Истинными и равными» (т. е. основными каноническими книгами Махаяны) и не отличаются от идей Кумараживы и Сэн Чжао, и другие подобные письменные свидетельства, то можно с уверенностью сказать, что учение Даоаня, «достигшее самой сути», в период династии Цзинь называлось «син кун цзун», а не бэнь у цзун. Так как в ранних переводах понятие «пустотность сущности» пере-

давалось термином «бэнь у», то начиная с периодов Вэй и Цзинь «смысл термина бэнь у был очень широк. В широком смысле термин бэнь у был другим названием учения о Праджняпарамите» [14, с. 170]. Поэтому Тань Цзи, живший при Южных династиях, обозначил учение Даоаня через термин «бэнь у». Кроме того, он дал школе бэнь у цзун из числа критикуемых шести школ («однобоких и не достигающих истины») название бэнь у и цзун, при этом, используя иероглиф «и» (異), он хотел указать на еретический характер этой школы. Отсюда и возникла версия деления школы бэнь у на две школы. Как сказал Тан Юнтун: «Тань Цзи создал сочинение “Лю цзя ци цзун лунь” в период династии Сун, поэтому, по всей видимости, к шести школам Сэн Жуя добавилась школа синкун (школа пустотности сущности) и, таким образом, школа бэнь у разделилась на две школы» [Там же, с. 178].

На самом деле, даже при том, что мы не согласны с вышеописанной трактовкой, по которой в «Чжао лунь» критиковалась школа бэнь у и цзун (т. е. Чжу Фатай и др.), но не школа Даоаня из числа «шести школ и семи направлений», в разграничении термина «бэнь у цзун» на различные значения есть свой резон, так как в противном случае можно запутать обсуждаемый вопрос. Например, в научных кругах есть люди, выдвигающие другие мнения, так, Люй Чэн считал, что «возможно, представители школы бэнь у цзун связаны с Чжу Фатаем». Эта точка зрения отличалась от мнения Тан Юнтун, Хоу Вайлу, Го Пэна и др. [20, с. 218] Тогда как на самом деле, если вдуматься, можно обнаружить, что Тан Юнтун и другие ученые, говоря о школе бэнь у цзун из числа «шести школ и семи направлений», подразумевали то, что представителем этой школы был Даоань. В то время как Люй Чэн считал, что представителем критикуемой в «Чжао лунь» школы бэнь у цзун был Чжу Фатай, Тан Юнтун и другие ученые склонялись к тому, что в «Чжао лунь» критиковалась

школа «бэнь у и цзун». Люй Чэн также не возражал, что представителем школы бэнь у из числа «шести школ и семи направлений» был Даоань. Иными словами, мнения двух ученых вовсе не расходились.

Конечно, наша версия о том, что Даоань не был основным представителем критикуемой в «Чжао лунь» школы бэнь у и цзун, совсем не означает, что критика «Чжао лунь» вообще не касалась Даоаня. На самом деле, критика в адрес школы бэнь у была направлена против всех «рассуждений, склонных возвышать отсутствие». Тезис Даоаня «сосредоточивать сознание на отсутствии корня» сложился под влиянием идеи школы гуй у лунь («считать отсутствие корнем» и «почитать корень и оставить ветви»), поэтому школа и попала в ряд критикуемых. Именно в этом смысле мы говорим о том, что в «Чжао лунь» критикуется Праджняпарамита, подвергшаяся влиянию сюаньсюэ, косвенно критиковалось и само учение сюаньсюэ. Таким образом, это было общим итогом критики в отношении всего стиля философствования эпохи синтеза сюаньсюэ и буддизма.

Общий итог по проблеме синтеза сюаньсюэ и буддизма и начало нового этапа развития учения о Праджняпарамите

Наряду с критикой Праджняпарамиты, подвергшейся влиянию сюаньсюэ, в «Чжао лунь» был подведен общий итог по вопросу о синтезе сюаньсюэ и буддизма эпох Вэй и Цзинь. Таким образом, было положено начало новому этапу развития китайского буддизма. Это обстоятельство оказало значительное влияние на развитие всей китайской мысли. Начнем рассмотрение проблемы с ситуации, сложившейся с момента распространения в Китае буддийского учения о Праджняпарамите. После проникновения буддийской Праджняпарамиты в Китай в конце Восточной Хань это учение прошло через три этапа. Первый этап – началь-

ных переводов. В этот период буддийская Праджняпарамита в основном подвергалась влиянию даосского учения Лао-цзы и Чжуан-цзы. Такое буддийское учение сыграло определенную стимулирующую роль в возникновении сокровенного учения периодов Вэй и Цзинь. Но при этом, в силу того, что буддизм рассматривался только как одно из даосских учений, идеи буддийской Праджняпарамиты не были поняты и оценены большинством людей. Сфера влияния и распространения нового учения была очень ограниченной.

Второй этап – период от возникновения сокровенного учения (династии Вэй и Цзинь) до возникновения шести школ и семи направлений. Это был период синтеза буддийского учения о Праджняпарамите, а также синтеза сюаньсюэ и буддизма. Появление шести школ и семи направлений Праджняпарамиты было обусловлено как влиянием сюаньсюэ, так и внутренними факторами развития учения о Праджняпарамите. Оно отразило атмосферу поиска и дискуссий между различными школами понимания буддийской Праджняпарамиты. Недовольство Даоаня и других мыслителей тем, что буддизм разъяснялся посредством сюаньсюэ, еще более явно говорит о стремлении буддийского учения к отдалению от учения сюаньсюэ. Дискуссии между разными школами понимания Праджняпарамиты были, по сути, непрерывным процессом поиска и постепенного усвоения буддийских принципов. С одной стороны, эти дискуссии под влиянием сюаньсюэ изменили и развили буддийские принципы, с другой – прояснили суть пустотности в Праджняпарамите с точки зрения отсутствия сознания и вещей, а также других идей. Они создали условия для всестороннего понимания «пустотности» в учении о Праджняпарамите последующими поколениями. Если бы не было шести школ и семи направлений, то вряд ли появилось бы сочинение «Чжао лунь». Если же приравнять шесть школ и семь направлений к сокровенному учению, то очень трудно будет объяснить, почему Праджняпара-

мита, развившись до Сэн Чжао, сразу же отбросила сокровенное учение и создала относительно самостоятельную и сравнительно завершенную буддийскую теоретическую систему.

После Сэн Чжао наступил третий этап распространения и развития учения о Праджняпарамите на китайской почве. После этого праджняпарамитская идея пустотности сущности стала развиваться в Китае в новом облике. Это выразилось не только в сравнительно полном и завершенном представлении, но также и во взаимопроникновении китайской и чужеземной мысли. Идеи «Чжао лунь» в целом соответствовали изначальному смыслу пустотности сущности в Праджняпарамите, но в то же время они не были простой копией индийского буддизма. В «Чжао лунь» особое внимание было направлено на китайскую философскую традицию как источник развития. Это сочинение позаимствовало традиционные китайские концепции, особенно это касается решения вопросов, обсуждавшихся в сокровенном учении. Таким образом, с опорой на традиционные китайские концепты, тезисы и структуры в «Чжао лунь» была развита буддийская мысль, которая стала первой целостной и законченной китаизированной теоретической системой буддизма. Это сочинение подняло процесс китаизации буддизма на новый уровень, соединило в себе китайские и иноземные идеи и стало важной вехой на пути китаизации буддизма [15].

Теперь рассмотрим проблему с точки зрения развития всей китайской мысли. В сочинении «Чжао лунь» наряду с критикой различных учений Праджняпарамиты с элементами учения сюаньсюэ с помощью теоретических рассуждений буддийской Праджняпарамиты были разрешены вопросы, которые не были полностью решены в сюаньсюэ и долгое время были предметом споров между разными школами сюаньсюэ. В сочинении косвенно критиковались и все школы сюаньсюэ периодов Вэй и Цзинь. Поэтому, если рассматривать проблему

с точки зрения развития традиционной китайской мысли, «Чжао лунь» можно назвать критической итоговой оценкой синтеза сюаньсюэ и буддизма, осуществленной на буддийской основе. То есть это сочинение подняло синтез буддизма и сюаньсюэ эпох Вэй и Цзинь на новую высоту, а также ознаменовало завершение синтеза. После этого сюаньсюэ, хотя и имело некоторый успех, уже не получало сколько-нибудь значимого развития. Тогда как китаизированная буддийская философская теория, испытав влияние конфуцианства, даосизма и других традиционных китайских философских традиций и слившись с ними в единое целое, начала формироваться как относительно самостоятельная система. Буддийские идеи сочинения «Чжао лунь» отражают важный этап становления китайской философской мысли, начиная с сюаньсюэ, а также синтеза сюаньсюэ с буддизмом периода династий Вэй и Цзинь, и заканчивая буддийской мыслью периода Южных и Северных династий, а также династий Суй и Тан. Учение праджняпарамиты о пустотности сущности, разъясненное в сочинении «Чжао лунь», а также более позднее учение о природе Будды стали двумя главными великими принципами китаизированной философии буддизма.

Влияние идей сочинения «Чжао лунь» на более поздних мыслителей многообразно. Наибольшее влияние было оказано на буддийские школы периода Южных и Северных династий и династий Суй и Тан. Учение о Праджняпарамите мадхьямиком в сочинении Сэн Чжао заложило теоретическую базу школы саньлунь, Цзи Цзан назвал Сэн Чжао родоначальником школы саньлунь и «начинателем школы сюаньсюэ». Идеи Прад-

жняпарамиты и новаторский метод китаизации системы буддийских идей оказали глубокое влияние на китайские буддийские школы тяньтай, хуаянь, чань и др. Например, многие высказывания Сэн Чжао даже были объявлены чаньскими изречениями и в дальнейшем получили широкое распространение в школе чань. Поэтому почитание Сэн Чжао в буддийских кругах никогда не прекращалось, начиная с периода Южных династий. Практически при каждой династии был человек, который написал комментарий к «Чжао лунь». Кроме того, идеи Праджняпарамиты, развитые у Сэн Чжао, оказали значительное влияние на даосскую теоретическую систему. Так, в теоретических системах Чэн Сюаньина и многих других даосских мыслителей эпох Суй и Тан можно четко увидеть праджняпарамитские идеи пустотности сущности («не-наличие и не-отсутствие», «пустотность сознания и мира»). Кроме того, буддийская теория, развитая у Сэн Чжао, через влияние на буддизм и даосизм эпох Суй и Тан косвенно повлияла на неоконфуцианство эпох Сун и Мин (лисюэ – учение о принципе). Этот вопрос заслуживает особого внимания.

«Чжао лунь», с одной стороны, представляло собой анахронизм, доставшийся в наследство от синтеза сюаньсюэ и буддизма периодов Вэй и Цзинь. С другой стороны, оно проложило дорогу, следуя по которой буддизм смог избавиться от зависимости от традиционной мысли и достаточно независимо развиваться в синтезе с конфуцианством, даосизмом и другими традиционными учениями. Это сочинение составило блистательную главу в истории китайской мысли.

Примечания

I. 《世说新语·文学篇》注引《妙观章》。В комментарии к «Шишо синьюю» [«Вэньсюэ пянь»] упоминается «Мяогуань чжан».

II. Хэ Янь в «Дао лунь» ссылается на «Лецзы», глава «Тяньжуй».

III. 《三国志·魏书·钟会传》注引何劭《王弼传》。Хэ Шао в «Ван Би чжуань» ссылается на «Саньго чжи» («Вэйшу», «Чжун Хуэй чжуань»).

IV. 吉藏の《中观论疏》主此说。《Цзи Цзан в «Чжунгуань лунь шу» придерживается этой версии.

Литература

1. Дацзан синьцзуань вань сюй цзанцзин, т. 77 [《大藏新纂卍续藏经》第77卷].
2. Тайсё синсю Дайдзокё («Трипитака годов Тайсё»), т. 42 [《大正藏》第42册].
3. Тайсё синсю Дайдзокё. Т. 42 [《大正藏》第42册].
4. Тайсё синсю Дайдзокё. Т. 45 [《大正藏》第45册].
5. Тайсё синсю Дайдзокё. Т. 50 [《大正藏》第50册].
6. Тайсё синсю Дайдзокё. Т. 65 [《大正藏》第65册].
7. Чжао лунь, глава «Бу чжэнь кун лунь» [以上引文均见《肇论·不真空论》].
8. Чжао лунь, глава «Непань у мин лунь» [《肇论·涅槃无名论》].
9. Го Сян. Комментарий к «Чжуан-цзы», глава «Ин диван» [郭象《庄子·应帝王》注].
10. Го Сян. Комментарий к «Чжуан-цзы», глава «Сяояо ю» [郭象《庄子·逍遥游》注].
11. Даоань. Хэфан гуан гуанцзань суйлюэцзесю // Тайсё синсю Дайдзокё. Т. 55 [道安:《合放光光赞随略解序》,《大正藏》第55册].
12. Сэн Чжао. Бу чжэнькун лунь [僧肇《不真空论》引].
13. Сэн Чжао. Комментарий к «Вималакирти-сутре» («Вэймоцзин», глава «Вэньшушили вэнь цзи пинь») [僧肇:《维摩经·文殊师利问疾品》注].
14. Тан Юнтун. Хань, Вэй, лян Цзинь, Наньбэйчао фозяо ши. – Пекин, 1983 (История буддизма периода Хань, Вэй, двух Цзинь, Южных и Северных династий) [汤用彤:《汉魏两晋南北朝佛教史》,北京1983年版].
15. Хун Сюпин. Китаизация буддизма и философские идеи Сэн Чжао // Вестник Фуданьского университета. – 1988. – № 4 [《佛教的中国化与僧肇的哲学思想》,载《复旦学报》1988年第4期].
16. Цзи Цзан. Байлунь шу // Тайсё синсю Дайдзокё. Т. 42. – С. 232 [吉藏《百论疏》,《大正藏》第42卷,第232页上].
17. Чжи Сяолун чжуань // Тайсё синсю Дайдзокё. Т. 50. – С. 346 [《高僧传》卷四《支孝】Hun Хурин [龙传》,《大正藏》第50册,第346页下].
18. Чжу Шисин чжуань // Тайсё синсю Дайдзокё. Т. 55 [《朱士行传》,《大正藏》第55册].
19. Чжунго сысян тунши Всеобщая история китайской мысли. Т. 3 / гл. ред. Хоу Вайлу. – Пекин, 1957. – С. 443 [侯外庐主编《中国思想通史》第三卷,北京1957年版,第443页].
20. Чжунго фозяо ши История китайского буддизма. Т. 2 / гл. ред. Жэнь Цзиюй. – Пекин, 1985 [任继愈主编《中国佛教史》第二卷,1985年版].
21. Юань Кан «Чжаолунь шу» / Тайсё синсю Дайдзокё. Т. 45. С. 171 [元康《肇论疏》,《大正藏》第45册,第171页下].

ББК 86.35(Кит)+66.3

Е. А. Нагуслева

БУДДИЗМ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА КПК В ПЕРИОД «РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ»

Статья посвящена изучению религиозной политики КНР после начала периода реформ и открытости и деятельности Буддийской ассоциации Китая (БАК) в этот период. Детально рассмотрен процесс формирования религиозной политики правительства и ее особенности, изучены характерные черты деятельности сангхи Китая внутри страны и за рубежом и выявлены причины, объясняющие возрастание роли буддизма в политике КПК.

Ключевые слова: буддизм, религия, Китай, КПК, сангха, БАК.

E. A. Naguslaeva

BUDDHISM AND THE RELIGIOUS POLICY OF THE CCP IN THE PERIOD OF “REFORM AND OPENING UP”

The article is devoted to the PRC's religious policy after the beginning of the “Reforms and Opening Up” period and Buddhist Association of China's activity research. The religious policy formation process and its peculiarities are viewed in detail, the characteristics of the Chinese sangha's domestic and foreign activity are surveyed, the reasons of the growing role of Buddhism in the CCP policy are identified.

Keywords: Buddhism, religion, China, CCP, sangha, BAC.

Политика «реформ и открытости» («改革开放 gaige kaifang») была провозглашена в 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК XI созыва. Проведение этой политики в Китае привнесло масштабные изменения в экономическую жизнь общества. Кроме того, она ясно отразилась в культурной и духовной жизни китайского общества.

Изменения коснулись и развития буддизма Китая – началось второе в XX в. его возрождение. Это выражалось в восстановлении системы буддийского образования, реставрации храмов, монастырей и восстановлении хозяйственной деятельности в них. Тем самым Буддийская ассоциация Китая во главе с Чжао Пучу начала заниматься устранением последствий так называемой культурной революции 1966–1976 гг.

В сентябре 1980 г., благодаря инициативе Чжао Пучу, возобновил работу Буддийский институт в Пекине, были открыты его филиалы в Сучжоу и Нанкине под началом буддийского общества в Цзянсу. Система обучения в филиалах полностью повторяла систему обучения Пекинского института. В своей хозяйственной деятельности институты были полностью автономны и самостоятельны, как и храмы, на базе которых они были открыты.

25 января 1980 г. ЦК КПК санкционировал возобновление деятельности всех официальных религиозных органи-

заций. Первое за 12 лет собрание делегаций Буддийской ассоциации Китая было созвано в декабре 1980 г. в Пекине. В работе собрания приняли участие более 250 представителей восьми народностей из 29 регионов Китая. На пост председателя ассоциации был избран Чжао Пучу [14]. На нем был принят устав ассоциации, выработан курс работы и поставлены конкретные задачи ее деятельности:

1. Способствовать расширению участия последователей буддизма в различных сферах жизни на благо народа.

2. Исходя из любви к родине и вере, оберегать право верующих на свободу вероисповедания, способствовать изучению верующими политики в сфере религии и других областях, имеющих отношение к религии, добиваться любви к родине и закону, проводить религиозные службы и содержать места проведения служб в надлежащем состоянии.

3. Активно развивать исследование буддийского учения и науки, издавать литературу по буддизму, содействовать правительству в деле сохранения и защиты материальных буддийских памятников.

1. Развивать дружественные связи с буддистами разных стран, укреплять культурный обмен между странами.

При помощи поставленных задач способствовать укреплению политики свободы вероисповедания и соблюдению гражданских прав, закрепленных Конституцией, придавать большое значение

регулярному проведению буддийских служб и различных мероприятий в надлежащей форме.

Помимо указанных задач, уставом были закреплены основные цели работы ассоциации – помогать правительству в воплощении политики свободы вероисповедания; объединяя усилия последователей буддизма всех народностей страны, развивать буддийские традиции; активно участвовать в строительстве социализма, способствовать сохранению мира на земле.

С 1981 г. ассоциация начала издавать журнал «Фа инь» («发音 fa yin») – «Голос дхармы», на страницах которого нашли отражение как вопросы вероучения и истории сангхи, так и современные изменения, происходившие в ней. Его главным редактором стал вернувшийся из ссылки Цзю Цзань, после смерти которого в 1984 г. этот пост на протяжении 16 лет занимал Чжао Пучу [2, с. 399].

В декабре 1983 г. на заседании ассоциации Чжао Пучу выступил с докладом «30 лет Буддийской ассоциации Китая» [13], значение которого заключается не только в подведении итогов 30-летней работы ассоциации, но и в том, что была поставлена цель дальнейшей деятельности ассоциации. Докладчик остановился на двух вопросах: как дальше будет развиваться китайский буддизм и каким традициям буддизма необходимо следовать?

Чжао Пучу выделил ряд принципов, на которых должна быть основана деятельность Буддийской ассоциации и всей буддийской общины Китая. Первый принцип – это следование идеям гуманистского буддизма. Согласно гуманистскому направлению, буддизм должен быть полноценной частью жизни общества, соответственно, буддийские монахи должны быть вовлечены не только в духовную, но и в социальную, экономическую и другие сферы жизни общества. Сангха должна служить на благо людей и общества [5, с. 35]. С этого времени идеи гуманистского буддизма лежат в основе деятельности Буддийской ассоциации

Китая. Однако Чжао Пучу не сказал о том, что гуманистское направление буддизма было создано Тай Сюем. Причина кроется в том, что Тай Сюй, как и многие религиозные деятели первой половины XX в., имел тесные контакты с членами партии Гоминьдан. По этой причине членам ассоциации запрещалось упоминать это имя и пропагандировать идеи гуманистского буддизма [7, с. 45].

Согласно следующему принципу, озвученному Чжао Пучу, буддийская сангха Китая должна продолжать традицию «совмещать проповедование буддизма чань и сельскохозяйственную деятельность (农禅并重 *nong chan bing zhong*)». Смысл этой традиции состоит в том, что члены буддийской общины должны заниматься не только религиозной деятельностью, но и экономической. Иными словами, монастыри должны сами обеспечивать свое существование за счет сельского хозяйства. Такая риторика была оправдана тем, что при коммунистической власти в экономическую деятельность должны быть вовлечены все граждане страны, в т. ч. и монахи. Кроме того, буддийская община должна способствовать повышению уровня грамотности в стране.

Еще одно направление деятельности Буддийской ассоциации – установление дружественных международных связей с целью способствования сохранению мира на земле [13].

Позиция новой власти Китая по отношению к религии была сформулирована в ЦК КПК 31 марта 1982 г. в документе «Основная позиция и политика по вопросам религии во время социалистического периода нашей страны» [9, с. 356]. Далее будут приведены некоторые выдержки из этого документа.

«Мы, коммунисты, являемся атеистами и должны неустанно пропагандировать атеизм. Тем не менее мы в то же время должны понимать, что будет бесполезно и вредно использовать простое принуждение в делах духовных и идеологических вопросов, которые подразумевают и вопросы религиозного ха-

рактера. На данном этапе истории мы также должны понимать, что разница, существующая между верующим и неверующим населением в идеологии и вере, относительно вторична. Если мы будем подчеркивать эту разницу, придавая ей особое значение, например, дискриминируя и атакуя верующее население, мы будем противоречить тому факту, что политическое и экономическое благосостояние верующих и неверующих граждан одинаково важно, таким образом, мы забудем, что основной принцип партии [Коммунистической партии Китая] заключается в объединении всех людей (что подразумевает объединение и верующих, и неверующих) с целью достижения всеми гражданами построения современного, могущественного социалистического государства.

«Наша партия основывает свою политику свободы вероисповедания по теории, сформулированной Марксом и Лениным, и это единственно правильная политика, действительно соответствующая благосостоянию людей...

Существует в общем восемь патриотических религиозных организаций [официально признанных правительством КПК], среди них – Буддийская ассоциация Китая, Китайская Даосская ассоциация, Китайская Исламская Ассоциация, Китайская Католическая Патриотическая Ассоциация, Китайский Комитет по делам католической религии, Китайская Конференция католических епископов, Китайский Христианский Совет и Движение трех патриотических “самостоятельных сфер” протестантской церкви Китая... Основная цель этих религиозных патриотических организаций – помогать партии и правительству в осуществлении политики свободы вероисповедания, помогать широким массам верующих и представителям религиозных кругов непрерывно повышать уровень патриотического и социалистического сознания, представлять законные права и интересы людей религиозных кругов, организовывать “нормальные”

религиозные мероприятия и регулировать религиозные отношения. Все патриотические религиозные организации должны признавать лидерство партии и правительства...

Тот факт, что наша партия объявляет и осуществляет свободу вероисповедания, разумеется, не означает, что члены КПК могут свободно исповедовать любую религию... В отличие от обычных граждан, член партии принадлежит к марксистской политической партии, и не может быть никаких сомнений в том, что она или он должны быть атеистами» [11].

4 декабря 1982 г. на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва была принята Конституция Китайской Народной Республики, где 36 статья была посвящена вопросу религии: «Граждане КНР наделяются свободой вероисповедания. Ни один государственный орган, общественная организация или индивид не может принуждать граждан верить или не верить в ту или иную религию. Государство защищает “нормальные” религиозные мероприятия. Никто не может использовать религию для участия в мероприятиях, которые нарушают общественный порядок, вредят здоровью граждан. Религиозные органы не могут являться субъектами какого-либо иностранного доминирования» [3].

Данные документы в необходимой степени отражают отношения между коммунистическим правительством и религиозными кругами Китая. Несмотря на то что власти КНР провозгласили свободу вероисповедания в стране, фактически эта свобода не может считаться полной, ибо она имеет ряд ограничений:

1. Партия ограничивает круг официально разрешенных религий и ассоциаций.
2. Партия принуждает всех верующих и членов всех религиозных организаций признавать политическое лидерство Коммунистической партии Китая и способствовать развитию курса КПК по строительству социалистического государства.

3. Партия запрещает своим членам исповедовать какую-либо религию.

4. Партия оставляет за собой прерогативу решать, какая религиозная деятельность является «нормальной», а какая таковой не является.

В целом их деятельность была инструментом КПК, который та использовала, чтобы способствовать легитимизации политической власти. При этом очевидно, что начало периода реформ и открытости в Китае имело большое значение для деятельности буддийской общины. Была полностью возобновлена деятельность Буддийской ассоциации, восстановлена буддийская образовательная система, вновь открыли свои двери буддийские храмы и монастыри по всей стране. Но, согласно новому уставу, она, как и прежде, обязана выражать абсолютную поддержку правительству и содействовать легитимизации коммунистической власти в стране. Иными словами, с началом нового периода в китайской истории и с принятием новой Конституции политическая и социальная автономия буддийской сангхи и религиозных кругов в целом продолжала находиться под контролем государства.

В работе пятого собрания делегаций весной 1987 г. впервые приняла участие делегация буддийских монахов с Тайваня. В своей речи на этом собрании Чжао Пучу сказал: «В новой истории развития китайского буддизма уже произошел определенный перелом, китайский буддизм пошел по пути согласованности с социализмом с китайской спецификой. Основные условия координированности социализма и буддизма заключаются в двух направлениях. Первое – партия и государство, согласно политическому курсу и законам, уважают и защищают право буддистов на свободу вероисповедания, второе – буддисты проявляют любовь к родине и соблюдают законы, поддерживают лидерство партии и правительства, служат строительству социалистической материальной и духовной цивилизации».

На этом собрании были внесены изменения в устав ассоциации. К числу

задач ассоциации были отнесены: идея популяризации гуманистского буддизма и принятие активного участия в построении социалистической материальной и духовной цивилизации. Новыми задачами ассоциации стали:

1. Защита права буддистов на свободу вероисповедания.

2. Разработка системы управления монастырями, системы принятия обетов монахами и другие конкретные нормы.

3. Организация и содействие деятельности, направленной на благополучие общества.

4. Активное развитие сотрудничества с последователями буддизма среди соотечественников, проживающих в особых административных районах Гонконга и Макао, на Тайване и за рубежом.

Кроме того, в обновленном уставе подчеркивались законные интересы буддистов, были прописаны нормы управления монастырями и религиозными службами, отмечен подъем в работе ассоциации [14].

1 сентября 1987 г. был открыт Тибетский буддийский институт, в котором для обучения использовался тибетский язык. Студентами института были преимущественно представители монгольской и тибетской народностей. Направлением обучения было провозглашено «сохранение единства страны, укрепление связей между народностями, развитие тибетского буддизма, содействие большему пониманию государственных законов и политики, обучение последователей буддизма с любовью к стране и к вере».

В 80–90-е гг. XX в. состоялось открытие ряда буддийских институтов на базе храмов и монастырей. К примеру, в столице провинции Фуцзянь Сямэне основан Буддийский институт по модели образования Тай Сюя. Институты были открыты в городах Ухань и Шанхай, в провинциях Шаньси, Аньхой. Буддийские организации проводили огромное количество различных краткосрочных буддийских курсов и программ. Тогда же Буддийская ассоциация начала переводить средства в Фонд помощи в получе-

нии образования детям из бедных семей и осуществлять пожертвования на нужды монашеской общины.

Общий климат в стране был достаточно благоприятным, характеризовался высокой степенью либеральности по отношению к политической и религиозной деятельности. Но вскоре он был нарушен событиями на площади Тяньаньмэнь, после чего КПК ужесточил политику по отношению ко многим сферам жизни граждан, в т. ч. и к религии.

В начале 90-х гг. в Китае возникла известная религиозная секта под названием Фалуньгун (法轮功 *falungong*). В 1992 г. ее основал Ли Хунчжи. Он утверждал, что его день рождения совпадает с днем рождения Будды Шакьямуни и что он – новый спаситель. Кроме того, последователи его религии наделяли учителя сверхъестественными способностями. Учение Фалуньгун основано на смешении элементов буддизма, даосизма и народных верований, причем основная роль в нем отводится буддизму. Название Фалуньгун в переводе с китайского означает «духовная энергия Колеса Закона».

Российский исследователь Л. А. Кравчук относит секту Фалуньгун к новым синкретическим религиям, возникновение которых связано с комплексом сложных политических, экономических, социально-культурных и иных процессов, охвативших мир к концу истекшего столетия. Наибольшее значение имеют такие явления, как крушение мировой системы социализма, нарастание тенденций экономической и культурной глобализации, стремительный прогресс информатизации всемирного социума [4].

Число последователей учения Фалуньгун непрерывно росло. Секта обрела довольно высокую степень структурированности. Она заключала в себе четыре уровня: национальный, провинциальный, локальный и низовой. Главное отделение секты находилось в Пекине. Благодаря развитию телекоммуникационных технологий отделения секты всех уровней поддерживали между собой непрерывную связь [6, с. 41].

В 1997 г. секта Ли Хунчжи подверглась критике. Так, было заявлено, что она оказывает негативное влияние на общество. В результате нарастающего давления Ли Хунчжи уехал в США, а секта была лишена официальной поддержки. Власти встревожило растущее влияние нового религиозного движения, грозящего превратиться в массовое сектантское объединение, альтернативное официальному общественно-политическому строю Китая в силу своей значительной структурированности и разветвленности.

Столкнувшись с противодействием властей, новое религиозное движение приобрело характер идейно-политической оппозиции, что привело к массовому выступлению сектантов в апреле 1999 г., когда около 15 тысяч последователей Ли Хунчжи собрались перед зданием правительства КНР и потребовали терпимости к своей деятельности. В июле 1999 г. был принят закон, полностью запрещающий деятельность секты Фалуньгун, а несколько активистов нового религиозного объединения, занимавших к тому же высокие общественные и государственные посты в Китае, предстали перед судом и были приговорены к длительным срокам тюремного заключения [1, с. 87]. Эти события, вероятно, заставили правительство Китая провести четкую границу между официальными религиями и сектами. Фалуньгун была отнесена к числу неофициальных сект и ее деятельность подверглась запрету.

Между тем инцидент способствовал тому, что власть КНР осознала способность официальных религиозных организаций вносить свою лепту в поддержание социальной стабильности. Такой сценарий развития событий, разумеется, требовал для религиозных организаций большей свободы в их деятельности. КПК осознала, что если не наделить религиозные организации необходимой степенью ответственности и автономности, это может привести к появлению альтернативных сект и религий, неподконтрольных власти.

В ноябре 1993 г. Цзян Цзэминь озвучил три директивы на рабочей конференции единого национального фронта, где были указаны рамки, в которых и по сей день осуществляется религиозная деятельность всех официальных организаций:

1. Тщательно осуществлять религиозную политику партии.

2. Усилить контроль над религиозными делами в соответствии с законом.

3. Направлять религию в правильном направлении, чтобы она соответствовала социалистическому обществу.

Он подчеркнул, что государство будет «защищать нормальные религиозные мероприятия», при этом ограничивая и наказывая тех, кто использует религию в целях совершения незаконных действий.

Начиная с 90-х гг. XX в. правительство Китая осознало, насколько интенсивно буддизм наращивает свое влияние в обществе. Именно с этого времени пекинское правительство воспринимает буддизм в качестве одного из политических ресурсов в распространении идей достижения коммунистического идеала «гармоничного общества». Власть Китая теперь как никогда благоволит деятельности буддийской сангхи КНР. На это у нее есть немало причин. В Китае буддизм – это самая многочисленная конфессия из пяти официальных [6, с. 46]. Несмотря на то что буддизм зародился в Индии, его история в Китае длиною в два тысячелетия дает возможность говорить о буддизме как о традиционной религии Китая. В отличие от буддизма, католицизм, ислам и протестантство считаются иностранными религиями. Более того, в силу политических обстоятельств христианские миссионеры зачастую воспринимались как пособники западного империализма, а иногда и как шпионы. Что касается даосизма, это, безусловно, единственная религия из пяти официально разрешенных в КНР, возникшая в Китае. Тем не менее даосизм не может составить какую-либо конкуренцию буддизму в качестве политического оружия власти, так как круг

последователей даосизма ограничивается лишь одним государством. Более того, число людей, исповедующих даосизм в Китае, в разы меньше числа буддистов. Именно по этим причинам буддизм для КПК стал надежной опорой в регулировании вопросов, касающихся религиозной сферы жизни общества.

Другая положительная сторона в деятельности буддийской общины заключается в том, что она не имеет лидера за пределами страны. Речь идет о том, что для китайской буддийской общины нет такой фигуры, которая могла бы контролировать и влиять на ее деятельность, фигуры подобной таким личностям, как Папа Римский для католиков. В КНР деятельность буддийской общины регулируется исключительно КПК. Более того, право выбирать религиозных лидеров всех конфессий имеет только КПК, а не сами религиозные организации.

Буддизм, в отличие от мусульманства, не связан с сепаратистскими движениями, что особенно важно для государства в условиях активизировавшегося сепаратистского движения на территории Синцзян-Уйгурского автономного района Китая, большинство жителей которого исповедуют ислам. Религия является одним из факторов установления тесных контактов с соседними мусульманскими государствами – Таджикистаном, Кыргызстаном, Афганистаном, Казахстаном и Пакистаном. Именно развитие отношений с соседними странами во многом влияет на рост сепаратистских настроений среди населения региона. В официальных документах национальное меньшинство этого региона – уйгуры – называются «исламским» населением [12].

С экономической точки зрения, буддизм также симпатизирует КПК. Буддизм, будучи мировой религией, имеет миллионы последователей среди граждан многих государств. Благодаря тому что буддизм проник в Китай несколько сотен лет назад, на территории КНР существует много исторических мест, интересных для паломников и путешественников из

множества стран. Это обстоятельство обуславливает большой поток туристов начиная с конца прошлого века, что, в свою очередь, крайне благотворно влияет на экономику государства [8, с. 118].

Помимо этого, буддийская община играет свою роль в экономическом благосостоянии граждан страны в качестве крупнейшего благотворителя. Эта новая сторона деятельности буддийской общины открылась благодаря тому, что с ростом популярности буддизма среди населения растет и число его последователей из числа состоятельных граждан. Они постоянно делают пожертвования в пользу буддийской общины, большая часть которых вносится в различные благотворительные фонды.

КПК активно использует буддизм как свое внешнеполитическое оружие. На данном этапе мы уже можем говорить о новой китайской «буддийской дипломатии». Чжао Пучу называл буддизм «золотой нитью» в негосударственных отношениях КНР с другими азиатскими странами [7, с. 47].

В XX в. деятели китайского буддизма стали устанавливать связи с международным религиозным сообществом, с буддийскими организациями разных стран и принимать участие в различных международных конференциях и семинарах по вопросам сохранения мира на земле. В 1956 г. делегация представителей китайского буддизма участвовала в четвертом съезде Всемирного братства буддистов, в которое входили буддисты многих стран, в т. ч. Мьянмы, Индии, Непала. Это стало первым опытом общения буддийской общины Китая с мировым буддийским обществом.

8 сентября 1962 г. в Пекине проводилась мирная конференция стран Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. От буддийского общества КНР на ней присутствовали Юань Ин и Чжао Пучу.

В 1963 г. делегация японских буддистов отправила в Китай останки китайских военнослужащих, а Буддийская

ассоциация Китая преподнесла в дар японскому буддийскому обществу изображение богини милосердия Гуаньинь. Таким образом, в отношениях между представителями буддизма Китая и Японии произошел переломный момент, который означал укрепление дружественных связей между ними. С тех пор китайская сторона принимала у себя буддийские делегации из многих стран, таких как Мьянма, Шри-Ланка, Индия, Непал, Камбоджа, Вьетнам, Индонезия и др. Буддийские делегации из Китая тоже неоднократно наносили визиты в страны Юго-Восточной Азии.

В 60–70-х гг. XX в. Китайская буддийская ассоциация не раз проводила различные мероприятия в поддержку мирного процесса. Кроме того, была организована 11-я конференция буддистов Азии. В 80-е гг. китайские буддисты укрепляли связи с буддистами Гонконга, Макао, Тайваня и других стран Восточной и Южной Азии. Более того, стали устанавливаться дружественные отношения с буддийскими общинами США, Австралии и прочих западных государств.

Буддийская ассоциация Китая принимала участие в создании Общества китайского народа, борющегося за мир и сокращение вооруженных сил. В 1985 г. председатель ассоциации Чжао Пучу был удостоен премии японского Фонда мира. Все эти мероприятия помогли китайскому буддийскому обществу установить крепкие дружественные отношения с религиозными сообществами многих стран и внести неоценимый вклад в дело поддержания мира на земле.

Значительный сдвиг в политике КПК по отношению к буддизму стал очевиден в 2006 г., когда в Китае, в г. Ханчжоу, проводился первый Всемирный форум буддистов. Это был первый случай, когда КПК внесла свой вклад в проведение такого масштабного международного религиозного мероприятия. Проведение этого форума ознаменовало поворот во мнении правительства по отношению к религии вообще и буддизму в частности. Э Сю-

вэнь, будучи тогда директором Управления по делам религии КНР, в своей речи подчеркнул, что буддизм является древней китайской религией, а Китай – великой буддийской державой [14].

Буддийская ассоциация Китая и по сей день участвует в мероприятиях по сохранению мира на земле, ежегодно проводит молитвенную службу, посвященную миру. Члены ассоциации совместно с представителями других религий Китая от лица китайского религиозного общества принимают участие во Всемирной конференции верующих, в конференции верующих Азии и др.

Вторая половина XX в. принесла китайскому буддизму немалые изменения. С момента основания КНР и по сей день буддийская сангха Китая находится под постоянным контролем власти, а ее деятельность во многом продиктована интересами правительства. Тем самым буддизм превратился в инструмент политики руководства Китая.

Таким образом, деятельность сангхи вносит свою лепту в установление и поддержание дружественных связей с другими государствами. Не зря в XXI в. в синологии появилось понятие «китайская буддийская дипломатия». Помимо этого, сангха приносит и экономическую пользу государству. Это выражается в получении государством доходов от туристов,

приезжающих в Китай для осмотра буддийских святынь и достопримечательностей. Кроме этого, буддийская община занимается широкой благотворительной деятельностью, материально помогая незащищенным группам населения.

Несмотря на то что в Китае официально объявлена политика свободы вероисповедания, очевиден и тот факт, что она имеет ряд ограничений [10, с. 63], которые заложены в Конституции КНР, в рамках которых должно существовать религиозное сообщество. Деятельность могут вести лишь восемь официальных религиозных организаций пяти конфессий, лидеров которых определяет КПК. В Китае действует Управление по делам религий, которое пристально следит и контролирует каждое действие всех религиозных организаций.

В целом же вторая половина XX в. благотворно повлияла на буддийскую сангху Китая. Она стала более институционализированной, значительно возросло число верующих, вырос ее экономический потенциал, а благодаря росту ее влияния в обществе, растет и ее политическое значение. На данный момент можно уверенно утверждать, что буддизм является той религией, по отношению к которой наиболее благоприятно настроено правительство КНР.

Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

Литература и источники

1. Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. – М.: ИФ РАН, 2002. – 248 с.
2. Горбунова С. А. Роль Чжао Пучу в истории китайского буддизма XX в. // Общество и государство в Китае: мат-лы XLIII Всерос. науч. конф. (г. Москва, 25–27 марта 2013 г.) / под общ. ред. А. И. Кобзева. – М., 2013. – С. 399–405.
3. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). Режим доступа: [chinalaw-info.ru/constitutional_law/constitution](http://chinalaw.info.ru/constitutional_law/constitution).
4. Кравчук Л. А. Адаптация синкретических сект к современным условиям (на примере китайской секты «Фалуьгун») // Путь Востока. Традиции и современность: мат-лы V молодежной науч. конф. – СПб., 2003. – С. 49–51.

5. *Нагуслева Е. А.* Тай Сюй и его гуманистский буддизм // Вестник БГУ. – 2015. – № 6А. – С. 33–37.
6. *Hongyi Harry Lai.* The Religious Revival in China // The Copenhagen journal of asian studies. – 2003. – № 18. – P. 40–46.
7. *Ji Zhe. Zhao Puchu and His Renjian Buddhism* // The Eastern Buddhist. – 2013. – Vol. 44. – № 2. – P. 35–58.
8. *Laliberté A.* Buddhist Revival under State Watch // Journal of Current Chinese Affairs. – 2011. – Vol. 40. – № 2. – P. 107–134.
9. *MacInnis D.* Religion in China today: policy and practice. – New York: Orbis books, 1989. – 458 p.
10. *Madsen R.* The upsurge of religion in China // Journal of Democracy. – 2010. – Vol. 21. – № 4.
11. **The People's Republic of China: Document 19: The Basic Viewpoint on the religious question during our country's socialist period [selections].** Issued by the Central Committee of the Chinese Communist Party on 31 March 1982. Режим доступа: <http://www.religlaw.org/content/religlaw/documents/doc19relig1982.htm>.
12. *Trine Angelskår.* China's Buddhism diplomacy // The Norwegian Peacebuilding Resource Centre. Режим доступа: www.peacebuilding.no.
13. 邓子美, 赵朴初人间佛教思想追论 / 邓子美 // 佛教研究, 2009. Режим доступа: http://www.fjnet.com/fjnw/200904/t20090417_117360.htm.
14. 现代中国佛教. Режим доступа: <http://www.fjdh.cn/wumin/2009/04/16465361262.html>.

УДК 294.3

ББК 86.35

Д. С. Жамсуева

БУДДИЙСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ БУРЯТ

В статье рассмотрена историческая роль буддийского духовенства, творческая деятельность, а также биографии лам, которые являются неотъемлемой частью культурного наследия бурятского народа. Используются документы, хранящиеся в государственных, научных и ведомственных архивах.

Ключевые слова: буддизм, буддийская община, элита бурятского духовенства, ламы, дацаны.

D. S. Zhamsueva

THE BUDDHIST CLERGY IN THE CONTEXT OF HISTORY OF THE BURYAT CULTURE

The article describes the historical role of the Buddhist clergy, creative activities, as well as biographies of the lamas, which form an integral part of the cultural heritage of the Buryat people. The sources used in this paper are documents stored in public, academic and departmental archives.

Keywords: Buddhism, the Buddhist community, the elite of the Buryat clergy, lamas, temples.

ЖАМСУЕВА Дарима Санжиевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: darisan@rambler.ru.

Буддийские монастыри (дацаны) в Восточном Забайкалье, являясь центрами общественной и культурной жизни бурятского народа, сыграли огромную роль не только в политической и духовной консолидации бурятского общества, они были также центрами и средоточием научных знаний. В хранилищах и библиотеках монастырей накоплены бесценные сокровища письменной культуры, регулярно копировавшиеся и умножавшиеся усилиями многих поколений трудолюбивых лам – переводчиков, переписчиков. Как известно, многие сочинения буддийских деятелей сохранились и существуют по сей день именно благодаря их труду.

Исследования, проведенные российскими буддологами, позволяют утверждать, что в рамках буддизма с начала его существования шло накопление и развитие научных знаний о Вселенной и человеке, их взаимоотношениях, постижении человеком законов бытия, поиске смысла жизни. Важнейшие сведения и знания, накопленные человечеством, не отвергались последователями буддизма, а воспринимались ими в рамках буддийской идеологии как позитивные ценности, к которым должны быть приобщены буддисты и прежде всего служители культа. Подобное отношение к общечеловеческим достижениям и мировому опыту развития цивилизаций действовало во всех странах буддийского мира и широко использовалось в системе подготовки духовных лиц разных рангов. Действовало оно и в бурятских монастырских комплексах и дацанах.

В фототеках музеев и научных архивах имеются коллекции неопознанных портретов бурятских лам. Само наличие фотопортрета говорит о значительности портретируемого человека, но в инвентарных паспортах фототеки нет никаких личностных данных, даже имен, тем более нет биобиблиографических сведений. В фондах ксилографов и рукописей на тибетском и монгольском языках ИМБТ СО РАН есть немало анонимных произ-

ведений, относящихся, по всей вероятности, к творчеству местных авторов.

По мнению известного российского буддолога К. М. Герасимовой, в Бурятии влияние буддийской религии в XVIII–XX вв. ознаменовано развитием письменности, появлением книгопечатания, школьного образования по системе 10 средневековых наук Востока, формированием дацанских школ для изучения буддийской философии, логики, диалектики, риторики, различных направлений вероучения и культовой практики буддизма. Сложилось профессиональное искусство живописи, скульптуры, зодчества, декоративно-прикладного оформления буддийского культа. В Бурятии появились знатоки восточных языков, переводчики, лексикографы, филологи-стилисты, специалисты в области теории поэзии, изобразительного искусства, складывались национальные школы художественной практики, живописи, скульптуры. «Духовное творчество требовало профессиональной подготовки. Специальное обучение необходимо было для познания религиозного учения. Истины религиозной доктрины не были общедоступными, они делились на «высший», «средний», и «низший» уровни в соответствии с аналогичной дифференциацией интеллекта верующих. Каждой категории был обозначен доступ к определенному объему религиозных истин. В структуре средневековой культуры массовый уровень духовного творчества не может полностью отождествляться с творчеством в области 10 или 18 наук индийского или тибетского буддизма. Элитарная профессиональная культура мировой религии была высокой духовной планкой средневековья, многие достижения вошли в исторический фонд культуры человечества» [7, с. 45–46].

Согласно устоявшейся буддийской иерархии, духовенство в крупных тибетских и монгольских монастырях делилось на гэгэнов-перерожденцев и простых монахов. Кроме того, в крупных монастырях была своя строгая внутренняя

иерархия лам во главе с настоятелем. По определению Б. Барадина, буддийское духовенство по роду занятий делилось на служилое и несслужилое. К служилому духовенству относились настоятели (ширети), ректоры отдельных факультетов, надзиратель монастыря, помощники надзирателя, младшие помощники надзирателя, ученый каноник, контролирующий правильность диспутов, монастырский эконом, заведующий монастырской кухней и т. д. [4, с. 221] В целом эта структура была распространена и в бурятских дацанах, но в управлении административными и культурными делами в бурятских монастырях не было единой системы [11, с. 55].

К служилым также относились монахи из категории ученых, имевших разные звания: габджи, рабжамба, дорамба, лхарамба, аграмба, марамба.

Особую группу составляли: зурчины-иконописцы, зурхайшины-астрологи, жочины-предсказатели, эмчи-медики, ученые-литераторы, редакторы издаваемой книжной продукции.

Согласно дисциплинарному уставу монашеской жизни, существовало деление монахов на несколько «профессиональных» категорий: работники при монастырских кухнях; такильчины, т. е. специальные люди, готовящие материал для ритуальных жертвенных обрядов; ремесленники; столяры; маляры; портные; резчики по изготовлению ксилографических досок; книгопечатники и т. д.

К несслужилому сословию относились «степные ламы» – это ламы, не приписанные к какому-либо монастырю, поэтому бродившие по кочевьям. Они, в свою очередь, подразделялись на гуримчинов – исполнителей религиозных обрядов «гурим» (определенные действия, направленные на исцеление от болезней); гуртэнов – прорицателей; эмчи – медиков; зурхайши – астрологов и ябганбакши (кочевых или степных учителей), которые занимались частным обучением населения со второй половины XIX в.

В архиве У.-Ц. Онгодова имеются материалы, свидетельствующие о значительном развитии частного обучения у хори-бурят: «Большинство [бурят] предпочитают удобнейшим нанимать кого-либо мало-мальски грамотного... платя рубль-другой и кормя такого учителя, поочередно переходящего каждый день из дома в дом, или на два-три дня к другому хозяину, если у него обучается двое-трое детей» [3, ф. Онгодова, оп. 1. д. 35, л. 121].

К концу XIX в. понятие «грамотный человек» уже начало терять свою былую однозначность («человек, который учился в монастыре» или «монах»). Овладение русским языком, наличие образования европейского типа открывало широкие горизонты для приобретения дальнейших знаний, давало больше перспектив для светской карьеры и становилось, таким образом, все более предпочтительным в определенных кругах бурятского населения, вынужденного адаптироваться к новым условиям жизни, диктующей свои законы. Поэтому одной из причин, заставивших бурятское духовенство взяться за пропаганду грамотности среди мирян, было желание направить нарастающую тягу к знаниям на традиционные рельсы буддийского образования и сохранить, таким образом, свою монополию на просвещение народа и положение как «старших по учености». Духовенство поощряло распространение грамотности, подразумевая под этим умение читать и писать на письменном монгольском языке. «Родители обязаны учить детей грамоте на родном языке», – требовал в своих проповедях настоятель Агинского дацана Д. Данжинов. О действительной цели дацанского духовенства в борьбе за грамотность красноречиво свидетельствует название другой его проповеди «О том, как сильно распространится религия, если ее проповедовать на монгольском языке».

В своих наставлениях ламы стремились сохранить национальный дух, обла-

ченный в форму буддийских проповедей, призванных способствовать сохранению национальной самобытности. Призывая к сознательному и активному усвоению всего нового, что несет жизнь, одновременно подчеркивали пагубность для человека пренебрежения или забвения национальных культурных и духовных ценностей.

Открытая пропаганда против правительственных реформ и за сохранение феодально-патриархального уклада, старинной «степной» жизни быта была, безусловно, невозможной. Бурятское духовенство выпускало различного рода дидактическую литературу в виде религиозных проповедей и поучений, в которых в иносказательной форме внедрялся в массы публицистический злободневный материал с отзвуками живой конкретной политической борьбы. Несмотря на свои идеологические претензии, бурятское духовенство трезво оценивало свое место в масштабах Российского государства, реально оценивало сложившуюся общественно-политическую ситуацию в стране как неизбежность, к которой надо было приспособиться или откочевать в Монголию.

Широко известна неразрывная связь буддийского духовенства с известными общественными деятелями. В буддийских монастырях побывало много знаменитых российских путешественников и ученых, авторитетных проповедников буддийского мира. Так, например, ученые ламы Гусиноозерского дацана помогали А. М. Поздневу в его работе над переводом медицинского трактата «Чжуд-ши» [1, ф. 1(о), оп. 1, д. 3715, л. 5–7]. То, что ныне составляет гордость отечественного востоковедения, пополнилось, в частности, коллекциями предметов буддийского культа из бурятских дацанов. Первый музей «Буддийского культа», который был открыт в г. Чите в 1899 г., был основан на средства и сборы агинских лам и прихожан с тем благим намерением, что он послужит «объединению единоплемянников Востока и Запада»

[Там же, д. 3844, л. 1]. Много финансовых средств из казны духовенства уходило на создание и содержание различных светских заведений. Так, в Чите были открыты женская гимназия и мужское среднее учебное заведение [12, с. 10–11]. Значительная часть пожертвований была собрана в бурятских дацанах на содержание лазарета и врачебно-питательного отряда в Петрограде во время гражданской войны. Большинство врачей-лам, не принимая личного участия в непосредственных военных действиях, спасали своим искусством врачевания жизнь многим военным [2, ф. 84, оп. 1, д. 475, л. 1–2].

Существенна роль в истории и развитии Цугольского дацана двух первых его настоятелей – Лубсан Дандарова (1781–1859) и Галсан-Жимба Дылгырова (1846–1872?). Усилиями Л. Дандарова в Цугольском дацане была открыта первая школа цаннита, из Тибета завезены учебные пособия – основные и толковательные учебники. Ученики Цугольской философской школы стали основателями и первыми учителями цаннита в Агинском и других бурятских дацанах. Деятельность его нашла подробное освещение в исследовании Ц. П. Ванчиковой [6, с. 92–94].

Если жизнь таких ученых буддийского духовенства Восточной Сибири, как Галсан-Жимба [Жигжит] Тугултуров, Галсан-Жимба Дылгыров, Доржи-Жигжид Данжинов, в определенной мере изучена и освещена в научных и популярных публикациях, то их общественно-культурная деятельность малоизвестна и нуждается в дополнительном изучении. Все они получили совершенное для своего времени буддийское образование, ими было создано немалое количество трудов на старомонгольском и тибетском языках. Их перу принадлежат фундаментальные работы по буддийской философии, богословию, астрономии, тибето-монгольской медицине, истории народов Востока, а также переводы канонических сочинений.

О Д. Данжинове, популярном в свое время духовном лидере агинских бурят, который писал на тибетском, старомонгольском языках, известно пока немного. Отрывочные сведения из различных источников относятся в основном к описанию вершинного периода его продолжительной и успешной духовной карьеры. Основной корпус его сочинений был идентифицирован и охарактеризован К. М. Герасимовой в монографии «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX в.», в которой были использованы в качестве источников материалы, характеризующие идеологию бурятского общества на рубеже веков [7, с. 144–151]. В коллективной монографии «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в.» при анализе особенностей популярного вероучения бурятского ламаизма даются ссылки на труды Д. Данжинова. В 1994 г. вышел сборник статей о выдающихся бурятских деятелях XVII – начала XX в., где Д. Б. Дашиевым рассмотрены некоторые положения произведений Д. Данжинова [8, с. 54–56].

В настоящей статье мы лишь дополняем биографический путь Д.-Ж. Данжинова «послужным списком» из Государственного архива Забайкальского края и записями Г.-Д. Нацова, согласно которым можно определить и уточнить год рождения, отсутствующий в вышеуказанных исследованиях. Так, по данным Г.-Д. Нацова, «седьмой настоятель Лубсан [Жигмид]-Доржи Данжинов в 1901 г., на 75-м г. жизни умер» [3, ф. Г.-Д. Нацова, оп. 3, д. 15], что предполагает его рождение в 1826 г. Мы же склонны отдать предпочтение официальному послужному списку, составленному хамбо-ламой Иролтуевым в 1888 г., из которого следует, что год рождения – 1816: «Ширетуй Жигжит Данжинов, от роду 72 лет, умеет читать и писать по-тибетски. Поступил в ховараки 20 марта 1875 г.; утвержден в звании банди г. военным губернатором Забайкальской области 15

октября 1875 г.; утвержден в ширетуи г. генерал-губернатором Восточной Сибири 12 июля 1878 г. За пожертвование денег на устройство Читинских мужских гимназий и учрежденных при них стипендий, а также за похвальное рвение к склонению на таковые же пожертвования других инородцев при усердии вообще к общественной пользе по ходатайству комитета по учреждению и устройству гимназий г. Приамурским генерал-губернатором, по Высочайше представленной Его Высокопревосходительству власти награжден серебряной медалью с подписью “За усердие” для ношения на груди на Станиславской ленте – июнь 1889 год. Во время проезда Его Императорского Величества в июне месяце 1891 г. через Забайкалье имел счастье представиться Его Величеству и пожалована серебряная медаль с надписью «За усердие» на Станиславской ленте, что объявлено по области приказом г. Приамурского генерал-губернатора за № 6201. На основании Высочайшего повеления в 30-й день января пожалована медаль “За труды всеобщей переписи населения 1897 года” на ленте Государственных цветов со свидетельством г. Министра внутренних дел за № 1565. Государь Император по Всеподданнейшему докладу г. Министра Внутренних дел, в 10-й день апреля 1897 г. Всемилостивейше соизволил пожаловать серебряную медаль, Высочайше установленную в память царствования Императора Александра III, для ношения на груди на Александровской ленте, что объявлено предложением г. военного губернатора Забайкальской области от 24 июня 1897 г. за № 4730» [1, ф. 1(о), оп. 1, д. 4002, л. 53].

Публикацию Б. Д. Баяртуева [5, с. 27–30] о Галсан-Жимбе Дылгырове, известном переводчике и комментаторе буддийской литературы, пропагандисте буддийского учения, мы посчитали необходимым дополнить информацией, датированной 1858 г.: «ширетуй гылуналама Жимба Дылгыров, от роду 42 лет,

сын инородца. Поступил в ховараки 1823 г., сентября 13-го, в гыцулы 23 октября 1831 г., в гылуны 1843 г., февраля 20-го, в штатные ламы – 1857 г. Умеет читать и писать на монгольском, тибетском» [5, ед. хр. 153, л. 300].

В послужном списке лам за 1861 г. ширетуем Цугольского дацана уже числится Г.-Ж. Тугултуров [Там же, д. 6766, л. 6]. Сведения о V ширетуе Агинского дацана Галсан-Жимба [Жигжит] Тугултурове, носившем почетное и высокое звание маха-пандида (великого ученого в пяти науках буддизма: философии, астрономии, медицине, технике и стихосложении), еще более скудны. Р. Е. Пубаев считает, что Г.-Ж. Тугултурову принадлежит звание первого автора среди бурятского духовенства книги по основам астрономии – «Джирухай-ийнджайши». Кроме того, Г.-Ж. Тугултуров перевел с тибетского на монгольский язык много различных книг философского и художественного содержания. Важнейшей его работой считается первый в Бурятии тибетско-монгольский словарь «Светильник, разъясняющий значение слов грамматики», который был составлен в бытность его настоятелем Агинского дацана. В 1871 г. он выписал Ганджур и Данджур дэргэского и нартанского изданий, а также статуи тысячи Будд из основных центров буддизма [13, с. 31–33]. Р. Е. Пубаев в данной статье указывает, что год рождения и смерти Г.-Ж. Тугултурова не установлены. Найденный нами архивный документ – «Формулярный список о штатных ламах, состоящих при Агинском дацане, 1868 г.» дает нам некоторое представление о его духовной карьере и дате рождения: «Ширетуй гылун-лама Жигмит Тугултуров, от роду 41 год, сын инородца, поступил в ховараки 1826 года 15 ноября, в гыцулы 24 марта 1831 г., в гылуны 1843 года, октября 7 дня. Утвержден в штатные ламы – 1854 г. Умеет читать и писать на монгольском, тибетском» [1, ф. 1(о), оп. 1, ед. хр. 153, л. 277]. По данным Г.-Д. Нацова,

год смерти – 1873 [3, ф. Г.-Д. Нацова, оп. 3, д. 15].

По официальной статистике, в Бурятии в первой четверти XX в. было 15 тысяч лам и ховараков. Трудно точно определить, сколько тысяч лам получили среднее образование в монастырских школах Бурятии, Монголии, Тибета, сколько из них удостоились высших ученых званий дорамба, лхарамба, аграмба, но и рядовые гэбши и габчжу составляли значительный пласт средневековой интеллигенции, которая укореняла индо-тибетскую образованность на почве этнической культуры Бурятии.

Биографии бурятских лам являются неотъемлемой частью культурного наследия нашего народа. Введение в научный оборот биографий бурятских лам и деятелей, их источниковедческое изучение еще ждут своих исследователей.

Недостаточно исследованной темой в разработке вопросов историко-культурного значения духовенства является проблема возникновения института хубилганов (перерожденцев), относящихся к высшему и особому рангу духовенства, «в которых воплощаются Будды и бодисаттвы, нисходящие на землю для спасения людей, или же души знаменитых своей деятельностью лам» [10, с. 45]. Приоритет введения института перерожденцев среди бурятских дацанов принадлежит Цугольскому и Агинскому дацанам (подробно см.: [9]).

В целом данная проблема вполне органична для рассмотрения культурологического аспекта истории дацанов, но актуальность этого вопроса определяется состоянием фактологической базы. Слабая разработанность и сложность данной проблемы при наличии обширного круга местных источников диктуют ее разрешение путем последовательного, постепенного введения в научный оборот светских и религиозных источников (тибетских, монгольских, бурятских и т. д.) и изучения каждой группы их составляющих.

Источники и литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК).
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).
3. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ЦВРК ИМБГ СО РАН).
4. *Барадин Б.* Буддийские монастыри (фрагменты очерка) // Реверс. Альманах. – СПб., 1992. – 256 с.
5. *Баяртуев Б. Д.* Галсан-Жимба Дылгыров // Выдающиеся бурятские деятели XVII – нач. XX в. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1994. – 186 с.
6. *Ванчикова Ц. П.* О двух первых настоятелях Цугольского дацана // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. – Улан-Удэ, 1999. – 210 с.
7. *Герасимова К. М.* Об исторических формах национальной культуры бурят // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1995. – 121 с.
8. *Дашиев Д. Б.* Доржи-Жигмид Данжинов // Выдающиеся бурятские деятели XVII – нач. XX в. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1994. – 186 с.
9. *Жамсуева Д. С.* Реинкарнация бурятской линии Ганжирвы гэгэна // Вестник БНЦ СО РАН. – 2015. – № 4 (20). – С. 120–126.
10. Комиссия для использования землевладения и землепользования в Забайкальской области под председательством Куломзина. – СПб., 1898. – 173 с.
11. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев и др. – Новосибирск: Наука, 1983. – 234 с.
12. *Птицын В. В.* Селенгинская Даурия. – СПб., 1896. – 306 с.
13. *Пубаев Р. Е.* Галсан-Жимба Тугултуров // Выдающиеся бурятские деятели XVII – нач. XX в. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1994. – 186 с.

УДК 94
ББК 63.31(5)

Н. А. Вуль

ИНТЕГРАЦИЯ КИТАЙСКИХ ВОЕННЫХ КРУГОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В статье рассматривается механизм интеграции китайских военных кругов в политический процесс, происходившей на рубеже XIX–XX вв. Данная интеграция стала одной из важнейших предпосылок наступления в Китае эпохи милитаризма, в свою очередь оказавшего существенное влияние на всю дальнейшую историю Китая.

Ключевые слова: армия, милитаризация, политизация, элиты, Китай.

N. A. Vul

THE INTEGRATION OF CHINESE MILITARY CIRCLES IN THE POLITICAL PROCESSES, 1890S–1910S

This paper analyses the process of integration of Chinese military circles in the political process in the 1890s–1910s. This integration turned out to be one of the main prerequisites of the Warlord era in China, which in its turn significantly influenced the history of this country.

Keywords: army, militarization, politicization, elites, China.

В настоящее время большинство интерпретаций, объясняющих причины, лежащие в основе вмешательства военных в политический процесс, можно разделить на три категории. Согласно первой интерпретации, вмешательство военных в политику объясняется наличием четкой иерархической структуры армии, а также военно-технического оснащения, что облегчает процесс захвата власти. Согласно второй интерпретации, власть попадает в руки военных в результате коллапса власти гражданской. В соответствии с третьей точкой зрения, захват власти военными объясняется личностным фактором – организаторы военных переворотов действуют, в первую очередь преследуя свои собственные интересы [19, p. 5].

Именно крах Цинской империи в 1911 г. и провал гражданских инициатив, направленных на создание в Китае новой политической системы, привел к власти военные круги, что послужило началом

эры милитаризма, в свою очередь оказавшего огромное влияние на всю последующую историю Китая. Эта эпоха во многом определила силовой механизм разрешения конфликтов, ведь впоследствии сам Мао Цзэдун отмечал, что «винтовка рождает власть».

Участие армейских кругов в разрешении национального кризиса не является чисто китайской спецификой. Подобные процессы стали характерной особенностью исторического развития многих стран Азии, Африки и Южной Америки, однако именно Китай стал одним из первых государств, где в результате кризиса гражданской власти военные предприняли попытку взять власть в свои руки. Таким образом, изучение предпосылок, сделавших эпоху милитаризма в Китае возможной, имеет огромное значение для более глубокого понимания и анализа событий, происходивших как в ранне-республиканский период истории Китая, так и после него, а также аналогичных

процессов, протекавших в других странах мира. Одной из важнейших подобных предпосылок является интеграция китайских военных кругов в политический процесс на рубеже XIX–XX вв. Задача настоящей статьи – рассмотреть, как именно происходил процесс данной интеграции, как начали формироваться политические амбиции в военной среде и сколь массовым был данный процесс.

Агрессивная политика великих держав по отношению к Китаю и неспособность Средней империи дать ей адекватный ответ подтолкнули цинское правительство к осознанию необходимости структурных реформ, затрагивающих все сферы жизни страны, в первую очередь – военную. Унизительное поражение в японско-китайской войне, нанесшее тяжкий удар по национальному духу, дало решительный толчок к всесторонним преобразованиям в военной сфере. Начало этим преобразованиям было положено в 1895 г. Именно тогда в Нанкине была основана Армия самоусиления (Цзыцянцзюнь) и Вновь созданная армия (Синьцзянцзюнь) в столичной провинции Чжили. Южная армия, «Армия самоусиления», была сформирована в противовес Вновь созданной армии, что вполне соответствовало традиционной китайской политике сдержек и противовесов [1].

В Армию самоусиления набирались лица в возрасте от 16 до 60 лет. Они происходили из крестьянских семей и должны были проживать в окрестностях Нанкина, чтобы вербовщики могли проверить их прошлое. Предполагалось, по крайней мере в теории, что за каждого новобранца были обязаны поручиться соседи, родственники и главы деревень. Кроме того, рекруты перед зачислением в Армию самоусиления проходили медицинский осмотр, который проводил иностранный врач. Ряд исследователей высказывали сомнения, что «всякий и каждый новобранец проходил все без исключения этапы отбора», однако сам факт наличия строгого отбора красноречиво сви-

детельствует о серьезности намерений возглавившего армию Чжана Чжидуна, занимавшего пост генерал-губернатора провинций Хунань и Хубэй [12, р. 371]. Когда Юань Шикай после восстания ихэтуаней приступил к модернизации вооруженных сил провинции Чжили, он также ввел строгую систему отбора новобранцев. По его требованиям они должны были быть выше метра шестидесяти сантиметров ростом, способны пробегать за час десять километров и не иметь судимостей [13, р. 113].

Все эти армии имели принципиальное отличие от существовавших ранее аналогов – в организационном плане они воспроизводили вооруженные силы западных стран, что стало значительным шагом вперед по сравнению с примитивной пирамидальной структурой даже самых передовых войсковых соединений прошлого, например Хуайской армии [II]. Будучи сформированными по германским лекалам, Армия самоусиления и Вновь созданная армия имели деление на роды войск (пехоту, кавалерию, артиллерию, инженерные войска и части обеспечения тыла). Наряду с этим они располагали четкой централизацией и координацией всех подразделений, что свидетельствует о наличии довольно разветвленного и современного по меркам того времени аппарата управления внутри армии нового типа.

После того как цинское правительство сочло эксперимент с Армией самоусиления и Вновь созданной армией успешным, оно приняло решение сформировать по их образцу так называемую Новую армию (Синьцзюнь), подразделения которой должны были быть дислоцированы в каждой провинции. В конце 1903 г. для осуществления контроля над ходом военной реформы китайское правительство сформировало комиссию по реорганизации армии (Ляньбинчу). В августе 1904 г. эта комиссия выпустила серию постановлений, обязывавших создать в каждой провинции армейские школы с 3-летним курсом обучения, в ко-

торых предстояло преподавать азы воинского искусства. Для выпускников этих школ предполагалось открыть военные училища с 2-годовалым курсом обучения в провинциях Чжили, Шэньси, Цзянсу и Хубей. Кроме того, в Пекине предстояло открыть военную академию и военный колледж, срок обучения в которых составлял 18 месяцев и 2 года соответственно [12, р. 373]. В 1906 г. комиссия по реорганизации армии приняла 10-летний план развития вооруженных сил. Этот план определял, сколько дивизий западного образца должно размещаться в каждой из провинций и указывал, что в общей сложности в масштабах страны таких дивизий Новой армии должно быть 36 [10, р. 38]. Согласно постановлению комиссии, формирование новых частей в каждой конкретной провинции следовало проводить посредством привлечения на службу в первую очередь местных жителей. Подобный принцип формирования частей сыграл одну из определяющих ролей в распаде Китая после Синхайской революции [7, р. 58а–59а].

Главной ударной силой среди воинских соединений нового типа стала Бэйянская армия, формированием которой занимался Юань Шикай в столичной провинции Чжили, губернатором которой он стал в 1901 г. после смерти своего покровителя Ли Хунчжана. До сих пор немало споров вызывает вопрос о степени влияния Юань Шикая в Бэйянской армии и насколько эта армия была предана лично ему. Так, например, Стивен Маккинон утверждает, что власть Юань Шикая над Бэйянской армией была ограничена. При том что Юань Шикай пользовался несомненным влиянием в армии, рычаги управления как с финансовой, так и с административной точек зрения находились в руках центрального аппарата в Пекине, на основании чего Маккинон утверждает, что Бэйянскую армию никак нельзя назвать «личной» армией Юань Шикая [17, р. 406; 18, р. 91]. С точки зрения Маккинона, офицеры Бэйянской армии были преданны Юань Ши-

каю не по личным мотивам, а из соображений практической целесообразности. «Степень влияния Юань Шикая в армии зависела от прочности его позиций в Пекине при дворе» [17, р. 406, 422]. С этим утверждением сложно согласиться. За внушительными денежными вливаниями в Бэйянскую армию крылась отнюдь не щедрость императорского двора, а неизменные усилия Юань Шикая, направленные на обеспечение этого бесперебойного финансирования. Эти усилия не были секретом для личного состава и способствовали укреплению личного авторитета Юань Шикая среди солдат и офицеров.

С целью обеспечения максимального контроля над Бэйянской армией Юань Шикай регулярно проводил перетасовки командного состава, перевода с должности на должность командиров дивизий, опасаясь излишнего роста их влияния во вверенных им частях. При этом командиры, наиболее преданные Юань Шикаю и располагавшие наибольшим кредитом доверия в его глазах, неизменно оказывались во главе самых боеспособных и наилучшим образом оснащенных дивизий [4, р. 79; III]. Даже Маккинон вынужден признать, что «Структура Бэйянской армии с организационной точки зрения была построена так, чтобы максимально увеличить степень зависимости этой армии от Юань Шикая» [17, р. 414]. Более того, современники сообщают, что портрет Юань Шикая, висевший в одной из казарм, являлся объектом поклонения – солдатам вменялось в обязанность возжигать перед ним благовония [21, р. 76]. Даже после того, как со смертью вдовствующей императрицы Цыси Юань Шикай впал в немилость, был отстранен от командования в январе 1909 г., и удален на 3 года в деревню Хуаньшан, бывшие подчиненные держали его в курсе о происходящем в армии и столице. Безусловно, это свидетельствует о том, что как минимум часть высшего командного состава была лично предана Юань Шикаю [13, р. 185]. Разумеется, соеди-

нения Бэйянской армии не являлись его личными вооруженными силами, однако степень контроля Шикая над ними была такова, что историк Ли Цзуньи считал правомочным назвать Бэйянскую армию «получастной армией Юань Шикая» [14, р. 57]. Несмотря на то что Юань Шикай до Синьхайской революции не мог в открытую бросить вызов центральным властям в Пекине, он сумел обрести в наиболее боеспособных частях китайской армии значительный авторитет и влияние, что позволило ему после падения монархии достаточно быстро взять власть в свои руки.

Появление политических амбиций у представителей армейских кругов и вовлечение военных в политическую жизнь стало процессом, затронувшим не только верхушку силовых структур Китая. Это также коснулось среднего и низового армейского звена. Своеобразным катализатором данного явления стала социальная трансформация, происходившая в среде личного состава частей нового образца и не имевшая аналогов ни в Знаменных войсках, ни в Хунаньской армии Цзэн Гофаня. В новых, только что открывшихся военных училищах главное внимание уделялось не физическому развитию слушателей, а их умственным способностям, что неизбежно способствовало росту престижа военной службы в глазах китайского общества [IV]. Требования, предъявляемые к поступающим, становились все более и более строгими. Начало этому процессу было положено в 1905 г., когда, в соответствии с новыми правилами, соискателей обязывали иметь как минимум среднее образование. Приблизительно с этого времени даже командиры рот стали назначаться из представителей обеспеченных семей, которые могли позволить себе отправить своих сыновей на учебу в школу. Престиж армейской службы и военных академий вырос еще больше, когда туда стали поступать члены императорской семьи и дети высокопоставленных чиновников, желавших таким образом продемонстрировать всю

важность и необходимость проводящихся в стране военных реформ. С отменой традиционной экзаменационной системы в 1905 г. поток отпрысков элиты, поступавших на службу в части нового образца, значительно увеличился, что привело к еще большему росту стоимости обучения в школах. С другой стороны, новый виток военных реформ 1907 г., затронувших сферу обучения и подготовки офицерского состава, создал систему социальных лифтов для талантливых представителей молодежи, которые не могли похвастаться знатностью своего происхождения или чрезмерным богатством семьи. По сравнению с гражданскими образовательными учреждениями, срок обучения в военных училищах был меньше, а значит, обучение было дешевле [6, р. 14]. Кроме того, выпускники военных училищ и академий могли рассчитывать на постоянный и достаточно большой источник дохода, а также имели перед собой четкие карьерные перспективы. Отмена традиционной экзаменационной системы повлекла за собой еще одно крайне важное последствие: она ликвидировала основной механизм пополнения рядов могущественной гражданской бюрократии, являвшейся фундаментом традиционного китайского государства, а ведь для нее одним из основополагающих принципов являлось подчиненное положение военных [15, р. 194]. Расходящаяся волна набирающих силу в Китае националистических настроений стала еще одним фактором, объясняющим, почему многие из тех, кто ранее предпочел бы гражданскую службу, все же остановил свой выбор на военной карьере. Отношение к воинской службе резко изменилось после японо-китайской войны 1894–1895 гг., когда многие в Китае осознали, сколь велика опасность, которую являют собой с военной и экономической точек зрения великие державы [12, р. 373].

Таким образом, в вооруженных силах достаточно быстро начала складываться прослойка молодых образованных представителей элиты. Как отмечает

американский историк Питер Зарроу: «...в позднецинскую эпоху наметился значительный рост престижа военной службы, в результате чего карьера в вооруженных силах стала для очень многих вполне приемлемым вариантом, привлекавшим идеалистически настроенных, честолюбивых и одаренных людей» [22, р. 90]. Складывавшееся положение кардинальным образом отличалось от ситуации, типичной для предыдущих столетий, когда популярность службы в армии была крайне невысока.

Одной из особенностей новой прослойки в армии являлось ее желание самым активным образом принимать участие в политических процессах, происходящих внутри страны. Отстраненное наблюдение за действиями государственного аппарата новую элиту больше не устраивало. Традиционно все политические инициативы в Китае исходили непосредственно от властного центра в Пекине. В начале XX в. часть военной элиты, не имевшая доступа к рычагам власти, начала проявлять все большую активность, будучи недовольной темпом и масштабами тех реформ, что инициировала центральная власть. Наиболее яркими сторонниками преобразований являлись те, кто имел опыт обучения за рубежом. Несмотря на то что количество студентов, прошедших через учебные заведения США и Европы, было относительно невелико, число обучающихся в Японии быстрыми темпами росло: с нескольких сотен в 90-х гг. XIX в. оно увеличилось до 12 тысяч к 1906 г., причем 10 % от этого числа являлись слушателями военных академий и училищ. Как и многие другие китайские студенты, эти слушатели заграничных военных академий вступали в политические кружки, в которых изучались западные политические и государственные системы и горячо обсуждалась возможность переноса западного опыта государственного строительства на китайскую почву. Таким образом, в ходе этих дебатов вырабатывались планы реформ и государственных преобразований

[V]. После возвращения домой, будучи выпускниками японских военных академий, что считалось очень престижным, так как качество образования в них значительно превосходило китайское, бывшие студенты и кадеты достаточно легко получали назначения либо на преподавательские должности в военные училища Китая, либо на командные должности в части Новой армии. Уже в этом, новом качестве они приступали к распространению среди подчиненных идей и взглядов, приобретенных во времена студенчества в ходе дискуссий в политических кружках [VI].

Как это ни парадоксально, в результате военных реформ цинскому правительству так и не удалось сформировать единую, сильную армию с централизованным командованием. В первую очередь этому помешала традиционная система сдержек и противовесов, препятствовавшая созданию единого центра силы, способного, пусть даже теоретически, противопоставить себя центральной власти. В результате этого после Синхайской революции армия не смогла сыграть роль единой силы, способной взять на себя задачу удержания страны от распада. Вместо этого в ней образовалось несколько крупных и около десятка мелких группировок, каждая из которых отстаивала свои интересы.

Немаловажную роль в ускорении процесса регионализации сыграл и указ от 19 октября 1907 г., санкционировавший учреждение совещательных комитетов в провинциях. В ряде провинций (Цзянсу, Цзянси, Гуандун, Гуанси) местные элиты сразу же после этого октябрьского указа сформировали данные совещательные комитеты самостоятельно, не дожидаясь подробных инструкций и положений, которые центральное правительство обнародовало только в 1908 г.

Данные провинциальные совещательные комитеты сразу после формирования приступили к работе, немедленно превратившись в площадку для выражения недовольства действиями

центральных властей. С помощью этих совещательных комитетов провинциальные элиты пытались отстаивать свои интересы, находившиеся в противоречии с интересами правительства. Кроме этого, еще одна немаловажная роль данных комитетов заключалась в том, что они придавали дополнительную легитимность власти местных элит. Цинский двор достаточно быстро обнаружил, что контролировать местные провинциальные центры силы становится все сложнее. Ситуация весьма напоминала ту, что складывалась в эпоху Весны и Осени и о которой емко и метко сказано в памятнике исторической прозы Древнего Китая «Цзо-чжуань»: «хвост стал настолько большим, что им было уже невозможно влить» [16, р. 39–40; 20, р. 211].

Синьхайская революция привела к образованию так называемого «вакуума власти», который оперативно заполнили представители военных кругов. Крах династии привел к ликвидации того единственного вида государственного строя, суть которого была понятна простому народу, а, главное, военным [5, р. 567]. Через полтора месяца после Синьхайской революции все южные и центральные провинции Китая, а также часть северо-западных провинций отказались подчиняться центральным властям в Пекине. Практически во всех случаях новые правительства каждой из провинций возглавляли выходцы из военных кругов. По сути дела, местные элиты вышли из-под контроля центральных властей, сохранив политическое и экономическое доминирование на местном уровне, не проявив при этом значительного интереса к делу революции [9, р. 162; VII].

В том случае, если бы в Китае имелась единая армия с централизованным командованием, подобное ослабление властного центра и стремительное усиление провинциальных элит вряд ли стало бы возможным. Китай вошел в новую эпоху с армией, лишенной централизованной структуры, состоящей из разномасштабных, никак не связанных между со-

бой частей и элементов. Подразделения, набравшиеся из числа жителей провинций, в которых они впоследствии и несли воинскую службу, и подчас финансировавшиеся из бюджетов провинций, были преданы в первую очередь своим командирам, в результате чего военные, вставшие во главе провинциальных правительств после революции, по сути дела имели в своем распоряжении частные армии [16, р. 47]. Эти частные армии в сочетании с «вакуумом власти» и процессом регионализации, подстегнутым введением провинциальных совещательных комитетов, ускорили милитаризацию общества.

Русский дипломат И. Я. Коростовец в одном из своих донесений от 10 апреля (28 марта) 1911 г. писал, что «...никогда в Китае до сих пор так открыто и с высоты престола не восхвалялся милитаризм». Далее он отмечает, что, невзирая на традиционно пренебрежительное отношение к воинскому искусству, «к Китаю все менее и менее можно относиться как к исключительно мирной стране» [2, с. 241]. Через полгода после того, как И. Я. Коростовец представил на рассмотрение это донесение, цинская династия пала и перед китайским обществом «встали новые главные задачи: как прижать этот труп земле и кого поставить во главе государства» [9, р. 161]. Впереди Китай ждали первые годы республики, тревожное время, когда окончательно завершился процесс, начавшийся в 1890–1910 гг. Именно в первые годы республики армейские круги окончательно сменили свою роль, перестав быть опорой власти, они сами взяли власть в свои руки [1, с. 208]. Именно тогда окончательно завершилось формирование военных клик, породивших эпоху милитаризма. Все это вряд ли было бы возможным без предварительной интеграции военных кругов в политический процесс на рубеже XIX–XX вв. Политизация китайских вооруженных сил, и в первую очередь их верхушки, происходившая в первое десятилетие XX в., являлась массовым

процессом, затронувшим всю китайскую элиту, неотъемлемой частью которой являлся командный состав китайской армии, пополнявшейся как раз за счет выходцев из гражданской элиты. Революция 1911 г. еще больше подстегнула дальнейший процесс политизации воен-

ных кругов, а опора на армию для реализации политических целей в первые годы существования республики во многом предопределила наступление эпохи милитаризма [19, p. 79].

Примечания

I. Несколько позже, в 1901 г., противоречия между руководителями эти воинских группировок обострились в силу того, что Юань Шикай, стоявший во главе «Вновь созданной армии», принял под свое командование часть «Армии самоусиления», снискав в лице ее основателя Чжана Чжидуна заклятого врага [4, p. 73].

II. В донесении от 26 апреля 1876 г. русский посланник Е. К. Бюцов отмечал, что несмотря на обучение части солдат и офицеров Хуайской армии обращению с современным оружием, ее «старинная китайская организация» осталась практически без изменений, в результате чего это войско представляло собой «не что иное, как иррегулярное скопище, отличающееся слабостью дисциплины, совершенным отсутствием офицеров со специальным образованием и весьма первобытную организацией различных частей военного управления» [2, с. 223].

III. Подобная деятельность Юань Шикая не ограничивалась Бэйянской армией. Так, благодаря усилиям Юань Шикая два департамента Комиссии по реорганизации армии возглавили его протеже: Дуань Цижуй стал начальником департамента военных приказов (*цзюньлинсы*), а Ван Шичжэнь – департамента военного образования (*цзюньсюэсы*). Впоследствии эти два человека стали ключевыми фигурами Бэйянской милитаристской клики [11, p. 44].

IV. Одно из подобных училищ «Луцзюнь гуйчжоу сюэтан» было открыто в Пекине 27 мая 1906 г. [10, p. 07]

V. В частности, в 1903 г., в Японии была открыто военное училище Синбу Гакко, ориентированное исключительно на китайских слушателей. До его закрытия в 1914 г. там прошло обучение около тысячи человек [3, p. 59].

VI. Например, правительство провинции Хунань не располагало средствами, достаточными для найма немецких или японских преподавателей, потому вместо них в военных училищах преподавали китайцы, окончившие аналогичные учебные заведения в Японии [23, p. 106].

VII. В качестве примера можно привести «Декларацию о независимости, выпущенную в Чэнду военным правительством Сычуани». Заявления военного правительства о Конституции и будущем Китая представляются достаточно общими и обтекаемыми. Вполне возможно, это было сделано намеренно, чтобы, с одной стороны, избежать немедленного конфликта с революционерами-радикалами, с другой – выиграть время, чтобы понять какие последствия повлечет за собой падение цинской династии [8, p. 511–512].

Литература

1. Непомнин О. Е., Меньшиков В. Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох / ИВ РАН. – М.: Восточная литература, 1999. – 333 с.
2. Хохлов А. Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX – начале XX века // Вопросы истории и историографии Китая. – М.: Наука, 1968. – С. 203–242.
3. Bailey P. J. China in the Twentieth Century. – Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – 286 p.
4. Ch'en J. Yuan Shih-k'ai, 1859–1916: Brutus assumes the purple. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1961. – 290 p.
5. Ch'en J. Defining Chinese Warlords and Their Factions // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – 1968. – Vol. 31. – № 3. – P. 563–600.

6. *Ch'en J.* The military-gentry coalition: China under the warlords. – Toronto: University of Toronto-York University Joint Centre on Modern East Asia, 1979. – 201 p.
7. *Da Qing Guangxu xinfaling* [Новые законы Гуансюя (правителя) Великой Цин]. Т. 14. – Shanghai: Shangwu yinshuguan, 1909.
8. *Dai Zhili.* Sichuan baolu yundong shiliao [Движение за защиту железных дорог в Сычуани – исторические источники]. – Beijing: Kexue chubanshe, 1959. – 548 p.
9. *Fairbank J. K.* The great Chinese revolution, 1800–1985. – N. Y.: Harper & Row, 1986. – 396 p.
10. *Gao Rui.* Zhongguo junshi shilue [Краткая военная история Китая]. Т. 3. – Beijing: Junshi kexue chubanshe, 1992. – 528 p.
11. *Guo Jianlin.* Beiyang zhengfu jianshi [Краткая история Бэйянского правительства]. Т. 1. – Tianjin: Tianjin guji chubanshe, 2000. – 670 p.
12. *Hatano Y.* The New Armies // China in revolution: the first phase, 1900–1913. – New Haven: Yale University Press, 1968. – P. 365–382.
13. *Lai Xinxia.* Beiyang junfa shi [История Бэйяньских милитаристов]. Т. 1. – Tianjin: Nankai daxue chubanshe, 2000. – 619 p.
14. *Li Zongyi.* Yuan Shikai zhuan [Биография Юань Шикая]. – Beijing: Zhonghua shuju, 1980. – 321 p.
15. *Powell, R. L.* The rise of Chinese military power, 1895–1912. – Princeton; N. J.: Princeton University Press, 1955. – 383 p.
16. *Sheridan J. E.* China in disintegration. The Republican Era in Chinese History, 1912–1949. – N. Y.; London: Free Press, 1975. – 338 p.
17. *MacKinnon S. R.* The Peiyang Army, Yuan Shikai, and the Origins of Modern Chinese Warlordism // Journal of Asian Studies. – Vol. 32. №. – 1973. – P. 405–423.
18. *MacKinnon S. R.* Power and Politics in Late Imperial China: Yuan Shikai in Beijing and Tianjin, 1901–1908. – Berkeley: University of California Press, 1980. – 260 p.
19. *McCord, E. A.* The power of the gun: the emergence of modern Chinese warlordism. – Berkeley: University of California Press, 1993. – 436 p.
20. *Vinacke H. M.* A History of the Far East in Modern Times. – N. Y.: F. S. Crofts & Co., 1945. – 641 p.
21. Yuan Shikai yishi [Биография Юань Шикая в историях]. – Shanghai: Wenyi bianyishe, 1916.
22. *Zarrow P. G.* China in war and revolution, 1895–1949. – London: Routledge, 2005. – 411 p.
23. *Zhang Pengyuan.* Qing mo min chu Hunan de junshi biange [Изменения в военной сфере в Хунани в позднецинский – раннереспубликанский период] // Zhongyang yanjiuyuan jindai-shi yanjiusuo jikan [Вестник Института современной истории Академии Синика]. – 1982. – № 11. – P. 101–116.

УДК 620.4 (571.53/55)

ББК 65.304.13

Н. И. Воропай, Б. Г. Санеев, А. Д. Соколов,
С. Ю. Музычук, А. Г. Корнеев

**РОЛЬ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В РЕАЛИЗАЦИИ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ
ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Изложены результаты исследований, связанных с развитием топливно-энергетического комплекса Байкальского региона, с учетом экспорта российских энергоресурсов в страны Северо-Восточной Азии.

Показана роль экономики и ТЭК Байкальского региона в России и Сибирском федеральном округе. Выявлены основные проблемы, определены цели и приоритеты развития ТЭК региона, выполнен прогноз основных показателей.

Ключевые слова: Байкальский регион, топливно-энергетический комплекс (ТЭК), энергоэффективность, экономика, энергопотребление, топливно-энергетический баланс.

N. I. Voropay, B. G. Saneev, A. D. Sokolov,
S. Yu. Muzychuk, A. G. Korneev

**THE ROLE OF THE FUEL AND ENERGY POTENTIAL
OF THE BAIKAL REGION IN THE IMPLEMENTATION
OF STRATEGIC PRIORITIES
OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT**

This paper presents the results of research related to the development of fuel-energy complex of the Baikal region, taking into account the export of Russian energy resources to the countries of northeast Asia.

In doing so it shows the role of economy and fuel and energy complex of the Baikal region in Russia and the Siberian Federal district. The paper identifies basic problems, goals and priorities for the sectors development in the region and offers a prognosis of the main indicators.

Keywords: The Baikal region, fuel and energy complex, energy efficiency, the economy, energy consumption, fuel and energy balance.

Введение

Три субъекта Российской Федерации – Республика Бурятия, Забай-

кальский край и Иркутская область, находящиеся в границах Байкальской природной территории, образуют Байкальский регион. Границы Байкальской природ-

ВОРОПАЙ Николай Иванович – член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Института систем энергетики им. Л. А. Мелентьева СО РАН. E-mail: voropai@isem.irk.ru.

САНЕЕВ Борис Григорьевич – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Института систем энергетики им. Л. А. Мелентьева СО РАН. E-mail: bg_saneev@isem.sei.irk.ru.

СОКОЛОВ Александр Даниилович – доктор технических наук, доцент, заведующий лабораторией Института систем энергетики им. Л. А. Мелентьева СО РАН. E-mail: sokolov@isem.sei.irk.ru.

МУЗЫЧУК Светлана Юрьевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института систем энергетики им. Л. А. Мелентьева СО РАН. E-mail: muz@isem.sei.irk.ru.

КОРНЕЕВ Анатолий Григорьевич – старший научный сотрудник Института систем энергетики им. Л. А. Мелентьева СО РАН. E-mail: korn@isem.irk.ru.

ной территории и ее экологических зон утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации № 1641-р от 27.11.2006 г. В соответствии с ним на Байкальской природной территории установлен особый режим хозяйственной деятельности.

Байкальский регион, находясь в центральной части России, имеет прямой выход к границам Монголии и далее к странам Северо-Восточной Азии [I] (СВА). По его территории проходят магистральные транспортно-коммуникационные линии связи, международные и внутрirosсийские авиалинии. Это создает благоприятные условия для взаимовыгодного международного экономического сотрудничества региона со странами СВА. Национальные интересы России требуют активизации ее взаимовыгодного сотрудничества с Японией, Китаем и другими странами СВА.

Роль Байкальского региона в реализации геостратегических интересов России состоит в следующем:

1. В связи с возрастающей ролью стран СВА в мировой экономике повышается значимость Байкальского региона в качестве контактной зоны России с Монголией и Китаем.

2. Из-за утери части портов на Балтийском и Черном морях резко возросла роль транспортной инфраструктуры Байкальского региона в реализации транзитных функций по обслуживанию внутрirosсийских и международных хозяйственно-экономических и энергетических связей.

3. Сохраняется ключевое положение Байкальского региона в качестве перевалочной базы материально-технического снабжения северных и арктических территорий Восточной Сибири и частично Дальнего Востока.

Полномасштабное освоение энергетических ресурсов Байкальского региона даст новый импульс развитию производительных сил и возможность получения значительного эффекта по следующим направлениям:

– произойдет существенный экономический рост как в Байкальском регионе, так и в Сибири в целом, существенно повысится жизненный уровень населения;

– улучшится качество и надежность энерго- и топливоснабжения потребителей;

– повысится эффективность использования топливно-энергетических ресурсов;

– будут созданы новые отрасли – газовая, газоперерабатывающая (газохимическая);

– повысится глубина переработки энергоресурсов, что увеличит объемы производства продукции с высокой добавленной стоимостью;

– регион станет более инвестиционно привлекателен;

– снизится уровень дотации региональных бюджетов.

Энергетика, как основа экономики, играет важнейшую роль в обеспечении необходимых условий для осуществления хозяйственной деятельности на Байкальской природной территории. В этой связи первостепенна значимость надежного, экономичного и экологичного энергоснабжения Байкальской природной территории как неперемennого условия обеспечения устойчивости уникального природного комплекса оз. Байкал.

Современное состояние и проблемы развития экономики и ТЭК Байкальского региона

Площадь Байкальского региона значительна и занимает 9,1 % территории России и 30,3 % территории Сибирского федерального округа (СФО) (табл. 1). Численность населения, проживающего на территории Байкальского региона, составляет всего лишь 3,1 % от общероссийской. При этом плотность населения в регионе весьма низкая – 2,8 чел./км² (в 3 раза меньше, чем в среднем по России) [8]. Низкая плотность населения является одной из проблем социально-эконо-

Таблица 1
Макроэкономическая характеристика Байкальского региона (состояние 2014 г.) [8]

Показатель	Россия	СФО	Байкаль- ский регион	Байкальский регион, % России /СФО
Территория, млн км ²	17,1	5,1	1,6	9,1/30,3
Население, млн чел.	146,3	19,3	4,5	3,1/23,2
ВВП (ВРП)*, трлн руб.	54,0	5,5	1,2	2,2/21,8
ВВП (ВРП) на душу населения*, тыс. руб./ чел.	369,3	268,7	268,7	72,8/93,7
Объем промышленной продукции, трлн руб.	45,1	5,0	0,9	2,0/18,3
Основные фонды экономики, трлн руб.	146,4	13,2	3,4	2,4/26,1
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	13557,5	1441,0	293,7	2,2/20,4

Примечание. * ВРП – 2013 г.

мического развития Байкальского региона. С увеличением протяженности транспортной, энергетической и других инфраструктур растет цена производимой в регионе продукции, снижается ее конкурентоспособность, ухудшается территориальная доступность различных социальных и коммунальных услуг для его жителей. Кроме того, на изолированных территориях функционируют автономные высокочрезвычайно энергоисточники, что приводит к увеличению стоимости производства электро- и теплоэнергии, росту дотаций из региональных бюджетов и способствует ухудшению макроэкономических показателей региона.

Роль Байкальского региона в важнейших макроэкономических показателях России в настоящее время невелика: вклады Байкальского региона в ВВП страны и в производство промышленной продукции составили 2 %, в общероссийских инвестициях – 2,2, в основных фондах экономики – 2,4 %.

Субъекты РФ на территории региона по удельным макроэкономическим показателям значительно отстают от среднероссийского уровня. Так, ВРП на душу населения в Байкальском регионе в 2014 г. на 27 % (или на 100,6 тыс. руб./чел.) меньше, чем в среднем по РФ. Наи-

более отстает по этому показателю Республика Бурятия (табл. 2).

Таблица 2
ВРП на душу населения, тыс. руб./чел.
(состояние на 2013 г.) [8]

Субъект РФ	Показатель
Байкальский регион, в среднем	268,7
Иркутская область	329,9
Забайкальский край	211,3
Республика Бурятия	181,6

К основным проблемам социально-экономического развития Байкальского региона относятся его значительная удаленность от наиболее перспективных российских рынков, недостаточная развитость инфраструктурных объектов, локализованный характер проживания населения при его низкой плотности, рискованный характер земледелия, высокочрезвычайно энерго- и топливообеспечение изолированных потребителей региона и их зависимость от сезонности завоза топлива.

Директивные документы [5; 6] предусматривают меры, направленные на развитие эффективной экономики и создание комфортных условий проживания на территории Байкальского региона, а

также на повышение конкурентоспособности производимой здесь продукции. Одним из важнейших условий перехода к устойчивому социально-экономическому развитию региона является рост энергоэффективности экономики. Особая роль в решении этих задач отводится топливно-энергетическому комплексу Байкальского региона, экономика которого в настоящее время ориентирована в основном на добычу сырья и его первичную переработку. В структуре промышленной продукции региона доля топливно-энергетического комплекса составляет около 40 %. Дальнейшее инновационное развитие экономики будет связано, в основном, с технологическим прогрессом в ТЭК, который в своем составе имеет предприятия электро- и теплоэнергетики, угольной, газовой, нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности.

В 2014 г. на территории Байкальского региона добыто 9,8 % угля России, произведено 6,4 % электроэнергии, 4,2 % теплоэнергии, 2,5 % нефти (табл. 3). Удельный вес Байкальского региона в СФО значительно выше – 32,4 % производства электроэнергии округа, 27,6 % добычи нефти, 25,3 % производства теплоэнергии, 11,6 % добычи угля. На ГЭС Байкальского региона производится около 45 % всей электроэнергии округа.

В Байкальском регионе в 2014 г. было потреблено 21,9 млн т у. т. (в т. ч. моторного), и в нем наиболее весома доля угля – 62 % (табл. 4).

Ориентация экономики региона на преимущественное использование угля приводит к осложнению экологической ситуации в регионе. Выбросы вредных веществ в атмосферу на душу населения в Байкальском регионе в 2–2,5 раза выше, чем в среднем по России, особенно это относится к наиболее промышленно развитым городам – Ангарску, Братску, Иркутску, Шелехову, Улан-Удэ, Чите.

Основными проблемами, ограничивающими развитие ТЭК Байкальского региона, являются:

- большая доля физически и морально изношенного оборудования в отраслях ТЭК (45–65 %);
- низкая эффективность использования топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) (коэффициенты полезного использования топлива в регионе на 5–10 процентных пунктов ниже среднероссийских);
- низкие показатели энергоэффективности экономики (электроемкость ВРП Байкальского региона в 3,5 раза превышает среднероссийский уровень, теплоемкость ВРП – в 2,5 раза, энергоемкость ВРП – в 1,5 раза);

Таблица 3
Добыча (производство) топливно-энергетических ресурсов (состояние 2014 г.)

Показатель	Россия	СФО	Байкальский регион	Байкальский регион в % от России/СФО
Добыча угля, млн т	356,5	301,7	34,9	9,8/11,6
Производство электроэнергии, млрд кВт·ч	1064,2	211,1	68,5	6,4/32,4
в т. ч. на ГЭС	175,1	97,4	43,6	24,9/44,8
Производство теплоэнергии, млн Гкал	1322,8	219,9	55,7	4,2/25,3
Добыча нефти, млн т	526,1	47,7	13,1	2,5/27,6
Добыча газа, млрд м ³	642,8	15,3	1,9	0,3/12,2
Переработка нефти, млн т	294,4	38,7	10,0	

Источники: [8], информация Росстата.

Таблица 4

Потребление топливно-энергетических ресурсов (Росстат, 2014 г.)*

Показатель	Россия	СФО	Байкальский регион	Байкальский регион в % от России /СФО
Электроэнергия, млрд кВт·ч	1065,0	223,2	69,5	6,5/31,1
Тепловая энергия, млн Гкал	1322,8	219,9	55,7	4,2/25,3
Топливо, всего, млн т у. т.	807,6	123,6	21,9	2,7/17,7
в том числе:				
– уголь	130,8	70,7	13,5	10,3/19,1
– газ природный и попутный	486,8	22,6	1,5	0,3/6,6
– нефтепродукты**	110,7	16,2	3,8	2,5/23,5
– прочие виды топлива	79,3	4,1	3,0	3,8/21,3

Примечание: * – потребление тепловой и электрической энергии с учетом потерь в собственных нужд; ** – нефтепродукты без газов нефтеперерабатывающих предприятий.

– преобладание в балансе котельно-печного топлива бурого низкокалорийного угля увеличивает нагрузку на окружающую среду и приводит к ухудшению качества жизни населения;

– низкие темпы вовлечения в хозяйственный оборот углеводородных ресурсов (уровень газификации в Байкальском регионе является крайне низким – около 6 %, в то время как в среднем по России – более 63 %, а в западных регионах страны еще выше);

– зависимость энергообеспечения потребителей изолированных районов от сезонного завоза энергоресурсов.

Анализ ТЭК Байкальского региона показывает:

– несмотря на то, что производство первичных ТЭР в регионе может полностью обеспечить собственную потребность и экспортные поставки, сюда по условиям межрегиональной кооперации завозится уголь из других регионов и нефть из Западной Сибири;

– около 64 % электроэнергии в регионе производится с использованием гидроэнергии, поэтому существует большая зависимость выработки ГЭС от водного режима рек, который может значительно изменяться из-за погодных условий;

– в структуре топливопотребления на тепловых электростанциях и в ко-

тельных региона доля угля достигает 85 %, а доля природного газа – менее 1 %, что вызывает необходимость увеличения доли высококачественных видов топлива, в первую очередь природного газа, для улучшения экологической обстановки в регионе.

Прогноз развития ТЭК Байкальского региона

В ИСЭМ СО РАН существует методология разработки региональных стратегий (программ) развития ТЭК [1]. На основе этой методологии разработан прогноз развития ТЭК Байкальского региона.

Целью развития энергетики Байкальского региона в долгосрочной перспективе является эффективное использование топливно-энергетического потенциала для устойчивого роста экономики и улучшения качества жизни населения [7].

Базовыми документами для выполнения авторами прогноза развития основных показателей ТЭК Байкальского региона на период до 2030 г. являются утвержденные Правительством РФ директивные документы [5; 6], а также разработанная в ИСЭМ СО РАН «Стратегия развития ТЭК Восточной Сибири и Дальнего Востока на период до 2030 г.» и «Стратегия развития ТЭК Байкальско-

го региона на период до 2030 г.», основные положения которых опубликованы в: [2–4; 7; 9]. В соответствии с перечисленными документами, перспективное развитие Байкальского региона предусматривает широкомасштабное освоение на его территории минерально-сырьевой ресурсной базы, которое будет происходить в соответствии с принципами межрегиональной кооперации по таким направлениям, как газификация региона, добыча и переработка минерального сырья, производство и передача электроэнергии, а также развитие туризма в прибайкальской зоне и др.

Основные показатели развития ТЭК на период до 2030 г., соответствующие стратегическому сценарию социально-экономического развития Байкальского региона с учетом межрегиональных и экспортных поставок, приведены в таблице 5.

Наиболее сильное влияние на структурные изменения топливно-энергетического баланса (ТЭБ) окажет крупномасштабное освоение в Байкальском регионе углеводородных ресурсов. Это не только приведет к изменениям структуры в приходной части ТЭБ, но и повлечет за собой изменения в расходной части.

За период 2014–2030 гг. при реализации стратегического развития экономики и ТЭК произойдут значительные изменения в структуре ТЭБ Байкальско-

го региона. В приходной части баланса значительно увеличится суммарная доля углеводородов (нефти и природного газа) собственного производства – с 26 % в настоящее время до 64 %. При этом доля угля снизится на 23 процентных пункта (п. п.).

Вследствие вовлечения в баланс природного газа существенно изменится и структура конечного потребления ТЭР: его доля увеличится на 18 п. п., при этом на 8 п. п. сократится доля нефтепродуктов. Также на 3–4 п. п. снизятся доли угля, тепловой и электрической энергии.

В результате структурных сдвигов в ТЭБ за счет роста доли газа и снижения доли угля повысится энергоэффективность экономики Байкальского региона. К 2030 г. значительно улучшатся, по сравнению с 2013 г., показатели энерго-, электро- и теплоемкости ВРП (в 1,4 и 1,7 раза соответственно).

Структурные изменения ТЭБ окажут положительное влияние и на экологическую ситуацию в Байкальском регионе (особенно в крупных городах) за счет роста использования потребителями более экологически чистых видов топлива (в первую очередь природного газа) и вытеснения ими угля и нефтепродуктов, а также увеличится бюджетная наполняемость региона (за счет роста налоговых отчислений от экспортных поставок углеводородов).

Таблица 5

Динамика производства (добычи) ТЭР в Байкальском регионе

Топливо-энергетический ресурс	2014 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
Электроэнергия, млрд кВт·ч	68,5	72–77	80–88	90–105
в т. ч.: ГЭС	43,6	45–47	47–49	49–50
Тепловая энергия, млн Гкал	55,7	58–63	65–67	70–75
Уголь, млн т	34,9	37–39	40–45	45–50
Нефть, млн т	13,1	14–15	15–16	16–17
Нефтепереработка, млн т	10,0	10–11	10–12	10–12
Природный газ, всего млрд м ³	1,9	10–13	15–20	30–32

Источник: 2014 г. – информация Росстата; прогноз (2020–2030 гг.) – оценки авторов.

Заключение

Благодаря географической близости к Монголии и Китаю, Байкальский регион должен играть ключевую роль в усилении энергетической кооперации России и Монголии, а через ее территорию – иметь непосредственный выход на динамично развивающиеся энергетические рынки КНР.

Для Байкальского региона наиболее значимыми факторами, влияющими на энергоэффективность его экономики, являются рост добычи и поставок (экспорта) углеводородных ресурсов (в первую очередь природного газа), перевод на газ ряда энергогенерирующих источников (в первую очередь мелких котельных), производство в регионе продукции с вы-

сокой степенью передела (нефтехимическое, газохимическое и другие производства), рост газификации потребителей (в первую очередь населения), перевод автотранспорта на газовое топливо.

Рост использования природного газа приведет к ощутимому оздоровлению экологической ситуации в Байкальском регионе и улучшению качества жизни населения. Поставки (экспорт) углеводородов и производимой из них продукции увеличат налоговые поступления в региональные бюджеты. Структурные изменения ТЭБ Байкальского региона, прогнозируемые на период до 2030 г., вызовут значительные улучшения показателей энергоэффективности экономики, что позволит за период до 2030 г. сэкономить около 20 млн. т у. т.

Примечание

1. К странам Северо-Восточной Азии в зарубежных публикациях и некоторых официальных документах относятся Монголия, Китай, Северная и Южная Корея, Япония.

Литература и источники

1. Методы и модели разработки региональных энергетических программ / РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т систем энергетики им. Л. А. Мелентьева; отв. ред. Б. Г. Санеев. – Новосибирск: Наука, 2003. – 140 с.
2. Санеев Б. Г., Соколов А. Д., Корнеев А. Г., Музычук С. Ю. Роль энергетики Байкальского региона в его социально-экономическом развитии // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 3. – С. 139–151.
3. Санеев Б. Г., Соколов А. Д., Музычук С. Ю., Музычук Р. И. Топливо-энергетические балансы Байкальского региона: методы разработки и основные результаты исследований // Вестник ИрГТУ. – 2012. – № 9 (68). – С. 224–231.
4. Санеев Б. Г., Соколов А. Д., Платонов Л. А., Музычук С. Ю., Иванова И. Ю. Энергетика Байкальского региона: современное состояние и взгляд в будущее // Вестник РФФИ. – 2012. – № 2. – С. 53–65.
5. «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28.12.2009 г. № 2094-р. Режим доступа: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.
6. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 05.07.2010 г. № 1120-р. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902229380>.
7. Топливо-энергетический комплекс Байкальского региона: современное состояние, перспективы развития / РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т систем энергетики им. Л. А. Мелентьева под ред. Б. Г. Санеева. – Новосибирск: Гео, 2015. – 176 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

9. Энергетика Байкальского региона: современное состояние, стратегия развития, механизмы реализации. – Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2011. – 103 с.

УДК 338.012, 330.15

ББК 65.28, 65.45

З. Б.-Д. Дондоков, Г. О. Борисов

О МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ БАССЕЙНА ОЗ. БАЙКАЛ

Рассматриваются вопросы взаимодействия Республики Бурятия и Иркутской области в использовании водных ресурсов бассейна оз. Байкал при производстве электроэнергии. Исследованы проблемы воздействия изменения интервала колебаний уровня воды на социально-экономическое развитие прилегающих к озеру территорий. Обоснована необходимость совершенствования механизмов межрегионального взаимодействия для решения вопросов регулирования деятельности Ангарского каскада гидроэлектростанций.

Ключевые слова: бассейн оз. Байкал, гидроэнергетика, регулирование уровня воды.

Z. B.-D. Dondokov, G. O. Borisov

CONCERNING INTERREGIONAL COOPERATION IN THE USE OF HYDROPOWER RESOURCES OF LAKE BAIKAL BASIN

The article considers issues of interaction between the Republic of Buryatia and Irkutsk oblast in the use of hydropower resources of Lake Baikal basin for energy generation. It examines problems of impact of the changing water level on socioeconomic development of territories adjacent to the lake. The necessity of improvement of mechanisms of interregional cooperation for solving problems of the Angara HPP cascade control.

Keywords: Lake Baikal basin, hydroelectric engineering, water-level control.

Озеро Байкал является самым крупным по объему (23 тыс. км³) пресноводным водоемом в мире [6]. В него ежегодно впадает примерно 60 км³ воды. Байкал является объектом межрегионального взаимодействия трех субъектов России: Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края.

Гидроэнергетический потенциал бассейна оз. Байкал огромен и уникален.

Строительство на Ангаре каскада, включающего Иркутскую, Братскую и Усть-Илимскую гидроэлектростанции, привело к зарегулированию озера. Байкал превратился в огромное водохранилище с искусственно регулируемым уровнем воды. После завершения строительства Иркутской ГЭС в 1957 г. уровень Байкала был поднят более чем на 1 метр. К 1959 г. сформировался новый гидрологический режим, который большей частью

ДОНДОКОВ Зорикто Бато-Дугарович – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом региональных экономических исследований БНЦ СО РАН. E-mail: orei.bnc@mail.ru.

БОРИСОВ Геннадий Очирович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник отдела региональных экономических исследований БНЦ СО РАН. E-mail: orei.bnc@mail.ru.

зависит не от природных факторов, а от гидроэнергетических параметров Ангарского каскада ГЭС [4].

Гидроэлектростанции Ангарского каскада имеют водохранилища многолетнего регулирования. Среднемноголетняя выработка каскада по проекту составляет 47,57 млрд кВт·ч [5]. В маловодные периоды суммарная выработка электроэнергии значительно снижается.

Режимы работы ангарских ГЭС осуществляются в соответствии с:

- «Основными правилами использования водных ресурсов водохранилищ Ангарского каскада ГЭС» (1988 г.);

- решениями межведомственной рабочей группы по регулированию режимов работы водохранилищ Ангаро-Енисейского каскада и северных ГЭС, уровня воды оз. Байкал;

- указаниями Федерального агентства водных ресурсов.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 марта 2001 г.

№ 234 «О предельных значениях уровня воды в озере Байкал при осуществлении хозяйственной и иной деятельности» установлены максимальное (457 м) и минимальное (456 м) значения уровня воды в оз. Байкал при использовании его водных ресурсов в хозяйственной и иной деятельности [3].

В 2015 г. произошло снижение уровня до 455,86 м. Это привело к падению уровня грунтовых вод на побережье Байкала. Резко ухудшилось водоснабжение прибрежных сел. Ушла вода из колодцев многих жителей Прибайкалья. В несколько раз снизился нерест омуля в реках республики. Настоящим бедствием стали торфяные пожары в Кабанском районе. В 2016 г. положение ухудшилось – в мае уровень воды в Байкале снизился до отметки 455,71 м.

В начале 2016 г. в формате общественного обсуждения готовился проект постановления правительства России, предусматривающий снижение нижней

Таблица

Характеристика водохранилищ Ангарского каскада и мощностей ГЭС [6]

Параметры	Озеро Байкал	Иркутское вдхр (Иркутская ГЭС)	Братское вдхр (Братская ГЭС)	Усть-Илимское вдхр (Усть-Илимская ГЭС)
Площадь зеркала при НПУ, км ²	31500	154	5478	1922
Максимальная глубина, м	1620	35	150	30
Абсолютная отметка нормального подпорного уровня (НПУ), м	457,0	457,0	401,73	296,0
Абсолютная отметка допустимой сработки, м	456,0	456,0	394,65	294,5
Высота сработки от НПУ, м	1,00	1,00	7,08	1,50
Объем полезной емкости, км ³	31,5	0,045	35,41	2,74
Установленная мощность, МВт	–	662	4500	3840
Среднегодовая выработка, млн кВт·ч	–	4100	22600	21700

границы уровня воды до 455,54 м и повышение верхней до 457,85 м. В качестве аргумента указывалась необходимость обеспечения надежности систем хозяйственно-питьевого и промышленного водоснабжения в нижнем бьефе Иркутской ГЭС в маловодные периоды.

Повышение уровня выше 457 м в многоводные периоды обосновывалось опасениями затопления застроек на пойменных участках и островах в русле Ангары. На наш взгляд, последствиями возможного увеличения диапазона колебаний уровня Байкала станут:

- стресс для всей экосистемы озера;
- значительные экономические потери региона из-за дополнительных расходов на реконструкцию гидротехнических сооружений, ухудшения условий воспроизводства биологических ресурсов;
- ухудшение условий жизни жителей прибрежных поселений.

Сложившееся сложное положение в работе энергетических и водохозяйственных систем на Байкале и Ангаре в основном вызвано несовершенством правил использования водных ресурсов водохранилищ Ангарского каскада ГЭС, высокой степенью износа водозаборных сооружений и неточностью прогнозирования приточности воды в оз. Байкал.

Для решения указанных проблем, на наш взгляд, необходимо:

- 1) изменить механизм регулирования уровня воды в Байкале, предусмотрев предварительное согласование Правительством Республики Бурятия и Администрацией Иркутской области режима наполнения и сработки оз. Байкал для принятия решений при отклонении уровня воды в оз. Байкал от максимального и минимального значений, установленных Правительством Российской Федерации;
- 2) провести реконструкцию водозаборных сооружений на Ангаре для нормального функционирования в экстремальные периоды;
- 3) обеспечить повышение качества прогнозов приточности воды в озеро, в

т. ч. с использованием современных методов и технологий.

Значительная часть вопросов по решению указанной проблемы лежит вне компетенции правительств Республики Бурятия и Иркутской области. Необходимо учитывать интересы обоих регионов, искать компромиссные варианты и сообща выходить на федеральный уровень для решения возникших проблем.

Достаточно острой является проблема распределения гидроэнергетической ренты, получаемой станциями Ангарского каскада за счет чрезвычайно низких затрат на производство электроэнергии, составляющих менее 2 коп. за 1 кВт·ч. Большая часть расходов относится к амортизационным отчислениям, а величина текущих затрат на ГЭС незначительна.

Иркутская область частично получает гидроэнергетическую ренту за счет низких тарифов на электроэнергию. Так, одноставочный тариф на электрическую энергию, поставляемую населению и приравненным к нему категориям потребителей в Иркутской области, на второе полугодие 2016 г., составляет 0,97 руб./кВт·ч [I]. В Республике Бурятия величина этого тарифа почти в 4,5 раза выше и составляет 4,36 руб./кВт·ч [II].

Вместе с тем наибольшее влияние на формирование водного ресурса Байкала и его гидроэнергетического потенциала оказывает Республика Бурятия, на которую приходится 87 % водосборной площади Байкальской природной территории и 62 % акватории озера. С другой стороны, Республика Бурятия несет значительные экономические потери из-за экологических ограничений, связанных с особым режимом хозяйственной деятельности на Байкальской природной территории. На наш взгляд, такая ситуация несправедлива. По экспертным расчетам, экономика Бурятии из-за «байкальского фактора» ежегодно недополучает более 10 млрд руб. добавленной стоимости (ВРП).

До 2005 г. взаимодействие между Республикой Бурятия и Иркутской областью по использованию гидроэнергетического потенциала бассейна оз. Байкал осуществлялось на основе «Бассейнового соглашения», в соответствии с которым ОАО «Иркутскэнерго» производило плату за пользование водными ресурсами для выработки электроэнергии в бюджеты обоих регионов. Распределение платежей производилось по акваториальному принципу: пропорционально площадям акватории озера, отнесенным к субъектам РФ в соответствии с установленной границей между Республикой Бурятия (62 %) и Иркутской областью (38 %).

С прекращением с 1 января 2005 г. действия «Бассейнового соглашения» в связи с вступлением в силу главы «Водный налог» Налогового кодекса РФ и межрегиональное взаимодействие между Республикой Бурятия и Иркутской областью по использованию гидроэнергетического потенциала бассейна оз. Байкал не осуществляется [2].

На наш взгляд, необходимо разработать нормативные правовые акты, позволяющие восстановить межрегиональное взаимодействие между субъектами Российской Федерации по совместному использованию гидроэнергетического потенциала водных объектов. Это позволит возобновить практику действовавших ранее бассейновых соглашений между регионами России.

В связи с тем, что наиболее остро проблема колебаний уровня воды в оз. Байкал стоит перед жителями и организациями Республики Бурятия, заинтересованной стороной являются органы исполнительной власти республики. А регулирование стока воды из Байкала осуществляется иркутской стороной.

Проблема использования гидроэнергетического потенциала достаточно сложная и многогранная. Для ее решения необходимы, на наш взгляд, последовательные действия на двух этапах.

Первоначально должны быть урегулированы противоречия по вопросам использования гидроэнергетического потенциала и водозабору между Республикой Бурятия и Иркутской областью. Правительствам двух субъектов РФ необходимо провести переговоры между собой, а также с «Иркутскэнерго», собственниками водозаборов из Ангары и другими заинтересованными лицами.

Результатами взаимодействия должны стать:

- согласованный участниками переговоров документ, включающий механизм регулирования уровня оз. Байкал и соответствующие мероприятия;

- предложения по разработке специальных программ (проектов) по реконструкции водозаборных сооружений на р. Ангаре и модернизации гидротехнических сооружений;

- предложения по корректировке документов, регулирующих взаимодействие ГЭС с тепловыми электростанциями Байкальского региона в зависимости от уровня сброса воды Иркутским гидроузлом.

Результаты переговоров должны быть включены в положения Соглашения о сотрудничестве между правительствами Республики Бурятия и Иркутской области. Срок действия предыдущего соглашения истек в феврале 2016 г.

На втором этапе правительствам Республики Бурятия и Иркутской области необходимо совместно выйти на правительство Российской Федерации для решения вопросов, находящихся в компетенции федеральных органов:

- регулирование уровня оз. Байкал;
- разработка специальных программ (проектов) по реконструкции водозаборных сооружений на р. Ангаре и модернизации гидротехнических сооружений за счет средств федерального бюджета;

- разработка нормативных правовых актов, позволяющих возобновить практику бассейновых соглашений между субъектами Российской Федерации.

Решение проблем межрегионального взаимодействия между Республикой Бурятия и Иркутской областью в использовании гидроэнергетических ресурсов

бассейна оз. Байкал будет способствовать выполнению положений Федерального закона «Об охране озера Байкал» [1].

Примечания

I. [http://energybase.ru/tariff/irkutsk/2016?TariffSearch\[type_id\]=electricity](http://energybase.ru/tariff/irkutsk/2016?TariffSearch[type_id]=electricity).

II. [http://energybase.ru/tariff/ulan-udie/2016?TariffSearch\[type_id\]=electricity](http://energybase.ru/tariff/ulan-udie/2016?TariffSearch[type_id]=electricity).

Источники и литература

1. Федеральный закон № 94-ФЗ от 1 мая 1999 г. «Об охране озера Байкал».
2. Федеральный закон № 83-ФЗ от 28 июля 2004 г. «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации, изменения в статью 19 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”, а также о признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 марта 2001 г. № 234 «О предельных значениях уровня воды в озере Байкал при осуществлении хозяйственной и иной деятельности».
4. *Борисов Г. О., Дондоков З. Б.-Д.* Проблемы трансграничного и межрегионального взаимодействия по использованию гидроэнергетического потенциала бассейна озера Байкал // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. Вып. 135: Географические исследования пригранично-периферийных районов в рыночных условиях. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 146–151.
5. Гидроэнергетика и Байкал: часть 2. Оценка и межрегиональное распределение рентабельного эффекта ангарских ГЭС / Л. А. Безруков, И. И. Думова, А. Ф. Никольский, С. В. Подковальников, В. А. Савельев, С. М. Легостаев. – Улан-Удэ: БИРП, 1996.
6. Гидроэнергетика и состояние экосистемы озера Байкал / А. А. Атутов, Н. М. Пронин, А. К. Тулохонов и др. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999.

УДК 697.34

ББК 31.3

С. А. Иванов, А. Г. Батухтин, М. В. Кобылкин ТЕПЛОФИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СУЩЕСТВУЮЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена проблемам комбинированной выработки теплоты и электрической энергии. Рассмотрены особенности формирования вынужденной генерации, а также пути повышения эффективности ТЭЦ в условиях жестких экономических ограничений. Представлен перспективный вариант развития теплофикации, основанный на внедрении тепловых насосных установок.

ИВАНОВ Сергей Анатольевич – доктор технических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» (г. Чита). E-mail: mkchita@gmail.com.

БАТУХТИН Андрей Геннадьевич – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» (г. Чита). E-mail: mkchita@gmail.com.

КОБЫЛКИН Михаил Владимирович – аспирант ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» (г. Чита). E-mail: mkchita@gmail.com.

Ключевые слова: когенерация, теплофикация, вынужденная генерация, энергосбережение, тепловой насос.

S. A. Ivanov, A. G. Batukhtin, M. V. Kobylkin

CENTRAL HEATING IN THE EXISTING ECONOMIC RELATIONS

The article deals with the problems of the combined generation of heat and electrical energy. Presented are the features of the formation of forced generation, as well as ways to improve the efficiency of thermal power station under severe economic constraints. Presented promising variant of development of district heating based on the introduction of heat pump units.

Keywords: cogeneration, district heating, forced generation, energy saving, heat pump.

Комбинированная выработка теплоты и электрической энергии на теплоцентралях объективно признана одним из самых эффективных способов рационального использования топливно-энергетических ресурсов, позволяющим экономить до 25 % топлива, по сравнению с отдельной выработкой, что составляет около 20 млн т топлива, или 14 % всего объема топлива, расходуемого в России на нужды теплоснабжения [7; 9; 16].

При этом в российской энергетике, которая когда-то считалась лидирующей в области развития когенерации, на сегодняшний день отмечаются обратные процессы так называемой «котельнизации». Уже сейчас Россия отстает, например, от Дании по доли централизованного теплоснабжения в общем объеме теплоснабжения, и отставание увеличивается с каждым годом.

Противоречивые, с точки зрения энергоэффективности, процессы в энергетике стимулируются экономически. Ярким примером такой неоднозначной политики является возникновение вынужденной генерации. Особенности работы многих действующих на сегодня ТЭЦ, как правило, не позволяют предоставлять мощность по цене ниже установленной на оптовом рынке электроэнергии и мощности. В связи с вышесказанным мощности теплоцентралей становятся невостребованными, а про-

изводство становится нерентабельным и, как следствие, непривлекательным для инвестиций. По законам рынка, такое производство должно быть выведено из эксплуатации, освобождая мощности для других, экономически эффективных производителей. Однако на практике вывести большинство ТЭЦ из эксплуатации невозможно, поскольку от их работы зависит теплоснабжение потребителей. Таким станциям присваивается статус вынужденной генерации, а убытки от производства электроэнергии компенсируются за счет увеличения тарифов. При этом станции в условиях вынужденной генерации зачастую не имеют необходимых денежных средств для ремонта, замены и модернизации действующего оборудования, что влечет за собой снижение эффективности их работы, усугубляя сложившуюся ситуацию [12].

С начала 2014 г. Минэнерго сформировало цель – вывести из эксплуатации объекты вынужденной генерации [13], фактически заменив ТЭЦ котельными [14], которым не требуется покрывать убытки от производства электроэнергии и завышать тарифы, что, с точки зрения менеджмента, кажется приемлемым вариантом для решения искусственно созданных проблем.

Данные действия, обоснованные экономически, но противоречащие принципам энергосбережения [21], могут обернуться для энергетики потерей

крупных ТЭЦ, несмотря на их высокую термодинамическую эффективность и огромный потенциал для минимизации объемов использования невозобновляемых топливно-энергетических ресурсов [4].

В текущих условиях сохранение и развитие комбинированной выработки является одной из приоритетных целей для научного сообщества, с учетом того что достижению цели препятствуют жесткие экономические ограничения, при которых практически невозможно внедрение инновационного и дорогостоящего оборудования на большинстве источников теплоснабжения.

Помимо пересмотра государственной политики в отношении ТЭЦ вывести теплофикацию из сложившегося кризисного положения возможно путем повышения эффективности теплоцентралей.

Одним из перспективных вариантов повышения эффективности ТЭЦ, с учетом экономических ограничений, является снижение температурного графика тепловой сети, ведущее к:

- повышению КПД теплофикационной турбины за счет снижения средней температуры отвода тепла из теплосилового цикла;
- расширению запаса мощности станции;
- сокращению тепловых потерь.

При этом возможно полностью исключить вмешательство в производственный цикл станции и минимизировать затраты на реализацию [5; 19].

Добиться наибольшего эффекта можно путем применения индивидуальных теплонасосных установок (ТНУ) у потребителей теплоты в качестве конечных догревателей, использующих сравнительно холодный теплоноситель тепловых сетей в качестве источника низкопотенциальной энергии [8; 19].

В данной области работают множество исследователей и уже подготовлен ряд проектов и технических решений, способных вывести теплоснабжение на качественно новый уровень [8; 11; 15; 18; 19], но воплотить их на практике будет

возможно, только если затраты на установку ТНУ покроет потребитель. В связи с этим повышение заинтересованности у потребителей принимать участие в энергосбережении становится главной задачей для развития направления внедрения ТНУ в условиях централизованного теплоснабжения [10].

Энергетическая грамотность потребителей в России находится на низком уровне [6], и их заинтересованность зависит от получения конкретной экономической выгоды. Решением проблемы может послужить внедрение малозатратных технологических решений в существующие системы отопления, которые будут широко доступны потребителям, позволят ознакомиться со всеми преимуществами ТНУ, а также станут основой для развития более глобальных проектов с нарастающей эффективностью [10].

Основным направлением внедрения ТНУ, при условии минимальных капитальных затрат и высокой экономической эффективности для потребителя, может стать компенсация нагрузки горячего водоснабжения (ГВС) в неотапительный период. Стоит отметить, что суммарная нагрузка ГВС при различных условиях может превышать 20 % от общего расчетного количества потребляемой теплоты. Однако потери тепла из-за низкой скорости теплоносителя в теплосетях после перехода на летний режим работы, а также низкое качество тепловой изоляции, гидравлическая разлаженность теплотрасс и использование тупиковых схем горячего водоснабжения приводят к тому, что треть теплоты, идущей на нужды ГВС, затрачивается впустую, вынуждая завышать отпуск тепла с источника, а потребителей – оплачивать потери [1; 17; 20]. Покрытие тепловой нагрузки ГВС с помощью ТНУ позволит сберечь значительное количество энергетических ресурсов уже на начальных этапах внедрения.

Таким образом, исследователям в первую очередь необходимо сосредоточиться на эффективных и доступных способах первоначальной эксплуатации

ТНУ в условиях централизованного теплоснабжения, главным образом для привлечения внимания потребителя и постепенного внедрения ТНУ у всех абонентов в пределах каждой конкретной ТЭЦ, с перспективой перехода системы на пониженный температурный график [2; 3].

Литература

1. Батухтин А. Г., Басс М. С., Батухтин С. Г. Методы повышения эффективности функционирования современных систем транспортировки, распределения и потребления тепловой энергии // Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. – 2009. – № 2. – С. 199–202.
2. Батухтин А. Г., Кобылкин М. В., Барановская М. Г. Применение тепловых насосов для развития теплофикации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. – 2016. – № 1 (238). – С. 28–36 (DOI: 10.5862/JEST.238.30).
3. Батухтин А. Г., Кобылкин М. В., Батухтин С. Г., Сафронов П. Г. Современные технологии энергосбережения в комплексе «ТЭС-потребитель» // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 52 (36). – С. 20–23.
4. Баишаков И. А. Анализ основных тенденций развития систем теплоснабжения России // Энергетическая политика. – 2009. – № 2. – С. 10–25.
5. Беляев А. С., Горбатова Е. К., Мухин Н. В. Снижение температурного графика тепловых сетей ТЭЦ // Энергосбережение и водоподготовка. – 2014. – № 1. – С. 24–29.
6. Гвоздева М. А. Энергетическая грамотность населения России как фактор успешного развития государственной политики в сфере энергосбережения // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 3-1. – С. 223–226.
7. Гуторов В. Ф., Эфрос Е. И., Симою Л. Л. Повышение эффективности комбинированного производства тепла и электроэнергии // Энергосбережение. – 2004. – № 6. – С. 30–31.
8. Данилов В. В., Славин В. С. Система теплоэнергоснабжения: Патент РФ № 2170885. Приоритет 17.07.2000.
9. Ильин Р. А., Ильин А. К. Комплексная оценка эффективности комбинированных теплоэнергетических установок // Проблемы энерго- и ресурсосбережения: сб. науч. тр. – Саратов: СГТУ, 2009. – С. 233–241.
10. Кобылкин М. В., Батухтин С. Г., Кубряков К. А. Перспективное направление внедрения тепловых насосов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 5-1 (24). – С. 74–75.
11. Козлов С. А. О применении ТНУ для использования тепла из обратного трубопровода теплосети ТЭЦ, или почему забыли про потребителя // Новости теплоснабжения. – 2011. – № 5. – С. 32–33.
12. Липатов Ю. А. О государственной политике в теплоснабжении. Актуальные законодательные изменения // Новости теплоснабжения. – 2014. – № 11. – С. 6–7.
13. Минэнерго: Вынужденная тепловая генерация должна перестать существовать с 2016 г. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20140318123511.shtml>.
14. Минэнерго задумалось о сокращении мощности. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/10/12/612336-minenergo-sokraschenii-moschnosti>.
15. Николаев Ю. Е., Бакишев А. Ю. Определение эффективности тепловых насосов, использующих теплоту обратной сетевой воды ТЭЦ // Промышленная энергетика. – 2007. – № 9. – С. 14–17.
16. Овчинников Ю. В. Основы технической термодинамики. – Новосибирск: НГТУ, 2010. – 292 с.
17. Петин В. В., Батухтин А. Г., Калугин А. В., Сафронов П. Г. Современные технологии использования электрической энергии в системах централизованного теплоснабжения // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2010. – № 110. – С. 32–38.

18. Ротов П. В. О зонировании температурного графика центрального регулирования нагрузки теплофикационных систем // Промышленная энергетика. – 2013. – № 6. – С. 21–25.

19. Ротов П. В., Орлов М. Е., Шаранов В. И. О работе систем теплоснабжения без излома температурного графика // Энергосбережение и водоподготовка. – 2012. – № 2. – С. 12–17.

20. Сафронов П. Г., Батухтин А. Г., Иванов С. А. Использование теплового насоса в тепловых схемах тепловых электростанций // Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. – 2009. – № 2. – С. 202–204.

21. Федеральный закон № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23 ноября 2009 г.

УДК 620.9

ББК 65.304.14

Г. О. Борисов

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ БУРЯТИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Рассмотрены этапы становления энергосистемы Республики Бурятия. Исследована зависимость состояния развития промышленности, сельского хозяйства, городского хозяйства и других отраслей от развития топливно-энергетического комплекса. Показаны методы и пути обеспечения электроэнергией народного хозяйства в годы дефицита генерирующих энерго мощностей, а также влияние на ускорение темпов развития республики опережающего их ввода. Произведена оценка состояния энергоснабжения и намечены основные пути стратегического развития электроэнергетического комплекса республики.

Ключевые слова: электроэнергетика, электроснабжение, ГО ГРЭС, электропотребление, «Бурятэнерго».

G. O. Borisov

THE MAKING OF POWER GENERATING INDUSTRY IN BURYATIA, PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

The article revisits the stages of the making of power generating industry in Buryatia. The author examines an interdependence of the development state of industry, agriculture, urban economy and other branches and the development of fuel and energy complex. The article indicates methods and ways to provide electric energy to the economy in the conditions of generating capacities deficit and influence of their early commission on the acceleration of development pace of the Republic. The author assesses the condition of energy supply in the Republic and points out the main paths of strategic development of the power generating complex.

Keywords: electric power, electric power supply, state district power plant, electrical energy consumption, “Buryatenergo”.

Как показывают исторические документы, первая электрическая лампочка в Бурятии зажглась в г. Верхнеудинске в 1905 г. от первой частной

электростанции мощностью 120 кВт. Это для горожан в то время было великим событием.

8 мая 1925 г. в с. Поселье, в 11 км от Верхнеудинска, появилась первая сельская линия и зажглась первая «лампочка Ильича». В марте 1933 г. была пущена в эксплуатацию в районе Батарейки первая очередь электростанции мощностью 750 кВт для электроснабжения строящегося паровозовагоноремонтного завода.

В 1934 г. было начато строительство более крупной электростанции – Улан-Удэнской ТЭЦ, и 12 октября 1936 г. была введена в эксплуатацию турбина мощностью 12 тыс. кВт, приняв промышленную нагрузку заводов и предприятий города (мясокомбината, мелькомбината, стекольного завода и др.). В 2016 г. ТЭЦ-1 отмечала свое 80-летие. Этой дате была посвящена Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Электроэнергетика Байкальского региона: проблемы и перспективы» (г. Улан-Удэ, 10–12 июня). В 1937 г. смонтирована вторая турбина – мощностью 12 тыс. кВт и третий котел на ТЭЦ. В годы предвоенных пятилеток были построены Кяхтинская и другие электростанции. Мощность электростанций республики в 1940 г. достигла 23,7 тыс. кВт, а производство электроэнергии – 81,9 млн кВт·ч. Промышленность республики развивалась быстрыми темпами. С 1932 по 1937 г. валовая продукция металлообрабатывающей промышленности увеличилась в 18,5 раза, выработка кирпича – в 13,6 раза, лесозаготовки – в 5,5 раза. Производство электроэнергии возросло в 31 раз при увеличении мощности электростанций в 17 раз [2].

В годы Великой Отечественной войны энергетики Бурятии, несмотря на сложности военного времени, обеспечивали бесперебойную работу многих предприятий, переоборудованных для выпуска военной продукции.

Наибольшее развитие электроэнергетика получила в послевоенное время. С развитием горнорудной, угольной, цементной промышленности были вве-

дены в строй Гусиноозерская (1947 г.), Баянгольская (1953 г.) и Тимлюйская ТЭЦ (1953 г.). Строилось много мелких электростанций.

На 1 января 1960 г. в республике действовали 794 электростанции мощностью 136,4 тыс. кВт, в т. ч. ГЭС мощностью 1,8 тыс. кВт. Выработка электроэнергии составила 503 млн кВт·ч. Наиболее мощными электростанциями были Улан-Удэнская ТЭЦ – 54 тыс. кВт, Тимлюйская ЦЭС – 18 тыс. кВт, Баянгольская ЦЭС – 23,7 тыс. кВт, Гусиноозерская ТЭЦ – 10,5 тыс. кВт.

В 1957 г. Улан-Удэнская ТЭЦ была передана Министерству электростанций СССР.

Постановлением Совета народного хозяйства Бурят-Монгольского экономического административного района от 02.09.1958 г. было организовано Бурятское районное энергетическое управление «Бурятэнерго» с численностью персонала 25 чел. В его состав были включены Улан-Удэнская ТЭЦ, Улан-Удэнский «Энергосбыт» и Управление электрических сетей [Там же]. Затем в состав энергоуправления были переданы Тимлюйская ЦЭС, Гусиноозерская ТЭЦ, и фактически в 1959 г. закончился первый и с 1960 г. начался второй этап развития электроэнергетики Бурятии (рис. 1).

Годы 7–12 пятилеток в СССР и особенно в Бурятии отличались значительным ростом промышленных мощностей и невиданными темпами научно-технического прогресса. Объем промышленной продукции в 1980 г., по сравнению с 1960 г., возрос в 4,4 раза, электроэнергетики – в 11,4, топливной промышленности – в 3 раза. Большие работы проводились по электрификации народного хозяйства, особенно аграрного сектора и населенных пунктов республики. Этот период в развитии электроэнергетики можно разбить на два этапа: 1960–1976 гг. до пуска Гусиноозерской ГРЭС и 1976–1990 гг.

В период 1960–1965 гг. удовлетворение быстрорастущих потребностей в электроэнергии обеспечивалось в ос-

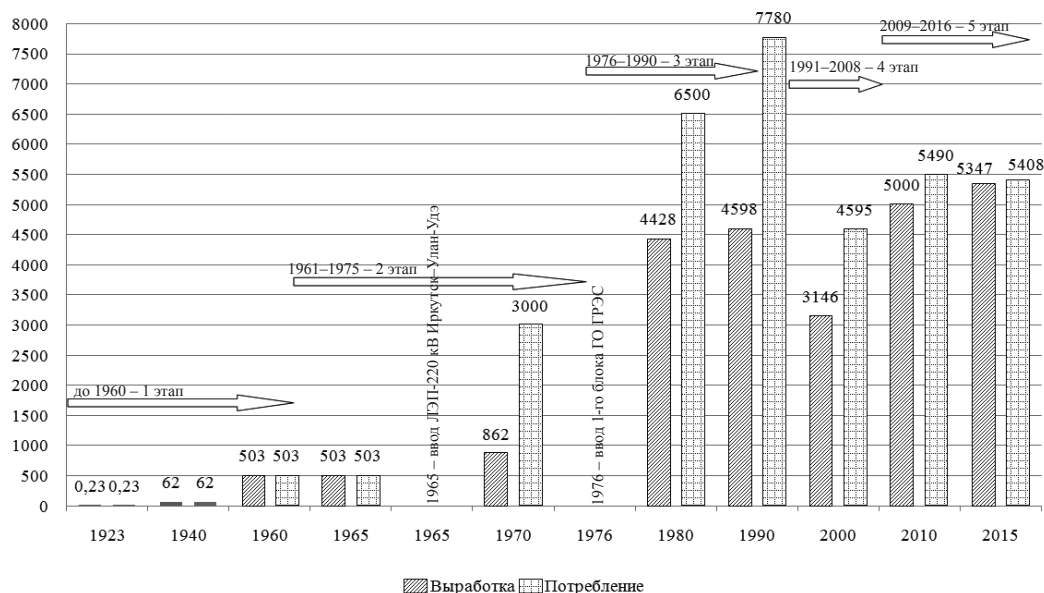

Рис. 1. Выработка и потребление электроэнергии, млн кВт·ч

новном за счет собственных источников предприятий, расширения и реконструкции Улан-Удэнской ТЭЦ-1 с вводом котлоагрегатов высокого давления и турбин 25 МВт и 100 МВт. Тимлюйская и Улан-Удэнская ТЭЦ были соединены линией 35 кВ, начато строительство двухцепной ЛЭП-220 кВ «Иркутск – Улан-Удэ». Когда ЛЭП-220 кВ дошла до Тимлюйской ТЭЦ, впервые в Бурятии была построена подстанция 110/35/6 кВ «Тимлюй» и Тимлюйская ТЭЦ вышла на параллельную работу с «Иркутскэнерго», что значительно повысило надежность электроснабжения потребителей Кабанского, Прибайкальского районов и западной части г. Улан-Удэ. В 1965 г. ЛЭП-220 кВ «Иркутск – Улан-Удэ» и подстанция 220 кВ «Районная» были введены в эксплуатацию и связали бурятскую энергосистему с объединенной энергосистемой Сибири. С этого момента началась централизация электроснабжения республики. В кратчайшие сроки были построены ЛЭП-220 кВ «Улан-Удэ – Гусиноозерск», ЛЭП-110 кВ «Улан-Удэ – Тимлюй», «Улан-Удэ – Онохой – Хоринск». Линии 35 кВ были построены для энергоснабжения потребителей Заиграевского,

Мухоршибирского, Бичурского и Тункинского районов, начато строительство распределительных сетей 10 кВ, 0,4 кВ для электроснабжения сельских потребителей.

К 1971 г. (к 100-летию юбилею со дня рождения В. И. Ленина) электроснабжение села было завершено, закрыты около тысячи мелких дизельных электростанций.

Значительно повысилась надежность электроснабжения промышленных потребителей, населения республики. К 1975 г. по ЛЭП-220 кВ «Иркутск – Улан-Удэ» обеспечивалось 80 % потребности республики в электроэнергии, пропускная способность линии была исчерпана. Требовалось срочно обеспечить ввод мощностей на строящейся Гусиноозерской ГРЭС для обеспечения электрификации железной дороги на участке Слюдянка – Улан-Удэ, пуска советско-монгольского предприятия – ГОК «Эрдэнэт».

Несмотря на большие трудности в строительстве ГО ГРЭС, связанные с недостатком строительных кадров, отсутствием в республике мощностей стройиндустрии для энергетического строительства, инфраструктуры городского

коммунального хозяйства, в конце 1976 г. первый энергоблок ГО ГРЭС мощностью 200 МВт был пущен в эксплуатацию, увеличив установленную мощность бурятской энергосистемы более чем в 2 раза.

В период 1976–1990 гг. бурятская энергосистема постепенно, за счет ежегодного ввода энергоблоков ГО ГРЭС, обеспечивала не только растущие потребности республики, но и выдавала до 200 МВт в Монголию для энергоснабжения ГОК «Эрдэнэт» и 200–300 МВт – в Читинскую энергосистему. В эти годы были введены в эксплуатацию двухцепные ВЛ-220 кВ «Гусиноозерск – Дархан», «Гусиноозерск – Мысовая», «Гусино-озерск – Улан-Удэ», «Улан-Удэ – Петровский Завод».

По линиям 110кВ была подана электроэнергия в отдаленные районы республики: Баргузинский, Курумканский, Еравнинский, Бичурский, Кяхтинский, Джидинский, Закаменский и Баунтовский.

Была осуществлена электрификация железной дороги на участке Слюдянка – Улан-Удэ, Улан-Удэ – Чита – Карымское, обеспечено электроснабжение строительства БАМ за счет установки двух газотурбинных электростанций мощностью 24 МВт каждая и строительства двухцепной ВЛ-220 кВ «Усть-Кут – Даван – Северобайкальск – Уоян – Таксимо – Витим – Чара». Осуществлена электрификация электротяги на Бурятском участке БАМ.

Из-за несоответствия качества угля Холбольджинского угольного разреза проектному было принято решение ограничить мощность первой очереди ГО ГРЭС четырьмя блоками по 210 МВт. Однако уже в начале 1980-х гг. стали возникать в периоды максимума нагрузки ограничения мощности в Забайкалье и южной части иркутской энергосистемы по сечению Братск – Иркутск, поэтому в Минэнерго было принято решение продолжить строительство второй очереди ГО ГРЭС с вводом шести энергоблоков

по 220 МВт до конечной мощности электростанции в 2100 МВт.

ТЭО расширения Гусиноозерской ГРЭС (2-я очередь) на мощность 1280 МВт было согласовано с Госпланом СССР и утверждено приказом Минэнерго СССР от 05.02.1979 г. № 11-пс. По согласованию с СМ СССР были начаты подготовительные работы по 2-й очереди ГО ГРЭС в январе 1980 г. В 1988 г. был введен энергоблок № 5, в 1992 г. – энергоблок № 6.

Строительство электростанций и ввод большого количества линий электропередач (в год вводилось до 1000 км линий всех напряжений) позволили значительно увеличить выработку электрической энергии, закрыть мелкие неэкономичные станции почти во всех районах республики. В Улан-Удэ широким фронтом велись работы по теплофикации города.

В 1978 г. Сибирское отделение ВНИИПИ «Энергопром» разработало ТЭО строительства ТЭЦ-2, в марте 1980 г. Минэнерго утвердило ТЭО строительства Улан-Удэнской ТЭЦ-2 мощностью 720/840 МВт и тепловой мощностью 1840 Гкал/час. В феврале 1983 г. утвержден проект первой очереди Улан-Удэнской ТЭЦ-2 в составе двух теплофикационных энергоблоков 200 МВт и четырех котлов Е-160-24 пиковой водогрейной котельной. В 1982 г. начались подготовительные работы на площадке ТЭЦ-2.

В г. Улан-Удэ была разработана схема электроснабжения и построено двухцепное кольцо 110 кВ вокруг города с подключением к нему новых подстанций «Медведчиково», «Западная», «Октябрьская», «Левобережная». Введена в строй подстанция 220 кВ «Северная», осуществляющая подпитку этого кольца.

Развитие республики и соответственно, электроэнергетики определялось принятым 9 января 1981 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Бурятской АССР в 1981–1985 годах и

на период до 1990 года». Этим постановлением предусматривалось продолжение строительства ГО ГРЭС, Тугнуйского угольного разреза для нужд электроэнергетики, подготовка промышленного освоения Озерного полиметаллического месторождения и развертывание работ по хозяйственному освоению зоны, тяготеющей к Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, открытие сквозного движения по этой магистрали, начало строительства Улан-Удэнской ТЭЦ-2, ЛЭП-220 кВ «Нижнеангарск – Таксимо», ЛЭП-500 кВ «Иркутск – Гусиноозерск – Петровский Завод».

Было начато строительство трех крупных машиностроительных заводов, завода сельхозмашин, расширение заводов ЛВРЗ, «Электромашина», что требовало значительного увеличения выработки электроэнергии и тепла в г. Улан-Удэ. Требовалось ускорение строительства ТЭЦ-2.

Четвертый этап 1990–2008 гг., этап разворота перестроечных процессов, распада СССР (1990–1993 гг.), смены политического курса страны, либерализации экономики, приватизации государственной собственности и т. д., естественно, отразился и на состоянии электроэнергетики республики. Снижение темпов развития народного хозяйства республики, ввода основных фондов привело к стагнации потребления электроэнергии и к прекращению финансирования на объектах энергетики. Полностью были прекращены работы на ГО ГРЭС, электросетевых объектах сельской электрификации.

С большим трудом удавалось продолжать строительство в минимальных объемах. Подготовительные работы велись на ТЭЦ-2 и ЛЭП-500 кВ «Иркутск – Улан-Удэ», так как действующая ЛЭП-220 кВ, осуществляющая связь с ОЭС Сибири, была перегружена. В процессе приватизации в энергосистеме было организовано два предприятия – ОАО «Бурятэнерго» и ОАО «Гусиноозерская ГРЭС», вошедшие в РАО «ЕЭС России». Одним из самых сложных явлений этого периода были для электроэнергетики

неплатежи потребителей. Из-за особенностей своего товара электроэнергетики оказались заложниками обрушения всей финансово-экономической системы страны. Не имея права отключения потребителей, так как это привело бы к непредсказуемым последствиям, они вынуждены были производить электроэнергию и отпускать ее бесплатно. Необходимо было платить за топливо, его транспортировку, запчасти и оборудование для ремонта поставщикам, которые, в отличие от энергетиков, без предоплаты ничего не поставляли. Энергетики первые вынуждены были ввести схемы взаимозачета, вексельные и бартерные расчеты и использовать другие возможности для продления работы предприятий. Коллективы энергетиков не получали заработную плату до семи месяцев, но продолжали работать. Малые толики оплаты за электроэнергию и тепло оседали в банках, коммунальных службах, занимающихся тогда сбором платежей, уходили на оплату налогов. Руководство энергосистемы оплачивало труд работников сельхозпродуктами, получаемыми за поставленную электроэнергию в Монголию и сельским потребителям, а также товарами, производимыми нашими предприятиями. Финансовую устойчивость определяли превышением дебиторской задолженности над кредиторской. Вынуждены были с бюджетными организациями, особенно с Минобороны, расчеты вести непосредственно с центральными органами.

Особенно сложным было положение в «Бурятэнерго», потому что оно имело взаимоотношения с потребителями-неплательщиками и должно было обеспечить оплату ГО ГРЭС, Холбольджинскому и Тугнуйскому угольным разрезам, железнодорожникам, энергостроителям, обеспечить выплату налогов и деятельность собственных предприятий.

В «Бурятэнерго» была введена должность первого заместителя генерального директора по финансовым и сбытовым вопросам, усилены службы энергосбыта. Общими усилиями предприятия энерге-

тики выстояли в это сложное время. В то же время в Правительстве России, в Госдуме, в РАО «ЕЭС России», в коллективах энергетиков активно обсуждались вопросы реструктуризации электроэнергетики, дальнейших путей ее развития. Проводились парламентские слушания в Госдуме (на двух из них я выступал), международные конференции (также пришлось участвовать), съезд энергетиков, многочисленные совещания в РАО «ЕЭС России».

28 апреля 1997 г. был подписан Указ Президента РФ № 426 «Об основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий», и в августе 1998 г. Советом директоров РАО «ЕЭС России» утверждена «Программа действий по повышению эффективности работы и о дальнейшем преобразовании в электроэнергетике Российской Федерации». До 2001 г. проводились подготовительные мероприятия по реструктуризации, в основном по преодолению кризиса неплатежей, прекращению бартерных и вексельных платежей.

Из-за снижения потребности в электроэнергии значительно ниже уровня 1990 г. не требовалось ввода новых мощностей. В Бурятии осуществлялись только вводы котлов на ТЭЦ-2 и замена турбин среднего давления на ТЭЦ-1.

11 июня 2001 г. Правительство РФ подписало Постановление № 526 «О реформировании электроэнергетики Российской Федерации», которое осуществлялось долгие 8 лет. В 2008 г. РАО «ЕЭС России», а 31 марта 2008 г. – ОАО «Бурятэнерго» прекратили свое существование. ОАО «Гусиноозерская ГРЭС» вошло в состав ОГК-3, а затем в ПАО «ИНТЕР РАО – Электрогенерация».

Вместо ОАО «Бурятэнерго» созданы:

- правопреемник – филиал ОАО «МРСК Сибири» – «Бурятэнерго»;
- филиал «Генерация Бурятии» ОАО «ТГК-14»;
- филиал ОАО «ФСК ЕЭС» «Забайкальское предприятие магистральных электрических сетей»;

– филиал ОАО «Системный оператор ЕЭС» «РДУ энергосистемы Республики Бурятия»;

– ОАО «Бурятэнергосбыт».

Предприятия «ПРП Бурятэнерго», «Спецэнергоремонт Бурятэнерго», централизованная автобаза, учебный комбинат были расформированы, производственные помещения проданы, профилакторий на 100 мест передан администрации города, три турбазы на Байкале проданы группе руководителей, присланных из РАО «ЕЭС России» для проведения реструктуризации.

Этот этап характеризуется значительным снижением потребления электроэнергии, а затем постепенным его повышением по мере роста ВРП республики. Возможности генерирующих предприятий позволяли полностью обеспечивать потребности республики. Отмечается значительный рост тарифов на электроэнергию и тепло. Кроме общей инфляции, основной его причиной стало увеличение стоимости топлива.

Следующий этап – с 2008 г. по настоящее время – характеризуется стабилизацией общей экономической ситуации, затем спадом в связи с вводом санкций. Потребности в электроэнергии и тепле обеспечивались полностью, осуществлен ввод в эксплуатацию после реконструкции энергоблока № 4-200 МВт на ГО ГРЭС, турбогенератора № 7 на 100 МВт на Улан-Удэнской ТЭЦ взамен выведенного из строя вследствие пожара, двухцепной ВЛ-220кВ «Татаурово – Горячинск» с подстанцией 220 кВ «Горячинск», начато проектирование ВЛ-500 кВ «Усть-Кут – Нижнеангарск». Энергосистема Бурятии способна полностью обеспечить электроснабжение народного хозяйства республики, а также потребителей Монголии, Забайкальского края. Кроме того, имеются возможности быстрого увеличения мощности ГО ГРЭС, Улан-Удэнской ТЭЦ-2 [1; 3; 7; 10]. Характеристики энергосистемы приведены на рисунке 2.

Основные проблемы дальнейшего развития электроэнергетики – это по-

- Республика Бурятия
- Площадь территории – 351,3 тыс. км²
  - Население – 959,4 тыс. чел.
  - Потребление территории, 2009 г. – 4739,3 млн кВт·ч
  - Максимум потребления (декабрь 2010 г.) – 1223 МВт
  - Установленная мощность
    - электростанций – 1276,3 МВт
    - Гусиноозерской ГРЭС – 1100 МВт
    - Улан-Удэнской ТЭЦ-1 – 120,4 МВт
    - Селенгинского ЦКК – 36 МВт
    - Дизельных ЭС – 19,9 МВт
  - Протяженность ВЛ-500–110 кВ и ниже – 33503,7 км
    - ВЛ-500 кВ (в работе на 220 кВ) – 340,0 км
    - ВЛ-220 кВ 2817,6 км
    - ВЛ-110 кВ 3004,57 км
    - ВЛ-35 кВ и ниже – 27341,5 км
  - Количество подстанций – 5571 шт.
    - 220-кВ – 25 шт.
    - 110-кВ и ниже – 177 шт.
    - ТП, РП, КТП – 5369 шт.

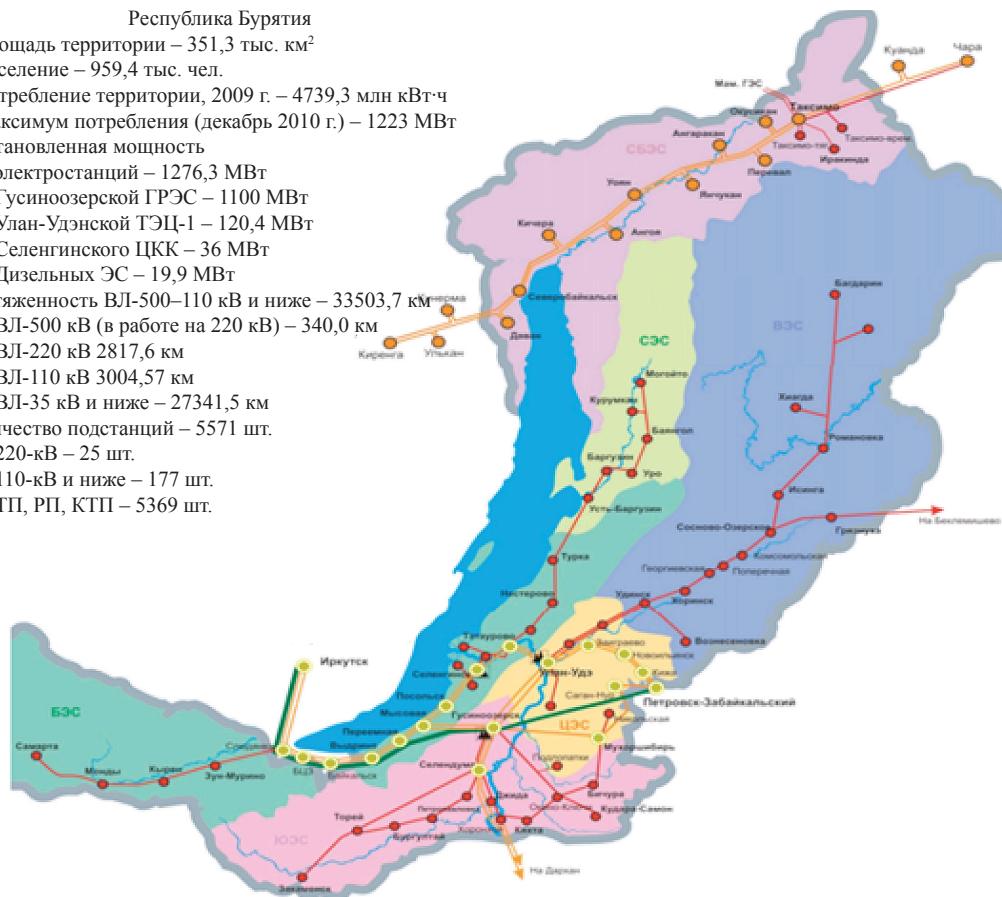

Рис. 2. Общая характеристика энергосистемы Республики Бурятия

вышение энергобезопасности и надежности, энергоэффективности, снижение уровня выбросов загрязняющих веществ в окружающую природу.

С точки зрения энергетической безопасности, в соответствии с исследованиями, проведенными ИСЭМ под руководством чл.-корр. РАН Н. И. Воропая [11], Республика Бурятия находится в предкризисном состоянии по двум факторам. Первый – это высокая доля крупнейшего генерирующего источника ГО ГРЭС (86 % суммарной установленной мощности). При вводе мощностей на Улан-Удэнской ТЭЦ-2 этот фактор нормализуется. Второй фактор – высокий износ основных производственных фондов (ОПФ) энергетического хозяйства, достигший в 2013 г. 58,8 %. Это состояние

в связи с пуском ТГ-7 на Улан-Удэнской ТЭЦ-1, реконструкцией энергоблока № 4 ГО ГРЭС, проводимыми капитальными ремонтами несколько улучшилось, но с каждым годом усложняется на ГО ГРЭС и на Улан-Удэнской ТЭЦ-1. Поэтому необходим ввод мощностей на ТЭЦ-2, а также разработка программы обновления оборудования ГО ГРЭС.

С точки зрения повышения энергоэффективности основным мероприятием является ввод энергоблоков на Улан-Удэнской ТЭЦ-2. Основной эффект может быть получен за счет увеличения выработки электроэнергии на тепловом потреблении с 17 до 60–70 %, что позволит снизить тарифы на теплоэнергию, закрыть неэффективные мелкие котельные в центре города и значительно улучшить

экологическую обстановку в столице республики [4].

С точки зрения экологических проблем, электроэнергетика должна также внести немалую лепту в решение задач, возникающих в связи с сохранением экологии оз. Байкал. Необходимо найти наиболее приемлемое решение для энерго- и теплоснабжения побережья Байкала. В связи с невозможностью в ближайшем будущем обеспечить сетевым природным газом, дороговизной СПГ и отсутствием газораспределительной сети, наиболее подготовленным видится обеспечение энерго- и теплоснабжения побережья за счет электроэнергии, выделив для этого незначительную долю выработанной на Ангарском каскаде ГЭС. Инфраструктура для такого решения с окончанием строительства ЛЭП-220кВ «Татаурово – Баргузин» может быть обеспечена. Максимально необходимо применять схемы использования тепловых насосов, термальных вод, ветровой и солнечной энергии.

По мнению ученых-биологов, водников и др., наибольшее стрессовое влияние на экологию Байкала оказывает изменение уровня Байкала, особенно в экстремальные маловодные и многоводные годы. Задачу экологически приемлемого регулирования уровня должны решать энергетики каскада ангарских ГЭС с привлечением всех мощностей электроэнергетики Байкальского региона. Это должно быть учтено в разработке прогнозов развития энергосистем Байкальского региона [6; 9].

Намечаемое строительство четырех ГЭС в Монголии, без сомнения, нанесет значительный урон экологии бассейнов р. Селенги и оз. Байкал, т. е. в основном на территории Бурятии. В связи с этим энергетикам России необходимо рассмотреть альтернативные варианты электроснабжения Монголии, в т. ч. строительство ЛЭП-500кВ из Гусиноозерска в Монголию, согласовать экспортные цены на электроэнергию [5; 6; 9].

Север Байкальского региона, прилегающий к Байкало-Амурской желез-

нодорожной магистрали, является единственной в России территорией, где вводятся ограничения потребления электроэнергии из-за отставания строительства ЛЭП-500 кВ «Усть-Кут – Нижнеангарск» [1; 3; 8].

Предлагаются следующие этапы ввода энергетических объектов (рис. 3):

- I этап – строительство ВЛ-500 кВ «Усть-Кут – Северобайкальск» и включение ее на напряжение 220 кВ. Это позволит обеспечить начало строительства Удоканского ГОК, Мокской ГЭС и снятие ограничений в Бодайбинском промузле за счет перевода двухцепной ВЛ-220кВ «Таксимо – Мамакан» на номинальное напряжение.

- II этап – строительство ВЛ-500 кВ «Северобайкальск – Чара» с ПС-500 кВ «Чара» для обеспечения пуска Удоканского ГОКа, золоторудных месторождений Бодайбинского района, в т. ч. Сухого Лога, начала строительства Мокской ГЭС, увеличения загрузки БАМ.

- III этап – пуск Мокской ГЭС с Ивановским контррегулятором на пониженных параметрах мощностью 400 МВт для обеспечения увеличения нагрузки Удоканского ГОК, Бодайбинского промузла, Байкало-Амурской магистрали.

- IV этап – ввод Мокской ГЭС на проектную мощность 1410 МВт, ввод ВЛ-500 кВ «Мокская ГЭС – Еравна – Улан-Удэ – Гусиноозерская ГРЭС», «Еравна – Чита – Харанорская ГРЭС» позволит решить задачи обеспечения гарантированной мощности и электроэнергии в зоне БАМ от Улан-Удэнской ТЭЦ-2, ГО ГРЭС, Харанорской ГРЭС в периоды маловодья.

Реализация такой стратегии развития электроэнергетики позволит обеспечить надежное электроснабжение всего Байкальского региона [10].

Кроме того, строительство Витимского гидроэнергетического комплекса обеспечит:

- повышение энергобезопасности севера Байкальского региона за счет размещения электрогенерации в центре перспективных нагрузок потребителей,

удаленных от ближайших источников на расстояние более 1000 км (Усть-Илимская ГЭС (Иркутская область) и Нерюнгринская ГРЭС (Республика Саха-Якутия));

– создание «энергетического моста» между объединенной энергосистемой Дальнего Востока и ЕЭС России;

– оптимизацию режимов работы энергосистем Забайкалья и Дальнего Востока и обеспечение крупномасштабного экспорта электроэнергии в страны Северо-Восточной Азии;

– использование гидроресурсов р. Витим за счет создания каскада ГЭС общей мощностью 3,41 млн кВт;

– ввод в оборот 18,9 тыс. га сельскохозяйственных земель в Муйской котловине, затапливаемых паводками.

При этом необходимо отметить отсутствие населенных пунктов, пахотных земель и культурных пастбищ на месте будущего водохранилища.

Перспективные нагрузки и варианты обеспечения показаны на рисунке 3.

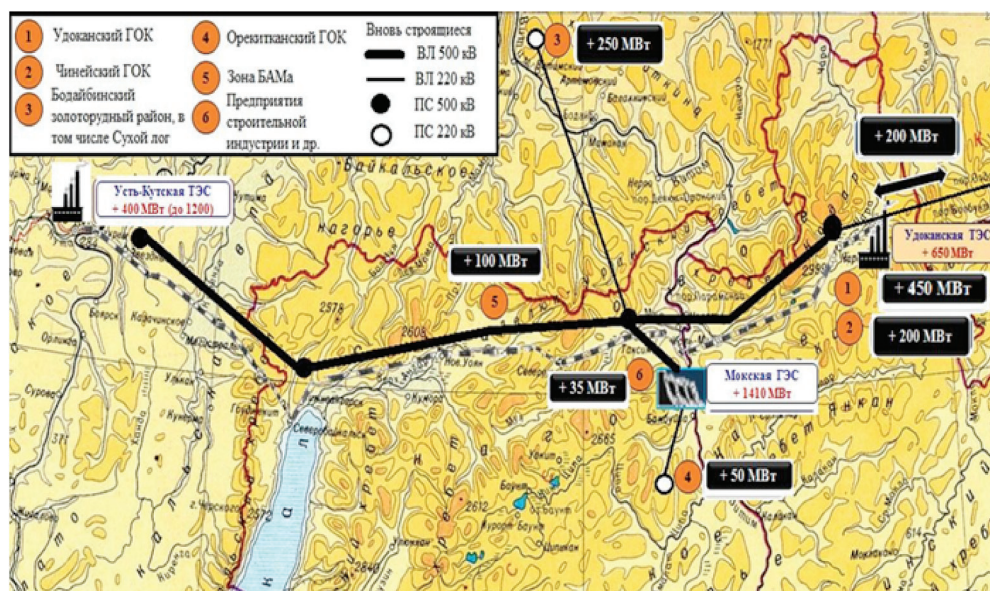

Рис. 3. Схема расположения планируемых предприятий в зоне БАМ в Иркутской области, Республике Бурятия и Забайкальском крае. Потенциальные нагрузки потребителей и варианты их обеспечения

Источники и литература

1. Стратегия развития топливно-энергетического комплекса Республики Бурятия на перспективу до 2030 года. Постановление Правительства РБ от 15 мая 2009 г. № 177. – М.; Улан-Удэ: Энергия, 2009. – 107 с.
2. Бирюков В. Г. Электроэнергетика России и Бурятии (история, проблемы, решения): инф.-спр. изд-е. – Улан-Удэ: АО «Республиканская типография», 1999. – 164 с.
3. Борисов Г. О. Топливо-энергетический комплекс Забайкальского региона и перспективы его развития // Вестник БНЦ. – 2013. – № 1 (9). – С. 57–82.
4. Борисов Г. О., Убонова Д. З. Стратегическое планирование развития электроэнергетики Республики Бурятия // Вестник ВСГУТУ. – 2016. – № 1 (58). – С. 54–61.
5. Борисов Г. О. Потенциал и проблемы развития энергосистем Забайкальского региона и Монголии // Вестник БГУ: Экономика и право. – 2015. – № 2. – С. 116–123.

6. Борисов Г. О., Дондоков З. Б.-Д. Проблемы трансграничного и межрегионального взаимодействия по использованию гидроэнергетического потенциала бассейна озера Байкал // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. Вып. 135: Географические исследования пригранично-периферийных районов в рыночных условиях. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 146–151.

7. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние, взгляд в будущее / ред. Н. И. Воропай, Б. Г. Санеев. – Новосибирск: ГЕО, 2011. – 368 с.

8. Дондоков З. Б.-Д., Борисов Г. О. Хозяйственное освоение зоны БАМ: проблемы и перспективы комплексного освоения севера Байкальского региона // Региональная экономика. – 2015. – № 48. – С. 15–25.

9. Дондоков З. Б.-Д., Борисов Г. О., Намжилова В. О. Россия – Монголия – Китай: перспективы трехстороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 1. – С. 93–101.

10. Топливо-энергетический комплекс Байкальского региона: современное состояние, перспективы развития / под ред. Б. Г. Санеева; РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т систем энергетики им. Л. А. Мелентьева. – Новосибирск: ГЕО, 2015. – 176 с.

11. Энергетическая безопасность России: проблемы и пути решения / Н. И. Пяткова и др.; отв. ред. Н. И. Воропай, М. Б. Чельцов; РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т систем энергетики им. Л. А. Мелентьева. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. – 198 с.

УДК 338.24, 332.14

ББК 65.23

З. Б.-Д. Дондоков

О МОНИТОРИНГЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Рассматривается проблема создания эффективной системы мониторинга реализации документов стратегического планирования. Проведен анализ отчета о выполнении Программы социально-экономического развития Республики Бурятия на 2011–2015 гг. Предложено вменить в компетенцию счетной палаты Республики Бурятия проведение мониторинга документов стратегического планирования республики.

Ключевые слова: регион, документ стратегического планирования, социально-экономическое развитие, мониторинг, индикаторы, корректировка, счетная палата.

Z. B.-D. Dondokov

THE IMPLEMENTATION MONITORING OF THE STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

The creation problem of effective monitoring's system of the implementation of strategic planning documents is considered. The analysis of the report on the implementation of socio-economic development of the Republic of Buryatia for the years 2011–2015 is conducted. The author proposed to impute the competence of the accounts chamber of the Republic of Buryatia monitoring of strategic planning documents of the Republic.

Keywords: region, strategic planning document, the socio-economic development, monitoring, indicators, adjustment, the accounts chamber.

Принятие в марте 2016 г. закона «О стратегическом планировании в Республике Бурятия» стало новой вехой в создании комплексной системы стратегического планирования социально-экономического развития республики [2]. Были созданы правовые основы стратегического планирования в республике, определены участники этого процесса и их полномочия.

Вместе с тем указанный закон по сути является рамочным. Порядок разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля за реализацией документов стратегического планирования определяет Правительство Республики Бурятия, на которое возложена обязанность по разработке соответствующих документов. На наш взгляд, сложившееся в настоящее время положение дел по этому вопросу далеко от совершенства. Особенно острая ситуация сложилась по мониторингу реализации документов стратегического планирования.

В качестве примера рассмотрим Программу социально-экономического развития Республики Бурятия на 2011–2015 гг. (далее – Программа) [3], принятую в марте 2011 г., и отчет Правительства Республики Бурятия о ее выполнении (далее – отчет) [8]. Программа является среднесрочным документом стратегического планирования, определяющим развитие республики на ближайшую перспективу. В ней определены приоритеты, целевые ориентиры и мероприятия по социально-экономическому развитию Республики Бурятия.

Автором был проведен анализ отчета и подготовлено соответствующее научно-экспертное заключение [9]. В течение четырех лет Программа 9 раз редактировалась, в т. ч. 4 раза в 2015 г. В этом отношении Республика Бурятия значительно обогнала Иркутскую область и Забайкальский край, среднесрочные программы развития которых корректировались всего один раз. В первом регионе изменение было связано с заменой ис-

пользуемых терминов. При этом не было ни одного изменения в составе и значениях индикаторов [4]. В Забайкальском крае состав индикаторов не менялся [5]. Более того, по многим показателям пороговые значения были не снижены, а, напротив, повышены, что создает дополнительные трудности по выполнению среднесрочной программы.

К сожалению, сложившаяся в Бурятии практика корректировки Программы не выдерживает никакой критики. Изменения значений индикаторов вносились в Программу даже за 79 дней до ее окончания (10-й вариант, принятый 14 октября 2015 г.). Так, например, было снижено значение индикатора «среднемесячная заработная плата работников учреждений культуры» в 2015 г. с 22,9 тыс. руб. до 18,7 тыс. рублей.

Содержание и суть Программы значительно изменились. Выявлено значительное расхождение перечня таблиц и индикаторов. В целом из 240 индикаторов в отчете отсутствуют данные по 118 показателям. Сравнительный анализ первоначальной Программы и отчета выявил значительное расхождение между значениями индикаторов в этих документах. Неоднократно, как правило в сторону снижения «планки», производилась корректировка значений основных макроэкономических индикаторов (табл. 1).

Изменения были внесены по 6 из 8 макроэкономических индикаторов по 2015 г. Так, значение показателя «Объем валового регионального продукта» (ВРП) было снижено с 227,7 млрд руб. в первоначальной Программе до 193,3 млрд руб. в 9-й ее редакции.

Сравнительный анализ первоначальной Программы и отчета дает основания утверждать о невыполнении ряда важнейших показателей развития республики. Объем валового регионального продукта в 2015 г. составил всего лишь 87,6 % от запланированного значения (199,4 млрд руб. против 227,7 млрд руб.). С учетом значительного превышения

Таблица 1

Основные макроэкономические индикаторы

№	Индикатор	Значение индикатора в 2015 г.		
		Первоначальная Программа [II]	Скорректированная Программа [III]	Отчет [IV]
1	Объем валового регионального продукта, млрд руб.	227,7	193,3	199,4*
2	Объем инвестиций в основной капитал, млрд руб.	47,0	32,5	36,3
3	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника, тыс. руб.	26,5	28,2	28,7
4	Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему году	103,0	95,0	105,3
5	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения Республики Бурятия, %	18,0	18,8	17,8
6	Налоговые и неналоговые доходы, млрд руб.	25,4	25,7	29,0
7	Индекс потребительских цен, %	106,2	118,0	110,7
8	Уровень общей безработицы, %	8,0	9,5	9,2

Примечание. * Оценка.

фактического уровня инфляции над запланированным реальное значение ВРП еще меньше. Еще большее отклонение в 2015 г. отмечено по объему инвестиций в основной капитал. Фактическое значение показателя составило лишь 77,2 % от первоначально заданного. В целом анализ отчета за 2015 г. показал невыполнение показателей по 19 из оставшихся 122 индикаторов.

Следует отметить, что в Программе практически все индикаторы в отраслях экономики указаны в действующих ценах. В условиях высокой инфляции это позволило достичь запланированных значений по большинству показателей. На наш взгляд, такой подход к формированию состава индикаторов недопустим. Необходимо использование показателей в натуральных единицах, например «объем производства электроэнергии», «объем производства мяса и мясных продуктов» и т. п.

Еще одной проблемой является ис-

пользование оценочных показателей, что связано со значительной задержкой Росстатом предоставления информации по некоторым показателям, включая ВРП. Нередко эту оценку дают министерства. Это ведет к парадоксу: сами устанавливают себе индикаторы, а потом сами себя и оценивают. Так, например, в 2014 г. оценка ВРП по Республике Бурятия составила 190,6 млрд руб. В действительности, по так называемым «уточненным данным» (данным Росстата), его значение равно 184,8 млрд руб. Это означает, что фактические данные при отчете были завышены на 5,8 млрд руб. Отметим, что таких отклонений насчитывается не один десяток.

Получается странная ситуация. В июне правительство успешно отчитывается за прошлый год по оценочным данным. В конце года появляются уточненные данные, но отчет уже одобрен, а соответствующий закон принят. Поэтому оценку выполнения Программы и дру-

гих документов стратегического планирования за промежуточные годы следует проводить на основе уточненных данных Росстата. Использование оценочных показателей допустимо для подведения итогов лишь по последнему году.

На наш взгляд, корень рассматриваемых проблем лежит в неправильном распределении функций органов государственной власти Республики Бурятия. Процесс стратегического планирования укрупненно можно разбить на 4 части:

- возникновение потребности в документе стратегического планирования;
- разработка документа;
- реализация документа стратегического планирования;
- контроль за реализацией.

Рассмотрим распределение обязанностей по стратегическому планированию на примере Программы (табл. 2).

Данный документ является достаточно уникальным: выполнение всех четырех функций сосредоточено в Правительстве Республики Бурятия, что вызывает определенное недоумение. Нет вопросов только относительно заказчика. Естественно, что им является региональное правительство.

Во многих регионах, например в Иркутской области и Забайкальском крае, среднесрочные программы разрабатыва-

лись специализированными институтами и организациями. Это обеспечивало высокое качество программ, согласование их с федеральными программами, а также их лоббирование в вышестоящих структурах. В Республике Бурятия Программа разрабатывалась региональным правительством.

Вызывает вопросы 3-й этап – исполнение. В качестве исполнителей Программы определены органы государственной власти Республики Бурятия. По всей видимости, помимо исполнительных органов за выполнение Программы отвечает и законодательный орган – Народный Хурал Республики Бурятия. Это выглядит достаточно удивительно. Также вызывает недоумение возложение ответственности за исполнение Программы на общественные организации.

Еще более спорным, на наш взгляд, является распределение ответственности за организацию контроля за исполнением Программы. Эту функцию наряду с общим руководством правительство возложило на себя. Таким образом, еще на стадии разработки Программы правительство, по сути, провозгласило отсутствие какого-либо внешнего контроля!

Такое положение дел, по мнению автора, недопустимо. Решение проблемы видится в предоставлении Счетной пала-

Таблица 2

Паспорт Программы социально-экономического развития Республики Бурятия на 2011–2015 гг. (извлечения)

Государственный заказчик	Правительство Республики Бурятия
Разработчики	1. Правительство Республики Бурятия 2. Министерство экономики Республики Бурятия 3. Исполнительные органы государственной власти Республики Бурятия
Исполнители Программы	1. Органы государственной власти Республики Бурятия 2. Органы местного самоуправления в Республике Бурятия 3. Хозяйствующие субъекты и общественные организации в Республике Бурятия
Организация контроля за исполнением Программы	Общее руководство и контроль за реализацией Программы осуществляет Правительство Республики Бурятия

те Республики Бурятия дополнительных функций, связанных с мониторингом и анализом формирования и достижения пороговых значений индикаторов документов стратегического планирования. Необходимо внести соответствующие изменения в закон «О Счетной палате Республики Бурятия».

На наш взгляд, для этого есть все основания. Надо изучить и использовать имеющийся опыт.

Во-первых, на федеральном уровне проведение аудита реализуемости и результативности достижения стратегических целей является одной из задач Счетной палаты Российской Федерации. Можно и нужно использовать положения из Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» [1].

Во-вторых, соответствующий опыт накоплен в различных регионах России. Так, к полномочиям контрольно-счетной палаты Забайкальского края отнесены экспертиза государственных программ Забайкальского края, контроль за ходом

и итогами их реализации [6]. Одной из задач контрольно-счетной палаты Иркутской области является экспертиза проектов долгосрочных целевых программ Иркутской области [7].

В-третьих, законом Республики Бурятия «О стратегическом планировании в Республике Бурятия» к компетенции счетной палаты Республики Бурятия уже отнесены функции по подготовке рекомендаций по формированию и использованию системы целевых показателей документов стратегического планирования, осуществлению соответствующего мониторинга и анализа, стратегическому аудиту и т. п. [2]

Встраивание счетной палаты Республики Бурятия в систему стратегического планирования позволит повысить качество разрабатываемых документов стратегического планирования и обеспечит контроль за их реализацией, независимый от органов исполнительной власти.

Источники и литература

1. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» № 41-ФЗ от 5 апреля 2013 г.
2. Закон Республики Бурятия «О стратегическом планировании в Республике Бурятия» № 1639-V от 4 марта 2016 г.
3. Закон Республики Бурятия «О Программе социально-экономического развития Республики Бурятия на 2011–2015 годы» № 1907-IV от 14 марта 2011 г.
4. Закон Иркутской области «О внесении изменений в Программу социально-экономического развития Иркутской области на 2011–2015 годы» № 2-ОЗ от 21 января 2015 г.
5. Закон Забайкальского края «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года и Программе социально-экономического развития Забайкальского края на 2010–2014 годы» № 772-ЗЗК от 26 декабря 2012 г.
6. Закон Забайкальского края «О контрольно-счетной палате Забайкальского края» № 579-ЗЗК от 2 ноября 2011 г.
7. Закон Иркутской области «О контрольно-счетной палате Иркутской области» № 66/32-оз от 7 октября 2009 г.
8. Проект Закона Республики Бурятия «Об утверждении отчета об исполнении Закона Республики Бурятия “О Программе социально-экономического развития Республики Бурятия на 2011–2015 годы”». Режим доступа: http://www.economy.govrb.ru/2015/napravleniya-deyatelnosti/makroprognozirovaniye/npa-makro.php?ELEMENT_ID=12217.
9. Научно-экспертное заключение на отчет об исполнении Закона Республики Бурятия «О Программе социально-экономического развития Республики Бурятия на 2011–2015 годы». Режим доступа: <http://oreibsc.ru/naudelo/analit/anot1601.pdf>.

УДК 316:311 (571.54)

ББК 60.56

Е. Ю. Башкуева

**ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
(по материалам экспедиционного обследования
Заиграевского района)**

В статье по материалам экспедиционного обследования Заиграевского района Республики Бурятия (май 2015 г.) анализируются главные проблемы системы здравоохранения сельских территорий Республики Бурятия, для которых характерны высокий миграционный отток и низкий уровень жизни населения. Эмпирическую базу статьи составили данные анкетирования населения ($n=231$), экспертного опроса руководителей и специалистов системы здравоохранения Заиграевского района ($n=12$), ведомственные статистические и отчетные данные Министерства здравоохранения Республики Бурятия и Заиграевской центральной больницы. Исследованы организационно-управленческие, кадровые, медико-демографические, материально-технические проблемы здравоохранения района. Проведен анализ удовлетворенности населения Заиграевского района качеством медицинской помощи. Выявлена общая низкая оценка качества медицинской помощи в большинстве поселений района (коэффициент ниже 50). Сформулированы рекомендации по развитию системы здравоохранения Заиграевского района.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинская помощь, медицинское обслуживание, качество, центральная районная больница (ЦРБ), фельдшерско-акушерский пункт, проблемы, Заиграевский район, Республика Бурятия.

E. Yu. Bashkueva

**THE ASSESTMENT OF QUALITY OF FUNCTIONING
OF RURAL HEALTH CARE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA
(Based on a Survey of Zaigraevsky District)**

This article based on the materials of survey of Zaigraevsky district of the Republic of Buryatia (May, 2015) analyzes the main problems of a health care system of the rural territories of the Republic of Buryatia, which are characterized by a high migratory outflow and low living standards of the population. The empirical base of article is formed by the following methods: the questioning of the population ($n=231$), expert poll of heads and specialists of healthcare system of Zaigraevsky district ($n=12$), departmental statistical and reporting data of the Ministry of Health of the Republic of Buryatia and Zaigraevsky central hospital. Organizational and managerial, personnel, medico-demographic, material problems of health care system of the district are studied. The analysis of satisfaction of the population of Zaigraevsky district with the quality of medical care is carried out. The overall low estimate of the quality of medical care in the majority of settlements of the district is revealed (coefficient lower than 50). Recommendations on development of a health care system of Zaigraevsky district are formulated.

Keywords: healthcare, medical care, quality, central district hospital, health post, problems, Zaigraevsky district, Republic of Buryatia.

В начале XXI в. в России происходят серьезные трансформации института здравоохранения, принципиально меняются приоритеты социальной политики. В условиях глобализации, инициирующей социальную нестабильность, все большее место в государственной политике и стратегиях индивидуального выбора занимают приоритеты охраны здоровья. Поэтому не случайно в фундаментальные задачи новой социальной политики государства в сфере здравоохранения входит повышение качества медицинской помощи, эффективности системы здравоохранения. Особенно актуальны эти проблемы для социальной инфраструктуры сельских территорий. Разрушение сельскохозяйственной инфраструктуры, изменение видов хозяйственных связей, существовавших ранее между различными территориями, привели к высокому уровню безработицы на селе, снижению жизненного уровня, деформации социальной структуры населения, росту численности социально-дезадаптированной популяции [1].

В 2015 г. в рамках базового проекта отдела региональных экономических исследований БНЦ СО РАН IX.88.1.8 «Стратегические направления развития Забайкальского региона в контексте трансграничного взаимодействия с Китаем и Монголией» проведена комплексная оценка социальной сферы и качества жизни населения Заиграевского района Республики Бурятия, в т. ч. такой важной отрасли, как здравоохранение. В настоящей статье анализируются главные проблемы системы здравоохранения обследованного района и представлена оценка качества его функционирования. Информационно-эмпирическая база исследования – отчетные данные и ведомственная статистика Министерства здравоохранения РБ, территориального отделения ФОМС по Республике Бурятия, ТУ Росздравнадзора по РБ; статистические данные Росстата, Бурятстата; эмпирические данные экспедиционного обследования МО «Заиграевский район»

(май 2015): ведомственные отчеты Заиграевской ЦРБ, материалы экспертного опроса «Сельское здравоохранение Республики Бурятия: проблемы и перспективы» (n=12), результаты анкетирования населения Заиграевского района РБ по удовлетворенности качеством медицинской помощи (n=231).

В районе были обследованы следующие лечебно-профилактические учреждения (ЛПУ): Заиграевская ЦРБ, участковые больницы в поселках Новая Брянь, Новоильинск, врачебные амбулатории в поселках Татарский Ключ, Горхон, Унэгэтэй, ФАП сел Первомаевка, Атхатай, Ангир.

Выявлены основные проблемы развития сельского здравоохранения РБ по следующим направлениям:

1) *Организационно-управленческие проблемы.* В районе отмечается постоянная смена руководства центральной районной больницы (ЦРБ) – за последние 2 года сменилось 3 главных врача, что не повысило эффективность управления и отразилось на выполнении индикаторов Программы социально-экономического развития Республики Бурятия (ПСЭР РБ), плана мероприятий («дорожная карта») РБ, плана мероприятий по выполнению «майских указов» Президента России В. В. Путина. В 2013 г. допущено 9 фактов младенческой и 1 факт материнской смертности, имевшие большой общественный резонанс. Прокуратурой Заиграевского района в 2013 г. с привлечением специалистов проведены проверки соблюдения прав несовершеннолетних на охрану здоровья, качества оказания медицинской помощи, условий оказания медицинских услуг в детских и родильном отделениях ГБУЗ «Заиграевская ЦРБ», по результатам которых выявлены многочисленные нарушения требований федеральных законов «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [2]. Установлено, что в районе практически не внедрены новые органи-

зационные технологии, методы лечения и диагностики. Согласно оценке эффективности государственных медицинских организаций РБ, проводимой Министерством здравоохранения РБ за 2014 г., Заиграевская ЦРБ показала наименьший результат среди всех учреждений здравоохранения РБ в связи с невыполнением объемов медицинской помощи. В 2015 г. по результатам независимой оценки качества работы государственных медицинских организаций РБ, проведенной общественным советом при Министерстве здравоохранения РБ ГБУЗ «Заиграевская ЦРБ» заняла последнее место в рейтинге стационаров [3]. Необходимо принять срочные меры по повышению эффективности работы ЦРБ и подведомственных ей медицинских организаций.

2) *Кадровые проблемы.* Выявлен значительный дефицит врачебных кадров (45,4 %) и среднего медицинского персонала (18 %). Наиболее востребованы: врач общей практики, терапевт, стоматолог-ортопед, акушер-гинеколог, педиатр, отоларинголог, хирург. По мнению экспертов, причина нехватки врачей и медперсонала состоит в том, что многих специалистов не устраивает низкая заработная плата, а также отдаленность населенных пунктов, которые нуждаются во врачебных специалистах, от города и отсутствие жилья. Определенные положительные результаты в решении кадровой проблемы связаны с реализацией программы «Земский доктор», которая способствовала повышению доступности медицинской помощи. Вместе с тем эксперты отмечают несовершенство разработки данной программы и тот факт, что большинство ее участников не настроены на долгосрочное закрепление в сельском здравоохранении. Результаты анкетирования выпускников СОШ района (n=122) показали значительный рост интереса к медицинским специальностям – 13 % респондентов хотят в будущем стать врачами. Предлагаем осуществлять целевую подготовку выпускников СОШ района для последующего трудоустрой-

ства в сфере здравоохранения района. Муниципальным властям следует разработать меры социальной поддержки медицинских работников (выделение земельных участков под индивидуальное строительство, под огороды, льготное обеспечение дровами и т. д.).

3) *Медико-демографические проблемы.* Выявлено снижение заболеваемости по инфекционным заболеваниям в 2 раза благодаря своевременной вакцинации населения района. В то же время отмечено увеличение заболеваемости по болезням мочеполовой системы – 18 %, органов пищеварения – 11 %, органов кровообращения – 12 %, связанное с улучшением качества диагностики и диспансеризацией населения. Наблюдается рост заболеваемости на 20 % по новообразованиям и болезням крови. Эксперты отмечают слабое состояние здоровья детей и молодежи, ежегодно увеличивающийся уровень алкоголизации населения, обусловленный безработицей, а также негативное влияние экологической обстановки (вырубка лесов, засуха и т. д.). Предлагаем усилить профилактическую работу профильных ведомств по раннему выявлению заболеваний, пропаганде и внедрению здорового образа жизни.

4) *Материально-технические проблемы.* Реализация программ модернизации и ПНП «Здоровье» за истекшие 5 лет способствовала улучшению материально-технической базы учреждений здравоохранения района, тем не менее она находится в неудовлетворительном состоянии. Выявлен высокий уровень износа зданий, подведомственных ГБУЗ «Заиграевская ЦРБ» (средний процент износа 43,3 %, по ряду зданий – свыше 60 %). Медицинское оборудование, мебель, автопарк в большинстве обследованных учреждений здравоохранения нуждаются в обновлении. Выявлена слабая информационная оснащенность: в ФАПах и ВА нет компьютеров, вследствие чего сотрудники слабо осведомлены о программе модернизации, феде-

ральных, республиканских целевых программах в области здравоохранения и новых стандартах оказания медицинской помощи. Модернизация материально-технической базы требует больших финансовых средств, изыскать которые в условиях экономического кризиса сложно. Тем не менее рекомендуем руководству ГБУЗ «Заиграевская ЦРБ» плотно работать с органами исполнительной, законодательной и муниципальной власти РБ, обеспечивать включение учреждений здравоохранения района в программы развития здравоохранения.

5) *Удовлетворенность населения Заиграевского района качеством медицинской помощи (КМП)*. Рассмотрим наиболее важные показатели. Так, коэффици-

ент удовлетворенности населения Заиграевского района такими показателями, как квалификация врача (фельдшера), отношение участкового врача (фельдшера), доступность объяснений врача (фельдшера) по поводу заболевания, соблюдение врачебной тайны, в учреждениях района оценивается невысоко – коэффициент составляет 39 баллов (рассчитан по разнице сумм положительных и отрицательных ответов) (табл. 1).

Анкетирование показало, что наибольшую неудовлетворенность среди всех параметров медицинского обслуживания у жителей Заиграевского района отражает показатель «оснащенность медицинским оборудованием». Коэффициент удовлетворенности по данному по-

Таблица 1

Распределение респондентов Заиграевского района РБ по степени удовлетворенности наиболее важными показателями качества медицинской помощи в целом, % от количества опрошенных в районе*

Показатель	Варианты ответов				Коэффициент удовлетворенности
	полностью	скорее удовлетворены	скорее не удовлетворены	не удовлетворены	
Удовлетворенность квалификацией врача	34	34	13	16	39
Удовлетворенность отношением участкового врача (фельдшера)	31	38	12	15	39
Удовлетворенность доступностью объяснений врача (фельдшера) по поводу заболевания	28	40	14	16	38
Удовлетворенность соблюдением врачебной тайны	33	35	12	17	39
Удовлетворенность оснащенностью медицинским оборудованием	16	31	22	30	-5
Удовлетворенность медицинским обслуживанием	23	40	21	15	27

Примечание. * Здесь и далее сумма ответов меньше 100, так как не включен вариант «затрудняюсь ответить».

казателю имеет отрицательное значение. Мнения респондентов полностью подтверждаются отчетными данными обследованных ЦРБ и данными экспертных интервью с медицинскими работниками. Так, в обследованном районе отмечен высокий износ медицинского оборудования для оказания медпомощи в соответствии с современными требованиями.

На основе результатов анкетного опроса населения был рассчитан коэффициент удовлетворенности населения района качеством медицинской помощи в разрезе обследованных населенных пунктов (табл. 2).

Характерно, что в трех селах района (Заиграево, Нарын-Онохой, Горхон) данный показатель имеет отрицательное значение. Общая низкая оценка медицинского обслуживания (коэффициент ниже 50 баллов) отмечается в селах Атхатай, Ангир и пос. Новая Брянь. Относительно высокие коэффициенты удовлетворенности в с. Первомаевка, пос. Новоильинск и в с. Нарын-Ацагат, в котором в 2013 г. был введен в эксплуатацию новый ФАП.

Таким образом, система здравоохранения Заиграевского района находится в кризисном состоянии. Для решения комплекса выявленных проблем необходима скоординированная работа Ми-

нистерства здравоохранения РБ и подведомственной ему Заиграевской ЦРБ, Народного Хурала РБ, муниципальных властей района. По нашему мнению, целевые функции региональной политики в области сельского здравоохранения должны реализовываться через следующие направления: укрепление первичной медико-санитарной помощи в сельской местности, включая восстановление и развитие сети ФАПов и врачебных амбулаторий с учетом установленных критериев физической доступности доврачебной и врачебной помощи; массовое распространение института врача общей практики в сельской местности; формирование квалифицированного кадрового потенциала здравоохранения, в т. ч. создание экономических условий для привлечения молодых специалистов; повышение квалификации, подготовка и переподготовка кадров; внедрение в практику первичного звена здравоохранения сельской местности и удаленных районов телекоммуникационных технологий; внедрение стандартов оказания медицинской помощи; проведение диспансеризации населения и других профилактических мероприятий; создание систем, заинтересованных в защите прав пациентов и повышении эффективности

Таблица 2

Распределение респондентов Заиграевского района РБ по степени удовлетворенности медицинским обслуживанием, % от количества опрошенных в каждом населенном пункте

Населенный пункт	Полностью	Скорее удовлетворены	Скорее не удовлетворены	Не удовлетворены	Загруднились ответить	Коэффициент удовлетворенности
Татарский Ключ	36	40	8	16	0	52
Заиграево	10	22,5	32,5	22,5	12,5	-22,5
Нарын-Онохой	11	22	0	67	0	-23
Атхатай	11	33,5	11	33,5	11	0
Новая Брянь	24	30	15	9	2	30
Ангир	27	27	9	27	10	18
Первомаевка	32	54,5	9	4,5	0	73
Нарын-Ацагат	64	32	0	6	0	90
Горхон	8	0	25	21	46	-38
Новоильинск	53	33	7	3,5	3,5	75,5

использования ресурсов здравоохранения (развитие рынка страховых услуг). К этому перечню, безусловно, следует добавить проведение контрольных мероприятий за полнотой и качеством оказания медицинской помощи, в т. ч. с использованием методов социологической науки.

Литература и источники

1. Калининская А. А., Дзугаев А. К., Воробьев В. М. Социальные факторы и организации медицинской помощи сельскому населению (по результатам социологического опроса) // Социальные аспекты здоровья населения. – 2011. – Т. 22. – № 6. – С. 5.
2. Нарушения требований законодательства выявлены прокуратурой в детских и родильном отделениях Заиграевской центральной районной больницы. Режим доступа: <http://prokuratura-rb.ru/?p=5242>.
3. Сведения Министерства здравоохранения Республики Бурятия о независимой оценке качества медицинской помощи (2014, 2015). Режим доступа: http://www.minzdravrb.ru/minzdrav/docs/nezav_ocenka.php.
4. Юргель Н. В., Хубиева М. Ю. Вопросы повышения качества и доступности медицинской помощи сельскому населению // Вестник Росздравнадзора. – 2008. – № 2. – С. 39–42.

УДК 616.61-002-002-084

ББК 56.9

А. Н. Плеханов, А. Б. Дамбаев

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕПАРАТА УРОПРОФИТ В КОМПЛЕКСНОМ ЛЕЧЕНИИ ИНФЕКЦИЙ МОЧЕВЫВОДЯЩИХ ПУТЕЙ

Представлены результаты применения препарата уропрофит в комплексном лечении инфекции мочевыводящих путей. Авторы приводят опыт лечения 64 пациентов с данной патологией. Использование уропрофита позволило улучшить клиническую картину заболевания, уменьшить бактериурию, удлинить сроки безрецидивного периода.

Отличный эффект лечения получен у 25 % больных основной группы, которым в комплекс лечения включали препарат уропрофит. В группе, в которой не применяли уропрофит, отличный эффект отмечен у 14,2 % больных. Препарат обладает антибактериальным, противовоспалительным, спазмолитическим действием.

Ключевые слова: инфекция мочевых путей, диагностика, лечение, результаты.

A. N. Plekhanov, A. B. Dambaev

EXPERIENCE OF THE PREPARATION “UROPROFIT” IN COMPLEX TREATMENT OF URINARY TRACT INFECTION

The article presents the results of “Uroprofit” drug in treatment of urinary tract infections. The authors cite the experience of the treatment of 64 patients with this pathology. Using “Uroprofit” has improved the clinical picture of the disease, reduced bacteriuria, extended the terms of a recurrence-free period. Excellent treatment effect was observed in 25 % of patients of the main group, which in the complex treatment includes the drug «Uroprofit». Patients who did not use «Uroprofit» excellent effect was noted in 14,2 %. The drug has anti-bacterial, anti-inflammatory, antispasmodic effects.

Keywords: urinary tract infection, diagnosis, treatment, results.

Введение

Инфекции мочевых путей (ИМП) – одно из наиболее распространенных заболеваний, часто встречающееся в клинической практике врачей различных специальностей, особенно урологов, гинекологов, хирургов, терапевтов. Она представляет собой воспалительную реакцию уротелия в ответ на бактериальную инвазию, сопровождающуюся пиурией и бактериурией [6; 16].

Инфекции мочевых путей подразделяются на инфекции верхних (острый и хронический пиелонефрит) и нижних (цистит, уретрит) отделов.

По характеру течения инфекции мочевых путей подразделяют на острые и хронические. Острые ИМП – заболевания, развивающиеся за короткий промежуток времени, с клиникой интоксикации и нарушением пассажа мочи по мочевыводящим путям. Хронические – это неосложненные инфекции мочевых

ПЛЕХАНОВ Александр Николаевич – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой факультетской хирургии медицинского института Бурятского государственного университета, ведущий научный сотрудник Иркутского научного центра хирургии и травматологии. E-mail: plehanov.a@mail.ru.

ДАМБАЕВ Арслан Бадмацыренович – аспирант кафедры факультетской хирургии медицинского института Бурятского государственного университета. E-mail: dambaev.a@mail.ru.

путей, характеризующиеся возникновением более двух эпизодов обострения заболевания в течение шести месяцев или трех эпизодов в течение одного года. Также выделяют внебольничные ИМП (в амбулаторных условиях) и больничные (развиваются после 48 часов пребывания пациента в стационаре). По характеру течения ИМП делят на неосложненные и осложненные [7; 14].

Неосложненные ИМП – это эпизоды острого цистита и острого пиелонефрита у практически здоровых людей. В основном это женщины, у которых в моче высевается микробный патоген, реагирующий на короткий курс антибактериальной терапии.

Осложненные ИМП, как правило, являются госпитальными инфекциями и развиваются на фоне длительной катетеризации мочевых путей.

К факторам риска возникновения ИМП относятся: **новорожденные, беременные, пожилые, больные сахарным диабетом и рассеянным склерозом, пациенты с иммунодефицитом и уретральными катетерами.** Кроме того, к факторам риска относят врожденные пороки развития, наличие обструкции уретры, использование диафрагм, презервативов и спермицидов для контрацепции, дефицит эстрогенов и хирургические вмешательства на органах мочеполовой системы [15]. ИМП увеличивают риск возникновения преждевременных родов и антенатальной гибели плода у беременных.

ИМП – полиэтиологичное, часто рецидивирующее заболевание, носящее характер хронического. На протяжении многих десятилетий основной патогенетической флорой, высеваемой из мочи при инфекции мочевых путей, считалась *E. coli*, **на втором месте по частоте встречаемости – *Proteus mirabilis*.** Другие патогенные микроорганизмы высеваются гораздо реже и представлены *Klebsiella spp.*, *Pseudomonas spp.*, *Staphylococcus aureus*, *Morganella morganii*, *Citrobacter freundii* [3; 8; 17].

Особое значение в настоящее время уделяют возбудителям рода *Candida*. Причиной увеличения встречаемости данного вида микроорганизмов является широкое распространение антибактериальной терапии, противоопухолевых средств, иммунодепрессантов, а также длительная катетеризация мочевого пузыря. Частота бактериурии, вызванной уретральными катетерами, может достигать 10 % в сутки. Кроме того, некоторые сопутствующие заболевания, например сахарный диабет, могут предрасполагать к кандидозу. В настоящее время большое внимание уделяется госпитальным инфекциям. Ведущим возбудителем ИМП является *Pseudomonas aeruginosa*. **Высеваемость синегнойной палочки колеблется от 0,7 до 15,7 % [7].**

Эффективное лечение ИМП возможно только при условии восстановления нормальной уродинамики и коррекции осложняющих факторов и сопутствующих заболеваний. Целью лечения ИМП является профилактика уросепсиса, рецидива заболевания, предупреждение развития осложнений и повреждения паренхимы почек [4; 10]. Основным методом лечения ИМП, вызванной условно-патогенной микрофлорой, в настоящее время является антибактериальная терапия. Особое место в лечении занимают антибиотики группы фторхинолонов. Эти препараты имеют широкое применение в качестве эмпирической терапии ИМП любой локализации [8].

Лечение персистирующей или хронической ИМП и эффективная санация от бактерионосительства представляют большую проблему. Часто внутриклеточная концентрация антибиотиков недостаточна для создания бактерицидных концентраций, поэтому антибактериальная терапия неэффективна. Особую роль при персистенции уропатогенов играют фитотерапевтические препараты. В литературе дана оценка фармакотерапевтической эффективности ряду растительных лекарственных растений, таких как

ромашка, мать-и-мачеха, зверобой. Проведены фундаментальные клинические испытания растительного средства канефрон Н. Дана клиническая оценка препаратам фитотизин, цистон и др. [5; 11]

Заслуживает внимания оценка фармакотерапевтического действия препарата растительного происхождения уропрофит в лечении ИМП. Ранее препарат использовался для профилактики мочекаменной болезни и ее инфекционно-воспалительных осложнений. При этом было доказано его противовоспалительное, диуретическое, литокинетическое, ощелачивающее действие [1].

Целью исследования явилась оценка фармакотерапевтической эффективности и безопасности применения препарата уропрофит в комплексном лечении ИМП.

Материал и методы

Под нашим наблюдением находилось 64 пациента с ИМП, из них мужчин – 12, женщин – 52. Средний возраст больных составил $53 \pm 6,8$ года. В структуре больных было 32 пациента с хронической персистирующей инфекцией нижних мочевых путей, 20 – с интерстициальным циститом, 8 – с простатитом, 4 – с цисталгиями.

Основную группу больных составили 36 пациентов, в комплекс лечения которым включали препарат уропрофит, который назначался по 1 капсуле 2 раза в день в течение 30 дней. Группу клинического сравнения составили 28 больных, которым применяли стандартную антибактериальную терапию при обострениях (фторхинолоны по 3–5 дней или фосфомицин 3 г однократно), клюквенный морс, физиопроцедуры. В комплекс лечения помимо антибактериальной терапии включали нестероидные противовоспалительные средства, анальгетики и спазмолитики, иммуномодуляторы.

Уропрофит – это биологически активная добавка и содержит в своем составе:

– экстракт плодов клюквы (*Vaccinium oxycoccos*), обладающий противовоспалительным, диуретическим, противомикробным и общеукрепляющим действием (25 мг);

– экстракт листьев толокнянки (*Arcostaphylos uva-ursi*), обладающий противовоспалительным, диуретическим, противомикробным действием (4 мг);

– экстракт хвоща полевого (*Equisetum arvense*), обладающий спазмолитическим, противомикробным действием, способствующий восстановлению слизистых мочевых путей (1 мг);

– витамин С (*Ac. Ascorbinicum*) – антиоксидант, повышающий устойчивость тканей к ишемии, увеличивающий диурез (35 мг).

Всем больным выполняли клинические, лабораторные исследования, которые включали общие анализы крови и мочи, микроскопическое исследование мазков из уретры, влагалища и шейки матки, бактериологическое исследование мочи, ультразвуковое исследование мочевыводящих путей. Результаты исследования были подвергнуты статистической обработке с помощью программы «Statistica 7.0».

Результаты и обсуждение

При обследовании пациенты предъявляли жалобы на частое болезненное мочеиспускание (75 %), боли в поясничной области (28 %), повышение температуры тела (79,6 %), симптомы интоксикации (15,6 %).

В таблице 1 приведена динамика клинической картины у пациентов основной группы и группы клинического сравнения.

Из таблицы видно, что имелась достоверная разница эффективности результатов лечения как в основной группе, так и в группе клинического сравнения через 3 месяца. Однако клиническая эффективность лечения пациентов, которым в комплекс включали уропрофит,

оказалась достоверно выше ($p < 0,05$). При этом отмечалось значительное снижение болевого синдрома и полное купирование симптомов интоксикации в обеих группах больных.

В таблице 2 представлен микробный пейзаж в моче при ИМП.

Из таблицы видно, что наиболее частыми возбудителями ИМП были *E. coli*

и *Proteus spp.*, что не противоречит ранее проведенным исследованиям.

Кроме того, была дана оценка выраженности бактериурии и динамика суточного диуреза в группах больных (табл. 3).

Средний объем диуреза в основной группе составил 1,39 л до лечения и 1,62 л после лечения, в группе сравне-

Таблица 1

Клинические результаты лечения больных в группах

Показатель	Основная группа (n=36)		Группа клинического сравнения (n=28)	
	до лечения	через 3 мес.	до лечения	через 3 мес.
Боли при мочеиспускании	29 (80,5 %)	3 (8,3 %)*	19 (67,8 %)	7 (25 %)**
Боли в поясничной области	11 (30,5 %)	1 (2,7 %)*	7 (25 %)	2 (7,1 %)**
Повышение температуры тела	28 (77,7 %)	2 (5,5 %)*	23 (82 %)	4 (14,2 %)**
Симптомы интоксикации	6 (16,6)	0*	4 (14,2 %)	0*

Примечание: * – достоверность различий до лечения и после лечения; ** – между основной группой и группой сравнения ($p < 0,05$).

Таблица 2

Распределение возбудителей при инфекции мочевых путей

Возбудитель	Хроническая персистирующая инфекция нижних мочевых путей (n=32)	Интерстициальный цистит (n=20)	Простатит (n=8)	Цисталгии (n=4)
<i>E. coli</i>	22 (68,7 %)	14 (70 %)	4 (50 %)	2 (50 %)
<i>S. saprophyticus</i>	2 (6,2 %)	0	0	0
<i>Proteus spp.</i>	4 (12,5 %)	2 (10 %)	3 (37,5 %)	1 (25 %)
<i>Enterococcus spp.</i>	2 (6,2 %)	2 (10 %)	0	0
<i>Candida</i>	1 (3,1 %)	0	1 (12,5 %)	0
<i>Klebsiela spp.</i>	1 (3,1 %)	2 (10 %)	0	1(25 %)
Смешанная флора	4 (12,5 %)	2 (10 %)	1 (12,5 %)	0

Таблица 3

Динамика показателей лечения больных в группах

Показатель	Основная группа (n=36)		Группа клинического сравнения (n=28)	
	до лечения	через 3 мес.	до лечения	через 3 мес.
Бактериурия, %	48	12*	34	29**
Диурез, л.	1,39	1,62*	1,41	1,45**
Безрецидивный период, мес.	1,22	3,46*	1,42	2,08**

Примечание: * – достоверность различий до лечения и после лечения; ** – между основной группой и группой сравнения ($p < 0,05$).

ния 1,41 и 1,45 л соответственно. Различия были статистически достоверны ($p < 0,05$). В то же время в основной группе больных, получавших в комплексном лечении уропрофит, диурез после лечения увеличился на 0,23 л против 0,04 л в группе сравнения.

Бактериурия была выявлена у 48 % пациентов из основной группы до лечения и лишь у 12 % после лечения. У пациентов из группы сравнения, бактериурия имела у 34 % больных до лечения и у 29 % через 3 месяца после лечения. Данные различия были статистически достоверны ($p < 0,05$).

В группе больных, получавших лечение уропрофитом, статистически достоверно снизился процент бактериурии после лечения, разница составила 36 %, а в группе клинического сравнения лишь 5 %.

Безрецидивный период в группе, получавшей лечение уропрофитом, до лечения составлял 1,22 месяца, а после лечения – 3,46 месяца. В группе сравнения исходный интервал составлял 1,41 месяца, а после – 2,08 месяца. Различия оказались статистически достоверны ($p < 0,05$). Данный факт свидетельствует о том, что в основной группе больных средний интервал между обострениями увеличился на 2,24 месяца, а в группе сравнения – на 0,66 месяца.

Оценивая в целом результаты лечения больных, наибольший эффект был отмечен у пациентов, в комплекс лечения которым назначали уропрофит (рис.).

Так, в основной группе отличный эффект получен у 25 % больных, в группе клинического сравнения – у 14,2 %. Не получен эффект у одного пациента основной группы и у четырех больных группы клинического сравнения. Разница показателей основной группы и группы клинического сравнения оказалась статистически достоверной. При этом все пациенты отметили снижение клинической симптоматики, уменьшение болевого синдрома в области мочевого пузыря и резей при мочеиспускании, а также увеличение интервала между обострениями заболеваний, при этом сами обострения протекали в более легкой форме, чем до лечения уропрофитом. Препарат показал безопасность и хорошую переносимость у всех пациентов. Побочных эффектов, аллергических реакций за время наблюдения не отмечалось.

Антибактериальный эффект препарата уропрофит заключается в том, что гиппуровая кислота – активный метаболит экстракта ягод клюквы – образуется в печени и в неизменном виде выделяется почками [2]. Исследования, проведенные в эксперименте и в клинике у больных с инфекционно-воспалительными заболеваниями мочевых путей, показали, что гиппуровая кислота в моче пациентов, принимающих экстракт клюквы, достоверно снижает адгезивные свойства патогенной кишечной палочки и ее способность к формированию биопленок на уротелии мочевых путей [18; 19].

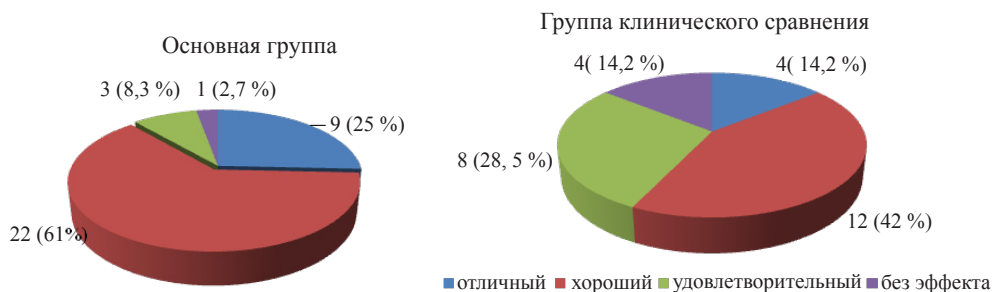

Рис. 1. Результаты лечения инфекции мочевыводящих путей в группах больных

Входящий в состав уропрофита экстракт листьев толокнянки оказывает антимикробный эффект за счет фенольных гликозидов, флавоноидов и дубильных веществ [12]. Экстракт листьев толокнянки наряду с экстрактом ягод клюквы обуславливает и противовоспалительное действие уропрофита.

Экстракт хвоща полевого содержит флавоноиды, органические кислоты, магний, кальций, хром, железо, калий, соли кремневой кислоты, которые способствуют защите эпителия при воспалении, обеспечивают удаление токсинов из организма, обладают мягким спазмолитическим, кровоостанавливающим и антисептическим действием [9].

Благоприятное действие аскорбиновой кислоты как антиоксиданта и имму-

номодулятора усиливает эффект уропрофита [13].

Таким образом, при лечении персистирующей бактериальной инфекции нижних мочевых путей, являющейся одной из сложных задач в урологической практике, препарат уропрофит является эффективным и безопасным средством. Он обладает антибактериальным, противовоспалительным, спазмолитическим действием. Кроме того, препарат улучшает диурез, что является одним из ключевых моментов при лечении больных с мочевой инфекцией. Снижение бактериурии способствует снижению персистенции микроорганизмов в мочевых путях, что приводит к увеличению безрецидивного периода.

Литература

1. Борисов В. В. Применение БАД «Уропрофит» при мочекаменной болезни: клиническая лекция // Эффективная фармакотерапия в урологии. – 2012. – № 4. – С. 2–7.
2. Дзеранов Н. К., Константинова О. В., Москаленко С. А. Роль фитотерапии в пред- и послеоперационном периоде у больных уролитиазом // Урология. – 2005. – № 2. – С. 18–20.
3. Зайцев А. В. Особенности лечения и профилактики неосложненной инфекции нижних мочевых путей у женщин // Эффективная фармакотерапия. – 2015. – № 4. – С. 22–30.
4. Ибшиев Х. С., Малиновская В. В., Парфенов В. В. Лечение персистирующей инфекции нижних мочевых путей у женщин // Лечащий врач. – 2014. – № 9. – С. 90–93.
5. Камалов А. А., Ходырева Л. А., Дударева А. А. Применение растительного уросептика уропрофит в урологической практике // Урология. – 2013. – № 1. – С. 109–113.
6. Кульчавеня Е. В., Чередниченко А. Г., Неймарк А. И. Частота встречаемости госпитальных уропатогенов и динамика их чувствительности // Урология. – 2015. – № 2. – С. 13–16.
7. Лопаткин Н. А., Деревянко И. И. Неосложненные и осложненные инфекции мочеполовых путей. Принципы антибактериальной терапии // Русский медицинский журнал. – 1997. – № 2. – С. 182–183.
8. Лоран О. Б., Синяков Л. А., Косова И. В. Лечение неосложненных инфекций мочевых путей (современная концепция) // Врачебное сословие. – 2005. – № 7. – С. 2–7.
9. Основица-Ломовицкая А. Д. К испытанию мочегонного действия хвоща полевого *Equisetum arvense* и зимолюбки *Chimifilla umbelatta* // Сб. науч.-практ. работ по новым лекарственным растениям Сибири. Вып. 2. – Томск, 1946. – С. 118–120.
10. Перепанова Т. С., Козлов Р. С., Дехнич А. В. Выбор антимикробных препаратов при инфекции мочевых путей // Урология. – 2012. – № 2. – С. 4–8.
11. Ткачук В. Н., Аль-Шукри, Ткачук И. Н. Возможности фитотерапии у больных хроническим пиелонефритом // Урология. – 2014. – № 3. – С. 18–20.
12. Турова А. Д. Лекарственные растения АССР и их применение. – М.: Медицина, 1974. – 218 с.
13. Al-Awadi K. A., Kehinde E. O., Loutfi I. Treatment of renal calculi by lithotripsy: minimi-

zing short-term shock wave induced renal damage by using antioxidants // *Urol. Res.* – 2008. – Vol. 36. – № 1. – P. 51–60.

14. *Chenoweth C. E., Gould C. V., Saint S.* Diagnosis, management and prevention of catheter-associated urinary tract infections // *Infect. Dis. Clin. North Am.* – 2014. – Vol. 28. – № 1. – P. 105–119.

15. *Fan N. C., Chen H. H., Chen C. L.* Rise of community-onset urinary tract infection caused by extended-spectrum β -lactamase-producing *Escherichia coli* in children // *J. Microbiol. Immunol. Infect.* – 2014. – Vol. 47. – № 5. – P. 399–405.

16. *Flores-Mireles A. L., Walker J. N., Caparon M.* Urinary tract infections: epidemiology, mechanisms of infection and treatment options // *Nat. Rev. Microbiol.* – 2015. – Vol. 13. – № 5. – P. 269–284.

17. *Kauffman C. A.* Diagnosis and management of fungal urinary tract infection // *Infect. Dis. Clin. North Am.* – 2014. – Vol. 28. – № 1. – P. 61–74.

18. *Risco E., Miguez C., Sanchez de Badajoz E.* Effect of American cranberry (*Cysticlean*) on *Escherichia coli* adherence to bladder epithelial cells. In vitro and in vivo study // *Arch. Esp. Urol.* – 2010. – Vol. 63. – № 6. – P. 422–430.

19. *Valentova K., Stejskal P.* Biosafety, antioxidant status, and metabolites in urine after consumption of dried cranberry juice in healthy women: a pilot double-blind placebo-controlled trial // *J. Agric. Food Chem.* – 2007. – Vol. 55. – № 8. – P. 3217–3224.

УДК 62.11
ББК 34+30.61

С. О. Никифоров, Б. Е. Мархадаев,
Б. С. Никифоров, Е. С. Шолохов

ТЕХНОЛОГИЯ 2D- И 3D-ПЕЧАТИ, 3D-ПРИНТЕРЫ

Описана технология 2D- и 3D-печати, особенности реализации 3D-принтеров для использования аддитивных технологий при быстром прототипировании и изготовлении изделий. В качестве примера приведена рулонная аддитивная технология. Представлен математический аппарат перевода объемных координат объекта в рулонные координаты для развертки создаваемого объекта.

Ключевые слова: 2D- и 3D-принтеры, быстрое прототипирование, аддитивная технология, рулонное спекание, развертка пространственного объекта.

S. O. Nikiforov, B. E. Markhadaev,
B. S. Nikiforov, E. S. Sholokhov

2D-, 3D-PRINTING TECHNOLOGY, 3D-PRINTERS

The technology of 2D- and 3D-printing, features of realization 3D-printers for use of additive technologies at fast prototyping and production of products are described. The rolled additive technology is given as an example. Formulas of transformation of volume coordinates of object to “rolled” coordinates for development of the created object are given.

Keywords: 2D-, 3D-printers, fast prototyping, additive technology, rolled agglomeration, development of spatial object.

Введение

Разработка и внедрение аддитивных технологий в высокотехнологичные производства является сегодня одной из основных парадигм технического перевооружения современной промышленности. В развитии аддитивной технологии сыграло свою роль быстрое прототипирование, которое, в свою очередь, обусловлено совершенствованием вычислительной техники, 3D-моделирования, в процессе которого создается цифровое описание объекта и производится его преобразование в ре-

альную физическую модель с помощью 3D-принтера.

Для создания физических моделей во все времена использовалось большое число способов [2]. Метод быстрого прототипирования – процесс изготовления изделий путем *добавления* или *наращивания* материала (возможно, также сопровождающийся изменением фазового состояния), в отличие от традиционных технологий механической обработки конструкционных материалов, в основе которых лежит принцип *удаления* лишнего материала заготовки или принцип изменения формы пластическим дефор-

---

НИКИФОРОВ Семен Очирович – доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: nikso114@yandex.ru.

МАРХАДАЕВ Баир Ендонович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: endonebair@yandex.ru.

НИКИФОРОВ Булат Семенович – кандидат технических наук, доцент, старший преподаватель БГСХА. E-mail: nbs-76@mail.ru.

ШОЛОХОВ Евгений Сергеевич – младший научный сотрудник Института физического материаловедения СО РАН. E-mail: e-shol@ya.ru.

мированием (ковка, штамповка, пресование). Основная идея заключается в последовательном наращивании тела изделия, причем в быстром прототипировании для этого процесса используются разные технологии [1].

Независимо от названия и используемого механизма материализации, изделия, созданные с помощью технологий быстрого прототипирования, представляют собой чаще всего уложенные горизонтально один на другой и соединенные между собой слои постоянной или (редко) переменной толщины.

В данной работе рассмотрены особенности **2D- и 3D-принтеров**, используемых в вышеуказанных целях. Кроме этого, предложена оригинальная рулонная технология, позволяющая осуществить **3D-моделирование и последующее воспроизведение модели** в реальное изделие.

Особенности устройств и аппаратно-конструктивное исполнение 3D-принтеров

Установки для многослойной печати, в которых осуществляется быстрое выбрасывание, выстреливание из сопел (форсунок, дюз) каплей жидкого материала, называют обычно струйными принтерами. Принцип нанесения жидкого модельного материала, который по традиции часто называют чернилами, в обычных (2D) и **трехмерных (3D) принтерах** одинаков. Рабочим органом струйного **2D- или 3D-принтера является рабочая печатающая многосопловая головка**. Печатающая головка имеет сопла (дюзы) с индивидуальными устройствами создания кратковременных импульсов давления; число сопел может составлять сотни.

Рассмотрим сначала устройство рабочих головок 2D-принтеров, поскольку эта же технология практически без изменений используется в 3D-принтерах. Рабочая жидкость, чернила, подается к соплам за счет капиллярных свойств и

удерживается от вытекания в малых полостях у сопел за счет сил поверхностного натяжения жидкости. При воздействии сформированного устройством управления электрического импульса в полости возникает импульс давления, из сопла выбрасывается с большой скоростью микроскопическая (диаметром порядка 0,1 мм) капля жидкости, попадает на плоскость моделирования и образует пятно, которое можно считать элементарным пикселом. Множество этих пикселов в 2D-принтере от всех сопел образуют само изображение, а в 3D-принтере – тонкий слой модели. Таким образом, в соответствии с принципом действия принтер является дискретным устройством формирования плоского изображения. Размеры этого пятна определяют разрешающую способность формирования изображения, создаваемого наложением.

В струйных принтерах чаще всего используется один из двух принципов действия устройства создания импульсов давления и выбрасывания капель: пьезоэлектрический (*Epson, Brother*) и метод газовых пузырьков (*Canon, Hewlett-Packard*).

В основе пьезоэлектрической технологии лежит обратный пьезоэффект – способность пьезоэлемента деформироваться при подаче напряжения. Под плоской мембраной (диафрагмой) с наклеенным пьезокристаллом образуется небольшой объем рабочей жидкости. Под воздействием импульса электрического напряжения пластина пьезоэлемента вместе с мембраной изгибается, а создаваемое при этом давление под ней выбрасывает из сопла каплю жидкости. При отключении тока мембрана возвращается в исходное положение, а через входное отверстие поступает новая порция чернил.

Предлагаемый способ основан на эффекте дробления жидкости в аэрозоль (туманообразование), когда происходит формирование струи в зависимости от диаметра капилляра, давления при действии ультразвука.

Физические особенности процесса каплеобразования можно проиллюстрировать на основе базовой конструкции сопловой головки с пишущими головками струйной печати (патент 42.01.995 (США)) [2].

Устройство состоит из сосуда с рабочей жидкостью (краски, чернила) под давлением, недостаточным для преодоления сил поверхностного натяжения жидкости на выходе капиллярного сопла и гидравлического сопротивления капиллярного канала сопла. Под действием электрического импульса, подаваемого на пьезоэлектрический преобразователь, последний изменяет свои геометрические размеры, создавая импульс давления в сосуде (рис. 1). При этом из капиллярного сопла вылетает одна капля, после чего под действием капиллярного эффекта сопловый капилляр наполняется краской и сопло вновь готовится к следующему импульсу давления. Здесь описана реализация метода подачи капель по требованию. Меняя амплитуду импульса, можно изменять диаметр образуемой капли.

Метод газовых пузырей (*bubble-jet*), или метод инжектируемых пузырьков, базируется на термической технологии. Каждое сопло печатающей головки принтера оборудовано нагревательным элементом в виде тонкопленочного резистора, который при пропускании через него тока за 7–10 микросекунд нагревается до температуры 300–500 °С. Вследствие та-

кого нагрева происходит быстрое, взрывное вскипание небольшого объема жидкости над нагревательным элементом, и образовавшийся паровой пузырь (*bubble*) создает давление, которое выбрасывает каплю жидкости из сопла. Скорость нагрева столь велика, что процесс подобен взрывному. При отключении тока нагревательный элемент быстро остывает, паровой пузырь схлопывается и через входное отверстие поступает новая порция чернил. Естественно, при этом можно использовать только такие жидкости, которые не претерпевают необратимых физико-химических превращений при нагревании до столь высоких температур.

В методе *drop-on-demand* также используется нагревательный элемент. Однако в этом методе нагрев чернил нагревательными элементами, управляемыми электрическими сигналами, происходит до более высокой температуры – порядка 650 °С. При этом чернила, которые поступают к выходным отверстиям сопел, переходят в газообразное состояние, а после выхода получается не капля, а распыленная струя мелких частиц чернил. При цветной печати смешивание цветов происходит на молекулярном уровне.

Во всех случаях изображение строится по группам пикселей перемещением печатающей головки на каретке вместе с емкостями для чернил при ее возвратно-поступательном движении по одной координате по направляющим моста и

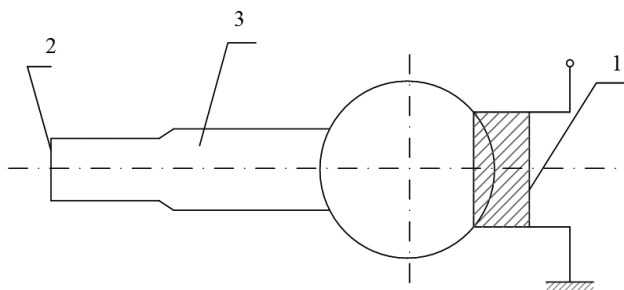

Рис. 1. Эскиз пишущей головки: 1 – пьезоэлектрический преобразователь; 2 – сопло; 3 – чернила

при пошаговом перемещении по другой координате. Таким образом, по принципу формирования изображение является растровым, само устройство в целом является дискретным, цифровым, в отличие от большинства других технологий. Струйная технология дает тем выше детализацию проработки слоя и тем выше качество поверхности, чем больше плотность пикселей (рис. 2).

Важным показателем струйной технологии является высокое быстродействие при выбрасывании капель или порций распыленных чернил, благодаря этому из каждого сопла можно выбрасывать тысячи капель в секунду. Пьезоэлектрическая технология самая дешевая, отличается более высокой надежностью и имеет более высокое быстродействие, чем нагрев, что позволяет повысить скорость печати. Резервуар с рабочей жидкостью часто конструктивно объединяется с головкой, но это не обязательно.

Однако большое число сопел является потенциальным источником снижения надежности. Если какое-либо сопло имеет неправильную форму или неправильно расположено внутри печатающей головки, то это сразу отразится на качестве печати. Засорившиеся дюзы сразу же оставят следы на распечатываемых текстах или графике. Диагностировать и устранить это нарушение трудно. При эксплуатации важно не допускать засы-

хания чернил в головке, поэтому предусматривается специальное положение для хранения. Управление принтером и индикация его состояния производится от персонального компьютера. Разрешение струйных принтеров при печати графики составляет от 300300 до 1440720 *dpi* (точек на дюйм) или 12001200 *dpi*.

Требования к качеству чернил очень высоки. Не допускаются пузырьки, твердые частицы и прочие неоднородности, вязкость должна быть в установленных узких пределах. Поэтому чернила для заправки картриджа должны в точности соответствовать техническим условиям.

В цветной 2D-печати в настоящее время преобладает струйная технология. Печатающие головки могут быть цветными и иметь достаточно большое число групп сопел. Для создания полноцветного изображения используется стандартная цветовая схема (набор цветов) *СМУК*. При этом цветное изображение формируется при печатании наложением друг на друга трех основных цветов: циан (*Cyan*), т. е. зелено-голубой, пурпурный (*Magenta*) и желтый (*Yellow*). В качестве четвертого основного цвета добавляют ведущий цвет *Key* – черный (*Black*). На основании этого такую цветовую модель называют *СМУК* (*Cyan-Magenta-Yellow-Black*). Однако возможности получения большого числа комбинированных цветов используются редко, обычно предпо-

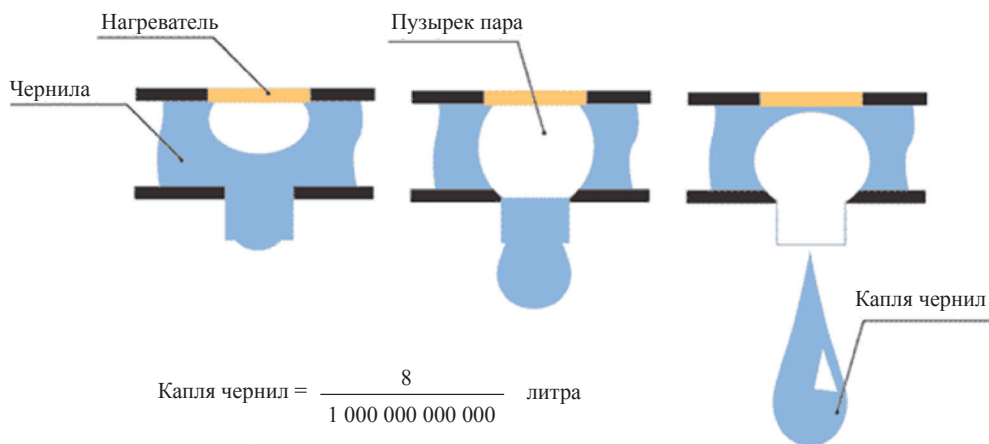

Рис. 2. Схема реализации технологии струйной печати

читают чистые тона. Разрешение струйных принтеров при печати графики составляет 300х300–720х720 dpi.

Трехмерная печать, наиболее близкая к обычной, была разработана и запатентована профессором Эли Саксом (*Ely Sax*) в конце 80-х гг. прошлого столетия. Технология трехмерной печати (3D-printing, 3DP) по существу объединяет несколько технологий, различающихся рабочими материалами и их использованием. Для установок трехмерной печати характерно сходство со струйными 2D-принтерами, в которых рабочими органами являются многосопловые (многоструйные) головки, которые управляются от компьютера. По сравнению с другими технологиями быстрого прототипирования, это означает параллельную одновременную работу большого числа рабочих инструментов (сопел, форсунок) по формированию прототипа. В этом отличие *MultiJet*-установок (MJM – Multijet Modelling – построение модели путем нанесения расплавленного материала с помощью многоструйных головок по типу струйных принтеров, такие принтеры выпускает фирма 3D Systems) от многих других установок, в которых прототип формируется также выходящим из головки жидким материалом, но сопло в головке только одно (как у FDM-установок). Как отмечалось ранее, иногда установки, в которых реализуются технологии нанесения рабочего материала через одно-единственное сопло, относят к 3D-принтерам, однако это неправильно, такие системы основываются на принципах векторной графики (перемещения осуществляются по программируемым траекториям).

Многообразие часто объединяемых в одну группу технологий *PolyJet* и *InkJet* в первую очередь определяется тем, из чего создается тело модели. К группе *PolyJet* относятся установки, в которых происходит накопление слоев отвердевшего первоначально жидкого модельного материала, к группе *InkJet* относятся установки, в которых жидкий материал

попадает на слой сыпучего материала, пропитывает его, а потом они вместе отвердевают.

Самая распространенная технология струйной печати *Polyjet* разработана компанией *Objet Geometries*. При этой технологии струйная головка используется для печати фотополимерным пластиком. Модель, как обычно, печатается слой за слоем. Печатающая головка *Objet* имеет 768 сопел малого диаметра, производительность – порядка 7 млн капель в секунду. На печатающей головке размещены две ультрафиолетовые лампы. Но важно, что это осуществляется на основе растрового принципа сканированием в прямоугольной системе, так что растр, накрывающий рабочую зону, представляется, как в цифровой видеотехнике, в виде сплошной прямоугольной сетки пикселей плотностью 600х300 dpi, причем разрешение в слое соответствует размеру клетки на сетке. Толщина слоя может быть доведена всего до 16 мкм, что позволяет создавать модели с мельчайшей детализацией и гладкими поверхностями. Каждый отпечатанный слой полимеризуется в твердый пластик под действием излучения ультрафиолетовой лампы. После изготовления не требуется финишная обработка, и за счет этого значительно сокращается время печати прототипов, по сравнению с другими системами быстрого прототипирования. В технологии *Objet* предусмотрены возможности использования различных материалов.

Обычно 3D-принтеры не дают высокой точности и прочности готового прототипа, однако механические свойства таких моделей вполне достаточны для визуализации разрабатываемого изделия.

Рулонная технология быстрого прототипирования 3D-объектов повышенной точности

В [3–5] предлагается аддитивная технология, основанная на методе рулонного спекания порошков, объеди-

няющая преимущества перечисленных выше технологий. Особенность предлагаемой аддитивной технологии – двухэтапная быстрая, точная, недорогая 3D-печать объектов объемом от сотен кубических сантиметров до кубических метров, в т. ч. металлических. Быстрота печати обеспечивается за счет спекания сформированного в полном объеме объекта. После операции спекания объект проявляется в окончательном виде.

Суть рулонной технологии заключается в формировании рулона из ленты с закрепленным в нужных местах материалом, из которого создается трехмерная модель. Сформированный рулон спекается, обеспечивая образование конечного объекта в полном объеме. Отличительной чертой этой технологии является намного большая скорость изготовления продукта, по сравнению с другими, за счет спекания полностью сформированного объекта. При этом производительность может еще более увеличиться за счет разделения этапов формирования рулона и спекания, так как можно спекать сразу несколько рулонов.

3D-принтер – это по существу своеобразный промышленный робот, который может выполнять аддитивный процесс под управлением программы. Основной задачей подобного робота или устройства в предлагаемой технологии является формирование изготавливаемой модели в виде рулона ленты с по-

рошком с заданной точностью. При этом порошок распределен в пространстве в виде изготавливаемого объекта. После утилизации ленты и спекания получается готовое изделие. Предлагаемая технология 3D-печати удобна для быстрого прототипирования и имеет большие перспективы при изготовлении крупных изделий при применении продвинутых способов спекания больших объемов. Низкая стоимость 3D-принтера, построенного с применением разрабатываемой технологии, обеспечивается применением широко распространенных и доступных недорогих компонентов, включая принтер, использующий струйный принцип печати. Высокая точность обеспечивается за счет конструкции ленты.

Для формирования рулона используется струйный принтер, предназначенный для двумерной печати. Вместо чернил используется порошок из материала, из которого создается изделие. Порошок вбивается в определенные программой моделирования точки в ленте, которая одновременно с печатью сматывается в рулон с помощью специального устройства намотки.

На рисунке 3 показана лента, на которой производится струйная печать порошком, и рулон, получаемый из этой ленты.

Для передачи данных в устройства управления установок быстрого прототипирования необходимы вполне опре-

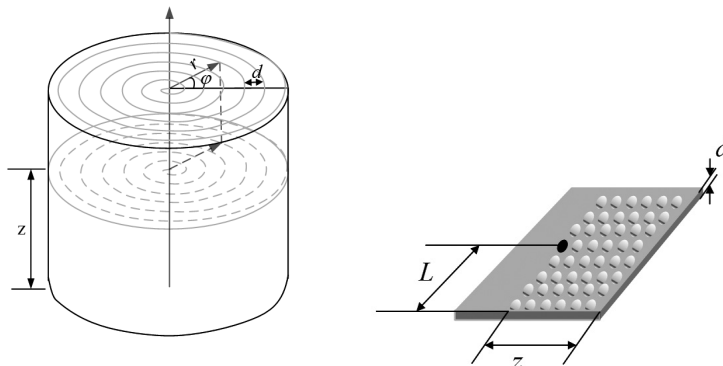

Рис. 3. Положение частиц в рулоне и в развернутой ленте

деленные трехмерные графические модели представления данных. Представление 3D-данных – это способ цифрового описания пространственных объектов, тип структуры данных в трехмерном пространстве. Под их графическим форматом понимается способ машинной реализации представления пространственных данных.

В рассматриваемой области быстрого прототипирования используется унифицированный вид представления данных о трехмерных поверхностях в виде файлов формата STL, который был разработан для хранения трехмерных моделей объектов для представления трехмерных моделей произвольных поверхностей. В этом формате используется унифицированный способ приближенного представления (аппроксимации) любых поверхностей системой стыкуемых друг с другом плоских треугольников – треугольных фасет. Таким образом, поверхность объекта покрывается поверхностной сеткой из треугольных ячеек. При этом информация о поверхности объекта представляет собой список параметров треугольных фасет, которые описывают эту поверхность.

Для создания файлов в цифровом формате была разработана программа по развертыванию трехмерной модели прототипа изделия в двумерные проекции для распечатки на ленте обычным принтером для последующего формирования рулона.

Преобразование в рулонные координаты

производится на основе уравнения архимедовой спирали: $r = \frac{d}{2\pi} \varphi$. Для перехода к двумерному массиву размера $L \times z$ необходимо решить трансцендентное уравнение, описывающее длину спирали: $L = \frac{d}{4\pi} [\varphi \sqrt{1 + \varphi^2} + \ln(\varphi + \sqrt{1 + \varphi^2})]$ относительно угла φ , т. е. найти $\varphi(L)$.

Для решения этой задачи разработан алгоритм и написана программа формирования файла печати на принтере для создания трехмерного прототипа по рулонной технологии [5]. Программа состоит из четырех модулей: настройка модели; преобразование модели в трехмерный растр; преобразование трехмерного растра в цилиндрический растр и экспорт в 2D-файл для печати на принтере.

В качестве тестовых моделей выбраны простые геометрические объекты: цилиндр, сфера, параллелепипед и тетраэдр. На таких моделях можно протестировать возможности новой аддитивной технологии и осуществить калибровку основных узлов принтера. Трехмерные векторные модели произвольных объектов в формате STL, так же как и тестовые модели, преобразуются в трехмерный растр, который, используя разработанный алгоритм, преобразуется в «рулонный» растр с учетом настраиваемых параметров, определяющих размеры, плотность печати, количество копий и их расположение в рулоне (рис. 4). Полученная «рулонная» карта пикселей представляет собой двумерный файл (или серию файлов) в формате PNG, пригодный для печати на обычном принтере.

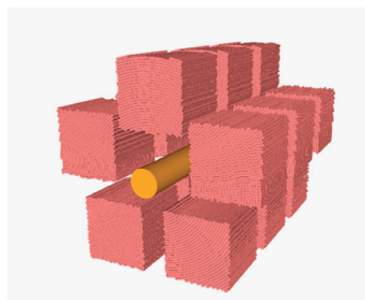
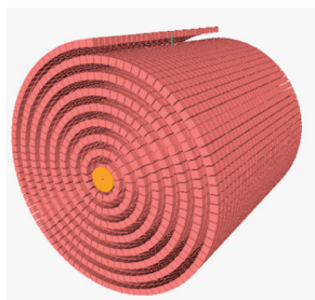

Рис. 4. Представление моделей в «рулонных» координатах

Заключение

Описаны особенности работы 2D- и 3D-принтеров. Разработан алгоритм

и написана программа преобразования трехмерных моделей в файл для печати по рулонной технологии.

Литература

1. Дьяченко В. А., Челпанов И. Б., Никифоров С. О., Хозонхонова Д. Д. Материалы и процессы аддитивных технологий (быстрое прототипирование). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. – 200 с.
2. Никифоров С. О., Мандаров Э. Б., Никифоров Б. С. Мехатронные устройства машинного орнаментирования изделий. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 150 с.
3. Мархадаев Б. Е. Новая аддитивная технология изготовления пластиковых и металлических объектов // Проблемы механики современных машин: мат-лы VI междунар. конф. Т. 2. – Улан-Удэ, 2015. – С. 216–221.
4. Мархадаев Б. Е., Шолохов Е. С., Кочева Т. В. Рулонная технология быстрого прототипирования 3D-объектов повышенной точности // Инженерно-технические системы и энергосберегающие технологии в АПК: мат-лы междунар. научно-практ. конф., посвящ. 85-летию БГСХА и 55-летию инженерного факультета. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2016. – С. 3–9.
5. Шолохов Е. С., Мархадаев Б. Е. Формирование файла печати на принтере для создания трехмерного тестового прототипа по рулонной технологии // Свидетельство регистрации программы № 2016613577 (дата регистрации 29.03.2016).

УДК 94(571)
ББК 63.3(2P5)

М. К. Миткинов

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ИНСТИТУТА
МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ
СО РАН. ПЕРИОД «ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ,
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И СТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ БУРЯТСКОЙ АССР»

M. K. Mitkinov

CONCISE BIBLIOGRAPHY OF THE WORKS
OF THE INSTITUTE OF MONGOLIAN, BUDDHIST
AND TIBETAN STUDIES OF SB RAS. "THE OCTOBER
REVOLUTION, CIVIL WAR AND THE MAKING
OF STATEHOOD IN THE BURYAT ASSR" PERIOD

Мы продолжаем цикл статей о работах, изданных Бурятским институтом общественных наук (БИОН). Рассматриваемый нами вопрос в советский период был одним из актуальных и значимых разделов новейшей истории первого социалистического государства. С самого начала его существования к исследованию предтечи революции и дальнейших событий предъявлялись повышенные требования: все работы проходили жесткую цензуру. Вышло немало значимых работ, которые позволили оценить масштаб героических лет после октября 1917 г.

Работы, представленные в нашей

библиографии, смогли донести подлинный драматизм рассматриваемой эпохи, несмотря на то, что были написаны в эпоху тотального идеологического контроля. Ибо для истинного историка во все времена было важно непредвзято донести до общественности правдивую картину минувших событий.

При составлении библиографии мы ознакомились с отчетами института, хранящимися в Научном архиве БНЦ СО РАН: «Отчеты о научно-исследовательской работе института» за 1970–1980 гг. (ф. 4. оп. 1) и «Летописи печати Бурятской АССР» за 1967–1985 гг.

Отдельные издания

1. Шулунов Н. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 годы) / АН СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. фил., Ин-т обществ. наук ; под. ред. П. Т. Хаптаева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 492 с.

В монографии исследуется один из наиболее важных и насыщенных крупными политическими событиями периодов истории Советской Бурятии – период образования национальной государственности. Монография написана на основе обширного архивного материала, значительная часть которого впервые введена в научный оборот.

На большом фактическом материале автор показывает роль В. И. Ленина, Центрального Комитета КПСС и Советского правительства в образовании бурятских автономных областей, Бурятской АССР.

МИТКИНОВ Мунко Климентович – старший лаборант отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: munko69@mail.ru.

Дана развернутая критика позиций мелкобуржуазных партий – эсеров, меньшевиков и буржуазных националистов, уделено значительное место государственному строительству в Бурятской АССР, охарактеризованы формы и методы политико-массовой работы партийных организаций по привлечению трудящихся масс Бурятии к созданию и укреплению органов государственной власти.

Монография состоит из введения, заключения и четырех глав: I. **Зарождение основ советской национальной государственности в Западной Бурятии**; II. **Образование Бурятской автономной области в составе РСФСР**; III. **Образование Бурятской автономной области в составе Дальневосточной республики**; IV. **Создание Бурят-Монгольской АССР**.

2. Хаптаев П. Т. Бурятия в годы гражданской войны / АН СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. фил., Ин-т обществ. наук; спец. ред Г. Н. Румянцев*. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. – 264 с.

Предлагаемая монография является третьей частью работы и посвящена периоду гражданской войны и иностранной военной интервенции. На обширном источниковедческом материале автор показал классовую борьбу против интервентов и белогвардейцев. Первая и вторая части монографии вышли в 1964 г. под названием «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии».

Монография состоит из вступительного слова автора, заключения, приложения и четырех глав: VII. **Начало иностранной интервенции и гражданской войны. Падение Советской власти в Сибири**; VIII. **Бурятия в период колчаковщины и семеновщины**; IX. **Разгром колчаковщины и освобождение Западной Бурятии**; X. **Освобождение Восточной Бурятии от иностранных интервентов**.

Статьи

3. Максанов С. А. Народы Бурятии под знаменем Великого Октября // Тр. / БИОН. Вып. 5. Сер. ист. – Исследования и материалы по истории Бурятии. – 1967. – С. 5–14.

О значении Октябрьской революции.

4. Максанов С. А. Культурно-просветительская работа в Бурятии в 1918–1992 гг. // Тр. / БИОН. Вып. 5. Сер. ист. – Исследования и материалы по истории Бурятии. – 1967. – С. 55–68.

Рассмотрены особенности культурно-просветительской работы в Бурятской автономной области и Дальневосточной республике.

5. Санжеев Г. Л. Ивановский Совет бурятских депутатов // Тр. / БИОН. Вып. 5. Сер. ист. – Исследования и материалы по истории Бурятии. – 1967. – С. 217–218.

6. Санжеев Г. Л. К истории революционного движения среди казачества Бурятии // Тр. / БИОН. Вып. 5. Сер. ист. – Исследования и материалы по истории Бурятии. – 1967. – С. 219–220.

7. Шубин А. С. Из истории родовых советов на севере // Тр. / БИОН. Вып. 5. Сер. ист. – Исследования и материалы по истории Бурятии. – 1967. – С. 69–81.

О становлении власти Советов среди эвенков.

8. Шулунов Н. Д. Образование Бурятской автономной области в составе РСФСР // Тр. / БИОН. Вып. 5. Сер. ист. – Исследования и материалы по истории Бурятии. – 1967. – С. 15–26.

История практического осуществления бурятской автономии.

70-е гг.

9. Шулунов Н. Д. В. И. Ленин – основатель Бурятской советской автономии // К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. – Улан-Удэ, 1970. – С. 3–11.

---

* Указано в конце книги.

Краткий очерк об образовании Бурят-Монгольской советской автономии.

10. Шулунов Н. Д. Образование Бурятской АССР // Тр. / БИОН. Вып. 20. Сер. ист. – Исследования и материалы по истории Бурятии. – 1973. – С. 5–16.

О важных вехах образования Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики.

11. Шубин А. С. «Комитет Севера» и его роль в социалистическом строительстве на севере Бурятии // Тр. / БИОН. Вып. 20. Сер. ист. – Исследования и материалы по истории Бурятии. – 1973. – С. 27–39.

О мероприятиях по переходу северных народов к социалистическому строю.

12. Кравцов В. Т. Троицкосавская большевистская организация в борьбе против белогвардейцев и интервентов (август 1918 – март 1920 года) // Этнографический сборник. – 1974. – Вып. 6. – С. 163–176.

Статья написана на основе ранее неизвестных документов ЦГА Бурятской АССР, Бурятского обкома КПСС и Кяхтинского краеведческого музея. Автор осветил борьбу троицкосавских большевиков против семеновцев, китайских и японских интервентов, проследил их связи с Монголией.

13. Хабаев М. П.* Воспоминания о Монголии // Тр. / БИОН. Вып. 23. Материалы и исследования по Монголии. Сер. не указ. – 1974. – С. 221–223.

Воспоминания о своем участии в образовании государственности Монголии.

14. Батуев Б. Б. Борьба за власть Советов в Кяхте (Троицкосавск) // Кяхте 250 лет. – Улан-Удэ, 1979. – С. 18–31. – Примеч.: с. 32.

Об установлении Советской власти в Кяхте.

15. Егунов Н. П. Кяхта (Троицкосавск) в годы первой буржуазно-демократической революции и революционная деятельность Ц. Ц. Ранжурова // Кяхте 250 лет. – Улан-Удэ, 1979. – С. 33–45. – Примеч.: с. 44–45.

О торговом значении Кяхты, образовании первых марксистских кружков. Раскрыта деятельность И. А. Молчанова, А. А. Черных, И. А. Горянова и др.

16. Улымжиев Д. Б. Кяхта и ее роль в развитии революционного движения Монголии // Кяхте 250 лет. – Улан-Удэ, 1979. – С. 46–58. – Примеч.: с. 58–59.

Краткий исторический очерк о деятельности коммунистов в 1919–1921 гг.

17. Батуев Б. Б. Победа Великого Октября и образование Бурятской АССР // Дружба на веки. – Улан-Удэ, 1985. – С. 87–107.

Краткий исторический очерк об установлении Советской власти на территории Бурятии.

Рецензии

18. Улымжиев Д. Б. Ценная книга по истории монгольского народного государства // Тр. / БИОН. Вып. 28. Сер. востоковед. – Исследования по истории и филологии Монголии. – 1977. – С. 91–93.

Обзор монографии монгольского ученого-историка М. Санждоржа «Ардын-төрийн түүх», посвященной возникновению и развитию народного государства в Монголии.

19. Шулунов Н. Правдивая летопись Бурятии // Байкал. – 1970. – № 1. – С. 158–159.

О монографии П. Т. Хаптаева «Бурятия в годы гражданской войны».

20. Ким Н. О победе Октябрьской революции в Бурятии // За науку в Сибири. – 1977. – 13 окт.

О монографии П. Т. Хаптаева «Бурятия в годы гражданской войны».

---

* Заслуженный деятель науки Бурятской АССР, персональный пенсионер союзного значения.

21. Егунов Н. Ценный труд / соавт. Е. Тармаханов, П. Бартанов // Правда Бурятии. – 1973. – 27 мая.

О монографии Н. Д. Шулунова «Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 годы)».

22. Новгородов А. И., Сафронов Ф. Г. Н. Д. Шулунов. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 годы) // Вопросы истории. – 1974. – № 1. – С. 169–170.

О монографии Н. Д. Шулунова «Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 годы)».

УДК 902/904+39

ББК 63.4(63.5)

Н. В. Цыденова

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Рецензия на книгу «Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии»: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г.) / отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 504 с.

N. V. Tsydenova

CENTRAL ASIA IN THE HISTORICAL RETROSPECT

The review on the book “The Topical Issues of Archeology and Ethnology of Central Asia”: the materials of International Scientific Conference (Ulan-Ude, 7–8 of April, 2015) / editor in chief B. V. Bazarov. – Irkutsk: Ottisk, 2015. – 504 p.

Сборник научных статей издан по материалам международной научной конференции «Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии», прошедшей 7–8 апреля 2015 г. в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Конференция была посвящена памяти крупного ученого, одного из основоположников современного направления по изучению градостроительной культуры древних кочевников Центральной Азии, заведующего отделом истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН, доктора исторических наук С. В. Данилова. В мероприятии приняли участие исследователи из разных научных учреждений России и зарубежья.

Сборник состоит из нескольких тематических разделов. Первый раздел посвящен каменному веку, эпохе бронзы и раннего средневековья. В него включены статьи, освещающие различные проблемы изучения культур и индустрий палеолита и позволяющие создать представление о закономерностях и локальных особенностях древнейших этапов становления человечества на обширнейших территориях евразийского материка – Центральной Азии, Сибири, Дальнего Востока, Кавказа, Средней Азии и Вьетнама. Проблеме перехода от среднего палеолита к верхнему палеолиту, характеристике мустьерских комплексов и комплексов начального этапа верхнего палеолита Центральной Азии, Кавказа посвя-

щены работы А. П. Деревянко, А. В. Кандыбы, А. А. Анойкина, В. Н. Зенина, А. Г. Рыбалко и др. Обсуждение результатов по этим материалам, обнаруживающим аналогии в одновременных комплексах Ближнего Востока, подтверждает современные представления о направлениях миграций человеческих сообществ в евразийском пространстве на рубеже среднего и верхнего палеолита. Наряду с обозначенной в статьях тенденцией к выявлению общих закономерностей и черт, характерных для палеолита, в сборнике определенное место занимают работы, устанавливающие локальные особенности культур (А. И. Кривошапкин, К. К. Павленок; К. А. Колобова; В. И. Ташак и др.).

Развитие процессов микролитизации в эпоху позднего палеолита – мезолита в Средней и Центральной Азии иллюстрируют материалы, представленные в статьях С. В. Шнайдер и А. Тетенькина.

Значительная часть статей в сборнике посвящена кочевникам. Так, современный уровень исследований и накопление материалов раскопок курганов-керексуров позволили подготовить А. Д. Цыбиктарову обобщающую статью по погребальной обрядности и социальному статусу погребенных.

Международным коллективом авторов представлены предварительные результаты нового проекта по изучению памятников археологии древних кочевников эпохи бронзового – железного веков в долине р. Орхон в Монголии (Bermann et al.).

Возникший в последнее время, как результат необходимости интерпретаций и корреляций, интерес к обсуждению полученных материалов с коллегами, изучающими культуры древних кочевников Забайкалья и Монголии, со стороны исследователей, работающих в Саяно-Алтайском регионе (Вл. А. Семенов; М. Е. Килуновская; Т. Р. Садыков и др.), нашел отражение в ряде работ, представленных в сборнике. В связи с вопросами возникновения, границ влияния и контактов

культур древних кочевников актуализировались совместные исследования российских и монгольских археологов (Н. Н. Серегин).

Интерес к хуннской проблематике, значительно возросший в последние годы в среде российских и зарубежных ученых, выразился в серии статей, в которых обсуждаются проблемы генезиса и хронологии культуры хунну (А. В. Варенов, С. Ульзибаяр и др.), погребальной традиции (Н. А. Сутягина) и поселенческих комплексов (Н. Ганбат, Г. Одмагнай; Д. К. Тулуш).

Также в издании представлены работы, посвященные проблемам материальной культуры, социально-политической структуры (Эрдэнэбаатар Д. и др.) и характера взаимоотношений кочевников с мощнейшим соседом – Китаем, отразившихся в погребальной обрядности (Л. Эрдэнэболд, Ц. Цэрэндорж).

Особый интерес представляют статьи, в которых для классификации и интерпретации материалов используются сведения из источников на китайском языке, позволяющие делать сопоставления, вплоть до идентификации отдельных персоналий (Е. В. Асташенкова, А. Л. Ивлиев; А. В. Варенов; Н. Ганбат, Г. Одмагнай; Н. А. Сутягина; Л. Эрдэнэболд, Ц. Цэрэндорж).

Электронная каталогизация и анализ массива рунических писем древних тюрков и енисейских кыргызов Южной Сибири позволили Д. Д. Васильеву обозначить перспективы использования данного типа письменных источников для реконструкции исторических событий и даже определения роли реальных исторических фигур прошлого.

Закономерно в сборнике территориально и хронологически широко рассмотрены вопросы градостроительной традиции и урбанизационных процессов в обществах кочевников Евразии (С. А. Васютин, М. А. Очир-Горяева и др.), поскольку С. В. Данилов был одним из основоположников данного направления. Под его руководством выполнялся не

имеющий аналогов по своей масштабности проект картирования и классификации поселений и городов кочевников Центральной Азии (Туву, Забайкалья, Монголии). Предварительные результаты работ представлены в сборнике коллективной статьей (С. В. Данилов и др.). В общей сложности экспедицией было обследовано около 100 городов, хронологически и в культурном плане имеющих отношение к хунну, уйгурам, киданям, монголам.

Причины строительства, функции средневековых городов, их значение для генезиса и истории государственных образований древних кочевников Центральной Азии (империя Хунну, Уйгурский каганат, империя Ляо, государства Чингизидов) раскрываются в работах Н. Н. Крадина и С. А. Васютина.

Центральная Азия, являясь очагом культурогенеза и активных социополитических событий эпохи средневековья, на протяжении веков была связана с дальневосточными культурами (прежде всего эти связи прослеживаются в градостроительных традициях) и государствами, что становится ясным из работ коллектива археологов-медиевистов ИИАЭ ДВО РАН (Е. И. Гельман; Я. Е. Пискарева; Е. В. Асташенкова, А. Л. Ивлиев; Н. А. Ключев и др.).

Вопросы мировоззрения кочевников Центральной Азии обсуждаются в ряде работ (Г. Г. Пиков; А. В. Харинский; Н. С. Гончарова), в т. ч. фольклорных и этнографических (Л. С. Дампилова; Б. С. Дугаров). К теме этногенеза и этнической истории современных народов относится статья В. В. Ушницкого.

Оперативная информация, вводящая в научный оборот ранее неизвестные материалы, обозначила перспективность нахождения новых археологических памятников в центральноазиатской ойкумене (Е. Ю. Антонова; Г. Анхсанаа; Г. Л. Иванов; П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова; Ю. И. Ожередов, А. Ю. Ожередова; С. М. Фокин).

Интеграционные проекты археологов со специалистами в области есте-

ственных наук, обозначенные в ряде работ, позволили раскрыть интересные аспекты, касающиеся хозяйства древних и адаптации к условиям окружающей среды (А. В. Санникова, Л. Н. Беседнов, Ю. Е. Вострецов; Vemmann et al.).

В последнем разделе сборника уделено внимание актуальным проблемам сохранения и использования историко-культурного наследия в музейных коллекциях и экспозициях, в качестве туристических объектов, что, безусловно, имеет важное научно-практическое значение.

В целом работы, представленные в сборнике, демонстрируют сложную динамику развития человеческих сообществ на всем протяжении их исторического развития в Центральной Азии, отразившуюся в общих тенденциях и частных проявлениях, как результатах межкультурных контактов и миграционных волн. Отметим наметившийся кросс-региональный диалог между исследователями, ведущими научный поиск по изучению древнейших и древних сообществ и культур в Центральной Азии и сопредельных территориях. Обсуждение актуальных проблем археологии и этнологии Центральной Азии в едином дискуссионном поле стало возможным в результате активной исследовательской работы археологов разных направлений, накопления ими значительного объема данных, необходимости интерпретации и осмысления полученных материалов на более высоком надрегиональном и теоретическом уровне. Такая характеристика соответствует всем основным тематическим направлениям, представленным в сборнике.

Сборник материалов «Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии» полностью оправдывает свое название, отражая современный уровень исследований по обозначенным направлениям современной археологической и этнологической науки Сибири, Дальнего Востока и Монголии и, несомненно, будет востребован у широкого

круга читателей – специалистов-археологов, историков, музееведов и всех интересующихся древней историей Центральной Азии.

УДК 94(571.54)+33(571.54)

ББК 63.3(2P54)+65(2P54)

Н. И. Атанов

ПРОМЫШЛЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Рецензия на книгу «Экономика в региональном “интерьере”: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг.» / Л. В. Кальмина, М. Н. Балдано, А. М. Плеханова, Л. И. Бородкин, Т. В. Паликова; под ред. Б. В. Базарова. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 228 с.

N. I. Atanov

INDUSTRIAL MODERNIZATION IN TRANSBAIKALIA: HISTORICAL PARALLELS

Review of a book “Economics in the Regional “Interior”: Western Transbaikalian Region in Modernization Processes 1880–1930 s” / L. V. Kalmina, M. N. Baldano, A. M. Plekhanova, L. I. Borodkin, T. V. Palikova / ed by B. V. Bazarov. – Irkutsk: Ottisk, 2015. – 228 p.

Подготовленная и изданная в прошлом году силами ученых-историков монография «Экономика в региональном “интерьере”: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг.» стала примечательным событием в научной жизни Забайкалья: в исторической литературе Бурятии появилась экономическая фактология по очень интересному и сложному периоду в ее истории. Добавляют интереса к изданию еще два важных, на наш взгляд, момента. Первый – подробная систематизация экономических событий исследуемого периода, что представляет для читателей значительный познавательный интерес. Второй – материал, безусловно, послужит источниковой базой для современных и будущих исследователей экономического прошлого и настоящего Забайкалья для необходимых сопоставлений и обобщений.

Фабулой исследования является индустриализация Забайкалья (с преобладанием его западной территории) в периоды поздней самодержавной и ранней советской России. На первый взгляд, вступление в название монографии выражения «модернизационные процессы» вызывает возражение: модернизация подразумевает совершенствование чего-либо действующего либо его замену на более производительное, безопасное, комфортное. Забайкалье же в составе Сибири находилось на стадии пионерного хозяйственного освоения, т. е. все создавалось заново, причем на экстенсивной основе. Однако смысловое погружение в сущностные признаки модернизации развеяло сомнения: монография по существу посвящена модернизации уже сложившегося хозяйственного уклада.

Условно книгу можно разделить на две равнозначные части: позднего само-

державный период (главы 1–4) и ранний советский (главы 5–6). Однако по «плотности» анализируемых модернизационных процессов вторая половина значительно превосходит первую.

Итак, фабрично-заводская и инфраструктурная индустриализация Забайкалья имела запаздывающий характер не только по отношению к Европейско-Уральскому региону, но и к регионам Сибири и Дальнего Востока. От себя заметим, что запаздывание индустриализации «преследовало» Забайкалье и в последующие периоды, вплоть до настоящего времени. Подтверждением данному выводу служит восточный вектор развития производительных сил СССР. В Забайкалье созданные заделы не были доведены до готовности из-за развала Советского Союза в начале 1990-х гг. Континентальная удаленность Забайкалья от морских торговых путей, от экономических и культурных центров России и зарубежных стран априори обуславливают его арьергардное положение в общенациональном и международном общественном разделении труда.

В новой России Забайкалье административно-территориально входит в Сибирский федеральный округ, но в плане стратегических и программных документов экономического и социального развития включено в состав Дальневосточного. По отношению к СФО Забайкалье является восточной окраиной, к ДВФО – западной, образуя, таким образом, некую «мертвую зону», провоцирующую остаточный принцип обращения на себя внимания как со стороны двух федеральных округов, так и федерального центра.

Для современных практиков и управленцев из бизнеса, государственного и муниципального управления история экономики Забайкалья должна быть интересна в первую очередь своей структурой, которая дает ответ на ключевой вопрос: какие виды производств были наиболее результативны и эффективны с учетом затраченного труда, в основном физического? К концу XIX в. в целом в России по сумме производств лидирова-

ла текстильная промышленность («Обработка волокнистых веществ» – 33,3 %), а в Забайкалье – горная промышленность и обработка металлов. Однако по числу предприятий, исключая золотые прииски, лидировала «обработка животных продуктов» (38,2 %). Как ни странно, в таежном Забайкалье лесная промышленность была представлена только семью лесопильными заводами и 36 столярными мастерскими, а в совокупной экономике обработка древесины занимала лишь 11,2 %.

В лидирующую группу входило спиртовое производство. Более половины российского винокуренного спирта производилось в Забайкалье, Иркутской и Енисейской губерниях. Авторы приводят четыре причины данного феномена (с. 43). Первая – высокая добавленная стоимость произведенного на местах зерна, перерабатываемого в спирт; вторая связана с выращиванием ржи – главной зерновой культуры Забайкалья, с ее высокими потребительскими свойствами именно для спиртового производства; третья – длительное хранение спирта без холодильных емкостей и его компактность по сравнению с зерном; и, наконец, высокий спрос в суровых климатических условиях жизнедеятельности сибиряков, особенно на горнорудных работах и золотых приисках. От себя добавим пятый фактор – транспортный. Рожь, конвертированная в спирт, имела значительно меньшие удельные транспортные расходы.

К нарождающимся видам относится цементное производство, потребность в котором значительно возросла при строительстве железной дороги. В Забайкалье начали действовать Брянский (Верхнеудинский уезд) и Кокертанский (Нерчинский уезд) цементные заводы с общей мощностью 60 тыс. бочек высокосортного портландцемента (с. 45). Другим новшеством стал пуск в 1897 г. стеаринового завода кяхтинского купца Г. М. Осокина, работавшего на сале, импортируемом из Монголии.

Всего в Забайкалье действовало 60 кожевенных заведений, в основном на

территории нынешнего Забайкальского края. Помимо кож и овчин, на них производилось мыло, свечи, конская сбруя и некоторые виды обуви. В Верхнеудинском уезде кожевенным делом занимались мещане Мордовские, Краснопеев, казак Дружинин и др. В 1896 г. в Забайкалье зарегистрировано 171 промышленное заведение, подходящее под критерии фабричного производства. Из них только 23 % были оснащены техническими средствами, т. е. большинство из них базировалось на мускульной энергии рабочих (с. 42).

Мы сделали выборку из текста монографии всех видов производств, характеризующих промышленную структуру Забайкалья в конце XIX в.: пищевые производства (винокуренное спиртовое, водочное, пивоваренное, мукомольное, солеваренное, рыбодобычное, переработка животного сырья); горнорудные производства (каменноугольное, золотодобычное, железоделательное, сереброплавильное); потребительских товаров (кожевенные, производство сбруи, обуви, войлока, овчинно-шубные, мыловаренные, стеариновые, свечные, бондарные, столярные, кузнечные, гончарные); производство строительных материалов (цементное, стеклоделательное, лесопильное, кирпичное, добыча извествяка). Как видим, основная номенклатура продукции без учета ремесленно-кустарного сектора свидетельствует о том, что местная промышленность базировалась исключительно на переработке сельскохозяйственного сырья и местных природных ресурсов. Смеем утверждать, что современное производство региона, использующее местное сырье, по структуре значительно уступает своим историческим «корням». Что мешает сегодняшним управленцам и бизнесменам возродить спиртовое, водочное, мукомольное, крупяное, кожевенное, стекольное и другие виды производств, пользуясь трендом импортозамещения? Ничего. Было бы желание, замешанное на патриотизме.

Последняя четверть XIX в. для России – период пореформенного модерна.

Отмена крепостного права, т. е. рабовладельческих отношений в крестьянском хозяйстве, и ряд других реформаторских инициатив самодержавия дали импульс индустриализации европейской части России, что не могло не отразиться и на сибирской территории. В Забайкалье перестраивались старые и сооружались новые, технически более оснащенные предприятия, появились новые отрасли, строилась железная дорога. Обобщенно этот период можно охарактеризовать как период перерастания мануфактуры в фабрично-заводскую промышленность и роста числа городских поселений. Этот исторически значимый процесс на основе обширной источниковой базы тщательно и скрупулезно изложен авторами во второй и третьей главах монографии. Однако несмотря на такие подвижки, Забайкалье продолжало серьезно отставать от ведущих промышленных губерний Сибири.

Примечательны изменения, происходившие в экономической географии Забайкалья. Рост городов (Верхнеудинск, Баргузин, Нерчинск, Троицкосавск, Селенгинск, Чита, Акша, Мысовск) как преимущественно административных центров, а не экономических концентраций, с неравномерной густотой (один город в среднем на 68 кв. верст) и размещением (62,5 % городов в Западном Забайкалье) происходил в основном за счет мигрантов из европейской части России.

На представительном материале известных исследователей Л. Б. Кафенгауза [4], В. И. Бovyкина [1], С. Г. Струмилина [6], известного американского специалиста по экономической истории России П. Грегори [2; 3], авторами опровергается укоренившееся в общественном сознании представление о самодержавной России как полукOLONиальной, полурабской стране с порядковыми отставаниями от США, Англии, Германии по темпам промышленного развития. На самом деле первый этап индустриализации производительных сил проходил в условиях, когда Россия в конце XIX – начале XX в. «была одной из наиболее динамично раз-

вивающихся держав мира» [5, с. 3]. От США отставали не в 21 раз, а в 6,75; от Германии – не в 13 раз, а в 2,96; от Англии – не в 14 раз, а в 2,64. Истоки заниженной оценки экономического потенциала царской России авторы связывают с 1930-ми гг., когда появился пресловутый сталинский тезис о полуколониальной зависимости России [Там же, с. 12]. К основным инвестиционным источникам авторы (в порядке значимости) относят иностранные капиталовложения, частные вложения и государственную поддержку [Там же, с. 17].

Индустриализация народного хозяйства СССР имела «форсированный характер, присущий экономике мобилизационного типа» [Там же, с. 223]. Поскольку она проходила в условиях «капиталистического окружения», то исключала возможности использования иностранных инвестиций. Собственный бюджет был крайне слаб, требуемые масштабы индустриализации огромны, а ресурс времени ограничен. В таких стесненных обстоятельствах требовалось модернизировать экономику СССР и поднять ее на уровень передовых стран. Ситуация в современной России достаточно схожа с тем периодом. Россия также в «кольце врагов», бюджет и ресурс времени ограничены, проблемы реиндустриализации вопиющи, экономика в рецессии. В тот период руководство СССР нашло решение путем построения второй, параллельной, экономики ГУЛАГА, тема которой в монографии раскрыта достаточно полно.

Параллельная экономика ГУЛАГА на принудительном труде заключенных сыграла ключевую роль в первопроектном плане хозяйственного освоения периферийных окраин обширного пространства СССР. Принудительный труд в невероятных, нечеловеческих условиях создавал для страны золотой запас, формировал валютопринносящую базу за счет экспорта древесины, угля, черных и цветных металлов для закупа импортной техники, оборудования, станков, строил новые города, заводы, порты, дороги по

всему периметру Северного морского пути, Тихоокеанского побережья, китайско-монгольского приграничья и в пустынях Средней Азии. Но с другой, чисто человеческой, стороны, сверхэксплуатация, рабское содержание и отношение к заключенным стали причиной физического «вымывания» из активной общественной жизни страны одной из самых креативных и интеллектуальных сил репродуктивного возраста, тех, которых по современной терминологии относят к категории человеческого капитала с высокой добавленной стоимостью. С политико-экономической стороны, оттачивались командно-административные регуляторы мобилизационной экономики, включающие насилие и беззаконие вместо имплантации рыночных отношений и демократизации общества. Но необходимо учитывать также, что принудительный труд заключенных был существенным компонентом этой мобилизационной экономики, которая определяла развитие страны в довоенный, военный и поствоенный периоды. Такой экономике необходимы были мобильные трудовые ресурсы, концентрация которых в нужных местах не требовала бы больших затрат и сложных организационных мер [Там же, с. 35].

Истина российской модернизации, как справедливо отметили авторы в предисловии, заключается в том, что реальное воплощение она получает в военной промышленности, которая локомотивом тянет за собой гражданский сектор экономики, и в последующем оба модернизируют социальную сферу [Там же, с. 4]. Так было и при самодержавии, и при «коммунистическом режиме» Советского Союза. Все разговоры о модернизации новой России, длящиеся без малого десятилетие, наконец, сменяются действиями – модернизацией вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса. Похоже, что в этом заключается одна из российских специфик модернизации производственных сил: спусковым механизмом являются внешние угрозы, а приводным механизмом – модернизация оборонной промышленности.

Исторические аналогии аутсайдерского положения промышленного потенциала Забайкалья дают, на наш взгляд, один очень важный повод для утверждения о том, что Забайкалье и Дальний Восток России и в период самодержавия, и в условиях новой России оказались в зоне «провалов рынка». Конкурентное давление со стороны западных регионов России, соседнего Китая и других стран ограничивает экономическую структуру региона жизнеобеспечивающими видами деятельности. Ограничительными катализаторами выступают суровые природно-климатические условия и демографические ограничения.

За весь реформенный период длиною в четверть века в Западном Забайкалье не сформировано ни одного субъекта нарождающейся рыночной экономики. Продолжается медленный процесс свертывания наследственной экономики.

Следовательно, в повестку готовящейся Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2030 г. просится пункт о возрождении экономики в системе государственной юрисдикции собственности и управления. Необходимо «невидимую руку» рынка, не справляющуюся со своими задачами, дополнить «видимой рукой» государственного управления плановой экономикой и этим самым выстроить баланс сил на благо ускоренной модернизации экономики Востока России. При этом мы не ратуем за тотальное огосударствление, мы за китайский принцип: «плановое управление в главном, рыночное – во второстепенном».

В заключение выразим свое пожелание авторам развить начатое исследование в новом горизонте – 1930–2015 гг., востребованность в котором нарастает.

Литература

1. Бовыкин В. И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России 1861–1900 гг. // Экономическая история. Ежегодник. – М., 2003. – С. 9–32.
2. Грегори П. Поиск истины в исторических данных. Еще одна оценка промышленного производства в России, 1887–1913 гг. // Экономическая история. Ежегодник-1999 / под ред. В. И. Бовыкина. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 471–500.
3. Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста // Экономическая история. Ежегодник-2000. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 7–97.
4. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е гг. XX в.). – М.: Эпифания, 1994. – 848 с.
5. Россия и мировой бизнес: дела и судьбы / отв. ред. В. И. Бовыкин. – М.: РОССПЭН, 1996. – 312 с.
6. Струмилин С. Г. На путях построения коммунизма. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1959. – 104 с.

УДК 316 (571.5) + 316 (517.3)

ББК 60.5(2Р54)+60.5(5Мо)

З. Т. Голенкова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОБЩЕСТВ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Рецензия на монографию «Социологический анализ трансграничных обществ Байкальского региона: динамика, проблемы, перспективы»: [кол. моногр.] / Е. В. Петрова, Д. Д. Бадараев, А. В. Бильтрикова, А. С. Бреславский, В. Г. Жалсанова, И. Н. Дашибалова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 245 с.

Z. T. Golenkova

TRANSBOUNDARY SOCIETIES OF THE BAIKAL REGION: AN OUTWARD GLANCE

Review of a book “Sociological Analysis of Cross-Border Societies of the Baikal Region: the Dynamics, Problems and Prospects” / E. V. Petrova, D. D. Badaraev, A. V. Biltrikova, A. S. Breslavsky, V. G. Zhalsanova, I. N. Dashibalova. – Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2016. – 245 p.

Рецензируемая монография подготовлена группой социологов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. В ней обобщены и представлены результаты исследований коллектива за 2007–2015 гг. по таким вопросам, как местное самоуправление, региональный рынок труда, занятость населения, бедность, внутренняя миграция, сельское, городское и пригородное развитие территорий, а также вопросам этнической маскулинности в контексте социальной депривации. Этот перечень формирует структуру книги, которая включает в себя 2 раздела по 3 главы в каждом.

Монография привлекает внимание по двум причинам. Во-первых, она дает объяснение динамики различных социальных процессов в исследуемом Байкальском регионе, состоящем из трех субъектов РФ (Республики Бурятия, Иркутской области, Забайкальского края). Одна из глав посвящена Монголии. Наличие общей границы, схожесть исторического развития, социокультурная близость бурятского и монгольского народов делают ее необходимым и интересным объектом для сравнительного анализа социальных изменений в наших странах. Такой комплексный подход все еще редок в современных российских региональных социологических исследованиях, которые в основном затрагивают лишь отдельные конкретные вопросы социального развития местных сообществ. Именно поэтому книга может заинтере-

совать широкий круг исследователей, интересующихся как собственно социологическими аспектами проведенного анализа, так и в целом особенностями развития Байкальского региона в современную эпоху.

Вторая причина, по которой книга может вызвать интерес, видится в стремлении авторов согласовать теоретический анализ с результатами прикладных исследований, дать общий статистический фон с микросрезом, основанным на полевых исследованиях в конкретных локальных сообществах региона, в сочетании как количественных, так и качественных методов социологии. Комбинация методик также является удачной и необходимой находкой данной многоаспектной работы.

Первый раздел монографии раскрывает управленческий и социально-экономический контекст в развитии территорий Байкальского региона. В нем рассматриваются проблемы организации местного самоуправления (МСУ), оценивается его эффективность, выявляются содержательные черты и особенности рынка труда, занятости населения и бедности в регионе. Среди основных проблем, препятствующих эффективной деятельности органов МСУ, обозначены следующие: ограниченное финансирование, межбюджетная политика по распределению налоговых доходов, недостаток квалифицированных кадров, слабое гражданское участие и недоверие населения к власти, а также несовершенство

законодательства. Обращает на себя внимание критика института сити-менеджера и выборов глав муниципальных образований из состава представительных органов в регионе, которые не поддерживаются большинством опрошенных экспертов.

Исследование рынка труда и занятости населения показало высокую зависимость экономики регионов от глобальной нестабильности и экономического кризиса. Наибольшее влияние кризис оказал на такие сферы региональной экономики, как торговля, перерабатывающие производства, добывающая промышленность, банковский сектор, строительство и сельское хозяйство. Свою роль сыграли «байкальский фактор» (ограничение или запрет ряда объектов производственной и промышленной деятельности в водосборной зоне оз. Байкал), продолжающийся агропромышленный кризис и высокая закредитованность населения. Авторы уточняют, что Республика Бурятия, в частности, занимала в 2015 г. 9-е место по закредитованности населения среди всех регионов России. Парадоксально, что большинство работающего населения Республики Бурятия, согласно опросам, «в целом удовлетворено своим материальным положением», хотя и «готово сменить место работы».

Проблемы бедности в изучаемых регионах имеют более негативную окраску, чем в целом по России. В трех изучаемых регионах уровень бедности в 2014 г. превышал общероссийский уровень. Приведенные методики оценки бедности через показатели среднедушевых доходов, прожиточного минимума традиционно используются российскими исследователями. При этом в монографии вполне справедливо отмечается, что многие эти методики не всегда выдерживают «критику» других подходов, например депривационного, а также субъективного.

Второй раздел монографии посвящен анализу территорий – местных городских и сельских сообществ. Его открывает исследование взрывного роста

пригородных зон двух столичных городов региона – Улан-Удэ и Улан-Батора. Оно показывает, что по многим показателям эти два случая являются выражением более общих процессов, происходящих в постсоциалистических странах в последние два десятилетия – следствием так называемой «постсоциалистической пригородной революции». Далее речь идет о сельских территориях Бурятии. Несмотря на сложную демографическую ситуацию и известные проблемы в развитии сельских территорий, авторы не склонны к абсолютно пессимистическим выводам, обозначая точки и ресурсы для возможного роста (с. 184, 185). Завершает книгу исследование этнической (бурятской) маскулинности в контексте социальной депривации, в котором на основе киноматериалов показаны противоположные образы бурятского мужчины: нормативный, связанный с актуализацией дискурса неотрадиционализма, и депривированный, связанный с деградацией личности в сельских территориях в современный период.

Замечания носят скорее рекомендательный характер и касаются уточнений некоторых моментов в монографии, которые авторы, возможно, не учли при ее написании. Исследователи сформулировали предметную область как «адаптацию современного российского (на примере Республики Бурятия, Иркутской области, Забайкальского края) и монгольского обществ к социальным изменениям». Использование концепта «адаптация обществ» несколько спорно, хотя вполне возможно встретить в научной литературе отдельные примеры подобного словоупотребления. Полагаем, что устоявшееся применение термина «адаптация» относится скорее к личности, группам, населению с точки зрения социоцентричного подхода и предполагает пассивное или активное включение в социум. Более того, при прочтении отдельных глав монографии (гл. 3 разд. 1, гл. 2 разд. 2, гл. 3 разд. 2) можно обнаружить фиксацию обратного процесса

– социальной аномии и дезадаптации. С другой стороны, если авторы рассматривают адаптационный процесс в условиях социальных преобразований, который может иметь не только субъектные формы, но и макро- и мегауровни (общности, институты, сообщества), то стоило бы в предисловии более четко объяснить, что именно анализируется и понимается под «адаптацией» в книге.

В монографии рассматриваются различные срезы социальной реальности: управление, социальная сфера, бедность, демографические процессы. Однако анализу аспектов гражданского участия и централизации власти в регионе, политики занятости, социальной депривации, развития сельских территорий и пригородов, а также гендерного неравенства – бесспорно, животрепещущих тем современного социологического знания, – недостает единой теоретико-методологической базы или программы исследования. Таким образом, одним из основных замечаний к книге является необходимость аналитической канвы в осмыслении разнородных социальных процессов, происходящих в Байкальском регионе. В идеале это могла бы быть традиционная вводная теоретическая часть с обоснованием подхода, обзором ключевых понятий, парадигм и источников, описанием инструментария.

Несмотря на замечания частного характера к рецензируемой книге, ее очевидным достоинством является ори-

гинальный богатый эмпирический материал, собранный социологами ИМБТ СО РАН, иллюстрирующий модификацию социальной картины в Байкальском регионе: интервью с экспертами, фиксация оценок населения на основе мониторинга социального самочувствия, обобщение статистической информации в рейтинге регионов, анализ данных статистического учета, нормативно-правовых актов местных органов представительной власти, анкетирование, картографирование, формализованное интервьюирование, наконец, плотное социально-антропологическое описание кинотекста с применением методов визуального анализа дополнило корпус социологических данных. Фактически коллектив социологов ИМБТ СО РАН демонстрирует хорошее владение различными методами и процедурами сбора информации.

Основной тезис издания, который выведен в заключении о формировании адаптационных и мобилизационных сценариев развития и поведения социальных групп в регионе, а также изменений городского и сельского пространства, успешно аргументирован авторами. Рецензируемая монография заслуживает внимания, поскольку фиксирует объективную и взвешенную картину происходящих в Байкальском регионе трансформационных процессов и расширяет представления о социальной динамике российского общества.

УДК 341.7(470+517.3)

ББК 63.3:67.911.122(5Мон+2Рос)

В. Д. Дугаров, Ю. В. Кузьмин

**ПОЛВЕКА КОНСУЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ
В МОНГОЛИИ: 1861–1917 ГГ.**

Рецензия на монографию А. А. Сизовой «Консульская служба России в Монголии (1861–1917)». – М.: Наука; Восточная литература, 2015. – 294 с.

ДУГАРОВ Владимир Доржиевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета. E-mail: dugarovbgu@mail.ru.

КУЗЬМИН Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики Байкальского государственного университета экономики и управления. E-mail: kuzminuv@yandex.ru.

V. D. Dugarov, Yu. V. Kuz'min

HALF A CENTURY OF RUSSIAN CONSULAR SERVICE IN MONGOLIA: 1861–1917

A review of the monograph A. A. Sizova "Konsul'skaya sluzhba Rossii v Mongolii (1861–1917)". – M.: Nauka, Vostochnaya literatura, 2015. – 294 p.

Усиление восточного вектора внешней политики России и заключение качественных межправительственных договоров требуют основательного знания истории внешнеполитического взаимодействия российского государства с зарубежными партнерами. Активное расширение торгово-экономических отношений России с Китаем и Монголией в начале XXI в. требует аналитической картины политических, экономических и дипломатических отношений, начавшихся с формирования консульских служб в начале XIX в. В современном российском востоковедении и монголоведении актуальным ответом на эти внешнеполитические вызовы времени стал выход в 2015 г. монографии А. А. Сизовой [4].

А. А. Сизова – кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

В представленной монографии дана целостная картина становления и развития системы консульских учреждений России в Монголии с 1861 по 1917 г. и квалифицированная оценка их роли в развитии российско-монгольских дипломатических, торговых и культурных связей.

В чем новизна анализируемой монографии? Аксиомой является положение о том, что в советском монголоведении, исходя из классовых методологических положений, дооктябрьский период исто-

рии российской дипломатии длительное время носил обезличенный характер. Информация о деятельности консульских работников, их роли в развитии отношений между странами носила краткий, обзорный характер.

На рубеже XX–XXI вв. в российской историографии исключение составили изданные известным монголоведом Н. Е. Единарховой [1] авторские записки генерального консула в Монголии Я. П. Шишмарева о своей дипломатической и исследовательской деятельности. Усилиями российских (Б. В. Базаров, В. Ц. Ганжуров) и монгольских (О. Батсайхан) ученых были изданы исследования и воспоминания известного российского дипломата И. Я. Коростовца [2; 3]. Эти исследования значительно обогатили библиографическую палитру востоковедных дипломатических отношений России с цинами и монголами.

Исследование А. А. Сизовой состоит из пяти глав и содержит развернутую характеристику деятельности консульских учреждений России в Монголии. Монография характеризуется широкой панорамой охвата истории внешнеполитических органов России в Монголии. Автором подробно проанализирован доступный историографический и источниковедческий блок проблем, правовая и организационная база российского консульского института в Монголии, специфика консульской службы. Особый интерес представляет оценка роли консульства России в Монголии в развитии политических, экономических и социально-культурных отношений с монголами, монгольским миром.

Впервые в российском монголо-

дении столь подробно проанализирована информационно-аналитическая, судопроизводственная, контрольно-административная, статистическая и торгово-экономическая сферы деятельности российских консульств в Монголии. Подробный анализ проведен на базе оригинальных на центральных и местных сибирских архивов. Несомненным достоинством монографии А. А. Сизовой стали ценные приложения по штатам консульских учреждений Российской империи в Монголии (1861–1917), таксономии консульских учреждений, округам ответственности консульств в различные периоды. На наш взгляд, характеристика кадрового состава и штатов российских консульств была бы желательна в специальном разделе монографии. Биографические сведения о сотрудниках консульских учреждений России даны, к сожалению, без конкретного указания исторического источника, а лишь на основе общего списка формулярных списков АВПРИ и опубликованных источников и исследований. Надеемся, что данные сведения станут толчком для дальнейших исследований биографий российских консульских специалистов, так как в этом плане до сих пор имеются серьезные пробелы.

Сильной стороной исследования является использование автором китайской научной литературы, посвященной «монгольскому вопросу», редко привлекаемой российскими монголоведами. Для автора она доступна в силу профессионального образования китаеведа. Западная востоковедная литература также представлена достаточно полно, что делает работу насыщенной позициями разных национальных школ зарубежных стран. Что касается современной монгольской историографии, то в предложенном обзоре она представлена, к сожалению, в неполном объеме, хотя ключевые работы имеются.

Значительный интерес для монголоведов представляет во второй главе раздел «“Монгольская” политика России и

формирование консульств в Монголии» [4, с. 53–67], где автор излагает собственное видение дискуссионной проблемы стратегических интересов России в Монголии. Политико-стратегическое значение Монголии для России изменилось с началом ханьской колонизации страны в конце 1880-х – начале 1890-х гг., усилением экспансии Англии в Тибете, а затем военным поражением от Японии в 1905 г. Национально-освободительное движение в Халхе подтолкнуло Петербург к принятию конкретных мер по усилению политико-экономических позиций в регионе. Наиболее насыщенным «монгольский вектор» политики России на Дальнем Востоке стал с середины 1911 г. в связи с развитием освободительного движения монголов, которое привело к усилению российского влияния в Монголии. «Петербург поддержал монголов лишь в той мере, в которой это не угрожало интересам России, в частности сохранению status quo на Дальнем Востоке и равновесия в отношениях с Китаем, Японией и Англией» [Там же, с. 65]. Нам представляется, что Россия сделала значительно больше, ибо российская дипломатия не только защищала собственные геополитические интересы. Она помогла Монголии обрести национальную независимость, оказала поддержку в создании национальной армии, современной финансовой системы, образовательных структур и системы здравоохранения.

Российские консульства в Монголии сыграли решающую роль в установлении автономии. «Консулам в Монголии, – пишет А. А. Сизова, – в разные периоды были делегированы полномочия по подготовке и заключению официальных актов от имени правительства России, в т. ч. по вопросу об автономии Монголии, формированию правил двусторонней торговли и т. д., они были непременными участниками значимых переговоров по совершенствованию режима двусторонних отношений» [Там же, с. 222]. Последовательно, шаг за шагом Россия стремилась оказать Монголии помощь

в создании независимого государства. С другой стороны, российские консульства способствовали снижению уровня конфликтности в регионе, выступали в качестве посредника в монголо-китайском конфликте, последовательно защищали права монголов на автономию, а в отдельных случаях и права и жизнь китайских граждан от самосуда и произвола монголов.

По мнению автора, консульская служба России на Востоке имела свои особенности и проблемы, связанные с двойственностью функций: одновременным подчинением Министерству иностранных дел и Министерству финансов, а с 1905 г. – Министерству торговли и промышленности, несовершенством международной и национальной правовой базы консульской деятельности, кадровым дефицитом [4, с. 221].

Впервые в российском монголоведении подробно рассмотрены вопросы взаимодействия консульств с местными монгольскими и цинскими (китайскими) административными органами, судопроизводственная и контрольно-административная деятельность российских консульств в Монголии. Широко использованы архивные данные АВПРИ и региональных архивов Красноярска, Иркутска, а также мемуары и отчеты экспедиций в Монголию.

Интересный и новый материал представлен в разделе «Специфика консульской службы России в Монголии» [Там же, с. 77–88]. Отмечается, что консулы в Монголии де-факто имели более высокий дипломатический статус, чем их коллеги во Внутреннем Китае, Синьцзяне и Маньчжурии, который определял высокий уровень доступа к местному начальству и позволял им напрямую сноситься с монгольскими и китайскими амбаниями, цзянцзюнями и духовным правителем Монголии [Там же, с. 78]. Для консульской службы в Монголии также была характерна высокая степень автономности консулов в принятии решений по текущим вопросам в силу территориаль-

ной отдаленности страны от Петербурга и Пекина. Кроме того, консульская деятельность в Монголии требовала знаний не только традиционной дипломатии, но и традиций и обычаев кочевого мира, степных законов, буддизма и восточного менталитета.

Дефицит кадров и бытовая неустроенность – характерная черта деятельности консульских учреждений России на территории Монголии. Поэтому, как справедливо пишет А. А. Сизова, «как правило, в этой стране работали энтузиасты, имевшие подлинный, в т. ч. научный, интерес к кочевому народу и его культуре» [Там же, с. 87].

Дискуссионным, по нашему мнению, представляется заключение автора о том, что «среди сотрудников в Монголии было крайне мало тех, кто владел маньчжурским, китайским языками, а уж тем более монгольским и киргизским» [Там же, с. 81]. Биографические сведения, представленные в приложении, свидетельствуют, что ведущие специалисты российских консульств в Монголии закончили факультет восточных языков Петербургского университета либо китайско-монгольский разряд Восточного института во Владивостоке. Они имели значительный практический опыт работы в Китае и Монголии. Ряд специалистов самостоятельно освоили монгольский и китайский языки, являлись носителями бурятского и монгольского языков, особенно из числа инородцев сибирского казачества.

Значительное внимание в монографии уделено многогранной деятельности генерального консула России в Монголии Я. П. Шишмарева, прослужившего около 50 лет на одном месте. Это уникальный случай в дипломатической истории России. Достойными его продолжателями стали В. Ф. Люба, А. Я. Миллер, В. В. Долбежев, которые выработали действенный механизм взаимоотношения российского консульства со светскими и религиозными властями страны. В работе показаны и сложности

в отношениях с цинскими властями, особенно на начальном этапе становления русско-монгольских отношений. Уважительное отношение консульских работников к самобытной монгольской культуре и традициям народа, искренние неформальные отношения позволили установить с монгольскими властями более дружественные отношения, чем с представителями администрации Цинов.

Известно, что основой русско-монгольских отношений, особенно до 1911 г., являлась торговля, поэтому неслучайно четвертая глава специально посвящена этой теме. Организация торговых факторий в различных регионах Монголии, формирование транспортной и кредитно-финансовой инфраструктуры в степной стране, упорядочение купеческого самоуправления постоянно находились в центре внимания российских консульств, что подробно представлено в данной монографии. Можно согласиться с заключением А. А. Сизовой о том, что «поскольку у государства отсутствовала проработанная экономическая стратегия в отношении Монголии, консулы принимали самостоятельные тактические меры, как путем договоренностей с российскими пограничными и местными властями в Монголии, так и стимулируя кооперацию купцов» [4, с. 193].

Важными каналами культурного влияния России в Монголии являлись мероприятия русских в области медицины и ветеринарии, особенно масштабные в начале XX в. В монографии представлены многочисленные примеры врачебной помощи представителей российской диаспоры монгольскому населению. Значительное внимание уделено образовательным и культурным инициативам российских консульств. Ургинская

школа переводчиков и толмачей, трехклассная русская школа в Урге, созданная в 1912 г. первая монгольская общеобразовательная школа стали важными центрами распространения европейской культуры и знания. При генконсульстве в Урге работала российско-монгольская типография, которая печатала первую газету на монгольском языке «Шинэ толь». В Урге были организованы хор и оркестр, ставились любительские спектакли, организовывались первые кинопросмотры, библиотеки-читальни, что расширяло культурный кругозор монголов. Консульства оказывали серьезную поддержку научным экспедициям российских и зарубежных путешественников, исследователей и военных. «Дипломаты в Монголии были активными участниками и кураторами изучения Монголии и сопредельных регионов, сыграв важную роль в ознакомлении европейского мира с особенностями политической жизни, хозяйства, культуры монгольского мира, истории, антропологии и этнопсихологии монгольского народа. Кроме того, их деятельность способствовала популяризации русской культуры, формированию благоприятного имиджа России среди народов, населяющих страну, и усилению российского культурно-духовного влияния в целом» [Там же, с. 219].

Таким образом, монография А. А. Сизовой является самостоятельным и оригинальным исследованием проблемы, значительным научным вкладом в современное российское монголоведение и востоковедение. Книга представляет научный интерес для исследователей истории российской дипломатии в странах Востока и особенностей консульской службы в Монголии в переломный период ее истории на рубеже веков.

Литература

1. *Единархова Н. Е.* Русский консул в Монголии: Отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. – Иркутск: Оттиск, 2001. – 252 с.

2. Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. – Улан-Батор: Адмон, 2009. – 440 с.
3. Коростовец И. Я. От Чингис хана до Советской республики. – Улан-Батор: Адмон, 2004. – 430 с.
4. Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). – М.: Наука; Восточная литература, 2015. – 294 с.

УДК 94(517)
ББК 63.3(5Мо)

Е. И. Лиштованный

О КАПИТАЛИЗМЕ С МОНГОЛЬСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Рецензия на сборник Д. Жаргалсайхана «Монголия на пути к капитализму». – Улан-Батор: MGL Design Group, 2016. – 494 с.

E. I. Lishtovannyi

CONCERNING MONGOLIA-SPECIFIC CAPITALISM

A review of edited volume D. Zhargalsaikhan “Mongolia na puti k kapitalizmu”. – Ulan-Bator: MGL Design Group, 2016. – 494 p.

Рецензируемый сборник статей Д. Жаргалсайхана является первым изданием, выпущенным на русском языке. Ранее его сборники выходили на монгольском и английском языках. Автор статей заслуживает того, чтобы читатель узнал о нем несколько подробнее. Д. Жаргалсайхана, известного экономиста, публициста и острого полемиста, называют еще «Жаргалсайхан Де Факто», так как он широко известен в Монголии как ведущий телевизионной программы «Де Факто». Кроме того, в еженедельных статьях на страницах газет «Оноодор» («Сегодня»), «UB Post» и в социальных сетях он выносит на широкое обсуждение актуальные вопросы на политико-экономические темы, вопросы, касающиеся ежедневной жизни монгольского общества и своего родного г. Улан-Батора.

Немного о самой фигуре автора. Д. Жаргалсайхан после обучения русско-

му языку на подготовительном факультете Ташкентского университета проучился два года на геологическом факультете МГУ, затем перевелся на экономический факультет и с отличием его закончил. Позднее, обучаясь в 2000–2002 гг. в Университете Денвера (США), получил степень магистра бизнес-администрирования по специальности «финансы и банковское дело». У себя на родине он успешно работал в нефтяной, маркетинговой, банковской и туристической отраслях, возглавлял агентство по иностранным инвестициям.

Еще в студенческие годы Д. Жаргалсайхан, будучи секретарем комитета Монгольского революционного союза молодежи (Ревсомол) в МГУ, прошел хорошую школу общественной и организаторской работы. В его «подчинении» были руководители студенческих ревсомольских ячеек – С. Зориг, позднее ставший лидером Демократического

союза [I], З. Алтай – будущий дипломат и С. Батмунх – впоследствии известный писатель. Во второй половине 1980-х гг. Д. Жаргалсайхан работал в Праге в Международном студенческом союзе. Это было время, когда на смену социалистической модели приходили рыночные отношения, уходила в прошлое однопартийная система и формировались новые демократические союзы и партии. Вот как вспоминает сам автор сборника об этом времени: «Осенью 1989 года на центральной площади Праги произошли массовые демонстрации чешских и монгольских студентов... На площади перед Пражским политехническим университетом, названной именем Сухэ-Батора, я выступил с речью, и на следующий день в газете было написано, что “один монгол на площади Сухэ-Батора призвал освободить писателя Гавела”» (с. 262).

Д. Жаргалсайхана с полным правом можно отнести к «отцам-основателям» демократических перемен в Монголии. Возвратившись из Праги, он с головой погружается в общественно-политическую жизнь своей страны. 24 февраля 1990 г. была проведена совместная конференция монгольских демократических сил, в которой приняли участие Студенческий союз, Новый прогрессивный союз и Монгольский демократический союз. «На этой конференции, – пишет Д. Жаргалсайхан, – мы определились, на какой основе объединяемся, и договорились 4 марта провести всеобщую демонстрацию. Тогда Ц. Элбэгдорж [II], Батсух, Р. Гончигдорж и я подготовили совместное заявление к Великому народному хуралу, Совету министров, ЦК МНРП, а также воззвание к Министерству обороны, личному составу Министерства общественной безопасности с призывом не применять оружие. Напечатали эти документы на пишущей машинке и расклеили на фонарных столбах» (с. 263).

Пишущему эти строки хорошо известны те настроения в монгольском обществе, о которых говорит Д. Жаргалсайхан, и те события, уже ставшие исто-

рией. В 1990–1991 гг., находясь на стажировке в Монгольском государственном университете, я стал свидетелем всего того, что происходило в зимние и весенние месяцы 1990 г. на центральной площади Улан-Батора. С момента тех событий прошло уже более четверти века, но до сих пор с волнением вспоминается ситуация крайней напряженности в столице Монголии, жуткое чувство опасности, что может произойти непоправимое и силовики применяют оружие. Некоторые сюжеты из монгольской истории того времени я постарался перенести на страницы одной из своих книг [III].

Автор сборника вспоминает: «4 марта мы организовали перед молодежным центром студенческую демонстрацию, зачитали манифест прав студентов, почтили память китайских студентов, погибших за свободу на площади Тяньаньмэнь... В то время «звоном» исторического колокола были права человека и свобода слова. Через несколько дней политбюро ушло в отставку, состоялось заседание Малого хурала, была утверждена Новая конституция (с. 63, 64).

Многие соратники Д. Жаргалсайхана стали впоследствии известными политиками, членами ВГХ (Великий государственный хурал – монгольский парламент) ряда созывов, работали в составе нескольких правительств. Сложно сказать, почему он сам не взшел на монгольский политический Олимп. Возможно, посчитал, что уход в бизнес принесет больший семейный достаток в те сложные годы, чем политическая карьера. Хотя, заметим, многие, с кем он начал перестройку в Монголии, до сих пор успешно сочетают высокие посты в политике с участием в крупном бизнесе. Но на поверку Д. Жаргалсайхан стал в своей области не менее известным, чем его коллеги по демократическому движению. Своими остросюжетными публикациями и интервью он широко известен не только у себя в стране, но и за рубежом.

В сборник вошли статьи, выступления, интервью и репортажи автора с

2009 г. по настоящее время. По словам самого Д. Жаргалсайхана, он отбирал материалы для этого издания с желанием рассказать, с какими проблемами сталкивается Монголия на своем пути к развитию капитализму, какой должна быть или не должна быть государственная экономическая политика, как движение к капитализму может содействовать повышению конкурентоспособности частного сектора и что нужно сделать государству, чтобы правильно регулировать макро- и микроэкономику страны. Его волнуют многочисленные вопросы – от рационального использования природных богатств до изменения менталитета монгола-кочевника в условиях глобализации и урбанизации.

Безусловно, уже в течение нескольких лет, с момента разработок крупнейших месторождений полезных ископаемых – золотомедного Оюу Толгой и угольного Таван Толгой дискуссии о роли природных ресурсов в экономике страны занимают в монгольском общественном мнении центральное место. Названия публикаций Д. Жаргалсайхана «Два важных сведения об Оюу Толгой», «Мания горнорудная», «Друг ли нам Рио Тинто?», «Как стать Саудовской Аравией? Стремление и помехи» и многие другие демонстрируют читателю осязаемое беспокойство экономиста о выборе путей развития страны. В качестве примера он нередко обращается к опыту ряда стран Латинской Америки и задается вопросом, почему страны с богатыми запасами этих ресурсов еле сводят концы с концами. Подчеркивается, что рост цен на минеральное сырье не гарантирует того, что усилия политических и экономических организаций конкретной страны будут автоматически направлены на обслуживание общества. В странах со слабой системой правления демократия без должного общественного контроля, не приводит к развитию сама по себе. Д. Жаргалсайхан убежден, что только в условиях высокой гражданской активности можно развивать демократию.

Это убеждение автор неразрывно

увязывает с необходимостью наличия у руководителя любого ранга абсолютной честности и чувства ответственности за порученное ему дело. В центре внимания Д. Жаргалсайхана проблемы слабости правительства, непрофессионализма чиновников различного уровня, коррумпированность, семейственность и т. п. Об этом он делится с читателем в таких статьях, как «Роль правительства», «Пригласим варягов в правительство», «Чиновники на время или чиновники-временщики», «Коррупция – “рак” монгольского общества» и др. В одной из своих публикаций Д. Жаргалсайхан, приводя примеры борьбы с коррумпированными чиновниками в Китае, делает вывод: «Если взглянуть на ситуацию с позиции и логики китайской борьбы с коррупцией, в Монголии не начат и 1-й этап борьбы» (с. 465). Политические партии он определяет в качестве главного источника коррупции: «Мнение общества политическим партиям до лампочки. В Монголии коррупция – это системная проблема... Эта система крепко стоит на ногах уже много лет» (с. 463). Свообразным предупреждением звучат заключительные слова публициста: «Может быть, годы социальной нервозности и накопившаяся в душах у людей злость перерастут в массовые беспорядки, тогда власть воспользуется этим и под предлогом установления порядка и дисциплины какая-нибудь политическая сила попытается установить свою диктатуру власти. Если мы не искореним, не уничтожим коррупцию, то нашу демократию уничтожит диктатура или диктатор» (с. 466).

Гарантом необратимости демократических преобразований Д. Жаргалсайхан считает свободу слова и независимые СМИ. Например, 5 лет назад в Монголии уже насчитывалось более 140 газет и журналов, из них 15 ежедневных, 24 телеканала, более 20 радиостанций и множество интернет-изданий. Сегодня это мощное средство информационного влияния на население, а по количеству СМИ Монголия оставила позади даже некоторые развитые европейские стра-

ны. «Казалось бы, – рассуждает автор, – для нас, граждан страны, где так много СМИ, обеспечена, с одной стороны, возможность свободы слова и выражения своих взглядов, свобода печати, но, с другой стороны, мы непроизвольно подпадаем под власть СМИ, что ведет к утрате свободы» (с. 98). В статье «Сужающаяся свобода» Д. Жаргалсайхан вскрывает одну из главных причин этой угрозы – ангажированность монгольских СМИ политическими партиями и бизнес-структурами. «Тайные хозяева, – пишет он, – в целом контролируют содержание газет, телеканалов, веб-сайтов и оказывают, когда надо, влияние на мнение читателей... Политические партии и их фракции в нашей стране получили в свое распоряжение СМИ, защищающие интересы и взгляды своих бизнес-групп» (с. 98, 100). Сам Д. Жаргалсайхан, в течение четверти века отстаивающий фундаментальные основы демократии, неоднократно сталкивался с этим явлением, а совсем недавно вынужден был уйти с одного из центральных телеканалов из-за интервью, неугодного его владельцам.

В сборник включены также материалы по самым злободневным для Монголии проблемам. К ним относятся вопросы энергоснабжения, строительной

отрасли, ликвидации бездорожья, чему посвящен специальный материал «Дороги как зеркало развития» (с. 160–164). В зарисовках «Пограничная торговля» (с. 28–31), появившихся после поездки по маршруту Кызыл–Улангом, Д. Жаргалсайхан, оценивая выгодное географическое положение Монголии, призывает к активизации торгово-экономических связей монгольских аймаков с граничащими с ними территориями северного и южного соседей. Яркими эмоциями наполнены его суждения и о взаимоотношениях Монголии и России. Статья с симптоматичным названием «Демонтируйте стеклянную стену, господин Путин» (с. 329–334) появилась ровно в день визита президента России в Монголию 3 сентября 2014 г.

Особое внимание журналист уделяет проблемам благоустройства Улан-Батора и его юрточных окраин, созданию комфортной среды в аймачных поселках.

В предисловии к сборнику Д. Жаргалсайхан отмечает: «Надеюсь, это издание на русском языке даст возможность читателям из России, нашего северного соседа, посмотреть и понять, какие задачи предстоит решить Монголии на пути к капитализму». На наш взгляд, поставленная автором задача успешно выполнена.

Примечания

I. С. Зориг был убит в 1998 г. Убийство до сих пор не раскрыто.

II. Нынешний президент Монголии.

III. *Лиштованный Е. И.* От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2007. – 195 с.

УДК 94(517)

ББК 63.3(5Мо)

Е. И. Лиштованный

**МОНГОЛИЯ 1932 ГОДА: «НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ»
ИЛИ «ЗАГОВОР ВЕРХУШКИ ФЕОДАЛОВ И ЛАМ»**

Рецензия на монографию С. Л. Кузьмина, Ж. Оюунчимэг «Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г.». – М.: Изд-во МБА, 2015. – 212 с.

E. I. Lishtovannyi

THE 1932 MONGOLIA: “POPULAR UPRISING”
OR “PLOT OF THE FEUDAL AND LAMA BIGWIGS”

A review of the monograph S. L. Kuz'min, Zh. Oyunchimeg “Vooruzhennoe vosstanie v Mongolii v 1932 g.”. – M.: Izd-vo MBA, 2015. – 212 s.

Вышла в свет книга российского ученого С. Л. Кузьмина и монгольской исследовательницы Ж. Оюунчимэг, посвященная событиям 1930-х гг. в Монголии. Эту книгу можно считать серьезной заявкой на новое прочтение одной из самых драматических страниц монгольской истории. С начала 1920-х и до начала 1930-х гг. заговоры и восстания против новой власти в Монголии исчислялись десятками. Но восстание 1932 г. явилось одним из крупнейших вооруженных сопротивлений ламства и части аратов официальному курсу монгольских властных структур.

Авторы поставили перед собой базовые вопросы: из-за чего возникло восстание, на кого опирались восставшие, кем и как оно было подавлено? По сути, в книге представлена реконструкция восстания, описаны и проанализированы мероприятия по его подавлению. До определенного времени, до социально-политических и экономических преобразований в Монголии 1980–1990-х гг., из официальной советской и монгольской историографии следовало, что восстание – это контрреволюционный мятеж, организованный феодально-ламской верхушкой с поддержкой извне, со стороны Японии и Панчен-ламы.

В вышедшей же монографии авторы предлагают пересмотреть ряд прежних принципиальных характеристик восстания. Более того, эти характеристики, на наш взгляд, пересмотрены коренным образом. С. Л. Кузьмин и Ж. Оюунчимэг отмечают: «Не подтверждаются выводы,

что это мятеж высших лам и феодалов, что Тибет через Панчен-ламу вмешался в дела Монголии, что восстание поддерживали японцы, что восставшие действовали по указаниям из-за рубежа или получали оттуда помощь. Документы показывают, что они вынуждены были опираться лишь на свои силы. Причины восстания – “левый курс” МНРП, в то время явившийся следствием экспорта социализма, которым занимались ВКП(б) и Коминтерн» (с. 2).

Оценки авторов исследования усиливаются мнением о том, что события 1932 г. подпадают под определение «народное восстание» и не могут являться «заговором верхушки феодалов и лам» (с. 162, 163). В подтверждение подобных оценок приводятся данные по количеству аймаков и численности участвовавшего в военном противостоянии населения. Такие данные появились благодаря скрупулезной работе исследователей в российских и монгольских архивах. Ранее засекреченные материалы привлечены из Архива внешней политики РФ (АВПРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ (ЦАФСБ РФ), Монгольского государственного национального центрального архива (монг. МУУТА), Архива Главного разведывательного управления Монголии (монг. ТЕГ архив).

В шести главах книги в хронологической последовательности читателю

представлена картина зарождения, хода и подавления восстания. В первой главе совершен исторический экскурс к истокам «левого курса» МНРП, оценивается его влияние на дестабилизацию обстановки в стране. Вторая глава посвящена подготовке восстания, боевым действиям от начала восстания до разгрома основных сил повстанцев, а затем новому подъему восстания и его окончательному подавлению. В третьей главе подвергнуты характеристике руководящие структуры, цели и лозунги повстанцев, уделено внимание различным пророчествам, например грядущей Шамбалинской войне, как одному из средств агитации среди восставших. В четвертой и пятой главах даны сведения о составе, силах и боевых потерях сторон, описаны предпринятые властями меры по ликвидации восстания. Заключительная глава посвящена роли Панчен-ламы IX, Японии и Китая в организации восстания. Материалы исследования подкреплены фотографиями и копиями некоторых документов из российских архивов.

В целом нельзя не согласиться с авторами книги в том, что сопротивление возникло в ответ на «левацкие перегибы». Отмечается, что монгольские революционеры «иногда даже превосходили своих советников радикализмом» (с. 168). В числе главных причин называются закон об отделении церкви от государства, введение джасского налога (*монг. жас* – накопления, резервы имущества общины лам) и налога на недвижимость, прогрессивного налога на доходы лам и феодалов, передача мирянам джасского имущества, организация артелей и коммун. К этому авторы добавляют борьбу с церковью и оскорбление чувств верующих, указывая, что к 1929 г., к началу «левого уклона», почти все монголы были верующими, а ламы, составлявшие значительную (по разным данным от 13,21 до 16,83 %) часть народа, пользовались уважением и не считались эксплуататорами.

Исследование С. Л. Кузьмина и Ж. Оюунчимэг прошло обстоятельное обсуждение в отделе Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, где авторам был высказан ряд существенных замечаний. В то же время, как отмечает в своем предисловии ответственный редактор, известный монголовед В. В. Грайворонский, авторы книги «продолжают настаивать на правильности своих выводов о принудительном характере экспорта большевиками и Коминтерном социализма из СССР вопреки традиционным духовным ценностям кочевого буддийского общества Монголии, об антисоциалистическом, народном характере восстания 1932 г., соответствующем гражданской войне, о полной непричастности Панчен-Богдо, или Панчен-ламы IX, а также Японии, захватившей Маньчжурию и планировавшую захват Внешней Монголии, к организации и поддержке этого восстания и т. д.» (с. 6, 7).

Следует согласиться, что многие вопросы носят дискуссионный характер и нуждаются в дальнейшем изучении. Кроме того, требуют дополнения данные, относящиеся к источниковой базе исследования. Так, например, имеются записи воспоминаний о событии участвовавших в нем со стороны правительственных войск, но практически отсутствуют аналогичные свидетельства с противоположной стороны. Подобные изыскания тем более необходимы, ибо, как указывают авторы книги, «это единственное восстание, участники которого до сих пор официально не реабилитированы в Монголии» (с. 8).

Несмотря на отмеченную дискуссионность ряда вопросов, авторам монографии следует выразить благодарность за то, что они взяли за разработку сложной и неоднозначной в оценках темы. Опубликованная ими книга может стать серьезным подспорьем для специалистов-монголоведов.

УДК: 294
ББК: 86.39

А. К. Хабдаева

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ БУДДОЛОГИИ

Рецензия на сборник статей «Буддизм в контексте диалога культур» / ИМБТ СО РАН; отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – 384 с.

A. K. Khabdaeva

TOPICAL ISSUES IN THE CONTEMPORARY BUDDHIST STUDIES

A review of edited volume “Buddizm v kontekste dialoga kul'tur” / IMBT SO RAN; editor in chief L. E. Yangutov. – Ulan-Ude: Izd-vo BГУ, 2015. – 384 p.

Меняются время, общество, человек. Наблюдаемое в настоящее время обострение конфессиональных и этнических конфликтов требует глубокого осмысления и понимания природы таких противоречий. Человек постепенно приходит к осознанию того, что гармоничное его развитие невозможно без учета религии как неотъемлемой и значимой части общественной жизни. В поисках оптимального ответа исследователи все чаще обращаются к буддизму как социокультурной модели, продемонстрировавшей мощный интеграционный ресурс в условиях трансформирующегося этнокультурного пространства. Знакомство с религиозными, философскими, образовательными аспектами буддизма позволяет глубже понять адаптивные особенности учения, которые в основе своей имеют универсальные гуманистические принципы.

Сложившиеся на сегодняшний момент в России буддологические школы Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ продолжают традиции российского академического востоковедения. В традиционных российских центрах буддизма – Бурятии, Калмыкии, Туве проводится большая исследовательская работа по направлению тибетско-монгольского буд-

дизма. В Бурятии также получили большое развитие исследования китайского буддизма. За последние годы в отечественной буддологии проведена, безусловно, большая работа. Анализируются философские, культурологические, психологические аспекты буддизма; проводятся этнографические исследования; переводятся на русский язык буддийские сочинения. Несмотря на это, со временем становится понятно, что вопросы восприятия религии как таковой, буддизма, интерпретации его философских и религиозных основ по-прежнему не теряют своей актуальности. Остается понимание, что проблемы есть, и немалые. Место религии в постсоветском обществе претерпело значительные изменения. Оказавшись в достаточно свободной идеологической обстановке постсоветского периода, исследователи буддизма получили большие возможности для реализации и выражения научных идей. Свобода выбора направления научного исследования, перед которой были поставлены ученые, с одной стороны, позволила выполнять независимые самостоятельные проекты по всем научным направлениям. С другой стороны, большой проблемой остается отсутствие систематизации научных исследований. Необходима об-

работка богатого опыта исследовательской деятельности для формирования системы знаний, рациональная организация результатов научно-исследовательского процесса. Следует признать, что вынужденный перерыв, сделанный в отечественной буддологии в советский период, сказывается на развитии этого направления науки вплоть до сего времени. Прерванная линия академической буддологии, по сути, не восстановлена в полном объеме до настоящего момента. Также не дано достаточной объективной оценки теоретическому наследию выдающихся российских буддологов второй половины XIX – начала XX в.

Важной проблемой современной отечественной буддологии является также и недостаточная мобильность в области обмена научной информацией с зарубежными буддологами. Так, успехи японских и китайских буддологов, которых они добились в настоящий период, так и не стали, по большому счету, достоянием российской науки. Тем не менее работа в данном направлении ведется, определенные наработки сделаны по персоналиям. При этом стоит признать, что фактически, за исключением знакомых еще с советских времен имен Судзуки, Фэн Юланя и некоторых других, для российского читателя зарубежная восточная буддология по большей части остается малоизвестной. Между тем невозможно оспорить тот факт, что достижения японской, китайской, западноевропейской, американской буддологии позволяют вывести исследования на качественно новый уровень понимания процесса эволюции буддизма в странах Центральной и Юго-Восточной Азии.

В сборнике статей «Буддизм в контексте диалога культур» поднят ряд актуальных вопросов современной буддологии. Авторы статей из России, Америки, Индии и других стран говорят о волнующих современную науку проблемах и перспективах развития буддологии. Тематика вопросов, актуализированных в сборнике, получилась крайне широкой.

Авторы статей подняли целый ряд проблем, связанных с развитием буддизма в современном обществе: история и политика (Б. В. Базаров, И. С. Урбанаева, Л. Л. Абаева, Д. Д. Амоголонова, Л. Б. Четырева, Л. Б. Жабаева, Д. С. Жамсуева, Т. Б. Бадмацыренов, О. Р. Халтаева, В. В. Лыгденова, Цетан Намгьял), историография (Л. Е. Янгутов), духовность и этика (Р. Турман, Самдонг Ринпоче, Нгаванг Самтен, Е. Г. Урбанаева), искусство (Е. А. Кий, И. Р. Гарри, А. Ж. Бальжурова, С. Б. Бардалеева, Т. А. Бороноева), образование (С. П. Нестеркин, Марью Бродер), проблемы сознания (С. Ю. Лепехов, Д. В. Аюшеева, Н. В. Пупышева), этнорелигиозные движения (А. А. Знаменский), религиозная практика (С. Г. Жамбалова), буддизм и наука (В. В. Дубич, П. П. Дашинимаева, Д. С. Сандитов, Э. Ч. Дарибазарон), письменные источники, буддийский канон (А. В. Лощенков, Ч. Ц. Цыренов), гендерное равенство (Карма Лекше Цомо) и др. В статьях освещается целый комплекс дискуссионных проблем, актуальных для современного состояния исследований в области буддизма.

Сборник интересен также и статьями представителей «живой» традиции буддизма: достопочтимых монахов Самдонга Ринпоче, Нгаванга Самтена, И. С. Урбанаевой, Кармы Лекше Цомо др. Их участие позволяет не только анализировать ситуацию с точки зрения сугубо научных позиций, но и видеть положение дел «изнутри», привлекая богатую эмпирическую компетенцию буддийских практиков. Вообще, активное внедрение в научный процесс представителей «живой» традиции буддизма – лам, наставников, учителей – является знаковым явлением нашего времени. Они используют научные подходы и, обладая богатым запасом практических сведений в сочетании с академическими, значительно обогащают систему научных знаний.

Социокультурные изменения, которые происходят с развитием человека и общества, неизбежно приводят и к необ-

ходимости разрешения проблемы взаимоотношений буддизма и власти. Один из факторов, выступающих катализатором в данном вопросе, – это возрастание роли религии в современном мире и в России в частности. Религиозные институты на сегодня являются активными участниками общественной жизни, представляющими зачастую если не решающую, то, во всяком случае, важную общественную силу.

С проблемой взаимоотношений с властью связан вопрос, имеющий сугубо политическую подоплеку – так называемый «тибетский». В силу сложившихся условий историко-культурной действительности эта проблема имеет особое значение для Бурятии. Как пишет Л. Е. Янгутов, благодаря активной проповеднической, образовательной, миротворческой деятельности Далай-ламы XIV, интерес европейских и американских исследователей сместился из области китайского буддизма к изучению буддийских источников на тибетском языке [9, с. 48, 49]. И это действительно так. Роль Его Святейшества Далай-ламы XIV в современных общественно-политических процессах, следует признать, весьма значительна. Его личность вызывает живой интерес исследователей Запада, что сопровождается вниманием не только к «тибетскому вопросу», но и к тибетскому направлению буддизма в целом.

Л. Е. Янгутов отмечает, что «большому вниманию к тибетским источникам способствует версия, озвученная тибетскими религиозными и научными деятелями, об аутентичности тибетских источников, которые наиболее точно и полно передают изначальный смысл учения Будды» [Там же, с. 51]. Собственно, о том же говорит и И. С. Урбанаева в статье «Единство буддийской философии и медитации, знания и веры: Его Святейшество Далай-лама XIV и традиция Наланды». Автор утверждает, что именно тибетская система, высокое значение в которой традиционно сохраняет тради-

ция Наланды, позволила сформировать систему аутентичной презентации буддийского учения [8, с. 67]. Добавим также, что сам Далай-лама часто обращает внимание последователей на важность научного подхода в понимании буддизма.

К проблемам отечественной буддологии, поднятым в сборнике, можно отнести и недостаточное освоение источникового материала. О важности и необходимости изучения буддийских источников, что составляет фундамент классической буддологии, пишет Л. Е. Янгутов: «По уровню развития источниковедческих работ можно судить и об уровне буддологических исследований» [9, с. 46].

Профессор Р. Турман отмечает другую исключительно важную для современного общества проблему – проблему взаимодействия буддизма и так называемой «индустриальной культуры». Он подвергает сомнению ценность индустриальной современности и индустриального развития, нанесшего, по сути, непоправимый урон природному состоянию планеты [7, с. 17–18].

Проблема буддизма и экологии – исключительно перспективное научное направление. Буддийские принципы о взаимозависимости человека и окружающей среды, о тождестве, неразрывности и единстве всего сущего, характерное для буддизма экологическое мышление, природосберегающие принципы – все это предстоит тщательно изучать в ближайшем будущем. Как отмечается в статье Б. В. Базарова, «необходимо выявить, насколько эффективны эти базовые моральные принципы в решении экологических проблем третьего тысячелетия» [2, с. 11]. Анализируя проблему, исследователь приходит к выводу, что «главная причина экологических катаклизмов – в природе самого человека. Буддизм имеет огромные возможности воздействия на эту природу» [Там же].

Происходящие в разных областях жизни людей изменения диктуют необ-

ходимость новых подходов и в самом научно-исследовательском процессе. Речь идет об активно трансформирующемся информационном обществе. В условиях нового информационного пространства возникает необходимость внедрения и использования современных технологий, создания электронных библиотек, баз данных, буддийских словарей и энциклопедий. В действительности, данное направление активно осваивается зарубежными коллегами – к примеру, создание электронной версии буддийского канона [4, с. 370–379]. Применение новых технологий в значительной степени облегчает доступ читателя к любой существующей по буддизму литературе.

В сборнике поднимается еще один насущный вопрос. Белым пятном современной науки является деятельность выдающихся бурятских просветителей Агвана Доржиева, Цыбена Жамцарано, Базара Барадийна и др., получившая высокую оценку тибетских исследователей. Ректор Университета буддийско-индийских исследований Санчи профессор Самдонг Ринпоче высоко оценивает деятельность Агвана Доржиева в деле установления социальных и культурных контактов между Россией и Тибетом [6, с. 27].

Общественная деятельность Агвана Доржиева и др. известна широкому кругу людей. Между тем научный вклад этих просветителей, ценность которого признается исследователями, остается недостаточно изученным – примером тому могут служить работы Б. Барадийна о монастырях Тибета.

Влияние научно-просветительских идей А. Доржиева можно проследить в творчестве Бидии Дандарона, которому по-прежнему нет достаточно объективной научной оценки. Интерес к его наследию активизировался в постсоветские годы. Так, в 90-х гг. XX в. вышел ряд статей о его деятельности. Однако на сегодняшний момент исследования в этом направлении ведутся в недостаточном объеме.

На проблему трансформации буддийской системы образования в современных условиях обращают внимание в своих статьях Б. В. Базаров [2, с. 8–15] и С. П. Нестеркин [5, с. 76–86]. Традиция буддийского образования исключительно значима для буддийской культуры – это стержень буддийского мировоззрения, позволяющий в течение тысячелетий сохранять целостность и преемственность буддийской системы. При этом важно заметить, что буддийская концепция образования сохраняет в себе на протяжении всего времени развития и черты традиционного образа жизни [2, с. 13]. По мнению исследователя, именно сейчас актуален вопрос, «сможет ли буддизм в третьем тысячелетии предложить новые формы образования, как оно ответит на вызовы третьего тысячелетия, как оно будет соотноситься со светским образованием, как будут представлены его ценности в светском образовании» [Там же].

По-прежнему не теряет своей актуальности буддийская интерпретация вопроса о положении женщины. О гендерном равенстве пишет в своей статье Карма Лекше Цомо [3, с. 344–369].

В сборнике анализируется роль религии в современном геополитическом пространстве как фактора объединения этноса (на примере монгольских народов). Л. Л. Абаева в своей статье «Трансформация буддийской теории и практики в геополитическом пространстве монгольских народов» [1, с. 173–180], анализируя особенности процесса эволюции буддийской религиозной культуры, отмечает консолидирующую функцию буддизма в странах его распространения. В рамках монгольской общности буддизм выступает в качестве фактора самоидентификации этноса. По словам автора, буддийская культура «играла и продолжает играть в цивилизационном отношении огромную роль в консолидационных и адаптационных процессах, которые на сегодняшний день мы называем глобализационными тенденциями современного мира» [Там же, с. 174]. Доказательства

высказанного положения можно найти практически во всех статьях сборника. Совершенно верной считаем идею, в очередной раз высказанную профессором Самдонгом Ринпоче, о нежелательности классификации религиозной традиции, в данном случае буддизма, по региональному, географическому или этническому принципу [6, с. 28].

Отметим, что выше обозначен далеко не весь перечень проблем, актуальных для современной буддологии. Затронув только часть тем, поднятых в сборнике, мы можем констатировать факт, что перед научным миром стоит целый ряд нерешенных задач. Спектр вопросов, которыми занимаются нынешние исследователи и с которыми предстоит столкнуться в ближайшей перспективе, на самом деле намного шире. В условиях современного глобализирующегося мирового пространства проблемы буддологии находятся в тесной связи с насущными экономическими и политическими проблемами. И от их решения в не меньшей степени, чем от экономики и политики, зависит судьба человечества.

От ответов на эти вопросы также во

многом зависит и судьба самого буддизма – сохранит ли он свою жизнеспособность? Не утратит ли он под влиянием современного индустриального общества свою идейную сущность?

Историческая ретроспектива дает надежду на благоприятное развитие событий. Проявляемая на протяжении столетий удивительная адаптивность буддизма, его умение соответствовать требованиям любого времени и общества без потерь для собственной мировоззренческой концепции доказывают, что буддизм в обозримом будущем по-прежнему будет занимать важное место в обществе и умах людей и привлекать активное внимание научного мира.

Важнейшая роль буддизма в условиях современного общества – представлять традиционную систему мировоззрения, при этом проявляя достаточно высокую степень гибкости и толерантности в отношении меняющегося мира и условий жизни. Нравственные, этические, философские принципы буддизма – это гарант сохранения преемственности традиционных ценностей человечества.

Литература

1. *Абаева Л. Л.* Трансформация буддийской теории и практики в геополитическом пространстве монгольских народов // Буддизм в контексте диалога культур: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – С. 173–180.
2. *Базаров Б. В.* Буддизм в условиях изменяющегося мира // Буддизм в контексте диалога культур: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – С. 8–15.
3. *Карма Лекше Цомо.* Понятийные сдвиги: буддизм и пол в изменяющемся мире // Буддизм в контексте диалога культур: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – С. 344–369.
4. *Марью Бродер.* Электронная китайская буддийская энциклопедия – проект Велло Вартноу // Буддизм в контексте диалога культур: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – С. 370–379.
5. *Нестеркин С. П.* Трансформация традиционной системы буддийского образования в контексте процессов глобализации // Буддизм в контексте диалога культур: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – С. 76–86.
6. *Самдонг Ринпоче.* Вызовы, которые принимают буддизм и тибетское сообщество в современном мире // Буддизм в контексте диалога культур: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – С. 26–33.
7. *Турман Р.* Вклад буддизма в глобальную цивилизацию в контексте современного мирового кризиса: где мы находимся? Что мы должны делать? Каковы перспективы успеха или

поражения? // Буддизм в контексте диалога культур: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – С. 16–25.

8. *Урбанаева И. С.* Единство буддийской философии и медитации, знания и веры: Его Святейшество Далай-лама XIV и традиция Наланды // Буддизм в контексте диалога культур: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – С. 60–75.

9. *Янгутов Л. Е.* Исследования по буддизму Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в контексте мировой буддологии и диалога культур // Буддизм в контексте диалога культур: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – С. 45–59.

УДК 001(571.54)

ББК 72(2Р54)

В. Ц. Лыксокова, Г. Д. Базарова

**ХРОНИКА СОБЫТИЙ И ФАКТОВ О БУРЯТСКОМ
НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ СО РАН*. Ч. 2.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЦЕНТРА.
НАУКА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА (1981–2000 ГГ.)**

В хронике представлена история Бурятского научного центра СО РАН, составленная на основе ранее не опубликованных архивных документов из фонда «Бурятский филиал СО АН СССР – Бурятский научный центр СО РАН». Здесь даны сведения, отражающие наиболее значимые факты, события в жизни академического центра Бурятии, приведенные в конкретных датах, цифрах за период с 1981 по 2000 г.

Ключевые слова: Сибирское отделение РАН, Бурятский филиал АН СССР, Бурятский научный центр, институты СО РАН, научное сотрудничество, научные издания, научные программы, научные сессии, научные конференции, зарубежные делегации, экспедиции, выставки, стационары, кадровый потенциал, социально-бытовые объекты.

V. Ts. Lyksokova, G. D. Bazarova

**THE CHRONICLE OF EVENTS AND FACTS ON THE BURYAT
SCIENTIFIC CENTER OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. PART II.
ENHANCEMENT OF THE SCIENTIFIC INSTITUTES.
SCIENCE IN THE TIMES OF CRISIS (1981–2000)**

This chronicle presents the history of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences compiled on the basis of previously unpublished archival documents of the Fund “The Buryat Division of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR – the Buryat Scientific Center of SB RAS”. Information reflecting the most important facts and events in the life of the academic center of Buryatia listed in specific dates and figures for the period from 1981 to 2000 is provided here.

Keywords: Siberian Branch of RAS, Buryat Branch of AS of the USSR, the Buryat Scientific Center, Institutes of SB RAS, scientific cooperation, scientific publications, research programs, scientific session, scientific conferences, foreign delegations, expeditions, exhibitions, stations, human resources, social.

1981 год

— В мае – июне в филиале в командировке находились ученые Г. Бетленфалви (АН ВНР), Лючиана Габриэли (Швейцария).

– В июне ИЕН совместно с Институтом неорганической химии СО АН СССР проведена III Всесоюзная школа по физико-химическим основам получения материалов электронной техники (д. 362, л. 10).

ЛЫКСОКОВА Вера Цэдэшиевна – доктор исторических наук, заведующая научным архивом БНЦ СО РАН. E-mail: lverased@yandex.ru.

БАЗАРОВА Галина Дашиевна – кандидат исторических наук, врио председателя Президиума БНЦ СО РАН. E-mail: gdbazarova@mail.ru.

* Продолжение. Начало см.: Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2016. – № 3 (23). – С. 179–189.

– Постановлением Президиума СО АН СССР от 22 сентября 1981 г. № 508 отдел биологии БФ СО АН СССР преобразован в Институт биологии БФ СО АН СССР. Директором назначен чл.-корр. ВАСХНИЛ Э. Л. Климашевский (д. 1324, л. 1).

– 23–25 сентября филиал принимал участие в проведении III Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам хозяйственного освоения зоны БАМ, организованной научным советом АН СССР совместно с Бурятским обкомом КПСС, СМ БурАССР, СО АН СССР (д. 362, л. 9).

– 29 декабря 1981 г. М. В. Мохосоев избран членом-корреспондентом АН СССР по отделению физикохимии и технологии неорганических материалов на вакансию для Сибирского отделения (д. 649 л/с).

– ИЕН посетила группа ведущих сотрудников и руководящих работников Министерства машиностроения СССР с целью ознакомления с работами по созданию новых материалов спецтехники (д. 362, л. 6).

– Филиал представил планшеты «Охрана окружающей среды оз. Байкал», «Птицы Забайкалья» на выставке в ФРГ (д. 362, л. 10).

– Между ИЕН БФ СО АН СССР и Институтом полимеров Польской академии наук и Будапештским политехническим институтом подписан план совместных работ на 1981–1983 гг. по теме «Поликонденсация» (д. 362, л. 10).

– Для выполнения научной работы по буддизму и культуре народов Центральной Азии к.ф.н. Н. Д. Болсохоева находилась 1 месяц в командировке в Непале (д. 362, л. 11).

– Филиал посетила делегация буддистов из Западной Бенгалии, Японии и писатель Франклин Фолсома (США) (д. 362, л. 11).

– В 1981 г. сотрудники филиала осуществили 9 заграничных командировок в МНР, ВНР, ПНР и ГДР для установления на-

учных контактов, сбора научных материалов, участия в конференциях (д. 396, л. 2).

– Завершено строительство дома малосемейного типа по ул. Солнечная, 6, где 53 сотрудника филиала получили квартиры (д. 539, л. 17).

1982 год

– 30 июня состоялась юбилейная научная сессия, посвященная 25-летию Сибирского отделения АН СССР, на которой с докладом выступили председатель СМ БурАССР В. Б. Саганов, заместитель председателя Президиума СО АН СССР академик А. А. Трофимук, председатель Президиума БФ М. В. Мохосоев, директор Авиационного завода Ю. Н. Кравцов и др. (д. 429, л. 1–2)

– 9–12 августа в ИОН работал с тибетскими ксилографами профессор университета штата Индиана, директор Тибетского культурного центра в США, буддолог и тибетолог Тубдэн Жигмед Норбу (д. 441, л. 7).

– 18 августа к.б.н. М. А. Ембаева (н.с. ГИН) принимала участие в заседании специальной группы по лагоморфам Международного союза охраны природы в г. Хельсинки (Финляндия) (д. 441, л. 4).

– В октябре экспонаты Института биологии БФ демонстрировались на национальной выставке СССР, посвященной 60-летию образования СССР, экспонирующейся в г. Дюссельдорфе (ФРГ) (д. 441, л. 5).

– Филиал с кратковременными визитами посещали писатель Рауль Лара (Аргентина), журналист, член совета общества «Франция – СССР» Роже Шернье (Франция), журналист Масару Маруяма (Япония), ученый-историк Вакио Фудзимото (Япония), делегация из 15 человек по линии Совета по делам религии и культуры РСФСР, гости из Вьетнама, Кампучии, администрации Далай-ламы в Индии (д. 441, л. 7).

1983 год

– В июне ИОН проведена Всесоюзная конференция «Диалектика социального отражения и региональные проблемы науки и культуры» (д. 461, л. 9).

– В июле состоялось Всесоюзное совещание по распространению УКВ и электромагнитной совместимости (д. 461, л. 8).

– В августе работала Всесоюзная научная сессия по проблеме «Критерии отличия метаморфогенных и магматогенных гидротермальных месторождений» (д. 461, л. 8).

– В сентябре филиал посетила делегация из Японии в составе ученых-генетиков, медиков и антропологов К. Цудзи, Х. Мацумото, И. Накао, Т. Такахаси (д. 461, л. 8).

– В октябре прошли Всесоюзное совещание по химии и технологии молибдена и вольфрама и региональная конференция «Хангаловские чтения-83» (д. 461, л. 8).

– На международных книжных выставках в Москве и ФРГ экспонировались макеты атласа индо-тибетской медицины и атласа «Птицы Байкала» (д. 461, л. 9).

– По плану эквивалентного обмена АН СССР и АН социалистических стран в филиал приняты ученые: С. Шинкевич (ПНР), Л. Беше (ВНР) – в ИОН, Х. Лунк (ГДР) – в ИЕН, З. Балла (ВНР) – в ГИН (д. 461, л. 10).

– В составе совместных геологических и археологических экспедиций исследования на территории МНР проводили 6 сотрудников филиала и 1 сотрудник работал в Непале (д. 461, л. 10).

– В полевой период экспедиционные работы проводились 48 отрядами, в которых работали 456 человек. Средняя продолжительность работы отрядов составила от 3 (ГИН) до 7 (ИЕН) месяцев. Работа экспедиций обеспечивалась 39 автомашинами. Общие затраты составили 278 тыс. руб. (д. 461, л. 12)

– В подразделениях филиала насчитывается более 300 молодых сотрудников в возрасте до 33 лет. Научные работы

некоторых отмечены дипломами и премиями. Первой премии и грамоты республиканского НТО и Бурятского обкома ВЛКСМ удостоен Э. Дамбуев (Институт биологии) за работу «Защитное лесоразведение в Бурятии». Медалью «Изобретатель СССР» награжден м.н.с. ИЕН А. Семенов. Лауреатом премии Ленинского комсомола стал преподаватель кафедры философии филиала Л. Е. Янгутов (д. 461, л. 11).

– В 22 секциях МАН обучались 342 школьника. 5 членов МАН участвовали в работе Всесоюзной школы «Юный программист», организованной ВЦ СО АН СССР. Несколько членов МАН приняли участие во Всесибирской олимпиаде юных геологов в г. Новосибирске и в работе лагеря «Юный эколог» в Иркутской области (д. 461, л. 11).

– Филиал принимал участие в разработке методических указаний к семи целевым программам экономического и социального развития БурАССР на 1986–1990 гг. по линии координационного совета при Бурятском обкоме КПСС (д. 461, л. 7).

– На 1 декабря 1983 г. общая численность работающих, включая службу АХЧ, составила 1024 человека, научных сотрудников – 311, 1 чл.-корр. АН СССР, 1 чл.-корр. ВАСХНИЛ, 18 докторов наук, 175 кандидатов наук (д. 461, л. 2).

– Домоуправление БФ СО АН СССР обслуживает три 80-квартирных дома, один 30-квартирный дом, дом мало-семейного типа и общежитие (д. 461, л. 16).

– Детский комбинат «Кристаллик» на 280 мест обеспечивает детей сотрудников филиала. Введена в эксплуатацию теплица, где в 1983 г. комбинат получил 850 кг овощей (д. 461, л. 17).

1984 год

– ИЕН, ИБ и ОСЭИ представили 11 работ на выставку «Человек и биосфера в СССР», организованную Советским национальным комитетом ЮНЕСКО «МАБ» на ВДНХ. Работы отмечены 3 се-

ребряными, 6 бронзовыми медалями и 8 дипломами ВДНХ (д. 502, л. 8).

– Постановлением Главного комитета ВДНХ от 11 ноября 1984 г. № 664 за участие на выставке по павильону «Биология АН СССР», в экспозиции «Развитие исследований по программе ЮНЕСКО “Человек и биосфера”» серебряными медалями награждены сотрудники ИБ БФ СО АН СССР Надмит Бадмаевич Намжилов, Роза Тарасовна Матурова, бронзовыми – Матвей Александрович Шаргаев, Хишикто Раднаевич Будаев, Тамара Анатольевна Асеева, Цеза Александровна Найдакова, Валерий Андреевич Вторушин (д. 1323, л. 18).

– 26 декабря 1984 г. Н. Л. Добрецов избран членом-корреспондентом АН СССР (д. 1153 л/с, л. 10).

– По плану совместных НИР филиала с Минвузом РСФСР, Уральским и Дальневосточным научными центрами АН СССР разработано 20 тем (д. 502, л. 6).

– ИЕН проводил совместные НИР с Государственным университетом МНР, МГУ, ИГУ, ЯГУ, вузами г. Улан-Удэ (д. 502, л. 7).

– ИОН совместно с ИИФиФ СО АН СССР и вузами Сибири и Дальнего Востока подготовлено 3 тома серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (д. 502, л. 7).

– Проведена Всесоюзная конференция «История строительства БАМ» (д. 502, л. 7).

– В составе различных экспедиций участвовали 9 сотрудников, на международных конференциях, совещаниях, симпозиумах – 19 сотрудников. Опубликовано 45 работ в Великобритании, США, Индии и странах СЭВ. В течение года филиал посетили делегации из Индии, Шри-Ланки и США, профессора К. Вудворд, Д. Норбу (США), Банно (Япония) и ученые АН ГДР, НРБ и МНР (д. 502, л. 8).

– При Президиуме начала функционировать лаборатория организации научных исследований (ЛОНИ) в составе 8 человек для изучения научного потенциала республики, разработки критериев

оценки и путей повышения эффективности НИР (д. 502, л. 11).

1985 год

– 23 августа административные здания Улан-Удэнского РК КПСС, исполкома и РК ВЛКСМ по ул. Сахьяновой, 4 переданы в ведение филиала взамен здания по ул. Кирова, 35 (д. 554 л. 1).

– 7 декабря введена в эксплуатацию теплая стоянка на 50 автомашин (д. 554б, л. 1).

– В филиале состоялось совещание координационного совета «Цветные металлы и агроруды» (д. 539, л. 14).

– Работа сотрудника ГИН А. Л. Ковалевского с соавторами «Безбарьерные биогеохимические поиски месторождений полезных ископаемых» удостоена III премии на конкурсе прикладных работ СО АН СССР (д. 539 л. 14).

– ИОН принял участие в подготовке во Франции выставки «Традиционное искусство бурят в XIX–XX вв.» (д. 539, л. 15).

1986 год

– Научные учреждения филиала вели исследования по 45 темам, в т. ч. по различным разделам программы «Сибирь» – 19, по постановлениям ГКНТ и координационным планам – 13 (д. 576, л. 5).

– При обкоме КПСС Бурятской АССР создан совет содействия научно-техническому прогрессу в составе первого секретаря ОК КПСС А. М. Белякова, председателя Президиума БФ СО АН СССР, чл.-корр. АН СССР М. В. Мохосова и др. (д. 576, л. 11)

– На ВДНХ «Наука–техника-86» демонстрировались работы ИЕН и ИБ. Сотрудники награждены 1 серебряной, 9 бронзовыми медалями (д. 576, л. 12).

– На годичную стажировку в КНР по линии Минвуза СССР направлен Г. Б. Дагданов (д. 576, л. 12).

– Молодые сотрудники филиала приняли участие в работе 52 Всесоюзных и региональных научных конференций и

школ, в т. ч. на международном симпозиуме XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции, посвященной вопросам тюркологии (г. Ташкент) (д. 576, л. 14).

– За активную работу в воспитании подрастающего поколения молодые сотрудники филиала Б. Дашибалов и И. Ащепков награждены почетными грамотами ЦК ВЛКСМ (д. 576, л. 14).

– В полевой период экспедиционные работы проводились 54 отрядами, в которых работали 448 человек. Работа экспедиций обеспечивалась 41 автомашиной. Общие затраты составили 229 тыс. руб. Сотрудниками ИЕН по материалам аэроэлектроразведочных работ составлены и переданы геофизической экспедиции «Якутскгеология» карты и графики эффективного сопротивления Алданского нагорья. Отрядами археологической экспедиции ИОН раскопано 22 погребальных комплекса хуннского и позднесредневекового периодов (д. 461, л. 15–16).

– На 1 декабря 1986 г. общая численность работающих, включая службу АХЧ, составила 1112 человек, научных сотрудников – 370, научно-технических – 334, 1 чл.-корр. АН СССР, 1 чл.-корр. ВАСХНИЛ, 16 докторов наук, 194 кандидата наук (д. 576, л. 3).

– Санаторно-курортное лечение получили 56 человек, из них по бесплатным путевкам – 4, по льготным – 50, за полную стоимость – 2 человека. В дома отдыха выделено 37 путевок, из них бесплатных – 6, льготных – 15 (д. 576, л. 20).

1987 год

– 15 апреля 1987 г. председателем Президиума БФ СО АН СССР избран чл.-корр. АН СССР Н. Л. Добрецов. Он руководил филиалом непродолжительный период. За время его руководства Президиум АН СССР принял постановление «О перспективах развития Бурятского филиала СО АН СССР на период до 2000 г.», которое существенно расширило функции ведущего академического учреждения как координатора научных

исследований в регионе, и наметил долгосрочные перспективы его развития (д. 1153 л/с, л. 13; Научные центры СО РАН. Новосибирск, 2006. С. 55).

– Распоряжением Президиума СО АН СССР от 8 июня 1987 г. созданы кафедры философии и иностранных языков БФ СО АН СССР (д. 1324, л. 3).

– Опубликовано в различных издательствах 26 монографий, 15 тематических сборников. Самостоятельно, минуя книжные издательства, выпущено 2 монографии, 11 научных сборников. Научными сотрудниками подготовлен 331 доклад, из них на международных симпозиумах – 32, на Всесоюзных конференциях – 141, на региональных – 158 докладов. Подано заявок на изобретения – 26, получено 7 авторских свидетельств и 15 положительных решений (д. 604, л. 6).

– По итогам социалистического соревнования по достойной встрече Великой Октябрьской социалистической революции Почетными грамотами ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС награждены Т. М. Михайлов (ИОН), И. Н. Резанов (ГИН) (д. 604, л. 7).

– Проведены научные конференции «Лекарственные растения в традиционной и народной медицине», «Санжеевские чтения», «Вопросы социалистической революции и переходного периода к социализму в Бурятии» и др. (д. 604, л. 12)

– ИОН, ОЭИ, ГИН принимали участие в выставках «Советская Бурятия» в Саппоро (Япония), «Бурятская АССР в братской семье народов СССР» в Дамаске, «Сибирь и наука» в Будапеште (ВНР) (д. 604, л. 12).

– Молодыми сотрудниками ИОН в школе № 20 организован клуб текущей политики, в ГИН проведен сбор игрушек и книг для дома ребенка (д. 604, л. 13).

– В филиал прибыли 36 зарубежных гостей из США, Японии, Франции, ВНР, ПНР и других стран. 28 сотрудников филиала осуществили заграничные командировки в Японию, Непал и страны СЭВ (д. 539, л. 15).

– В результате полевых работ сотрудников ГИН в МНР открыт фосфоритовый бассейн и два перспективных рудопроявления цеолитов. Е. В. Складаров, Н. Л. Добрецов, А. А. Шафеев принимали участие в работе международного проекта «Доюрская эволюция Азии» (д. 604, л. 16).

– Сотрудниками метрологической службы отремонтировано 188 и проверено 200 приборов (д. 604, л. 20).

– Коллектив автобазы состоит из 75 человек, парк автомобилей насчитывает 90 транспортных единиц разных марок и назначения (23 вида) (д. 604, л. 20).

– Фельдшером здравпункта принято 3395 человек, произведено 3392 процедуры. В предполевой период вакцинировано против клещевого энцефалита 40 человек, ревакцинирован – 131 человек. Санаторно-курортное лечение получили 48 человек, диетпитание – 40 человек из 120 нуждающихся. План по донорству выполнен на 100 % (160 чел.). Прочитано 23 лекции, выпущено 8 санбюллетеней. При здравпункте начали функционировать физио- и стоматологический кабинеты (д. 604, л. 22).

– Ясли-сад «Кристаллик» посещают 378 детей сотрудников филиала. Обслуживающий персонал составляют 70 человек, все воспитатели со специальным образованием. Функционируют медкабинет, физиокабинет, кабинет ЛФК, музыкальный зал. В теплице сада выращено 957 кг овощей для питания детей (д. 604, л. 22).

– Постановлением общего собрания АН СССР от 23 декабря 1987 г. № 48 Николай Леонтьевич Добрецов избран действительным членом АН СССР (академиком) (д. 696 л/с, л. 93).

1988 год

– Постановлением Президиума СО АН СССР и бюро Бурятского обкома КПСС от 28 апреля 1988 г. при Президиуме БФ СО АН СССР организован отдел проблем прочности и надежности (д. 650, л. 6).

– В соответствии с распоряжением Президиума АН СССР от 26 мая 1988 г. БИЕН и ГИН заключили 3 договора о сотрудничестве с политехническим институтом и институтами АН МНР, контракт с международной геологической экспедицией в Улан-Баторе, соглашение о научном сотрудничестве с Чаньчунским геологическим институтом (КНР) (д. 650, л. 11).

– 21–26 августа впервые в СССР состоялся XVI международный симпозиум по автордиографии (ГИН), в котором участвовали представители из СФРЮ (4 чел.), ЧССР (5 чел.), ПНР (5 чел.), ГДР (13 чел.), ВНР (5 чел.), НРБ (1 чел.) (д. 650, л. 6).

– Постановлением Президиума АН СССР от 25 октября 1988 г. № 1137 БФ СО АН СССР преобразован в Бурятский научный центр СО АН СССР (д. 1325, л. 2).

– Сотрудниками научных учреждений филиала опубликовано 468 работ, из них в зарубежных изданиях – 27, центральных советских – 336, монографий – 23, тематических сборников – 19 (д. 650, л. 4).

– Сотрудниками филиала получено 11 авторских свидетельств СССР на изобретение. Нагрудный знак «Изобретатель СССР» получил сотрудник БИЕН А. Г. Сумкин за устройство для получения фибрина, внедренное на Улан-Удэнском мясокомбинате (д. 650, л. 4).

– Научными учреждениями БНЦ проведены: международное совещание по МПК «Метаморфизм и гранитизация» (ГИН), советско-монгольский симпозиум «Региональные и национальные особенности образа жизни и использование бюджета времени населения СССР и МНР» (БИОН), советско-французский коллоквиум «Проблемы развития национальных культур народов Сибири и Дальнего Востока в условиях индустриализации и урбанизации» (БИОН) (д. 650, л. 9).

– Для участия в различных международных научных мероприятиях, ведения совместных научных исследований за

рубеж выезжали более 70 сотрудников. Институты центра приняли 72 ученых из Франции, Финляндии, Чехословакии, ГДР, ВНР, МНР, Югославии, Канады, США, Англии, включая международные мероприятия (д. 650, л. 11).

– Научные сотрудники ГИН продолжили исследования Джидинского, Зун-Холбинского, Ирокидинского и других месторождений Забайкалья, изучение геологического строения МНР (д. 650, л. 14).

– Научные подразделения центра проводили совместные исследования с АН социалистических стран по 13 темам. Геологический институт в рамках двустороннего договора АН СССР и АН МНР занимался изучением территории МНР, Институт биологии продолжил участие в многолетних работах двух советско-монгольских экспедиций: комплексной биологической и Хубсугульской экспедиции, где ввелись исследования по паразитологии гидробионтов оз. Хубсугул (д. 650, л. 10–11).

– БИОН принял участие в подготовке Всероссийской выставки «Дети народностей Севера: жизнь и творчество», которая экспонировалась в Ленинграде, Новосибирске, Квебеке (Канада) (д. 650, л. 10).

1989 год

– 6 апреля центру выдан государственный акт на право бессрочного и бесплатного пользования землей (0,1 гектара) в с. Монахово Баргузинского района для проведения лабораторных работ (д. 697, л. 1).

– 26–30 июня состоялось совещание научного совета по функциональной электронике Министерства связи СССР и БНЦ СО АН СССР по проблеме «ВТСП-электроника» (д. 1285, л. 1).

– Постановлением Президиума АН СССР от 27 июня 1989 г. № 579 Бурятский институт естественных наук, Институт биологии, Геологический институт, Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР

переименованы в институты Сибирского отделения АН СССР (д. 1324, л. 5).

– Постановлением Президиума СО АН ССР от 27 октября 1989 г. № 488 председателем Президиума БНЦ СО АН СССР был назначен д.ф.н., профессор Василий Цыренович Найдаков. В период его руководства Бурятский научный центр, как все другие научные центры, столкнулся с проблемой сохранения инфраструктуры, оттоком кадров, нехваткой финансирования и т. д. В этих условиях Президиум БНЦ выработал особую программу действий, которая учитывала новые реалии. В Республике Бурятия был создан Фонд науки, а с 1993 г. курировать науку стало Министерство образования РБ. Исполнительные органы государственной власти РБ выстраивали научно-техническую политику региона, опираясь на наработки ученых БНЦ, и ставили одним из основных приоритетов своей деятельности задачу поддержки научного и образовательного потенциала (д. 1152 л/с, л. 27; Научные центры СО РАН. Новосибирск, 2006. С. 56).

– Распоряжением Президиума СО АН СССР от 25 декабря 1989 г. № 15000-1032 с 1 января 1990 г. образовано автотранспортное предприятие (АТП) БНЦ СО РАН на основе действующей автобазы (д. 1326, л. 1).

– Научные учреждения центра вели исследования по 50 темам, в т. ч. по различным разделам программы «Сибирь» – 13, по постановлениям ГКНТ – 11, по координационным планам – 2 (д. 690, л. 3).

– По плану выпуска научных изданий в издательстве «Наука» опубликована 1 монография, в Сибирском отделении издательства «Наука» – 11 монографий, 4 сборника научных трудов. В местном издательстве опубликовано 3 монографии при плане 6 монографий (д. 690, л. 4).

– Научными подразделениями проведены международный «круглый стол» монголоведов «История и культура монголоязычных народов: источники и традиции», «Цыбиковские чтения» (БИОН), международный симпозиум «Перспекти-

вы использования компьютеров в изучении тибетской медицины» (ИБ, БИЕН), научно-практическая конференция «Перестройка и дальнейшее совершенствование интернационального воспитания трудящихся» (Бурятский ОК КПСС, ОСЭИ) и др. (д. 690, л. 7).

– БИЕН принял участие в выставке «Информатика-90» в Болгарии (д. 690, л. 7).

– Для участия в работе различных международных научных мероприятий, ведения совместных научных исследований за рубеж выезжали более 77 сотрудников. Институты приняли 140 гостей и ученых из Японии, Италии, Финляндии, Австралии, Великобритании, ФРГ, КНР, ВНР, МНР, ПНР, НРБ, Канады, включая международные мероприятия (д. 690, л. 8).

– Научные поиски и исследования институтов активно стали отражаться на бурятском телевидении, в радиопередачах, республиканских газетах и журналах. В 1989 г. сотрудниками БНЦ в центральной, республиканской печати опубликовано более 150 материалов, около 100 прозвучали по радио и телевидению (д. 690, л. 9).

– Для экспедиционных работ было сформировано 40 отрядов, в которых работали 300 человек. Работа экспедиций обеспечивалась 52 автомашинами. Полевые работы велись в Мухоршибирском, Джидинском и других районах республики, где объектами исследований были хуннские поселения. Археологи участвовали в международной антропологической экспедиции «Петефи» в Баргузинском районе. Совместные советско-монгольские экспедиции работали в Хэнтэйском и Восточно-Гобийском аймаках МНР (д. 690, л. 10).

– На кафедре иностранных языков (Е. О. Хундаева) обучались 90 чел. 1–2 раза в месяц проводились заседания клуба любителей иностранных языков. Преподавателями кафедры проведено 15 семинаров лингво-теоретического и методического характера (д. 690, л. 11).

– На 1 декабря 1989 г. общая численность работающих составила 1223 человека, научных сотрудников – 459, научно-технических – 359, 1 чл.-корр. АН СССР, 30 докторов наук, 224 кандидата наук (д. 690, л. 2).

– На балансе автобазы состоит 100 автомашин, в т. ч. 59 экспедиционных, 5 единиц спецтехники (автокраны, погрузчики). Работают 79 человек (д. 690, л. 14).

1990 год

– Распоряжением Президиума БНЦ СО АН СССР от 9 января 1990 г. автобаза (АТП) БНЦ переведена на хозрасчет (д. 700, л. 3).

– Распоряжением Президиума БНЦ СО АН СССР от 28 февраля 1990 г. научным подразделениям впервые распределены 15 персональных компьютеров: БИЕН – 5, ГИН – 4, ОСЭИ – 2, ВЦ – 2, БИБ – 1, Президиум – 1 (д. 700, л. 43).

– Распоряжением Президиума БНЦ СО АН СССР от 9 апреля 1990 г. создан централизованный фонд научно-технического и социально-культурного развития. Объем средств составил 7000 руб. за счет отчислений от институтов (д. 700, л. 64).

– 13–14 апреля в Доме политпросвещения состоялась научно-теоретическая конференция «Ленин и современность», посвященная 120-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина и Дню советской науки, на пленарном заседании которой выступили д.и.н., профессор, руководитель редколлегии сектора истории марксизма-ленинизма ИМЛ при ЦК КПСС А. А. Чернобаев, доктора исторических наук, профессора В. И. Затеев, Г. Л. Санжиев, Г. Д. Басаев и др. (д. 708, л. 19).

– Распоряжением Президиума БНЦ СО АН СССР от 18 апреля 1990 г. № 155521-40 организован сектор отдела проблем прочности и надежности при кафедре механики деформируемого твердого тела физико-технического факультета Томского государственного университета им. Куйбышева. Позже – при

Президиуме БНЦ СО РАН. Заведующим утвержден к.т.н. А. А. Оксогоев (д. 1319, л. 4).

– Распоряжением Президиума БНЦ СО АН СССР от 18 мая 1990 г. за эксплуатацию работы ксерокса «Canon-GS 5P» (первого ксерокса в истории БНЦ) в Президиуме БНЦ ответственным назначен Б. В. Данилов, ученый секретарь по международным связям (д. 700, л. 90).

– На основании решения исполкома Улан-Удэнского Совета народных депутатов № 129 от 23 мая 1990 г. Бурятскому научному центру отведен земельный участок площадью 40 га в Октябрьском районе в северо-восточной части Юго-Восточного жилого дома на землях совхоза «Никольский» для размещения нового комплекса центра (д. 713, л. 1).

– Постановлением Президиума СО АН СССР от 8 июня 1990 г. № 374 в составе БНЦ организован Байкальский отдел проблем природопользования при Президиуме БНЦ СО АН СССР (д. 1327, л. 1).

– Распоряжением Президиума БНЦ СО АН СССР от 29 июня 1990 г. создана добровольная пожарная дружина в составе 9 человек (д. 700, л. 126).

– Распоряжением Президиума БНЦ СО АН СССР от 18 июля 1990 г. на основании постановления Октябрьского райисполкома «О шефской помощи совхозам и колхозам по производству овощей» сотрудники центра и институтов направлены по графику в с. Верхний Саянтуй для прополки овощей на площади 160 соток (д. 700, л. 132).

– 13–20 августа состоялся международный симпозиум по проектам международной программы геологической корреляции при ЮНЕСКО (д. 700, л. 33).

– В течение года проведены симпозиумы по проектам «Доюрская геологическая эволюция Восточной Азии» и «Эволюция палеоазиатского океана» (БГИН), Всесоюзная конференция «Традиционное мировоззрение в системе культуры народов Сибири и сопредельных регионов» (БИОН), Всесоюзное совещание по приземному распространению радио-

волн и электромагнитной совместимости (БИЕН), совещание «Актуальные проблемы истории Бурятии» (БИОН) (д. 1291, л. 4).

– Институты БНЦ принимали участие в международной конференции «Человек у Байкала», в фестивале «Байкал–Мичиган-90» и т. д. (д. 1291, л. 5).

– На 1 декабря 1990 г. общая численность работающих составила 1245 человек, научных сотрудников – 483, научно-технических – 359, 1 чл.-корр. АН СССР, 32 доктора наук, 226 кандидатов наук (д. 1291, л. 2).

– Научные учреждения центра вели исследования по 59 темам, в т. ч. по программе «Сибирь» – 17, по постановлениям ГКНТ – 7, координационным планам – 18, хоздоговорам – 109 (д. 1291, л. 3).

– Опубликовано 351 работа, из них в зарубежных изданиях – 41, в центральных советских – 242, монографий – 42, тематических сборников – 19. Получено 7 авторских свидетельств на изобретение, 4 положительных решения (д. 1291, л. 2).

– При Президиуме БНЦ создано МП «Интер» для организации приема зарубежных гостей и выезда сотрудников за границу (д. 1291, л. 5).

– Для участия в работе различных международных научных мероприятий, ведения совместных научных исследований за рубеж выезжало более 150 сотрудников. Президиум и институты приняли 236 гостей и ученых из США, ФРГ, Индии, Японии, Италии, Австралии, Великобритании, КНР, МНР, Польши, Венгрии, Канады, Филиппин, Дании, Южной Кореи, Таиланда (д. 1291, л. 8).

– Научной библиотекой организовано 7 тематических выставок: «Религия и современность», «Этнограф и археолог», «К 100-летию П. П. Хороших» и др. (д. 1291, л. 8).

– В течение года реализовано около 20 автомашин из фонда автобазы. Были созданы различные комиссии по списанию основных средств, передаче материальных ценностей, по организации про-

даже книг из обменно-резервного фонда научной библиотеки и др. (д. 700).

1991 год

– Постановлением Президиума СО АН СССР от 27 марта 1991 г. № 95 создан Байкальский институт рационального природопользования СО АН СССР (БИРП) на базе Байкальского отдела проблем природопользования при Президиуме БНЦ СО АН СССР и отдела социально-экономических исследований БНЦ (д. 1327, л. 4).

– 21–30 мая в рамках презентации БНЦ впервые проведена международная выставка «Наука и природа Бурятии» в Доме советской науки и культуры в г. Улан-Баторе (МНР). Руководителем делегации был заместитель председателя Президиума, д.ф.-м.н. Н. Б. Чимитдоржиев (д. 719, л. 52).

– 1 октября в БИРП состоялось учредительное собрание Международного научного центра социально-экологических проблем бассейна оз. Байкал (д. 719, л. 99).

– На основании Указа Президента РСФСР от 21 ноября 1991 г. № 228 «Об организации Российской академии наук», решения общего собрания РАН от 16–20 декабря 1991 г. и постановления общего собрания СО РАН от 16 декабря 1991 г. № 7 на официальных бланках служебных документов всех организаций отделения вместо наименования «Академия наук СССР. Ордена Ленина Сибирское отделение» с 1 февраля 1992 г. применяется наименование «Российская академия наук. Ордена Ленина Сибирское отделение». В переписке возможно применение аббревиатуры «СО РАН». В соответствии с указом Бурятский научный центр СО АН СССР переименован в Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (БНЦ СО РАН) (д. 15 л. 10).

– Научные учреждения центра вели исследования по 101 теме, в т. ч. по про-

грамме «Сибирь» – 21, постановлениям ГКНТ – 9, координационным планам – 17, хоздоговорам – 132 (д. 1309, л. 2).

– Опубликовано 357 работ, из них в зарубежных изданиях – 46, в центральных советских – 189, монографий – 26, тематических сборников – 16. Получено 14 авторских свидетельств на изобретение, 1 положительное решение (д. 1309, л. 2).

– Проведено 4 международных конференции и семинара, 1 Всесоюзная конференция и 4 региональных (д. 1309, л. 5).

– Институтами БНЦ выполнено 10 научных договоров с зарубежными партнерами. В зарубежные командировки выезжало 120 сотрудников (в Монголию, КНР, Польшу, Болгарию, Англию, Швейцарию). Принято более 50 иностранных ученых из Монголии, КНР, США, Англии, Японии, Германии, Таиланда (д. 1309, л. 5–6).

– По итогам учебного года ясли-сад № 53 «Кристаллик» занял 1-е место в Октябрьском районе, на его базе проведена конференция работников народного образования республики (д. 1309, л. 11).

1992 год

– Постановлением Президиума СО РАН от 25 февраля 1992 г. № 55 создан Международный центр социально-экологических проблем Байкальского региона как международная добровольная организация – открытый институт. Организацией-учредителем совместно с Советом Министров БурАССР является СО РАН. БИРП является представителем СО РАН. Директорами-организаторами назначены д.г.н. В. Е. Викулов, д.г.н. А. К. Тулохонов (д. 727, л. 1–2).

– Научные учреждения вели исследования по 114 темам программ СО РАН по приоритетным направлениям развития науки и техники, 10 темам ГНТП и 9 темам программы «Сибирь» (д. 737, л. 2).

– В рамках долговременных договоров и соглашений научные подраз-

деления продолжали работу: БГИ продолжил исследования с корпорацией «Хуанцзинь» по разработке месторождений золота, с Монгольским техническим университетом – по формированию вольфрамowego оруденения Центральной Монголии; БИЕН – с медицинским институтом Внутренней Монголии (г. Хух-Хото, КНР) по диагностике восточной медицины; БИОН – с Институтом истории, языка и литературы АН Монголии; БИБ – с Институтом ботаники, химии АН Монголии, Чаньчунским институтом китайской медицины (д. 737, л. 4).

– БИРП заключил ряд соглашений о сотрудничестве с институтами Германии, Китая, Монголии, Англии по экологическим проблемам и рекреационным зонам Байкала (д. 737, л. 5).

– Международным центром социально-экологических проблем Байкальского региона проведены следующие исследования: совместный советско-американский проект «Комплексная программа политики землепользования и рационального пользования земель для российской территории бассейна оз. Байкал»; проект «Сохранение природной и культурной среды Внутренней Азии» (Центр по изучению Монголии и районов Внутренней Азии Кембриджского университета (Великобритания) совместно с фондом Макатура (Чикаго, США)); проект «Определение зоны уверенного приема спутниковой телевизионной системы» с целью организации коллективного телевидения программ МНР, Японии, Сингапура, Гонконга в населенных пунктах Байкальского региона. Международному центру Центром гражданских инициатив США передана на условиях бессрочной аренды электронная система стоимостью 1,5 млн руб. (д. 737, л. 5)

– 45 сотрудников БНЦ выезжали в зарубежные командировки, был принят 121 представитель зарубежных научных центров, деловых кругов из Китая, Монголии, Франции, Германии, США, Бельгии, Японии, Голландии (д. 737, л. 5).

– Лабораторией археологии БИОН

совместно с Королевским музеем Бельгии проведены археологические работы по изучению памятников каменного века на территории Бурятии (д. 737, л. 5).

– В структуре центра организован самостоятельный отдел по управлению имуществом (д. 737, л. 4).

– На 1 декабря 1992 г. общая численность работающих составила 1071 человек, научных сотрудников – 425, научно-технических – 246, 38 докторов наук, 211 кандидатов наук (д. 737, л. 1).

1993 год

– Научные учреждения центра вели исследования по программе «Сибирь» – 11, по [республиканским программам – В. Ц.] – 15, по международным проектам – 2, по хозяйственным темам с предприятиями – 69 (д. 758, л. 12).

– При БНЦ созданы и работают 3 ТОО, 2 совместных малых предприятия (МП). ТОО «Ользон» занимается изданием полиграфической продукции, ТОО «Интер» – организацией приема гостей, ТОО «Гэсэр» – обучением иностранным языкам, МП «ТЭМ» – выпуском нагревательных модулей для сельского хозяйства, МП «ФИТО» – выпуском лекарственных препаратов (д. 758, л. 10).

– 20 сотрудников БНЦ выезжали в зарубежные командировки (Германия, Канада, США, Китай, Непал и др.). Принято 60 зарубежных ученых и гостей. Продолжается сотрудничество с Монгольской академией наук. В июле БНЦ посетили президент Академии наук Монголии Д. Баатор, вице-президент Норовсамбу, академики Чадра и Хорло (д. 758, л. 13–14).

– Проведены конференции: «Цыбиковские чтения-6», «Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика», международная конференция, посвященная 115-летию со дня рождения Б. Барадина (БИОН); международный семинар, посвященный памяти чл.-корр. АН СССР М. В. Мохосоева (БИЕН),

симпозиум «Паразиты и болезни рыб и водных позвоночных Ледовито-морской провинции» (БИБ), 1 межрегиональное совещание «Тонкие пленки в электронике» (БИЕН) (д. 758, л. 15–16).

– Музеем БНЦ проведено 95 обзорных экскурсий (посетило 1127 человек), 30 тематических экскурсий (д. 758, л. 17).

– Научным архивом предоставлены документы для выставки в Литературном музее г. Улан-Удэ (д. 758, л. 20).

– Научной библиотекой оформлены выставки к проведенным конференциям: «Б. Барадин – ученый и литератор», «М. Н. Хангалов – ученый, этнограф, фольклорист», «К 100-летию со дня рождения А. Тороева» (д. 758, л. 21).

– На автобазе работают 56 человек, имеется 57 транспортных единиц, в т. ч. легковых – 10, грузовых – 38, автобусов – 3, спецтехники – 6 (д. 758, л. 23).

– На балансе БНЦ находится 33 объекта (жилые дома, административные здания, детский сад, мастерские, склады и т. д.), в т. ч. стационары на Щучьем озере и в пос. Горячинск (д. 771, л. 1–2).

1994 год

– Постановлением Президиума РАН от 18 января 1994 г. № 5 д.г.-м.н. Александру Леонидовичу Ковалевскому (БГИН СО РАН) за монографию «Биогеохимия растений» присуждена золотая медаль им. А. П. Виноградова (д. 773, л. 1).

– В январе БНЦ принял участие на выставке «Сибнаука-производство-предпринимательство» в г. Иркутске (д. 784, л. 5).

– В июне сдано в эксплуатацию здание Хранилища восточных рукописей и ксилографов (д. 1148, л. 1).

– 11–13 августа БНЦ совместно с Правительством РБ провел пленарное заседание X Международного конгресса космонавтов и астронавтов (д. 784, л. 4).

– 11–17 сентября БНЦ совместно с СО РАН, Федеральным агентством охраны природы Германии, Правительством РБ участвовал в проведении междуна-

родного симпозиума «Байкальский регион как мировая модельная территория устойчивого развития» (д. 784, л. 4).

– 4–7 октября музеем проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Естественнонаучные музеи: состояние, проблемы, перспективы» с участием специалистов из Москвы, Новосибирска, Иркутска, Кемерово и др. городов (д. 784, л. 7).

– Научные учреждения центра вели исследования по 91 теме, в т. ч. по программе «Сибирь» – 17, по [республиканским программам – В. Ц.] – 30, по приоритетным направлениям науки и техники – 23, по хозяйственным работам – 32, на сумму свыше 90 млн руб. Гранты от различных фондов получили 25 сотрудников: РФФИ – 11, Сороса – 6, Форда – 1, СО РАН – 7 (д. 784, л. 2).

– БНЦ принято 53 иностранных ученых, за рубеж выезжали 38 сотрудников в 11 стран – США, Германию, Китай, Непал, Великобританию, Францию, Бельгию, Чешскую республику, Южную Корею, Тайвань, Монголию (д. 784, л. 5).

– Институтами БНЦ проведены: I Всероссийская конференция «Русский фольклор и фольклористика Сибири» (БИОН), I международный симпозиум «Байкальский регион как мировая модельная территория устойчивого развития» (БИРП), пленарное заседание X Международного Конгресса космонавтов и астронавтов, 5 республиканских конференций: «Земельные ресурсы Республики Бурятия» (БИБ), «К 120-летию со дня рождения Н. К. Рериха» (БИОН), «80 лет со дня рождения Б. Д. Дандарона» (БИОН совместно с ЦДУБ), национальная интеллигенция и духовенство: история и современность (БИОН), «Дамба Дашинимаев: творческий путь» (БИОН совместно с союзом писателей Бурятии) (д. 784, л. 6).

– В музее осуществлен монтаж новых экспозиций «Геосистема оз. Байкал и антропогенный фактор», «Байкал – участок мирового наследия». Проведение

на реэкспозиция геологического отдела «Цветные и поделочные камни», «Горные породы» и др. (д. 784, л. 8)

– Сотрудниками музея подготовлена выставка «Немецкие исследователи в XVIII–XIX вв.: история и современность». В 1994 г. проведена 91 экскурсия, которые посетили 7500 человек (д. 784, л. 7).

– РИО подготовлено и издано 13 работ объемом 140,5 авт. л., тиражом 6 тыс. экз. (д. 784, л. 9)

– Научной библиотекой организованы тематические выставки: «К 80-летию Л. Е. Элиасова», «Воинские обряды бурят» (д. 784, л. 11).

1995 год

– В январе музеем проведена I республиканская археологическая конференция школьников совместно с Центром детского и юношеского туризма и краеведения (д. 804, л. 10).

– С 1 февраля 1995 г. отдел проблем прочности и надежности при Президиуме БНЦ СО РАН передан в Бурятский институт естественных наук СО РАН в соответствии с постановлением Президиума БНЦ СО РАН от 11 ноября 1994 г. № 290 (д. 794, л. 2).

– Постановлением Президиума СО РАН от 26 мая 1995 г. № 162 председателем Президиума БНЦ СО РАН назначен д.г.-м.н. профессор Иван Власович Гордиенко. В период его руководства началась реструктуризация научных учреждений, вовлекшая научное сообщество в сложную организационную перестройку всей системы СО РАН. У некоторых институтов были изменены названия, переориентирована направленность исследований многих подразделений. В 1997 г. один из старейших институтов – БИЕН прекратил свое существование. Его лаборатории вошли в состав БИРП и вновь организованного ОФП при Президиуме БНЦ. И. В. Гордиенко сумел выстроить эффективную модель взаимодействия и сотрудничества с республиканскими

органами власти, отраслевыми НИИ, вузами (д. 792, л. 10; Научные центры СО РАН. Новосибирск, 2006. С. 57).

– Сотрудниками институтов получены: гранты РФФИ – 12, РГНФ – 3, Сороса – 9; премии СО РАН – 1, государственные научные стипендии (молодые ученые) – 20 человек (д. 804, л. 3).

– Институтами БНЦ проведены 1 международная научная конференция «Эпос “Гэсэр” – духовное наследие народов Центральной Азии», 3 республиканских конференции, 2 рабочих совещания (д. 804, л. 5).

– Опубликовано 33 монографии и 31 сборник. В РИО осуществлен переход на компьютерный набор для обеспечения современного полиграфического, эстетического, тематического исполнения научных работ (д. 804, л. 13).

– Организованы автоматизированные рабочие места (АРМ) в библиотеке, бухгалтерии, РИО (д. 804, л. 18).

1996 год

– Постановлением Президиума СО РАН от 2 декабря 1996 г. № 275 создано издательство БНЦ СО РАН на базе РИО и участка оперативной полиграфии «Олзон». Издательство является ассоциированным членом издательства СО РАН (д. 846, л. 7).

– Президиумом БНЦ СО РАН совместно с Якутским научным центром подготовлена межрегиональная комплексная программа «Настоящее и будущее Байкало-Ленского региона», состоящая из 8 разделов и 34 проектов (д. 827, л. 14).

– Разработан проект информатизации БНЦ, состоящий из 4 блоков – интегральная сеть, распределение банка данных, создание электронной информационно-справочной системы, мультимедиацентр БНЦ. Разработана структура корпоративной сети БНЦ (д. 827, л. 16).

– БНЦ при поддержке Торгово-промышленной палаты организовано 2 выставки: в г. Москве – «Дни Бурятии в Москве» и Нижнем Новгороде – «Выстав-

ка-ярмарка инвестиционных проектов» с экспонированием материалов геологического отдела музея (д. 827, л. 9).

– Музеем подготовлены выставки: персональная выставка А. Цыбиковой «Путь души», «Шаманизм в Бурятии», «Хунну: история и культура» (д. 827, л. 8).

– Музеем проведено 89 экскурсий, которые посетило 5842 человек, в т. ч. иностранных гостей – 66 (д. 827, л. 8).

– Институтами БНЦ проведены: 1 международный конгресс археологов «К гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее, исторические перспективы. Гуннский феномен», 2 Всероссийские и 2 региональные конференции (д. 827, л. 4).

1997 год

– 30 мая И. В. Гордиенко избран членом-корреспондентом РАН по отделению геологии, геофизики, геохимии и горных наук на вакансию для Сибирского отделения (текущий архив БНЦ).

– Постановлением Президиума СО РАН от 6 августа 1997 г. № 253 Бурятский институт естественных наук СО РАН (БИЕН) и Читинский институт природных ресурсов СО РАН (ЧИПР) реорганизованы путем присоединения их к Байкальскому институту рационального природопользования СО РАН (БИРП) (д. 1323, л. 35).

– Постановлением Президиума СО РАН от 14 августа 1997 г. № 258 Бурятский институт биологии СО РАН переименован в Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН (д. 1324, л. 8).

– Постановлением Президиума СО РАН от 25 августа 1997 г. № 284 Бурятский институт общественных наук СО РАН переименован в Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 1324, л. 9).

– Постановлением Президиума СО РАН от 25 сентября 1997 г. № 350 Бурятский геологический институт СО РАН

переименован в Геологический институт СО РАН (д. 1324, л. 10).

– Постановлением Президиума СО РАН от 6 ноября 1997 г. № 409 Бурятский институт естественных наук СО РАН реорганизован путем присоединения его к БИРП СО РАН и выделения отдела физических проблем со статусом при Президиуме БНЦ СО РАН. БИРП переименован в Байкальский институт природопользования СО РАН (БИП). Создан Байкальский объединенный институт природопользования (БОИП) СО РАН в составе БИП СО РАН и Читинского института природных ресурсов СО РАН (д. 1327, л. 22).

– Постановлением Президиума СО РАН от 21 ноября 1997 г. № 433 создан отдел физических проблем при Президиуме БНЦ СО РАН на базе физических лабораторий реорганизуемого Бурятского института естественных наук СО РАН (д. 1324, л. 13).

– На 1 декабря 1997 г. общая численность работающих составила 940 человек, научных сотрудников – 374, научно-технических – 202, докторов наук – 52, кандидатов наук – 194 (д. 846, л. 2).

– Сотрудниками институтов получены: гранты РФФИ – 27, РГНФ – 12, регионального конкурса РФФИ – 18, международных фондов – 2; региональные премии – 9, государственные научные стипендии (молодые ученые) – 16 человек (д. 846, л. 3).

– Институтами БНЦ проведены: международный симпозиум «Экологически эквивалентные и экзотические виды гидробионтов в великих озерах мира», 2 Всероссийские конференции «Санжеевские чтения», «Банзаровские чтения», 1 региональная конференция, посвященная 75-летию БИОН (д. 846, л. 5).

– Научной библиотекой подготовлены тематические выставки: «М. В. Мохосоев – выдающийся ученый, педагог, организатор науки», посвященная 65-летию со дня его рождения, «Тибетская медицина: история и современность» и др. (д. 846, л. 12).

– Издательство БНЦ участвовало в ярмарках, книжных салонах, выставках, проводимых в Улан-Удэ, Новосибирске, Франкфурте-на-Майне (д. 846, л. 12).

1998 год

– 9–12 сентября проведена международная конференция «Байкал как участок Мирового природного наследия: результаты и перспективы международного сотрудничества». Программой конференции было предусмотрено участие президента РБ Л. В. Потапова, губернатора Иркутской области В. А. Говорина, губернатора Читинской области Р. Ф. Гениатулина, доктора Б. фон Дроста (ЮНЕСКО), доктора Р. Герольда – руководителя генеральной дирекции XII-В Европейской комиссии, академика В. Е. Фортова – председателя Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, академика Н. Л. Добрецова – вице-президента РАН, председателя Сибирского отделения РАН, академика РАН Г. А. Жеребцова, членов-корреспондентов РАН, российских и зарубежных ученых (д. 875, л. 22).

– Институтами БНЦ проведены: международный семинар «Традиционная медицина: теоретические и практические аспекты», Всероссийская конференция «Цыбиковские чтения», 3 региональные конференции (д. 846, л. 5).

– При Президиуме БНЦ СО РАН созданы центр космического мониторинга (совместно с ГИС-центром) и центр технологического развития (д. 863, л. 5).

– Заключено Соглашение о научно-техническом сотрудничестве с АН Монголии (д. 863, л. 5).

– Сотрудниками институтов получены: гранты РФФИ – 17, РГНФ – 13, регионального конкурса РФФИ – 28, международных фондов – 29; региональные программы – 21, государственные научно-технические программы – 7, хозяйственные – 15, государственные научные стипендии – 15 (д. 863, л. 3).

– Музеем организовано 7 выставок: «Семейный альбом», посвященный 25-летию ГИН, «Люди и годы: СО РАН

40 лет», «Буряты: страницы истории» и др. (д. 863, л. 3).

– Издательством выпущено 20 плановых работ общим объемом 263 авт. л.: ИМБТ – 6 монографий, ГИ – 2, ИОЭБ – 2, БОИП – 4 (БИП – 3, ЧИПР – 1), ОФП – 1 монография. Вне плана издано 29 монографий, сборников, материалов конференций (д. 863, л. 9).

– По итогам проведения ежегодного книжного салона РБ издательство БНЦ признано самым популярным издательством в Бурятии, награждено тремя дипломами («Лучшая книга года», «Лучшая книжная экспозиция», «За издание серии книг по искусству РБ») и денежными премиями Министерства культуры РБ и Комитета по информации, печати, связям с общественными объединениями Администрации Президента и Правительства РБ (д. 863, л. 9).

1999 год

– БНЦ СО РАН получил свидетельство о государственной аккредитации научной организации от 3 февраля 1999 г. № 909 в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике» на 3 года (д. 960, л. 1).

– 15 марта проведено торжественное собрание, посвященное 275-летию РАН, в котором приняли участие председатель СО РАН академик Н. Л. Добрецов, заместитель председателя академик В. И. Молодин, директор Объединенного института истории, филологии и философии академик А. П. Деревянко, члены Правительства РБ и администрации г. Улан-Удэ (д. 888, л. 4).

– Институтами и ОФП БНЦ СО РАН получены лицензии на право ведения образовательной деятельности в сфере послевузовского профессионального образования по приоритетным направлениям научных исследований (д. 888, л. 2).

– Проведена работа по организации сети Интернет, создана корпоративная сеть научно-исследовательских институтов БНЦ (д. 888, л. 5).

– Создан совет научной молодежи (СНМ) БНЦ СО РАН, председателем избран к.э.н. С. В. Архипова (д. 888, л. 5).

– Институтами БНЦ проведены: международный симпозиум (совместно с БГУ) «Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез», международный семинар (совместно с БГУ) «Буддизм в Центральной и Восточной Азии», 4 научно-практические конференции (д. 888, л. 7).

– Музеем организовано 6 выставок: «По следам древних хунну», «Бурятский научный центр. К 275-летию РАН», «Атлас тибетской медицины» и др. (д. 888, л. 8).

– По итогам проведения ежегодного книжного салона РБ издательство БНЦ отмечено дипломами «Лучшая книга года», «Лучшая книжная экспозиция» (д. 888, л. 9).

– Научной библиотекой издано 2 указателя: «Т. М. Михайлов: библиографический указатель» и «Этнография бурятского народа (1917–1976)», который признан лучшим краеведческим пособием на республиканском конкурсе «Книжный салон-99» (д. 888, л. 12).

2000 год

– В марте – апреле проведены олимпиады среди студентов вузов и школьников г. Улан-Удэ по физике и математике, конкурс работ молодых ученых совместно с Министерством образования и науки РБ и коммерческой фирмой «БИН» в рамках празднования 100-летия со дня рождения академика М. А. Лаврентьева (д. 916, л. 4).

– В мае проведено расширенное заседание Президиума с участием членов Правительства РБ (первого заместителя Правительства РБ В. К. Агалова, министра образования и науки РБ С. Д. Намсараева, министра экономики и внешних связей Н. И. Атанова и др.) и членов Президиума СО РАН академиком Л. Н. Добрецова, В. В. Кулешева, посвящен-

ное развитию академической науки РБ (д. 916, л. 4).

– 26 мая В. М. Корсунов избран членом-корреспондентом РАН по отделению «Общая биология» на вакансию для Сибирского отделения по специальности «Почвоведение и лесоведение» (д. 569, л. 3).

– Советом научной молодежи проведено 2 семинара – «Гранты для молодых ученых» и «Математические методы в научных исследованиях» (д. 916, л. 5).

– В конкурсе фундаментальных научных проектов молодых ученых СО РАН, посвященном 100-летию со дня рождения академика М. А. Лаврентьева, призерами стали О. С. Ринчинов (ОФП), И. Г. Николаева (ИОЭБ), С. С. Балданов (ИМБТ) (д. 916, л. 5).

– Институтами БНЦ проведено 3 конференции: международная – «Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии», научно-практическая – «55-летие Победы в Великой Отечественной войне», межрегиональная научно-техническая – «Эколого-безопасные технологии переработки минерального сырья в Байкальском регионе» (д. 916, л. 8).

– Музеем разработана база данных «Природные и культурные феномены Байкальского региона», продолжена работа по созданию электронного каталога биологических и археологических экспонатов. Организовано 3 выставки: «Буддист – паломник у святынь Тибета» совместно с ХВР ИМБТ, «Лишайники и растения Северной Бурятии», «Магическая сила камня». Проведено 133 экскурсии. Музей посетили 1400 человек (д. 916, л. 9).

– Центральной научной библиотекой организовано 8 тематических выставок: «Труды ученых-фронтовиков и труженников тыла», «Ц. Жамцарано – ученый, просветитель. К 120-летию со дня рождения», «Памяти М. В. Мохосоева» и др. (д. 916, л. 11).

(продолжение следует)

Список сокращений

АН – Академия наук
АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АТП – автотранспортное предприятие
АУП – административно-управленческий персонал
АХЧ – административно-хозяйственная часть
БАМ – Байкало-Амурская магистраль
БГУ – Бурятский государственный университет
БИБ – Бурятский институт биологии
БИЕН – Бурятский институт естественных наук
БИОН – Бурятский институт общественных наук
БИП – Бурятский институт природопользования
БИРП – Бурятский институт рационального природопользования
БКНИИ – Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
БНЦ – Бурятский научный центр
БурАССР – Бурятская Автономная Советская Социалистическая Республика
БФ – Бурятский филиал
ВАСХНИИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук
ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ВНР – Венгерская Народная Республика
ВУЗ – высшее учебное заведение
ВЦ – вычислительный центр
ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профсоюзов
ГДР – Германская Демократическая Республика
ГИН – Геологический институт
ГКНТ – Государственный комитет Совета министров СССР по науке и технике
д.в.н. – доктор ветеринарных наук
д.г.-м.н. – доктор геолого-минералогических наук
д.и.н. – доктор исторических наук
д.м.н. – доктор медицинских наук
д.х.н. – доктор химических наук
ИБ – Институт биологии
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИЕН – Институт естественных наук
ИИФиФ – Институт истории, философии и филологии
ИМБТ – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
ИОН – Институт общественных наук
ИОЭБ – Институт общей и экспериментальной биологии
к.б.н. – кандидат биологических наук
к.г.-м.н. – кандидат геолого-минералогических наук
к.и.н. – кандидат исторических наук
к.м.н. – кандидат медицинских наук
КНР – Китайская Народная Республика
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
к.т.н. – кандидат технических наук
к.ф.н. – кандидат филологических наук
к.филос.н. – кандидат философских наук
к.х.н. – кандидат химических наук
к.э.н. – кандидат экономических наук
ЛФК – лечебная физическая культура
МАН – Малая академия наук

МГУ – Московский государственный университет
 МНР – Монгольская Народная Республика
 м.н.с. – младший научный сотрудник
 МОП – младший обслуживающий персонал
 МП – малое предприятие
 МПГК – международная программа геологической корреляции
 НИР – научно-исследовательская работа
 НРБ – Народная Республика Болгария
 НТО – научно-техническое общество
 ОСЭИ – отдел социально-экономических исследований
 ОФП – отдел физических проблем
 ОЭИ – отдел экономических исследований
 ПНР – Польская Народная Республика
 проф. – профессор
 РАН – Российская академия наук
 РБ – Республика Бурятия
 РГНФ – Российский государственный научный фонд
 РИО – редакционно-издательский отдел
 РККПСС – райком Коммунистической партии Советского Союза
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
 СМ СССР – Совет министров СССР
 СНМ – совет научной молодежи
 с.н.с. – старший научный сотрудник
 СО – Сибирское отделение
 СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия
 США – Соединенные Штаты Америки
 СЭВ – Совет экономической взаимопомощи
 ТОО – товарищество с ограниченной ответственностью
 УКВ – ультракороткие волны
 ФРГ – Федеративная Республика Германия
 ХВР – Хранилище восточных рукописей
 ЦДУБ – Центральное духовное управление буддистов
 ЦК КПСС – Центральный Комитет коммунистической партии Советского Союза
 ЧИИПР – Читинский институт природопользования
 ЧССР – Чехословацкая Социалистическая Республика
 чл.-корр. – член-корреспондент
 ЯГУ – Якутский государственный университет

УДК 24
 ББК 86.2

М. В. Аюшеева, А. А. Базаров, Ц. П. Ванчикова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
 «БУДДИЗМ И СОЦИУМ» (г. Улан-Удэ,
 20–22 августа 2016 г.)

M. V. Ayusheeva, A. A. Bazarov, Ts. P. Vanchikova

INTERNATIONAL WORKSHOP “BUDDHISM AND SOCIETY”
 (Ulan-Ude, August 20–22, 2016)

20–22 августа 2016 г. в г. Улан-Удэ состоялся международный научный семинар «Буддизм и социум», в работе которого приняли участие российские и зарубежные ученые, буддийские священнослужители Бурятии и Монголии. Организатором семинара выступил Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Всего был заявлен 21 доклад, из них заслушано 18.

География участников была представлена следующим образом: 13 российских докладчиков (Москва – Институт востоковедения РАН, Элиста – КИГИ РАН, Улан-Удэ – БГУ, ИМБТ, Буддийский университет при Иволгинском дацане) и 5 зарубежных (Институт языка и письменности Монгольской академии наук, монастырь Дашчойлин, колледж Зуун хурээ при монастыре Дашчойлин).

На пленарном заседании выступили: д. филос. н., хамбо-лама монастыря Зуун хурээ Дашчойлин Ч. Дамбажав и тамгын-лама Алтанхуу с докладом об истории и современном положении монастыря; габжа-лама, ректор Буддийского университета Дымбрыл Дашибалданов с докладом «Социальные проекты БТСР: их реализация»; д.и.н., профессор, г.н.с. ИМБТ СО РАН Ц. П. Ванчикова с докладом «К истории буддизма в Бурятии» и д. филос. н., в.н.с. ИМБТ СО РАН А. А. Базаров с докладом «Раздел “Виная” из коллекции буддийской схоластической литературы “Чойра” ЦВРК ИМБТ СО РАН».

Далее работа семинара продолжилась по двум секциям. На секции «Регламентация деятельности монастырей, монастырские уставы» под председательством А. А. Базарова заслушано 6 докладов о монастырских уставах, в которых

были рассмотрены вопросы, связанные с современным положением буддийского духовенства, изложены результаты источниковедческих анализов текстов уставов, выявления и изучения сочинений по Винае.

Доклад зав. учебной частью колледжа Зуун хурээ (г. Улан-Батор, Монголия) магистра Ц. Мунх-Эрдэнэ был посвящен системе традиционного религиозного образования в монгольском буддизме, и изложению современного учебного процесса на примере колледжа Зуун хурээ Дашчойлин.

Большой интерес вызвал доклад преподавателя колледжа Зуун хурээ, ламы Г. Мягмарсурэна, посвященный сравнительному изучению нескольких религиозных монастырских уставов, составленными монгольскими ламами.

Д. Н. Музраева (к.и.н., в.н.с. КИГИ РАН, г. Элиста) познакомила собравшихся с коллекцией текстов по Винае из собрания научного архива КИГИ РАН, основу которого составляет личная библиотека известного калмыцкого гелюнга Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева) (1887–1980). Как отметила докладчик, система религиозного образования у калмыков в буддийских философских школах Цаннид Чойра строилась на программах тибетских школ. При этом особое место отводилось изучению канонической литературы, в т. ч. из раздела Винаи, регулирующей монастырскую и монашескую жизнь.

Доклад к.и.н. М. В. Аюшеевой (н.с. ИМБТ СО РАН) был посвящен анализу уставных текстов из «Сумбума» – собрания сочинений Мэргэн-гэгэна Лубсандамбижалцана (1717–1766). Докладчик познакомила слушателей с кратким содержанием устава монастыря Мэргэн, а также выделила общие черты в уста-

---

АЮШЕЕВА Марина Васильевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: ayagma@yandex.ru.

БАЗАРОВ Андрей Александрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: bazarow_andr@mail.ru.

ВАНЧИКОВА Цымжит Пурбуевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: vanchikova.ts@gmail.com.

вах Цугольского дацана и современного Дашчойлин-хийда. Было отмечено влияние светской власти на уклад монастырской жизни в уставных сочинениях Мэргэн-гэгэна.

Необходимо отметить доклад Д. Э. Дарибазарон (аспирант БГУ), посвященный проблемам развития литературы Ламрим и созданию монастырского курса по изучению данного предмета. Интересный доклад («Нэгэн хийдийн өвөрмөц бүртгэл бичгийн тухай») был сделан Р. Отгонбаатаром про редкий список имущества одного из монгольских монастырей, обнаруженный им во время экспедиции 2015 г.

В ходе работы 2-й секции «Буддийская культура и социум» были заслушаны доклады широкой тематики, затрагивающей повседневную практику мирян, а также взаимоотношения буддийской религии и социума, влияние буддийских практик, философии на повседневную жизнь мирян.

В докладе к.соц.н. Т. Б. Бадмацыренова (БГУ) представлены результаты социологических исследований, посвященных современному состоянию буддизма в Бурятии. В частности, были освещены проблемы принятия трех буддийских обетов среди монахов, прихожан и мирян.

Э. П. Бакаева (д.и.н., КИГИ РАН, г. Элиста) ознакомила слушателей с письменным памятником «Өөрдин орна теңгрин саң оршв», вопросами его происхождения и функционирования в современном социуме. Рукописный текст «Өөрдин орна теңгрин саң оршв» содержит описание обряда почитания ойратскими, калмыцкими племенами родовых угодий и земель с их поименным перечислением. Как отметила докладчик, в самом тексте главным образом указаны места проживания ойратских племен в Синьцзян-Уйгурском автономном округе КНР, тем не менее существуют современные дополнения к этому тексту, уже с указанием мест проживания современных калмыков.

Монгольский тибетолог Баятбаяр Няммягмар (к.н., Институт языка и литературы Монгольской академии наук, г. Улан-Батор) представила интересный доклад об одном редком монгольском тексте по геомантике. Уникальность данного текста представляется автором доклада в его особой системе иллюстрирования ландшафта. Докладчик считает, что монголы значительно обогатили традиции гадания с помощью земли, заимствованные ими из Китая.

Ю. Ж. Жабон (к.и.н., с.н.с. ИМБТ СО РАН) в докладе «Данные Винаи о правилах приема лекарств» сообщила о медицинской основе монашеского поведения, изложенной в сочинении «Виная-васту». Докладчик отметила, что сведения Винаи о правилах приема лекарств представляют собой самую раннюю кодификацию медицинских знаний в Индии, где буддийская монашеская община стала главным проводником в сохранении, развитии и передаче этих знаний.

Вопросы бытования буддизма в среде женщин-мирянок были рассмотрены в докладе С. Г. Жамбаловой «Народный буддизм в Бурятии: мирская повседневность женщин». Согласно ее мнению, в современном бурятском обществе женщины занимают все более важное место в отправлении буддийских обрядов и треб, проведении совместных молитв.

Особый интерес вызвал доклад К. В. Орловой (д.и.н., профессор Института востоковедения РАН, г. Москва) об итогах экспедиционной деятельности в Западной Монголии, где были собраны материалы о современной жизни дербетов. В частности, были изложены сведения о бытовании текстов, касающихся поклонения и почитания мест их проживания.

Доклад В. Н. Буртоновой (аспирант ИМБТ СО РАН) был посвящен формированию городского социального пространства благодаря буддийской символической архитектуре, памятникам на примере г. Улан-Удэ.

Координатор ЦВРК к.ф.-м.н. О. С. Ринчинов (ИМБТ СО РАН) в докладе

«Буддийское наследие в цифровую эпоху: вызовы и решения» говорил о возможностях использования цифровых технологий в сохранении и представлении широкому кругу научной общественности материалов различных фондов ЦВРК в электронной версии. Вниманию собравшихся был представлен электронный ресурс <http://imbtaarchive.ru/>.

В целом на семинаре были представлены источниковедческие работы по буддийским дисциплинарным текстам и исследования, в т. ч. полевые, монастырской и мирской повседневности в буддизме.

В рамках семинара была подготовлена выставка архивных документов, источников на письменном монгольском языке, хранящихся в Центре восточных рукописей и ксилографов. Материалы выставки отражали исторические реалии буддийской общины в бурятских монастырях, их взаимодействие с царской администрацией, роль общества в жизни монахов и дацанов. Также были представлены уставы монгольских и бурятских монастырей.

В ходе дискуссии была определена необходимость не только дальнейших фундаментальных изысканий по изучению целого комплекса текстов: буддийской канонической литературы, схоластических комментариев, уставов монастырей, архивных документов на языке оригиналов, но и дальнейших социо-антропологических, буддологических исследований, базирующихся на современных гуманитарных методах и касающихся социальных реалий как духовенства, так и мирян в буддизме.

Изучение Винаи предполагает целый комплекс разносторонних исследований и является важной составляющей для понимания процессов, происходящих в современной религиозной жизни и жизни общества в целом. Концептуальное решение фундаментальных проблем,

стоящих перед буддийской общиной и обществом (обмирщение духовенства и секуляризация общества, в то же время увеличение интереса мирян к духовным практикам, философии буддизма). Все это делает проблематику, рассмотренную в рамках научного семинара, актуальной и предполагает ее дальнейшее изучение, взаимодействие научного сообщества и духовенства.

По итогам семинара было принято следующие решения:

- отметить актуальность поднятых в ходе работы семинара вопросов;

- признать важность и необходимость расширения и активизации сотрудничества между буддологическими научными школами и религиозными центрами, укрепления международного сотрудничества, проведения совместных исследований;

- подготовить и подписать официальное соглашение о сотрудничестве между монастырем Дашчойлин-Зуун хурээ и Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН;

- рассмотреть возможность проведения регулярных встреч между представителями научного сообщества и буддийского духовенства, и одну из следующих буддологических конференций провести в г. Улан-Баторе (Монголия), на базе монастыря Дашчойлин-Зуун хурээ;

- продолжить изучение и публикацию памятников по Винае на тибетском и классическом монгольском языках.

- Выводы, полученные в ходе семинара, позволять проводить научную экспертизу относительно конкретных социальных проблем в буддизме. Материалы конференции могут быть использованы при разработке рекомендаций для различных общественных и государственных организаций, общих и специальных лекционных курсов, при проведении практических занятий по истории Центральной Азии и Сибири.

УДК 001
ББК 60

Д. Э. Дарибазарон

6-Й ПЕКИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР ПО ТИБЕТОЛОГИИ

D. E. Daribazaron

6TH BEIJING INTERNATIONAL SEMINAR ON TIBETAN STUDIES

2–4 августа 2016 г. в Пекине прошел международный семинар по тибетологии, организуемый совместно Центром тибетологических исследований Китая (China Tibetology Research Center), Китайской ассоциацией по сохранению и развитию тибетской культуры (China Association of Preservation and Development of Tibetan Culture) и Тибетской академией общественных наук (Academy of Social Sciences of Tibet Autonomous Region). Он проводится в Пекине уже в шестой раз, а впервые был проведен в 1991 г.

В 6-м семинаре приняли участие 322 ученых из Китая, России, США, Японии, Великобритании, Австралии, Франции, Германии, Норвегии, Непала и других стран мира. Россия была представлена 12 исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Якутска и др. Необходимо отметить, что многие из них участвуют в семинаре не впервые.

Секционные заседания прошли по следующим направлениям: современные политические исследования; общественные изменения и трансформации; экономическое развитие и общее благосостояние общества; инициатива «Один пояс, один путь» (Belt & Road Initiative): путь в Южную Азию; исторические исследования; религиоведение; культурология; тибетская литература; буддийские тексты на санскрите; логика в тибетском буддизме; пустотность *gzhan stong* в индийском

и тибетском буддизме; тибетская медицина и астрономия; искусствоведение; экология; информационные технологии в тибетологии.

Судя по количеству докладов на различных секциях, основным направлением в тибетологии по-прежнему является религиоведение. Исследования религий Тибета были представлены 54 докладами, для заслушивания которых было создано две панели: рассматривались как отдельные персоналии, храмы и монастыри, так и вопросы философии тибетского буддизма и других религий. Российские исследователи выступили с докладами: «Историческое значение тибетского буддийского храма в Санкт-Петербурге» (Б. Бадмаев и И. Васильева) и «Связь между тибетской религией бон, тенгризмом и митраизмом» (С. Толстякова, Е. Федорова), «Тибетский буддизм в современной России» (Р. Сабиров), «Буддийские божества-защитники потомков Чингисхана» (В. Успенский).

Исследования, связанные с историей тибетского региона, также были представлены на двух панелях – история древних времен и средневековья и современная история. Ряд докладов первой панели был посвящен правлению династии Юань и периоду Тубо в истории Тибета. На второй панели были представлены исследования о тибетской диаспоре, проживающей в Индии, Китае. Россияне представили здесь доклады на следующие

темы – «Буддизм и ислам в политических процессах в Калмыцком каганате в начале XVIII в.» (Б. Китинов), «Панчен-лама Лобсанг Еше (1663–1737) и признание Далай-ламы VI» (М. Солощева), «Бурят-монголы и Тибет в контексте имперских противоречий (первая декада XX в.)» (И. Гарри).

Многочисленными были на семинаре культурологические исследования. Схожесть их тем: «Возрождение традиции изготовления бумаги в тибетской культуре» (Б. Хьюэтт, Кэмбридж) и «Тибетские традиции изготовления бумаги, воссозданные на основе анализа бумажного волокна архивных документов в Мустанге» (А. Гельман-Вазны) – позволяет говорить о новых актуальных тенденциях в тибетологии. Российская тибетология была представлена докладом Л. Абаевой «Мифологические представления тибетцев в добуддийский период».

Вопросы, связанные с изучением тибетской литературы, были разделены на две секции – религиозная и светская литература. Первую панель составили доклады четырех российских тибетологов – «Тибетская буддийская книжная литература и общественные реалии» (А. Базаров), «Размышления о принципах таксономии и классификации в Абхидхармасамучае (*chos mngon pa kun las btus pa*)» (В. Коробов), «Печать тибетских ксилографов в Улаан-Баатаре в XVII–XX вв.» (А. Цендина), «Вторая часть Сунду (*gzungs bsdus*): небольшие сутры, апокрифы и тексты, переведенные с китайского» (А. Зорин).

Особого внимания заслуживают исследования буддийских текстов на сан-

скрите, причем пять из них принадлежат японским ученым: в Японии традиционно сильная школа санскритологии.

Интерес к исследованиям вопросов тибетской медицины и астрономии, в т. ч. возможности использования отдельных их элементов в западной психиатрии и психологии, не угасает, о чем свидетельствуют доклады на соответствующей секции.

В отдельные блоки были выделены следующие вопросы тибетской буддийской философии – логика и пустотность *gzhang stong*. Лингвистические исследования в тибетологии принадлежат в основном этническим тибетцам. Также рассматривались такие вопросы, как экология Тибетского автономного региона, информационные технологии в тибетологических исследованиях.

Исследования современной политической ситуации и общественных трансформаций затрагивают широкий ряд вопросов, начиная от «Карла Маркса и Фридриха Энгельса в Тибете» (В. Донгхонг) до «Выживания этнического меньшинства и тибетской культуры в Китае» (К. Макеррас). В связи с государственной значимостью новой инициативы китайского правительства «Один пояс, один путь» по строительству дороги в Южную Азию, непосредственно затрагивающему развитие Тибетского автономного региона, обсуждение этого вопроса было вынесено в отдельную секцию.

По итогам состоявшегося форума издан сборник материалов по тибетологическим исследованиям. Очередной семинар планируется провести через четыре года.

УДК 332.1

ББК 60.55

Т. О. Субанаква

ВСЕРОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ШКОЛА-КОНФЕРЕНЦИЯ
«МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ
СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНА»

T. O. Subanakova

THE ALL-RUSSIAN YOUTH CONFERENCE “MODELING AND FORECASTING OF SOCIAL, ECOLOGICAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION”

1 – 4 августа 2016 г. состоялась Всероссийская молодежная школа-конференция «Моделирование и прогнозирование социо-эколого-экономического развития региона». Мероприятие было организовано при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Организаторами конференции выступили Бурятский научный центр СО РАН, Министерство образования и науки Республики Бурятия, Министерство спорта и молодежной политики Республики Бурятия. Молодежная конференция проводилась в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 50-летию со дня образования Бурятского научного центра СО РАН.

Школа-конференция содействовала обмену научными взглядами, идеями и мнениями ученых (Республики Бурятия, Забайкальского края, Иркутской и Новосибирской областей) и научной молодежи Байкальского региона, была направлена на активизацию участия молодых ученых в фундаментальных исследованиях проблем развития регионов, вовлечение научной молодежи в работу по моделированию и прогнозированию социо-эколого-экономических процессов. Были рассмотрены проблемы разработки комплексного подхода к моделированию развития территорий в единстве экономических, социальных и экологических аспектов. Были заслушаны пленарные и секционные доклады, проведены мастер-классы для молодых исследователей. В конференции приняли участие около 40 человек: ученые, научные сотрудники и преподаватели вузов, аспиранты и магистранты Республики Бурятия, Забайкаль-

ского края, Иркутской и Новосибирской областей.

Открытие и пленарное заседание молодежной школы-конференции состоялось 1 августа 2016 г. в конференц-зале БНЦ СО РАН. С приветственным словом к участникам конференции обратилась врио председателя Президиума Бурятского научного центра СО РАН к.и.н. Галина Дашиевна Базарова. Она отметила, что проведение подобных мероприятий очень важно для научной молодежи и пожелала участникам плодотворной работы и хороших впечатлений.

С пленарными докладами на конференции (модератор – д.э.н., профессор З. Б.-Д. Дондоков; секретарь – к.т.н. Т. О. Субанакова) выступили уже состоявшиеся ученые, известные своими работами в области моделирования и прогнозирования процессов, протекающих в экономике региона. Заместитель директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, заведующий лабораторией моделирования и анализа экономических процессов ИЭОПП СО РАН д.э.н., чл.-корр. РАН Виктор Иванович Суслов (г. Новосибирск) осветил общие вопросы построения и моделирования экономических систем и теорий. Приоритетным направлениям экономического развития Республики Бурятия был посвящен доклад главного научного сотрудника ОРЭИ БНЦ СО РАН д.э.н., проф. Зорикто Бато-Дугаровича Дондокова (г. Улан-Удэ). Ведущий научный сотрудник лаборатории моделирования и анализа экономических процессов ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф. Борис Леонидович Лавровский (г. Новосибирск) поделился опытом построения

вероятностной модели межотраслевого баланса управления инвестициями.

Секционные заседания и мастер-классы для молодежи проводились на научном стационаре БНЦ СО РАН в с. Горячинск 2–4 августа 2016 г. Работа конференции была организована по следующим секциям: «Анализ и моделирование социо-эколого-экономического развития региона» (модераторы: д.э.н., проф. Б. Л. Лавровский, д.э.н., проф. Н. И. Суслов; секретари: к.э.н. Д. Б. Дугаржапова, Н. А. Бабуева) и «Стратегическое планирование и прогнозирование развития территорий» (модераторы: д.э.н., проф. В. Г. Беломестнов, к.э.н., доц. К. П. Дырхеев; секретари: к.и.н. Е. Ю. Башкуева, А. В. Бадмаева).

Доклады первой секции охватывали актуальные вопросы построения, моделирования и анализа социо-эколого-экономических систем регионального развития. Особый интерес вызвала серия докладов сотрудников ИЭОПП СО РАН (г. Новосибирск), посвященных построению различных межотраслевых балансовых моделей: д.э.н. Н. И. Суслов в своем докладе озвучил теоретические и практические аспекты применения межотраслевой межрегиональной модели с натуральным блоком ТЭК для оценки инвестиционных проектов производства и использования энергии; д.э.н. Б. В. Мелентьев ознакомил слушателей с докладом «Межотраслевой финансовый прогноз экономики Республики Бурятия с учетом внешних связей»; к.э.н. О. В. Тарасова поделилась опытом двухуровневого сценарного моделирования при оценке проектов регионального развития.

Оживленную дискуссию вызвал доклад Т. В. Добровольской (ИСЭМ СО РАН, г. Иркутск) «Мониторинг и прогнозирование теплоснабжения с помощью регрессионных моделей». Было отмечено ясное и подробное изложение этапов процесса моделирования и результатов проверки модели на достоверность и значимость, а также высказаны

предложения и пожелания, учет которых в дальнейшей работе молодого ученого позволит повысить качественные характеристики предлагаемой модели.

С интересными сообщениями выступили сотрудники ОРЭИ БНЦ СО РАН. Кандидат исторических наук Е. Ю. Башкуева представила результаты экспедиционных исследований по оценке качества функционирования сельского здравоохранения Республики Бурятия по материалам Прибайкальского района, было отмечено плачевное состояние инфраструктуры системы здравоохранения на селе, предложены меры по повышению качества обслуживания населения. О некоторых возможностях использования производственных функций в анализе сельскохозяйственного производства рассказал участникам конференции к.э.н. Г. Е. Дареев. Были рассмотрены учебные и практические примеры построения функций Кобба-Дугласа для моделирования сферы производства сельскохозяйственной продукции. И. В. Губаева в своей работе обратила внимание слушателей на воздействие и учет экологических ограничений в социально-экономическом развитии Байкальской природной территории, была представлена методика, позволяющая учесть и оценить потери региона от таких ограничений.

В работе секции № 2 были обсуждены актуальные вопросы построения межотраслевых региональных балансов и применения их для прогнозирования социально-экономического развития регионов, вопросы оценивания и развития малого предпринимательства в регионах, актуальные методы анализа и прогнозирования различных социально-экономических региональных процессов. Результаты исследования с построением математической модели на данных г. Шелехова были презентованы А. В. Пеньковским (ИСЭМ СО РАН) в докладе «Поиск равновесия спроса и предложения на тепловую энергию в теплоснабжающих системах в условиях “единой теплоснабжающей организации”». Доклад вызвал

оживленную дискуссию в вопросах построения модели и возможностей ее переноса на другие объекты.

В своем докладе «Прогнозные варианты расчета социально-экономического развития Республики Бурятия на основе межотраслевой модели» к.т.н. Т. О. Субанаква и А. В. Бадмаева (ОРЭИ БНЦ СО РАН) рассказали об опыте построения межотраслевого регионального баланса в республике, о возможностях анализа и прогноза на основе базовой модели, представили прогнозные значения валового выпуска продукции, валовой добавленной стоимости, валового регионального продукта на 2016 г.

По проблемам обеспечения экономической и экологической безопасности региона выступил И. В. Беломестнов (ВСГУТУ), им также были затронуты актуальные вопросы создания и поддержки малых инновационных предприятий в регионе. Интересный экономико-статистический анализ домашних хозяйств представила к.э.н. Д. Б. Дугаржапова (ОРЭИ БНЦ СО РАН); анализ инновационной деятельности согласно отчетам по исполнению Программы социально-экономического развития Республики Бурятия был озвучен Д. З. Убоновой (ОРЭИ БНЦ СО РАН).

Аспиранты и молодые преподаватели ЗабГУ под руководством своего научного руководителя д.э.н. В. Ю. Букова представили серию докладов, посвященных оценке и анализу малого предпринимательства в регионе (по данным Забайкальского края). Были проанализированы особенности повышения

конкурентоспособности субъектов малого предпринимательства (Н. Е. Ильина) и государственной финансовой их поддержки (П. В. Масалов), представлено содержание организационно-экономического механизма государственной поддержки малого предпринимательства (Н. А. Кручинина).

В рамках работы конференции были проведены мастер-классы для молодых исследователей, в качестве лекторов выступили д.э.н. В. Ю. Буков к.э.н. К. П. Дырхеев, д.соц.н. Ю. Г. Бюраева, д.э.н. В. Г. Беломестнов. Они поделились с молодыми коллегами накопленными знаниями и опытом проведения научных исследований по изучению региональной экономики.

Таким образом, на конференции были рассмотрены актуальные вопросы моделирования, планирования и прогнозирования социо-эколого-экономического развития территорий. В рамках конференции был проведен межрегиональный научный семинар «Исследование воздействия “байкальского фактора” на социально-экономическое развитие Республики Бурятия». Проведение мероприятия способствовало консолидации молодых исследователей в области региональной экономики, формированию новых научных связей и направлений совместных исследований, передаче накопленных знаний и умений от маститых ученых научной молодежи. К началу конференции был выпущен сборник материалов «Моделирование и прогнозирование социо-эколого-экономического развития региона».

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СО РАН

Научный журнал
№ 4 (24)

Выходит 4 раза в год

Редактор *А. Е. Болонев, Е. И. Борисова*
Художник *Д. Т. Олов*
Компьютерная верстка и макет – *Д. Д. Дашинимаева*

Редакционно-издательский отдел
Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии
Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6.

Подписано в печать 28.11.2016.
Дата выхода 27.12.2016.
Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 17,74. Уч.-изд. л. 17,0.
Тираж 200. Заказ № 15.
Цена свободная.